Центр по охране и использованию памятников истории и культуры

Е.А. Шмидт

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ и ПОДВИНЬЕ в III-VII вв. н.э.

ТУШЕМЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ответственный редактор
Модестов Ф.Э.

Смоленск, 2003 г.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III-VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.

Ответственный редактор Модестов Ф.Э.
Технический редактор Емельянова Л.А.

В книге дано описание племен, обитавших на территории северной части Верхнего Поднепровья и на смежных пространствах Верхнего Подвинья, получивших название «племен тушемлинской культуры». На основе материалов археологических раскопок установлены типы поселений, их планировка, характер жилых, хозяйственных и культовых построек, оборонительных сооружений. Дана характеристика хозяйственной деятельности: земледелия, животноводства, охоты, рыболовства, собирательства и различных видов домашнего ремесла. Рассмотрены вопросы обмена и связей с другими племенами, а также вопрос об их этнокультурной принадлежности.

Работа подготовлена к публикации при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ - грант 01-01-78005а(Б)).

Книга издана при содействии ОАО «НК «Роснефть»-Смоленскнефтепродукт».
Генеральный директор Вуймин Виктор Васильевич.

ISBN 5-88018-336-X

Лицензия ЛР № 020077 от 16.03.98 г.
Подписано в печать 23.05.03. Формат 84 х 108¹/16. Бумага офсетная. Объем 18,5 п. л. Тираж 200 экз. Заказ № 2888.

Отпечатано с оригинал-макета в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-88018-336-X
9785880183364

Памяти
моего отца Шмидта Альфреда Артуровича,
моей матери Шмидт Марфы Ивановны
и моих братьев Оскара и Альфреда - жертв
жестокого XX века - посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Период III-VII вв. н.э. - очень важный отрезок времени в истории племен лесной зоны Европейской части России. В это время в связи с широким использованием железа в производстве основных орудий труда происходит бурное развитие производительных сил. Земледелие, имевшее основным орудием топор, ставшее главной отраслью хозяйства, совершает переход от подсечного огневого к простейшим формам пашенного - перелогу с использованием рала и тягловой силы скота. Это значительно увеличило количество продуктов питания и кормов для скота, что позволило, в свою очередь, сделать скотоводство более продуктивной отраслью хозяйства, в меньшей степени зависящей от капризов природы. Таким образом, отрасли хозяйства, производящие продукты питания и некоторое сырье для домашних ремесел, стали достаточно эффективными, вполне обеспечивающими потребности тогдашнего населения. Развитие домашних ремесел достигло того уровня, когда встала необходимость в появлении специалистов-ремесленников, в значительной степени не связанных с земледелием или другими отраслями хозяйства. Освоение имевшегося опыта в ремесле, его возрастающая производительность и сложность технических приемов оставляли мало времени ремесленнику для других занятий, а сравнительно развитые земледелие и скотоводство давали некоторое количество избыточного продукта, который ремесленники могли получить в обмен за свои изделия. Все это в последствии привело к весьма важному разделению труда - отделению ремесла от сельского хозяйства.

Рассматриваемое время было также периодом больших сдвигов в области общественных отношений. Происходил переход от родовой общины и системы родовых патриархальных организаций к сельской территориальной общине. Одним из примечательных моментов в этом развитии, предшествовавшем возникновению государственной организации, было создание союзов племен. III-VII вв. н.э. - время великого переселения племен и народов, что затронуло также Верхнее Поднепровье и Подвинье, где происходили перемещения отдельных групп балтских племен, что отразилось в некотором изменении характера материальной культуры и, видимо, в изменении особенностей диалектов балтских языков.

Изучение конкретной истории отдельных групп племен Восточной Европы середины и третьей четверти I тыс. н.э. представляет значительные трудности из-за скудости источников, поэтому некоторые вопросы могут быть пока только поставлены и предварительно обсуждены, а их решение находится в зависимости от дальнейшего накопления материала. В настоящей работе автор ставит задачу на основе археологических источников дать характеристику племенам, населявшим северную часть Верхнего Поднепровья и смежные территории Подвинья в эпоху Великого переселения народов.

По современному административному делению рассматриваемая территория охватывает в России значительные пространства Смоленской области, кроме ее восточной части, некоторые районы на юге Тверской и Псковской областей, а в пределах Белоруссии - северо-восточную часть Могилевской области и восточные и северо-восточные районы Витебской области. Таким образом, примерная граница рассматриваемой территории (см. карту на рис. 1) проходит от верховий реки Великой на восток через верховья реки Ловать в Западную Двину выше устья р. Межи до верхнего течения Днепра, а далее на юго-запад до р. Сож выше г. Славгорода и к Днепру выше г. Могилева и поворачивает к северу, пересекая Зап. Двину ниже г. Витебска, и достигает верховий реки Великой. В целом, рассматриваемая территория имеет площадь более 80 тыс. кв. км. Большую часть этих пространств занимает Смоленско-Московская возвышенность, которая на северо-западе переходит в Западно-Двинскую низменность, на севере в ее пределы заходят отроги Валдайской, на юге - Среднерусской возвышенностей. Поверхность характеризуется возвышенностями, замкнутыми понижениями, холмами и песчано-гравийными грядами, неширокими речными долинами и оврагами. Такой характер рельефа сложился как следствие неоднократных оледенений в четвертичном периоде и послеледниковой деятельности текучих вод, и других природных факторов. Смоленско-Московская гряда является главным водоразделом рек трех морей: Балтийского, Черного и Каспийского. Здесь протекают реки системы Западной Двины, Днепра и Волги и, кроме того, берут начало реки Великая и Ловать. В основном, в пределах рассматриваемой территории это реки небольшие, так как здесь находятся только их верхние течения, а полноводными они становятся в своих нижних течениях. Исключение составляют: Днепр ниже Смоленска и Зап. Двина в ее среднем течении ниже Витебска.

Значение рек в жизни древних племен чрезвычайно велико. Они являлись путями передвижения как в летнее, так и в зимнее время. По ним шло заселение неосвоенных территорий, и осуществлялись как внутриплеменные, так и межплеменные связи и обмен. В долинах рек население использовало заливные луга в качестве прекрасных пастбищ для скота. На реках и других водоемах ловили рыбу, а также по берегам рек и на прилегающих пространствах велась охота на бобров, выдр, лосей, кабанов и других животных. Не говоря уже о том, что повседневная жизнь человека немыслима без воды.

Верховья рек различных бассейнов очень близко подходят друг к другу, что в значительной степени делало возможным переход из одной системы рек в другую. Даже в исторические времена на этой территории существовали пути через водоразделы и многочисленные волоки. Так, например, из Днепра и его притоков в реки системы Зап. Двины, т.е. волоки на пути «из Варяг в Греки». В этом отношении наиболее интересный участок Днепро-Двинского междуречья

находится западнее Смоленска в районах: озеро Купринское - озеро и река Касп-ля; река Березина — озеро и река Рутавечь; Днепр - река Лучеса - Зап. Двина. Севернее продолжение этого пути из Зап. Двины в реку Ловать шло по реке Усвя-че и ее притокам и волокам. Не представляли больших затруднений переходы из Днепра в систему рек Оки или Волги. Верховья рек Сожа и Десны очень близко подходят к реке Днепр и его притокам, и связь по ним могла осуществляться в любое время года. Важную роль также играл путь из Зап. Двины в р. Великую. Другими словами, рассматриваемая территория являлась главнейшим узлом древнейших путей в Восточной Европе.

С точки зрения природно-климатических условий эта территория является сравнительно благоприятной. Климат можно охарактеризовать как умеренно-кон-тинентальный при сравнительно теплом лете и умеренно холодной зиме. Сущест-венное влияние на климат оказывают массы атлантического воздуха, проникаю-щие с запада. Вся территория входит в зону с достаточным количеством осадков (в среднем выпадает более 650 мм). Теплый период времени, так называемый вегетационный период, длится в среднем около 174 дней (на севере 171, а на самом юге до 183) - с середины апреля до конца сентября. В этот отрезок времени тем-пература бывает плюс 5 градусов и выше, а количество тепла в течение этого времени вполне достаточное для произрастания и созревания многих сельскохо-зяйственных культур (рожь, пшеница, ячмень, лен к др.), что в значительной сте-пени способствовало широкому распространению земледелия. В начале рассмат-риваемого периода были некоторые изменения климатических условий (умень-шение количества выпадавших осадков, временами более суровые зимы и пр.), но эти изменения в целом не оказали существенного влияния на природные условия, необходимые для производящего земледелия и скотоводства, а также не изменили характера местной флоры и фауны.

На рассматриваемой территории преобладают подзолистые почвы, кото-рые в отдельных районах сменяются заболоченными и болотными. Подзолистые почвы по составу разделяются на супесчаные, песчаные, суглинистые и глинис-тые. Они по своему природному характеру не отличаются высоким плодородием, что, наряду со сплошной облесенностью, являлось для земледелия сдерживаю-щим фактором. В настоящее время площадь, занятая под лесом, составляет около 33%, тогда как в начале XIX века лесов было до 45%, и, несомненно, в начале I тыс. н.э. эти пространства были покрыты сплошными лесами, и только неболь-шие острова окультуренных земель располагались у древних поселений. Совер-шенно ясно, что племена, заселявшие пространства Верхнего Поднепровья и Под-винья, в дальнейшем в значительной степени изменили здесь природу, а совре-менное ее состояние лишь в незначительной степени отображает картину про-шлого. Массовое вырубание лесов, нерегулируемая охота на диких животных и

бессистемная ловля рыбы были причинами тому. Изменилась фауна: совершенно исчезли тур, олень, тарпан и др., а такие животные, как медведь, кабан, косуля, лось, бобр, куница и др., сохранились в незначительном количестве. Изменился и состав рыб, населявших водоемы, - полностью истреблены и больше не встречаются: лосось, осетр, стерлядь, угорь, тогда как в кухонных остатках они засвидетельствованы на древних поселениях. Изменилась несколько и древесная растительность: совершенно вырублены дубравы вдоль рек, а дубовые леса на водоразделах стали редкостью, в то время как при раскопках памятников середины и третьей четверти I тыс. н.э. дубовые угли встречаются часто.

Выбор для настоящего исследования именно этой территории Верхнего Поднепровья и Подвинья обусловлен рядом причин, из них важнейшей было то, что эти пространства в предшествующую эпоху раннего железного века занимала одна весьма своеобразная группа племен с единой археологической культурой, называемой днепро-двинской. Она сложилась еще в первой половине I тысячелетия до н.э. и просуществовала как единое целое вплоть до первых веков н.э., представляя собой результат развития одной группы этнически родственных балтских племен. Дальнейшая судьба днепро-двинских племен на протяжении III-VII вв. н.э., особенности их материальной и духовной культуры и являются основными вопросами исследования. При этом даны некоторые сведения и о других группах населения либо проникавших в Поднепровье и Подвинье, либо бывших в соприкосновении с местными племенами в течение III-VII вв. н.э. При использовании преимущественно археологических источников особое внимание уделено развитию производительных сил, а главным образом, основным отраслям хозяйства и орудиям труда. Прослежены также изменения в общественных отношениях в той мере, в какой разрешает специфика вещественных источников, и рассматриваются вопросы этнической принадлежности.

Вещественные археологические источники обладают своей спецификой. Изучение исторического прошлого при использовании только их одних выдвигает целый ряд трудностей перед исследователем, так как такой материал очень мало или почти совсем не освещает некоторые важные стороны жизни человеческого общества. В частности, предметы, обнаруженные во время археологических раскопок, не дают прямого ответа на вопрос о языке их творцов, не освещают некоторые стороны их духовной жизни и содержат только смутные сведения об общественных отношениях той или иной эпохи. Но, с другой стороны, археологические источники дают полную возможность реконструировать уровень хозяйства в целом и дать сравнительно полную характеристику его отдельных отраслей, а тем самым и проследить тенденции развития производительных сил на отдельных этапах времени, что само по себе является весьма важным в изучении исторического прошлого древних племен. Несколько сложнее обстоит дело с

решением вопросов о структуре древних исследуемых обществ. Если в целом на основе археологических материалов можно выделить ряд признаков, характерных для сравнительно больших общностей людей, что включает в себя понятие «археологическая культура», то разделение этих общностей на более мелкие группы (отдельное племя, фратрия, род) пока практически затруднено. Выделяемые в настоящее время варианты археологических культур трудно соотнести с какой-либо из указанных групп. Еще сложнее обстоит дело с этнической интерпретацией археологических материалов. Последние сами по себе не могут ответить на вопрос, на каком языке говорили их носители, если не имеется памятников письменности, одновременных им. Однако современная наука располагает значительными возможностями для сопоставления и увязки археологических данных с другими отраслями знаний. В решении вопросов этнической принадлежности отдельных археологических культур важное значение имеют данные лингвистики и особенно результаты изучения топонимики, освещающие недвусмысленно язык населения, оставившего эти топонимы. Сопоставление древних топонимических пластов с археологическими культурами является одним из важнейших способов этнической атрибуции археологических материалов. В решении этих проблем некоторую роль могут играть данные этнографии при ретроспективном методе их сопоставления, однако этот метод не может быть решающим, а может быть только дополнительным. В целом, автор считает, что определение этноса по археологическим материалам и данным других дисциплин, особенно для периода I тыс. н.э., вполне обосновано.

При этом автор разделяет мнение П.Н. Третьякова, что история древних племен в освещении археологических материалов - по сути, есть область гипотез, обычно недолговечных и постоянно вызывающих сомнения. Это объясняется не только недостатком фактов, что существенно, но и сложностью проблем, и изменчивостью судеб племен, а следовательно, и их культуры [Третьяков, 1970, с.21].

Настоящая работа написана на основании археологического материала. В первую очередь были использованы опубликованные работы предшествующих исследователей, изучавших данную территорию в XIX и XX вв., в общей сложности уже более ста лет. Эти работы по своему значению далеко не равноценны. В некоторых из них есть только краткие упоминания о местонахождении отдельных памятников, но есть и сводные работы, дающие обширный фактический материал и некоторые обобщения и выводы. Полный список использованной литературы помещен в конце данной работы. Наряду с этим использованы архивные материалы, хранящиеся в фондах Института археологии Российской Академии Наук в Москве и в фондах Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге. Среди них, в частности, отчеты о раскопках А.Н. Лявданского, В.Р. Тарасенко, П.Н.Третьякова, В.В. Седова, Л.В. Алексеева и других и обширный ар-

хив А. А. Спицына. При подготовке работы проведено изучение коллекций археологических материалов, хранящихся в фондах Государственного исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, областных краеведческих музеев в Брянске, Могилеве и Витебске, районных краеведческих музеев в Рославле и Вязьме и Смоленского государственного музея-заповедника. В настоящую работу вошли также результаты многолетних полевых исследований автора в пределах Смоленской области и на некоторых смежных территориях Белоруссии, где были проведены археологические разведки в бассейнах рек: Днепра, Десны, Сожа, Ипути, Зап. Двины и ее притоков Каспли и Межы, Вазузы, Угры, а также раскопаны целиком городища-убежища Акатово и Демидовка и частично изучались путем раскопок городища Близнаки и Самсонцы. Кроме того, раскапывались селища у деревень Кислые, Микулино, Старое Куприно, Шугайлово, Ерилово и Заозерье и грунтовый могильник с остатками трупосожжений у дер. Акатово. Отчеты об этих исследованиях хранятся в архиве Института археологии РАН за соответствующие годы, начиная с 1950, а коллекции вещевого материала находятся в фондах Смоленского музея-заповедника.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Специальное изучение археологических памятников III-VII вв. н.э. в Смоленском Поднепровье и на смежных территориях в бассейне Западной Двины началось сравнительно недавно, хотя отдельные памятники, содержавшие культурные слои этого времени, были исследованы еще в 1920-х годах [Лявданский, 1926, с. 179-269]. Материалы, полученные в то время из этих памятников, специальной обработке не подверглись и рассматривались суммарно как древности железного века. Начиная с 1954 года, Верхнеднепровский отряд Славянской экспедиции института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством П.Н. Третьякова приступил к изучению городищ в Смоленском Поднепровье. В работах этого отряда в течение всего времени принимал участие и автор настоящей работы. В 1956-1962 годах раскопаны целиком городища Тушемля и Слобода-Глушица на р. Сож в Починковском районе Смоленской области, содержавшие остатки деревянных конструкций и вещественные материалы, относящиеся к V-VII вв. Кроме того, произведены раскопки на городищах Городок, Прудки, Лахтеево, Вошкино, Асташково и Шапырево и на селище у д. Устье. Эти памятники расположены на Левобережном Поднепровье, преимущественно в бассейне р. Сож.

В результате уже первых лет исследований только на городищах Тушемля, Прудки и Городок были выявлены весьма своеобразные укрепленные поселения третьей четверти I тысячелетия н.э. Они отличались особым устройством оборо-

нительных, жилых и ритуальных сооружений. При этом керамика, найденная среди остатков сооружений, была весьма своеобразной и отличалась от керамики днепро-двинских племен раннего железного века. Все это и позволило П.Н. Третьякову первоначально назвать изученные памятники городищами-святилищами тушемлинского типа по первому наиболее полно раскопанному объекту [Третьяков, 1958, с. 170-186]. Предварительно было определено время гибели городищ-святилищ от пожаров как VI-VII вв. н.э., и высказана точка зрения об их восточнобалтской этнической принадлежности [Третьяков, 1958, с. 170].

Дальнейшие исследования, особенно на городищах Слобода-Глушица, Лахтеево, Вошкино, подтвердили общую планировку оборонительных, жилых и хозяйственных построек и их конструкций, но специальных святилищ на них найдено не было [Третьяков, 1963, с. 107 и сл.]. Раскопки болотных городищ Асташково и Шапырево показали, что по общей планировке площадки, по особенностям столбовых конструкций и по характеру оборонительных сооружений они также весьма близко стоят к городищам-святилищам, хотя самих святилищ на них обнаружено не было [Третьяков, 1963, с. 123 и сл.]. Это дало основание П.Н. Третьякову назвать эти памятники городищами-убежищами, сохранив название городищ-святилищ только за теми укрепленными поселениями, где найдены остатки святилищ тушемлинского типа. Используя радиокарбонный метод определения возраста органических веществ, а в частности, обуглившихся остатков деревянных конструкций из городища Тушемля, П.Н. Третьяков расширил хронологические рамки бытования городищ-убежищ рассматриваемого типа и датировал пожар на городище Тушемля серединой IX века н.э., а всю тушемлинскую культуру - третьей и четвертой четвертями I тысячелетия н.э. [Третьяков, 1963, с. 17].

Видимо, эта датировка несколько завышена, что связано с ошибкой при радиокарбонных анализах, поскольку они проводились в период испытаний атомного оружия в атмосфере и в полученные показатели не были внесены соответствующие поправки. Все археологические материалы из последующих раскопок городищ-убежищ такой поздней даты не подтвердили [Шмидт, 1975, с. 21].

Помимо городищ-убежищ, в этом же районе П.Н. Третьяковым обследовано неукрепленное поселение (селище) второй половины I тысячелетия н.э. у д. Устье, и на нем заложен раскоп более 100 кв. м. На селище обнаружены остатки длинного дома столбовой конструкции и получен вещевой комплекс, включающий фрагменты лепной керамики с грубой и лощеной поверхностью, глиняное пряслице и железный серп. Все это по своему характеру аналогично материалам из городищ-убежищ, но относится, видимо, к более раннему периоду формирования этой культуры [Третьяков, 1963, с. 114-117].

В 1953-1958 годах на левобережье смоленского течения Днепра проводил изучение поселений эпохи Древней Руси В.В. Седов. В некоторых местах им были обнаружены и более древние селища середины и второй половины I тысячелетия н.э., отнесенные суммарно к памятникам раннего железного века. В частности, значительным раскопкам подверглось селище у д. Яново, где найдено много керамики, поверхность которой покрыта подштриховкой и специальными «расчесами», что послужило основанием для В.В. Седова отнести ее к типам, связанным с культурой штрихованной керамики [Седов, 1960, с. 135]. Наличие на этом селище керамики с расчесами и грубо-лепной слабопрофилированной дает основание считать, что селище у д. Яново относится к III-IV вв. н.э. и связано с периодом формирования в Поднепровье тушемлинской культуры.

Кроме вышеотмеченных исследований на Смоленщине в эти же годы автор настоящей работы проводил изучение ряда других памятников, особенно в междуречье Днепра и Зап. Двины. Раскопано целиком городище-убежище Акатово в 50 км севернее Смоленска на берегу оз. Акатовского, неподалеку от которого найдено и селище этого же времени. Городище состояло из трех укрепленных площадок, две из которых имели также круговые постройки столбовой конструкции, как и на городище Тушемля, идентичной была керамика [Шмидт, 1972, с. 3-46]. Здесь же в 0,4 км восточнее городища-убежища открыт грунтовый могильник с трупосожжениями, относящийся ко времени существования убежища и селища. Остатки сожжений помещались либо непосредственно в простые округлые ямки, выкопанные в материковом грунте, либо предварительно прах ссыпали в большой глиняный сосуд-урну, который устанавливали в специально подготовленную яму. Изучение могильника позволило решить многие вопросы, на которые нельзя было получить ответа при исследовании только мест поселений [Шмидт, 1962, с. 181-196; 1961, с. 86-93; 1963а, с. 56-67]. В дальнейшем в течение ряда лет автором настоящей работы раскапывалось городище-убежище у д. Демидовка, расположенное западнее г. Смоленска в бассейне р. Днепр. В результате раскопок получены новые материалы, характеризующие конструкции сооружений и их планировку. Значительный вещевой комплекс, содержавший как орудия труда, так и оружие, и бытовые предметы, среди которых есть вещи уникальные, позволил расширить представление в целом о культуре тушемлинских племен третьей четверти I тыс. н.э. [Шмидт, 1968, с. 40-43; 1966, с. 193-204; 1970, с. 63-69]. Раскапывалось городище-убежище у д. Близнаки в районе г. Смоленска, где из слоя пожарища получен вещевой комплекс и значительное количество обуглившегося зерна [Шмидт, 1970, с. 74; 1971, с. 88-89; 1972, с. 103-104; 1971, с. 89]. Выявлено значительное количество селищ III-IV вв. н.э. Раскопки на селище у д. Шугайлово вскрыли частично могильник с остатками трупосожжения, аналогичный могильнику у д. Акатово и дали значительный новый вещевой материал [Шмидт, 1970, с. 74;

1971, с. 89-90]. Изучение селища у д. Кислые, помимо вещевого материала, позволило получить сведения к характеристике отдельных типов построек [Шмидт, 1968, с. 63]. Исследование комплекса археологических памятников у д. Заозерье (бассейн Зап. Двины) дало материалы как периода начала формирования тушемлинской культуры III-IV вв. н.э., так и последующего времени до распространения в Подвинье племен культуры смоленских длинных курганов в первой половине VIII в. н.э. [Шмидт, 1979, с. 89; 1980, с. 92; 1982, с. 102]. Велись также раскопки селищ у д. Старое Куприне на берегу оз. Купринского [Шмидт, 1973, с.89-90], у села Микулино на берегу оз. Глыбай [Шмидт, 1982, с. 102], у д. Аносинки на берегу оз. Мутного [Шмидт, 1994, с. 107]. В результате разведочных работ получены материалы о селищах у д.д. Ерилово, Дуброво, Заборье, Колодня и др.

В 1970-1980-х годах на территории Смоленской области проводилась паспортизация археологических памятников. Полученные материалы легли в основу составленной археологической карты Смоленской области [Археологическая карта России. Смоленская область, Ч. 1-2. М., 1997]. Участие в паспортизации памятников Смоленской области приняли археологи: Патрик Г.Д., Усачева О.П., Гайдуков П.Г., Шмидт Е.А., Лопатин Н.В., Фролов П.К., Модестов Ф.Э. Были обследованы не только уже известные памятники археологии, но выявлены новые, в том числе относящиеся к III-VII вв. н.э. и сделано их подробное описание [Патрик, 1983, с. 74-73. Усачева, 1979, с. 100; 1980, с.84; 1985, с. 90; 1986, с. 78. Гайдуков, 1983, с. 31; 1987, с.62. Шмидт, 1981, с.92; 1983, с. 104. Лопатин, 1984, с. 65-66. Фролов, 1980, с.87. Модестов, 1983, с.70; 1986, с. 63]. В последующем, во время проведения археологических разведок в Смоленском районе Ф.Э. Модестовым выявлены некоторые новые поселения IV-VII вв. н.э. [Модестов, 1997, с. 147-148].

Материалы из Витебско-Полоцкого течения Зап. Двины представляют определенный интерес при решении общих вопросов формирования, развития и взаимоотношения культур III-VII вв. н.э. этого региона и Смоленского Поднепровья. В конце 1950-х и в 1960-е годы в бассейне Среднего Подвинья было обнаружено несколько городищ и селищ, содержащих керамику, напоминающую глиняную посуду из городищ Банцеровщина и Тушемля. На селищах у деревень Дедиловичи, Городище и Некасецк проведены значительные раскопки. Особенно интересные результаты были получены А.Г. Митрофановым при раскопках селища «Замковая гора» западнее д. Дедиловичи, где были изучены хорошо сохранившиеся жилые комплексы [Митрофанов, 1966, с.21 и ел.; 1978, с. 89-94].

Начиная с 1970-х годов, в бассейне Зап. Двины большие работы по изучению древностей IV-VII вв. н.э. проводит В.И. Шадыро, где им ведутся стационарные раскопки поселений [Шадыро, 1996, с. 76-78; 1997, с. 69-71]. На территории Белоруссии, в районах, непосредственно примыкающих к Смоленской области, в

Поднепровье Ю.В. Колосовский проводит раскопки городищ-убежищ и селищ IV-VII вв. н.э. [Колосовский, 1996, с. 43-44; 1997, с. 37-39]. Особо нужно отметить раскопки А. А. Седина на городище-убежище у д. Никодимово в Горецком районе Могилевской области Белоруссии в бассейне р. Сож, относящемся к тушемлинской культуре, погибшем в огне и датированном VI-VII вв. н.э. [Седин, 1986, с. 373; 1992, с. 97-100; 1996, с. 67-68]. В результате изучения городища у д. Никодимово получен обширный вещевой материал, включающий пальчатые фибулы, стеклянные бусы, бронзовые и серебряные изделия. А.А. Седин проводил обследование и многих других памятников IV-VII вв. н.э. в бассейнах рек Днепр и Сож в пределах Могилевской области Белоруссии [Седин, 1992а, с. 8-11; 1995, с. 131-152]. Для выяснения некоторых особенностей культуры племен третьей четверти I тысячелетия н.э. определенное значение имеют работы Э.А. Сымоновича на городище Колочин, расположенном в южной части Белоруссии. На нем зафиксированы особенности планировки поселения и получен керамический комплекс, весьма близкий тушемлинскому [Сымонович, 1963, с. 97-137]. Н.В. Лопатин детально проанализировал керамику городищ-убежищ Тушемля и Демидовка и сопоставил ее с керамикой из Колочина [Лопатин, 1987а, с. 85-91].

Изучению древностей IV-VII вв. Верхнего Поднепровья и Подвинья, в частности, рассмотрению отдельных проблем, связанных с тушемлинской культурой, уделили особое внимание многие археологи [Седов, 1970, с. 48-62; 1979, с. 77; 1994, с. 303; 1995, с. 218-223; 1998, с. 54-67. Русанова, 1976, с. 56-84. Сымонович, 1966, с. 42-45; 1972, с. 94-96. Поболь, 1967, с. 69-71; 1969, с. 89-117. Перхавко, 1979, с. 40-45. Шадыро, 1996, с.76-78; 1997, с. 69-71. Микляев, 1995, с. 30-32. Миносян, 1972, с. 112-117; 1979, с. 85-91. Левко, 1996, с. 52-54. Медведев, 1996, с. 57-59. Штыхов, 1992, с. 116-117; 1992а, с. 21-40. Терпиловский, 1991, с. 36-38; и др.].

К настоящему времени накоплен значительный материал, позволяющий составить определенное представление о тушемлинской культуре IV-VII вв. н.э. в целом, но эти материалы все-таки не всегда достаточны при более детальном рассмотрении отдельных проблем. Этим объясняется расхождение во взглядах исследователей тушемлинской культуры по отдельным вопросам. Следствием этого является выдвижение гипотез, часто взаимно исключающих друг друга, и возникновение бурных дискуссий. Различные точки зрения по некоторым проблемам будут рассмотрены в соответствующих частях данной работы. В ряде случаев автор настоящей работы не будет вступать в полемику с положениями, которые он не разделяет, а выскажет только свою точку зрения.

ПОСЕЛЕНИЯ ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Окончательно оформившиеся к V в. н.э. тушемлинские племена занимали значительную территорию в верховьях Днепра и на смежных пространствах Подвинья. На востоке граница их поселений достаточно четко определяется по р. Вопи (правый приток Днепра) и по р. Устром (левый приток Днепра). Выше устья этих рек и до впадения р. Вязьмы в бассейне Днепра, а также на всем смоленском течении р. Угры обитали племена мощинской археологической культуры. На севере поселения тушемлинской культуры занимают все междуречье смоленского течения Днепра и Западной Двины и распространяются далее к северу в Подвинье, достигая верховьев р. Ловати. На западе тушемлинские племена граничили с родственными племенами банцеровской археологической культуры, однако древности последней разработаны недостаточно, и выделить критерии для разграничения их в бассейне Днепра и в Подвинье пока нет оснований. На юге тушемлинская культура граничит с поселениями колочинской археологической культуры, но здесь также пока нет оснований для четкого разграничения и отнесения конкретных памятников к той или иной культуре. В пределах Белорусского Поднепровья границу предварительно можно определять только условно как некоторое пространство в средней или южной части Могилевской области. Так, например, по р. Сож граница могла пролегать где-то между г. Кричевым и г. Славгородом. Поселения и другие памятники тушемлинской культуры, нанесенные на карту (рис. 1), дают только примерную картину расселения этих племен в Поднепровье и Подвинье и по сути отражают состояние археологической изученности к моменту написания данной работы. Предположительно можно считать, что тушемлинские племена занимали те же пространства, что и племена днепро-двинские, характеризующиеся древностями типа среднего слоя городища Тушемля [Шмидт, 1992, с. 131-141 и 206].

Разграничение вышеуказанных культур на юге и западе затруднено еще и тем, что изменение керамического комплекса у племен почти всего Верхнего Поднепровья, начиная с рубежа III и IV вв. н.э., шло в одном и том же направлении, т.е. сосуды становились сравнительно высокими и толстостенными со слабой профилировкой верхней части. Наряду с этим, в меньшем количестве изготавливались сосуды биконические или цилиндроконические, большей частью с ребром посередине тулова, при этом часть сосудов грубо подлащивалась. Это относится к пространствам от смоленского течения Днепра на севере до бассейнов рек Сейма и Припять на юге. Такие же изменения происходят в бассейне Средней и частично Верхней Западной Двины. Поскольку памятники IV-VII вв. н.э. изучены недостаточно, и в большинстве случаев о них мы судим только по ограниченному количеству сравнительно мелких фрагментов глиняных сосудов, то разграниче-

ние и выделение отдельных культур или их вариантов практически невозможно. Однако, если исходить только из имеющегося керамического материала, то нужно отметить, что он не всюду совершенно одинаков. Так, например, отощающие добавки к глине в керамике бассейнов рек Сож, Ипуть, Десна и их притоков несколько отличаются от таковых из смоленского течения Днепра и смежных районов Подвинья. В первом районе использовался в качестве добавки шамот и иногда железная руда, а во втором - почти исключительно дресва (толченый гранит). Отмечается и некоторое отличие в формах сосудов, например, в бассейне Верхней Зап. Двины биконические сосуды имеют ребро в верхней трети сосуда, тогда как в Поднепровье - большей частью посередине высоты сосуда, есть также некоторое отличие для отдельных территорий в оформлении венчиков сосудов.

Возникновение все-таки такой сравнительно однородной керамики, распространенной на вышеуказанных пространствах Поднепровья и Подвинья, объясняется, видимо, как близкими природными условиями, определившими характер хозяйства, и одинаковым уровнем общего развития, так и тесными связями племен на всех этих пространствах, а вероятно, и их этнической близостью.

Археологические памятники IV-VII вв. н.э. на рассматриваемой территории, т.е. в Смоленском Поднепровье и Подвинье, представлены тремя типами:
1. селища - места неукрепленных поселений, они наиболее многочисленны;
2. городища-убежища, представлявшие собой укрепленные сооружения, куда можно было укрыться во время опасности. Некоторые из них, кроме жилых построек на площадке, имели особые культовые сооружения и поэтому называются городищами-святилищами. Убежища, возведенные на возвышенных местах среди болот, в литературе известны как болотные городища; 3. грунтовые могильники - места погребений по обряду трупосожжения.

К концу первой четверти I тысячелетия н.э население днепро-двинской культуры стало селиться на открытых местах, и к рубежу III и IV вв. в Смоленском Поднепровье все старые укрепленные поселения-городища были оставлены. Этот процесс в бассейне Средней Зап. Двины несколько затянулся и, видимо, закончился только в V веке [Митрофанов, 1966, с. 218].

Селища. Несомненно, начиная с середины I тысячелетия н.э. господствующим и основным типом для земледельческого населения были неукрепленные поселки - селища. Важным фактором, способствовавшим изменениям и ускорившим процесс смены места и характера поселений и перехода к другим формам ведения хозяйства, послужило изменение природных условий к концу первой четверти I тыс. н.э., связанное с наступившей регрессией и понижением уровня грунтовых вод и уровня воды в водоемах [Микляев, 1995, с. 33, 37]. Это привело к пересыханию родников и мелких ручьев, у которых располагались преимущественно городища. С понижением уровня грунтовых вод ухудшились условия для веде-

ния подсечного земледелия на высоких полях. Население вынуждено было начать переход к использованию ранее заболоченных или находившихся под водой участков, с заиленными плодородными и достаточно увлаженными почвами, которые стали обрабатываться с помощью рала или превращались в пастбища для скота. Селища эти размещаются в сравнительно однородных топографических условиях. Для Смоленского Поднепровья и междуречья Днепра и Зап. Двины наиболее характерными местоположениями селищ были пологие склоны надпойменной террасы или пологие мысы, вдающиеся в долины рек. Иногда это бывают невысокие останцы или холмы у берегов рек или озер, но всегда в таких местах преобладают песчаные, супесчаные или песчано-гравийные почвы.

В большинстве случаев селища располагаются на значительном расстоянии от более древних городищ, и какой-либо видимой зависимости в их расположении от городищ не наблюдается. Таковы селища у деревень: Алфимово, Заозерье, Шугайлово, Кислые, Пениснарь, Слобода-Глушица, Аносинки, Куприно и др. Однако в Среднем Подвинье и особенно в пограничной зоне днепро-двинских племен с племенами штрихованной керамики весьма часто селища располагаются на склонах мысов и холмов или у их подножия, вершины которых представляют собой более ранние городища штрихованной керамики или днепро-двинские (селища у д.д. Дедиловичи, Городище, Зароново, Некасецк, Бураково и др.). В этих случаях можно с уверенностью говорить о преемственности мест поселений и о переходе населения с одного конкретного укрепленного поселения на здесь же расположенное другое неукрепленное. Для Смоленского Поднепровья установить прямое происхождение неукрепленных поселений от соответствующих городищ весьма затруднительно. Но одно несомненно: заселение неукрепленных поселений здесь происходило на основе местных племен с материальной культурой типа среднего слоя городища Тушемля, а в междуречье Днепра и Зап. Двины еще дополнительно с включением вещевого комплекса, характерного для западнодвинского варианта днепро-двинской культуры. Древнейшие слои на селищах III-IV вв. н.э., относящиеся к периоду перехода к открытым поселениям, у д.д. Шугайлово, Заозерье, Микулино, Ст. Куприно и др. содержат такие же типы профилированной керамики, часть которых украшена орнаментом по венчику и плечикам сосудов в виде насечек, защипов, отпечатков ногтя или комбинаций ямочек (таб. 35,46), а в бассейне Зап. Двины еще дополнительно встречаются ряды дырочек на шейке сосудов (таб. 39). Вместе с таким керамическим комплексом на этих же селищах найдены глиняные грузики «дьякова типа» (таб. 17). О местных корнях культуры основателей селищ говорит не только керамика и грузики, но и характер наземных жилых построек столбовой конструкции с овальными наземными очагами.

Какой-либо видимой определенной планировки в застройке селищ, скорее всего, не было, так как их форма весьма разнообразна и больше всего зависит от

конфигурации выбранного участка. Есть селища компактные, занимающие широкие мысы (селище «Курлын» у д. Кислые, рис. 2), но бывают и весьма вытянутые по склону вдоль берега (селища у д. д. Шугайлово, Заозерье). Во всех случаях их площадь намного превышает размеры предшествующих укрепленных поселений-городищ. Размеры селищ колеблются от 0,4 га до 8 га.

Культурный слой на селищах в большинстве случаев имеет интенсивно черный цвет во влажном состоянии и представляет собой сильно гумусированный песок (реже супесь или мелкий гравий), включающий некоторое количество золы, угольков и керамику. Находки костей животных немногочисленны, так как в песчаном грунте очень плохо сохраняются. Толщина культурного слоя невелика и очень редко достигает 0,5-0,7 м, обычно же - около 0,1-0,2 м. Если селище в настоящее время или в прошлом использовалось под посевы сельскохозяйственных культур, то весь культурный слой разрушен и перепахан. Насыщенность культурного слоя артефактами колеблется в значительных размерах, например, на селище у д. Шугайлово от 1-2 фрагментов керамики до 411 на один кубометр грунта. Предметы из других материалов встречаются единично и сравнительно редко.

Ни одно из известных селищ этого периода не раскопано целиком, поэтому дать общую картину планировки и характера застройки неукрепленного поселения того времени пока не представляется возможным.

Жилые постройки на всей рассматриваемой территории не были однородными. Различие в их форме и конструкции, видимо, можно объяснить не только локальными особенностями, но и временем возведения. Наиболее ранними жилыми постройками, относящимися еще к первой половине I тысячелетия н.э., являются длинные дома, подобные вскрытому на селище у дер. Устье в бассейне р. Сож [Третьяков, 1963, с. 114-117]. Здесь раскопанная часть длинного дома имела ширину 3 м и длину только вскрытой части 10м. Этот дом представлял собой конструкцию, где основой стен были массивные опорные столбы. В средней части жилища на уровне пола располагался наземный очаг, сложенный из камней. В непосредственной близости от этой жилой постройки располагались хозяйственные ямы, служившие погребами или ямами-хранилищами, и в частности, высказано предположение, что в них хранили корнеплоды [Третьяков, 1963, с. 116].

К раннему периоду относится наземная длинная постройка с наземным округлым в плане очагом, раскопанная на селище у села Микулино, включавшая фрагменты профилированных сосудов и горшков с рядом отверстий на шейке и сосудов, украшенных «расчесами» [Шмидт, 1984, с. 102]. Наземные постройки столбовой конструкции были основными в сооружении жилищ, остатки которых найдены на селищах у дер. Кислые на реке Жереспее (бассейн Зап. Двины). О том, что на этих поселениях совершенно отсутствовали землянки или углубленные в землю жилища, говорит расположение очагов на поверхности материка или на

древней почве, а столбовой характер конструкции подтверждают многочисленные .следы ямок в материке от столбов и столбиков, которые располагались в непосредственной близости вокруг очагов. Но все же получить совершенно четкую картину контуров жилищ на селище «Курлын» у дер. Кислые не удалось, так как, во-первых, жилища эти перестраивались неоднократно или строились здесь же заново с изменением места очага, благодаря чему разновременные столбовые ямки вуалируют картину; во-вторых, значительная толщина культурного слоя, заполнявшего неровности первоначальной поверхности, приводила к тому, что не все столбовые ямы достигали материка, а в культурном слое они не фиксируются; в-третьих, в песчаном, сыпучем материке не всегда удается проследить контуры неглубоких ямок. Однако в южной части раскопа 1968 года [Шмидт, 1969, с.63] на участке, где было сравнительно мало поздних ям и перекопов, удалось, в некоторой степени, проследить контуры двух разновременных построек, налегавших своими краями друг на друга (рис. 3). Первоначальная постройка, расположенная несколько севернее, судя по сохранившимся грунтовым ямкам, имела стены, ориентированные строго по странам света. Из основ северной стены, как и западной, прослежены по три столба, тогда как в южной стене - четыре столба, а в восточной - только два. Возможно, столбов было больше, но не все они оставили следы в материке. Размер этой прямоугольной постройки составил: ширина - 3,7 м, а длина - около 5 м. Очаг располагался в центре постройки на поверхности пола и представлял собой небольшое округлое углубление в почве (до 0,05 м), имеющее поперечник не менее 1,2 м. Основание очага состояло из сильно прокаленного, до оранжево-красного цвета, кварцевого песка, над которым был слой сероватой золы, достигающий 0,04 м в толщину. Северо-западный край очага был разрушен более поздней ямой. Материк вокруг очага носил следы сильной утоптанности и был очень плотным. Вторая постройка, возведенная, видимо, несколько позднее, располагалась южнее и только частично перекрывала первую. Она имела четырехугольную, почти квадратную, форму в плане при одинаковых размерах длины и ширины, составлявших около 5 м. Контуры ее наметились по четырем столбам, стоявшим в углах. Очаг, немного смещенный к юго-западному углу постройки, располагался также на уровне пола и имел овальную форму при размерах 1,8 м х 1,2 м. Он прослеживался по сильно прокаленной поверхности материка, где кварцевый песок был оранжевато-бурым. На основании комплекса вещей, найденных в культурном слое, перекрывавшем пол жилища, время существования вышеописанных жилых сооружений можно отнести к середине I тысячелетия н.э. Весьма показательно, что на других селищах этого же времени у д.д. Шугайлово, Куприно, Заозерье обнаружены такие же очаги овальной формы на поверхности материка, т.е. на уровне пола, заполненные золой.

В бассейне среднего течения р. Западной Двины в пределах Белоруссии жилые постройки несколько отличаются по своим конструктивным особенностям. Так, например, на селище у дер. Городище жилища были также столбовой конструкции и четырехугольные в плане, но так как они сооружались на склоне, то для получения горизонтальной поверхности пола одна сторона жилища врезалась в материк на глубину до 0,5-0,6 м в зависимости от уклона поверхности участка. Поэтому создается видимость, что жилище является полуземлянкой. Размеры жилых построек там составляли до 4 м х 4,5 м. Очаг в жилищах располагался на уровне пола. В одном случае он был каменно-глинобитным, а в остальных - представлял развалы камней от печей-каменок, расположенных примерно посередине помещения [Митрофанов, 1966, с. 226]. Западнее, на территории Белоруссии, на поселениях типа Банцеровщины и на поселениях в бассейне Зап. Двины типа Тушемля жилые постройки встречаются как четырехугольные столбовой конструкции с каменными очагами или печами-каменками, так и бревенчатые срубные.

На селище «Замковая гора» у дер. Дедиловичи в Белоруссии жилища также были в плане четырехугольные, и они сооружались также на склоне холма, поэтому один край их врезался в материк, но конструктивно они значительно отличались, так как были срубными постройками. Размер этих срубных жилищ был несколько меньше, чем вышеописанных столбовых. Площадь самого большого из них не превышала 15 кв.м. Эти жилища имели либо печи-каменки, либо открытые очаги округлой или овальной формы, но обязательно расположенные в одном из углов жилища. Датируются все сооружения на селище «Замковая гора» суммарно VI-VIII вв. н.э. [Митрофанов, 1966, с. 224 и ел.].

Как уже отмечалось при описании построек на селище у дер. Устье, жилые дома обычно сопровождались хозяйственными ямами. На поверхности материка они имеют в плане либо округлую, либо овальную форму, и глубина их в материке бывает различной - от 0,3 м до 1 м. По своему устройству их можно разделить на два типа: 1. Усеченно-конические ямы, у которых диаметр на уровне дневной поверхности бывает больше, чем диаметр дна. Эти ямы иногда по краю имеют ступеньку (рис. 4:2). 2. Колоколовидные ямы, диаметр их к дну увеличивается (рис. 4:3). Ямы первого типа встречены на всех селищах, где раскопаны значительные площади, тогда как ямы второго типа встречаются реже и на рассматриваемых нами селищах отмечены пока только у д.д. Слобода-Глушица, Кислые и Заозерье.

Помимо жилых построек и хозяйственных ям, на селищах встречены остатки особых сооружений, связанных с производственной деятельностью. В частности, на селище северо-восточнее дер. Кислые вскрыта большая яма с глинобитным очагом, имевшим вид большого блюда (рис. 5). Все сооружение пред-

ставляло собой большую овальную в плане яму 3,9 м х 2,3 м и максимальной глубиной до 0,45 м, вытянутую длинной осью с востока на запад. В этой яме, в свою очередь, была выкопана более глубокая яма (до 0,75 м от поверхности материка), но несколько меньших размеров (около 1,5 м в поперечнике), так что дно большой ямы представляло как бы ступеньку вокруг этого углубления. В меньшей яме на 0,1 м выше ее дна на ровной засыпке из сажистого песка было сделано основание глинобитного очага, имевшего вид большого блюда, при этом бортики очага залегали на стенки ямы, поэтому общий размер глинобитного очага составил также около 1,5 м в поперечнике. Высота бортика максимально достигала 0,15 м, а толщина глиняного дна - около 0,05м. У западного края глиняного очага в первоначальной большой яме было округлое углубление размером 1,0 м х 0,9 м, дно которого было на 0,24 м ниже поверхности глиняного очага. Заполнение глиняного очага состояло из углисто-зольного грунта, а углубление у очага, лежавшее западнее, заполнено углисто-сажистым грунтом. Без сомнения, это сооружение могло представлять собой остатки большого горна.

Совершенно такой же конструкции глиняный горн, но частично разрушенный при сооружении кургана, обнаружен в культурном слое селища IV-VII вв. под курганной насыпью у дер. Заозерье на реке Рутавечи в бассейне Зап. Двины [Шмидт, 1972, с. 18]. Определить функциональное назначение этих сооружений, т.е. решить вопрос, что были ли они кузнечными горнами или очагами, пока нет возможности из-за отсутствия в их заполнении каких-либо специфических находок. Но поскольку в жилых домах очаги были иного устройства, можно предполагать, что в этих ямах были горны. Внешне такие горны с поселений IV-VII вв. несколько напоминают большие глиняные блюда из городища у дер. Мокрядино, определенные как жертвенники [Третьяков, 1963, с. 78 и сл.], относимые к древностям типа среднего слоя городища Тушемля, датируемые не позднее первых веков н.э. Разница заключается в том, что древние глиняные жертвенники сооружались внутри наземных жилищ на поверхности пола, подмазанного глиной, а не в специальных ямках.

На селище «Курлын» у дер. Кислые обнаружена большая овальная в плане яма размером 9 м х 4 м, глубиной 1,02 м, по краю которой прослеживались следы от ряда столбов. Эти столбы были опорами для стен и кровли. Форма дна ямы и отсутствие в ней очага не дают основания считать ее жилой. Она служила, скорее всего, для каких-то производственных целей. На селище у дер. Куприно обнаружена такого же типа овальная в плане яма размером 4,1 м х 2,1 м, глубиной 0,7 м без следов очага [Шмидт, 1974, с. 89, 90]. Частично такие же ямы, но несколько меньшего размера, были вскрыты на селище у дер. Заозерье, однако и на этом селище в его южной части была яма, овальная в плане, имевшая сравнительно большие размеры 6 м х 3 м при глубине 0,7 м.

Постройки третьей четверти I тысячелетия н.э. без очагов А.Г. Митрофанов для территории Белоруссии также рассматривает как сооружения «какого-то хозяйственного назначения» [Митрофанов, 1966, с. 224].

Городища-убежища. С IV века н.э. неукрепленные поселения были основными местами обитания тушемлинского населения Смоленского Поднепровья и смежных районов Подвинья, но, видимо, уже в середине I тыс. н.э. местное население было вовлечено в бурные события Великого переселения народов. Появилась опасность вторжения с юга и юго-запада дружин грабителей. Во многих местах Поднепровья и на прилегающих пространствах Подвинья тушемлинское население начинает сооружать специальные укрепленные убежища, в которых можно было укрыться в случае нападения врагов. Чаще всего для этих целей использовались более древние городища, сооруженные еще в раннем железном веке и заброшенные в первых веках н.э. Если же поблизости таких городищ не было, то на подходящем месте, естественно защищенном крутыми склонами, водными преградами и т.п., проводились земляные работы и выстраивалось специальное укрепление - убежище, которое одновременно могло служить капищем для отправления языческих культов. Поскольку эти убежища не были постоянным местом жительства, постольку их нельзя называть городищами в полном смысле этого слова. Для них точнее подходит термин «городища-убежища». В археологической литературе использовался также термин «городища-святилища», отнесенный к тем убежищам, в которых археологами засвидетельствованы следы культовых сооружений [Третьяков, 1958, с. 170-186]. Видимо, пока выделять отдельно группу городищ-святилищ нет необходимости, так как основным назначением всего укрепленного сооружения была все-таки временная защита населения в случае нападения, поэтому термин «городище-убежище» является применимым и к тем убежищам, в пределах которых были святилища.

В тех случаях, когда убежище сооружалось на более древнем городище, использовалась старая система земляных укреплений (валы и рвы), но без проведения раскопок не всегда можно установить, какие из старых укреплений приспособлены, а какие возведены заново. Наиболее полную картину характерных оборонительных элементов дают те городища, которые сооружены на новом месте. Большинство таких городищ-убежищ характеризуется наличием двух невысоких замкнутых валов, окружавших площадку со всех сторон, последняя имеет в плане круглую или овальную форму, совершенно не зависящую от формы выбранного холма или мыса. Таковы городища-убежища у д.д. Слобода-Глушица, Акулинки, Васильево, пос. Колодня и др. Другой особенностью этих городищ-убежищ было отсутствие в их культурном слое артефактов, поэтому в археологической литературе часто они называются городищами без культурного слоя. В тех случаях, когда городища-убежища возведены на невысоких холмах среди болот, они в литера-

туре называются «болотными городищами». Примерами могут служить городища-убежища у д.д. Шапырево, Петрово, Куприне и др. [Лявданский, 1926, с. 259 и др.].

К числу городищ-убежищ, заново сооруженных на высоких мысах и не содержащих находок в культурном слое, относится убежище у дер. Слобода-Глушица, расположенное на левом берегу р. Сож в Починковском районе Смоленской области. Внутренняя площадка овальной формы, размером 20 х 17м, первоначально была защищена со всех сторон двумя кольцевыми валами и находившимися перед ними рвами. К настоящему времени на отдельных участках частично эти сооружения были снивелированы и едва прослеживались. Городище-убежище у дер. Слобода-Глушица было раскопано целиком в 1959-1960 годах Смоленским отрядом Славянской экспедиции ИИМК АН СССР [Третьяков, 1963, с. 107-112].

Раскопки показали, что над материком лежал слегка гумусированный грунт серо-оливковатого цвета, верхняя часть которого являлась дерном. Никаких вещественных находок, относящихся ко второй половине I тысячелетия н.э., в этом слое найдено не было. В результате раскопок удалось выявить как общий план всех сооружений, так и отдельные особенности в их конструкции. На площадке внутри укреплений, располагаясь по замкнутому овалу, стояла деревянная постройка, от которой сохранились два ряда столбовых ям. Внутри постройки оставался свободный, незастроенный двор длиною 10,5 м и шириною - 7 м, в пределах которого не было культовых сооружений. Внутренняя стена постройки поддерживалась 13-ю столбовыми опорами, а наружная - 28-ю. Опорные столбы в каждой стене отстояли друг от друга в среднем на 2 м. Ширина постройки в мысовой части была около 3 м, а к напольной стороне постепенно увеличивалась до 4 м. Внутри самой постройки располагались каменные очаги, количество их точно не установлено из-за плохой сохранности, но, во всяком случае, их было не менее шести. При исследовании наиболее сохранившихся очагов выяснено, что камни в них, плотно прилегая друг к другу, лежали в два-три ряда, а в промежутках между камнями была зола. Камни, размер которых 0,1-0,15 м, несут следы воздействия огня - они сильно растрескались, а часть из них превратилась в дресву. Пол постройки вдоль ее наружной стены был выстлан корой, преимущественно берестой. Стены постройки состояли из вертикально поставленных столбов, в пазах которых крепились горизонтально положенные бревна или плахи. Характер кровли установлен не был. Эта постройка, несомненно, составляла часть убежища, предназначенного под жилища. На расстоянии 1,25-1,5 м от наружной стены постройки с очагами, но с внутренней стороны кольцевого вала, шла деревянная стена, основой которой были опорные вертикально поставленные бревна (на вскрытой части выявлено 17 ям от таких столбов). Она являлась частью конструкции внутреннего вала и одновременно

служила изгородью, удерживающей насыпь вала от сползания на площадку. Пространство между этой стеной и жилой постройкой было свободным. Наружная сторона внутреннего вала деревянных конструкций не имела. Наружный вал на исследованном участке в момент раскопок был шириною около 6 м, высотою 0,6 м, насыпь его состояла из песка. Первоначально наружные укрепления представляли собою две параллельные стены столбовой конструкции, отстоявшие друг от друга на расстояние 1,2 м, между которыми была песчаная засыпка. Общая высота стены составляла 3 м. После пожара, когда деревянные стены сгорели, песок из засыпки расползся, образовав валообразную кольцевую насыпь. Пространство между наружным и внутренним валом было ровное и незастроенное. Насколько можно судить по материалам раскопок у д. Слобода-Глушица, все сооружение здесь связано только с укрепленным убежищем и, видимо, возведено было одновременно. Отсутствие в пределах убежища культурного слоя, включавшего артефакты, объясняется, видимо, тем, что по своему прямому назначению оно почти не использовалось, а если и использовалось, то очень короткий отрезок времени, и не подвергалось длительной осаде. Очаги с растрескавшимися камнями, скорее всего, свидетельствуют о кратковременном использовании его в зимний период времени, когда необходимо было помещения отапливать. Нельзя исключать также возможности периодического разведения в убежище ритуальных огней.

Несколько иную картину дает городище-убежище Тушемля, сооруженное на более древнем городище, валы и рвы которого были приспособлены для новой системы укреплений [Третьяков, 1963, с. 42-71]. Площадка городища внутри древних валов имела овально-ромбические очертания. Само городище устроено на отроге коренного берега речки Тушемли, ограниченном двумя оврагами. Для защиты площадки вершины оврагов были соединены глубокими рвами и валами. Сохранились три вала и лежащие перед ними три рва. Но с напольной стороны перед этими укреплениями есть еще остатки двух распаханных валов. Эта система укреплений, видимо, сложилась еще в раннем железном веке, а в середине I тысячелетия н.э. была только приспособлена для защиты убежища. Высота внутреннего вала с напольной стороны 3 м, ширина у основания 10-11 м, а длина его между оврагами около 20 м, кроме того, этот вал переходил на склоны площадки и простирался вокруг всего городища в виде уступа. Второй и третий валы имели высоту до 1,5 м, рвы перед ними значительно заплыли (рис. 7).

Если проанализировать разрезы культурных напластований и укреплений городища [Третьяков, 1963, с. 46 и рис. 12], то становится ясно, что мощный вал с напольной стороны у края площадки тогда был возведен не за один прием, а перестраивался и подсыпался не менее трех раз в период его существования по первые века н.э. В середине I тыс. н.э. на его вершине были установлены деревянные

конструкции в виде оборонительных стен, основой которых были вертикально поставленные столбы и горизонтально положенные бревна, закрепленные в пазах опорных столбов (рис.8). Обуглившиеся остатки оборонительных стен зафиксированы во время раскопок. Одновременно с сооружением стен были произведены небольшие земляные работы, в основном не нарушившие общей конфигурации более древней основы.

Помимо этой мощной системы, защищавшей городище и имевшей в основе древние укрепления, на площадке городища примерно в 2-4 м от ее края в середине I тыс. н.э. был насыпан дополнительный вал. К моменту раскопок он имел вид невысокой и пологой насыпи, окружавшей внутреннюю часть площадки со всех сторон, а на востоке он заходил на край расплывшегося высокого вала. Дополнительный вал на площадке имел высоту 0,2-0,3 м и ширину 5-6 м. Он ограждал наружную стену жилых помещений убежища.

На площадке городища-убежища Тушемля остатки сооружений третьей четверти I тыс. н.э. представлены следующими элементами: ямами от вертикально поставленных столбов, обуглившимися бревнами и жердями, каменными очагами и песчаной валообразной насыпью. На основе этих данных реконструируется одна длинная постройка, расположенная по овалу на площадке с незастроенным двориком внутри. Контуры длинной постройки определяются рядами столбовых ям. Ее ширина составила 4,2-4,5 м. Опорные столбы постройки составляли пары, включавшие внутренний и наружный столбы. Только на западе, на самой стрелке городища, был один ряд столбов от наружной стены, т.е. здесь на небольшом участке перекрытой кровлей постройки не было, а было продолжение наружной стены в виде ограды. На свободном пространстве мыса внутри дворика располагалось святилище. Оно имело также столбовую конструкцию (рис. 9,10).

Конструкции стен длинного дома представляются в виде вертикально поставленных столбов, в пазах которых крепились горизонтально положенные бревна или плахи. Постройка делилась на отдельные помещения. Наружная стена всей постройки была присыпана песчаной насыпью в виде вала. Крыша постройки, скорее всего, была двухскатной, причем наружный скат имел земляное покрытие, кроме того, он короче внутреннего и более крутой. В середине северной стороны длинной постройки находился вход на внутреннюю площадку убежища, ширина входа около 1,25 м. Чтобы попасть к входу, нужно было пройти с юго-восточной части городища между 2-м и 1-м валами и далее к западу по краю площадки вдоль укрепленной наружной стены убежища.

Таким образом, основу убежища, кроме укреплений, составляет длинная постройка, расположенная по периметру овальной площадки, разделенная на отдельные помещения, имевшие ширину 4,2-4,5 м и длину 5-6 м. Большая часть этих помещений служила жилищами и имела очаги, сложенные из камней. Таких

помещений было 7 или 8. Другая часть помещений служила для хозяйственных целей. Это - сараи для скота и кладовые.

Очаги внутри жилых помещений выявлены по скоплению обгоревших камней. Форма и некоторые детали их устройства точно установлены не были, но в целом очаги определяются в виде открытых ровных площадок, сложенных из мелких булыжников без связующих материалов. Располагались они, большей частью, посередине жилых помещений, хотя в одном случае очаг смещен в угол.

Святилище, расположенное в мысовой части площадки убежища, представляло собой круглое сооружение, имеющее диаметр почти 6 м (рис. 8,10). Оно было сооружено на более древнем культурном слое, но в материковом грунте все же прослеживалась канавка шириной около 0,2 м и глубиною 0,15-0,25 м, образующая полный круг. В этой канавке вертикально устанавливались столбики или плахи, возможно, увенчанные какими-то изображениями. В центре шестиметрового круга была яма от массивного столба. Она имела поперечник до 0,3 м и глубину 0,7 м. В целом святилище можно представить в виде круглого сооружения из вертикально поставленных столбиков, внутри которого стоял высокий столб - вероятно, изображение главного божества (рис. 9, 10).

Когда население начало использовать это городище в качестве убежища, и когда было возведено святилище, определить трудно. Та картина, которая была получена в результате раскопок, фиксирует последний период существования убежища и святилища, точнее - момент их гибели в огне, что произошло в конце VI-VII вв. н.э.

Такая же конструкция святилища, как уже описанная для городища-убежища Тушемля, засвидетельствована раскопками на городище-убежище у дер. Городок на речке Лучесе (бассейн р. Сож), где в суглинистом грунте материка все конструктивные детали улавливались более точно [Третьяков, 1963, с. 93-101]. Святилище представляло собою круглое сооружение диаметром 5 м. Вокруг ровной круглой площадки располагалась канавка, в которой достаточно плотно друг к другу стояли вертикально вкопанные плахи — пополам расколотые бревна. Они составляли как бы ограду. В центре площадки обнаружена коническая яма от вертикально установленного массивного столба, имевшего диаметр 0,45-0,55 м. Глубина ямы в материке 0,95 м. Установлено также, что ограда вокруг площадки как минимум один раз перестраивалась. На этом святилище у центрального столба в пределах площадки найден череп медведя, то есть зафиксирована голова медведя, «которая увенчивала, вероятно, центральный столб святилища. Это был идол, вырезанный из толстого древесного ствола и снабженный настоящей медвежьей головой». Сделана «находка, проливающая дополнительный свет на святилища и религиозные представления обитателей смоленских городищ-убежищ» [Третьяков, 1963, с. 99]. Городище-убежище у дер. Городок не было раскопано полнос-

тью, поэтому дать исчерпывающую характеристику всех сооружений на нем нет оснований, но нужно отметить, что и здесь убежище и святилище сооружены на более древнем городище днепро-двинской культуры раннего железного века. Судя по отдельным фрагментам, засвидетельствованным в пределах раскопа, убежище в третьей четверти I тыс. н.э. на площадке городища представляло собой круговую постройку столбовой конструкции, о чем говорят два ряда ям от вертикально поставленных столбов. На валу вокруг убежища прослежены остатки мощных оборонительных деревянных конструкций, частично сохранившиеся в виде обуглившихся бревен. Все убежище и святилище погибло в огне во время пожара.

Частично святилище такого же типа было обнаружено во время ограниченных раскопок на городище-убежище у дер. Прудки на берегу речки Осокино (правый приток р. Хмары). Здесь также убежище сооружено на более древнем городище днепро-двинской культуры, которое сильно испорчено христианскими могилами начала XX века, из-за чего больших раскопок на нем проведено не было [Третьяков, 1963, с. 102-103].

Несколько иной характер имело городище-убежище у дер. Демидовка в Смоленском районе. Оно устроено на древнем городище днепро-двинской культуры, расположенном на речке Русановке - левом притоке Днепра. Оно целиком раскопано в 1957-1967 годах. Некоторые сведения о результатах раскопок опубликованы [Шмидт, 1966, с. 196 и сл.; 1972, с. 25-29; 1963а, с. 51-56; 1967, с. 37; 1970, с. 68-69].

Городище многослойное, нижняя толща культурного слоя связана с поселением племен днепро-двинской культуры, а верхний слой, хорошо отделяющийся стратиграфически, относится к периоду бытования в Смоленском Поднепровье городищ-убежищ типа «Тушемля». Сооружения на городище Демидовка, относящиеся к верхнему слою, несколько своеобразны по сравнению с постройками, обнаруженными на городище-убежище Тушемля, где, как уже было показано, основное сооружение представляло собою укрепление с жилыми помещениями, наружные стены которого примыкали к валообразной насыпи. Центральная постройка убежища на городище Демидовка была также по своей конструкции столбовой и сравнительно длинной, но располагалась она не вдоль края площадки, а пересекала ее с востока на запад. При этом она состояла как бы из двух построек, соединяющихся своими концами друг с другом (рис. 11), а между ними внутри образовывалось узкое длинное незастроенное пространство. Наружные стены каждой постройки отстояли от края площадки и оборонительной стены на валу на 6-8 м, а в мысовой части — до 15 м. Все сооружение состояло как бы из двух длинных домов, соединяющихся на западе своими концами, а на востоке они упирались в земляную насыпь вала. Северная постройка, более прямая, имела длину 34 метра при ширине 3,5 м. Основу ее стен составляли вертикально по-

ставленные столбы-опоры. Они прослежены по большим ямам, в плане округло-четырехугольным. Размер их на поверхности до 1 м в поперечнике и до 0,9 м глубиной в материке, но, видимо, общая глубина ям с учетом толщины культурного слоя была до 1,5 м. Расстояния между парами столбов колебались от 2,8 м до 4 м. Есть основание полагать, что северная постройка делилась на небольшие помещения, ограниченные парами столбов, имевшие в среднем размеры 3,5 м х 3,5 м, но не исключено, что были специальные помещения, значительно большие по своей площади. В пределах северной постройки есть только одно большое скопление камней, расположенное примерно в ее середине, которое, возможно, являлось остатками очага. Некоторое количество камней было в северо-восточном углу восточного конца постройки, но его нет оснований считать остатками очага, а эти камни имели какое-то другое назначение. В 7 м восточнее остатков очага, в пределах сооружения, найден нижний камень очень большой зернотерки, а вокруг нее на уровне древнего пола найдены рассыпанные обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, ржи, овса и конских бобов. Культурный слой, заполнявший северную постройку, имел серый цвет и содержал очень небольшое количество фрагментов керамики, в нем также почти не было других находок. Все это предполагает считать, что рассмотренная северная длинная постройка имела хозяйственное назначение. Одно помещение, несомненно, использовалось для размола зерна, а остальные могли быть амбарами или сараями.

Южная постройка столбовой конструкции, примыкая концами к северной, образовывала как бы полуовал. Длина ее около 38м при ширине 2,5-2,8 м. Расстояние между опорными столбами в каждой стене от 2,5 м до 3 м, но они не составляли четких пар. При этом, в южной стене было на четыре столба больше, чем в северной. Ямы для столбов здесь имели совершенно такой же характер, как и в северной длинной постройке. В пределах этого южного сооружения обнаружено семь скоплений камней. Располагались они достаточно равномерно на расстоянии около 4 м друг от друга. Южная постройка, видимо, делилась на 7-8 жилых помещений. О том, что эти помещения были жилыми, говорит и характер культурного слоя, очень темного, сильно гумусированного, содержавшего большое количество фрагментов керамики, включая развалы целых сосудов и полуистлевшие кости, комплексы находок, располагавшихся, главным образом, вокруг очагов.

Пространство между северной и южной частями всего сооружения длиною в 30 м было сравнительно не широким, а максимально достигало 6 м. Оно образовывало как бы внутренний дворик. Вполне возможно, что этот дворик целиком или частично перекрывался крышей и мог использоваться в хозяйственных целях.

Помимо длинных построек столбовой конструкции, использовавшихся в качестве жилищ и в хозяйственных целях, на городище-убежище были особые оборонительные сооружения, расположенные вдоль края площадки и на валу с напольной стороны. Остатки их, в виде обгоревших бревен и скопления углей, лучше всего сохранились по северному краю и на мысу (рис. 11). В расположении обгоревших бревен отмечена строго определенная закономерность. Наиболее крупные и массивные бревна лежали перпендикулярно краю площадки, почти радиально относительно ее средней части. Расстояние между концами бревен на краю площадки составляло в среднем около 2 м, но не превышало в отдельных случаях 3,2 м. Судя по сохранившимся обгоревшим частям, бревна имели толщину до 0,3 м, а в длину они прослеживались до 4 м. Все бревна еловые. Другая часть обгоревших бревен лежала параллельно краю площадки, образуя как бы контур наружной стены. Эти бревна были также достаточно массивны. В длину они прослеживались в отдельных случаях до 3,5 м. Из них, горизонтально положенных, составлялись стены. В некоторых местах сохранилось по 2-3 бревна от нижней части стены, лежащих рядом. Кроме этих массивных бревен, в мысовой части на западном краю площадки обнаружены тонкие бревнышки и жерди, лежавшие параллельно краю площадки. Их сохранилось в одном месте 7 рядов. Они составляли основу кровли. Среди обгоревших бревен в пределах всей полосы оборонительных сооружений не найдено ни одной столбовой ямы вышеописанного типа, характерной для длинных построек столбовой конструкции. Это заставляет полагать, что оборонительные сооружения на городище-убежище Демидовка конструктивно отличались от длинных столбовых построек площадки и состояли из срубов, имевших сверху перекрытие в виде плоской крыши, засыпанной сверху землей. В результате пожара срубы сгорели, кроме нижних наружных бревен, лежавших на земле, а упавшая кровля с перекрывавшим ее грунтом местами до конца не сгорела, а только обуглилась [Шмидт, 1972, с. 28].

Таким образом, планировку городища-убежища Демидовка можно представить в следующем виде. В средней части площадки располагалась длинная постройка столбовой конструкции жилого и хозяйственного назначения, образующая вытянутый полуовал, внутри которой оставался узкий дворик, возможно, частично перекрытый кровлей. По краю площадки и древнему валу располагались деревянные оборонительные сооружения срубной конструкции. Между оборонительными сооружениями и внутренней постройкой оставалось пространство, служившее для прохода к отдельным помещениям. Въезд на площадку находился в юго-восточной части площадки, а ворота в оборонительных сооружениях располагались здесь же на южной окраине напольного вала. Убежище на городище у дер. Демидовки использовалось тушемлинским населением неоднократно, о чем

свидетельствует мощность культурного слоя и большая насыщенность его артефактами. Убежище сожжено в конце VI в. н.э. или первой половине VII в. н.э.

В 1970-х годах исследовалось убежище на древнем городище у дер. Близнаки в Смоленском районе. Расположено оно на правом берегу безымянного ручья в верховьях р. Стабны - правый приток Днепра. Раскопкам подверглась только часть памятника [Шмидт, 1972б, с. 88, 89; 1973, с. 103,104]. Устройство убежища здесь очень напоминает таковое на городище у дер. Демидовки. На раскопанном участке была выявлена восточная часть кольцевой постройки столбовой конструкции, включавшей жилые помещения с каменными очагами. На краю площадки древнего городища находились деревянные оборонительные сооружения. Культурный слой внутри постройки, особенно в помещениях с очагами, содержал большое количество фрагментов керамики и развалов целых сосудов, предметов вооружения и снаряжения воинов-всадников и различные другие вещи. В отдельных помещениях были зернотерки и масса обуглившихся зерен проса, пшеницы, ячменя, ржи и конских бобов. Убежище, возможно, сожжено в конце VI-VII вв. н.э.

Опубликованные материалы [Дубінскі, 1930, с. 71-79; 1930а, с. 81-84. Колосовский, 1996, с. 43-44; 1997, с. 37-39] дают основание отнести к городищам-убежищам такие памятники, как городища Черкасово, Германы, Вежки в Оршанском течении Днепра на территории Белоруссии. На всех этих древних городищах в третьей четверти I тысячелетия н.э. существовали убежища, сооруженные племенами тушемлинской культуры. Небольшой объем проведенных на них раскопок дает ограниченный материал, пока не позволяющий судить в деталях о деревянных конструкциях оборонительных и жилых сооружений убежищ. Полученная керамика и вещевой материал подтверждают возможность включения этих городищ-убежищ в круг древностей тушемлинской культуры и определяют время существования убежищ третьей четвертью I тыс. н.э. В конце VI или VII в. эти городища-убежища погибли в огне, их постигла та же судьба, что и аналогичные сооружения у д.д. Демидовка и Близнаки в Смоленском Поднепровье.

На р. Быстрой - правый приток р. Прони, бассейн р. Сож - А. А. Сединым исследовано городище-убежище у дер. Никодимово [Седин, 1995, с. 146-149]. Этот памятник имеет сложную структуру и состоит из трех площадок и оборонительных валов и рвов. На основной площадке древнего городища днепро-двинской культуры в третьей четверти I тысячелетия н.э. возведены основные сооружения убежища. Оно представляло собой наземную, столбовой конструкции в виде замкнутого овала постройку, внутри которой находилось незастроенное пространство, как бы внутренний двор, который имел длину 36 м при ширине до 10м. Длина всего сооружения 43 м и максимальная ширина 18м. Ширина отдельных помещений в этой постройке, имевшей двускатную крышу, от 3,4 м до 4,6 м, тогда

как длина отдельных жилых помещений, имевших каменные очаги, была около 5 м. Таких жилых помещений выявлено не менее шести. Часть помещений, не имевших очагов, видимо, использовалась в хозяйственных целях. Возможно, во внутреннем дворе содержался скот.

Вторая площадка на мысу городища имела культовое назначение. На ней обнаружена глинобитная площадка 2,1 м х 6 м, а в ее центре размещалась сильно обожженная глина красного цвета, в плане образующая овал 1,5 х 0,85 м, видимо, на нем длительное время горел огонь. Вокруг этого сооружения обнаружены кости животных и человеческие кости, а также разнообразные вещи, в том числе и оружие.

Назначение третьей площадки пока не выяснено. Все площадки имели оборонительные сооружения в виде деревянных стен. На городище-убежище у дер. Никодимово в культурном слое третьей четверти I тысячелетия н.э. найдены многочисленные фрагменты глиняных сосудов, в основном тушемлинских типов, различные предметы из железа, бронзы и других материалов, включая предметы вооружения и снаряжения воина-всадника и женские украшения. По мнению А. А. Седина, городище-убежище у дер. Никодимово по характеру конструкций самого убежища имеет аналогию на городище-убежище у дер. Демидовка в Поднепровье [Седин, 1995, с. 149]. Материалы археологических исследований дают основание говорить о существовании убежищ на городищах в Посожье у дер. Колычево [Третьяков, 1963, с. 123] и в Поднепровье на городище «Церковище» [Седов, 1960, с. 53][1].

Городище-убежище у дер. Акатово Демидовского района Смоленской области по своему устройству заметно отличалось от всех вышеописанных городищ-убежищ Смоленского Поднепровья. Возведено оно на длинной песчаной гряде, тянущейся с запада на восток вдоль южного берега озера Акатовского, из которого вытекает речка Свадица, впадающая в реку Каспля (бассейн Зап. Двины). При устройстве убежища частично использовалось более древнее городище днепро-двинской культуры раннего железного века. Все земляные сооружения городища-убежища занимают западную часть длинной гряды, тогда как на восточном ее крае находится современное кладбище деревни Акатово.

Городище-убежище состоит из трех площадок, расположенных в одну линию с запада на восток (рис. 12). Каждая площадка имеет свою систему укреплений, включающую кольцевые валы и рвы. По внешнему облику укрепления вокруг всех трех площадок примерно одинаковы. Они включают внутренний кольцевой

[1] *В фондах Смоленского музея-заповедника хранится керамика из городища «Церковище», среди которой есть фрагменты сосудов тушемлинских типов.*

вал, сооруженный вдоль края площадки, при этом его мощность на разных участках в пределах одной и той же площадки неодинакова. Во всех случаях этот вал значительно выше на восточной и западной сторонах, расположенных вдоль гребня гряды, и бывает незначительным на сторонах южной и северной, обращенных к озеру и оврагу. Лежащий перед внутренним валом ров также более глубок на западной и восточной сторонах, тогда как на северной и южной сторонах он на поверхности почти не прослеживается. Наружный кольцевой вал, более четко выступающий на гребне гряды, почти целиком прослеживается вокруг средней и восточной площадок, тогда как у западной площадки он сохранился не всюду. Ров, лежащий перед наружным валом, неглубок и фиксируется только на гребне гряды, где разделяет укрепления двух смежных площадок. По внешнему облику все три площадки, каждая со своей системой укреплений, представляют как бы отдельные небольшие убежища или городища, расположенные рядом. Есть необходимость рассмотреть каждую в отдельности такую площадку, определив их конструктивные особенности, начиная с запада, от мысовой части гряды.

Самый мыс гряды занимала западная площадка, имевшая своей основой городище днепро-двинской культуры. Она имела в плане яйцевидную форму, что отличает ее от других площадок, имевших правильную овальную форму. Несколько отличны у нее и земляные укрепления - валы, которые в настоящее время на северном и частично южном склонах совершенно не прослеживаются, хотя, скорее всего, в древности укрепления мысовой и напольной сторон соединялись друг с другом, образуя кольцевую систему. У этой площадки очень хорошо сохранился громадный внутренний земляной вал, защищавший ее с востока. Его высота ныне достигает 2 м, а ширина - 10м. Этот вал имеет в основании серповидные очертания и переходит на южный край площадки, где значительно уменьшается в своих размерах, постепенно почти сходя на нет. С западной стороны, на мысу, он выступает более явственно, достигая в высоту до 1 м, тогда как на северной стороне площадки он совершенно не прослеживается. За мощным валом снаружи с восточной стороны находился ров глубиною до 1 м и шириною около 6 м. Он на южный и северный склоны не заходил, но на мысу прослеживался, где достигал ширины 3 м и глубины 0,4 м.

Второй (наружный) вал на этой площадке с восточной стороны имел внушительный вид, шириною у основания около 5 м и высотою более 1 м, тогда как в западной части, на мысу, он был едва заметен, а с остальных сторон совершенно отсутствовал, т.е. на поверхности не просматривался. Второй ров сохранился только с восточной стороны, перед наружным валом второй площадки, где он отделял валы и деревянные сооружения западной и средней площадок.

Западная площадка, находящаяся внутри вышеописанных земляных укреплений, не была ровной, центр ее был выпуклым, тогда как края у внутренних сторон вала имели значительные понижения. Весь западный край гряды, включая часть площадки и валы, повреждены ямами и окопами (рис. 12:1, VII).

Во время раскопок Акатовского городища вся западная площадка, исключая участки сильно поврежденные, была вскрыта. Культурный слой на ней оказался маломощным и вместе с дерном составлял от 0,24 м до 0,4 м по краям. Он представлял собой серый слегка гумусированный песок. Верхняя часть культурного слоя никаких находок не содержала, она была песчанистая и светло-серая по своей окраске. Нижняя часть культурного слоя несколько отличалась по своему характеру и была темно-серого цвета, хотя резкой границы между ними не наблюдалось, а переход между верхней и нижней толщами был постепенный, поэтому разделить культурный слой на два ограниченных горизонта не представлялось возможным. Но все же нужно заметить, что все предметы, обнаруженные на площадке, происходили из нижней части культурного слоя.

На раскопанной территории площадки в материке выявлено значительное количество ямок от столбов и кольев, имевших различную конфигурацию в плане и различную глубину (рис. 12). Наибольшее их скопление отмечено в северной половине площадки. Меньшее количество ям, но более крупных по своему диаметру, было в средней части площадки. По южному краю площадки также прослежены ямки, но здесь они имели меньшие размеры. В западной части площадки, как и на ее восточном крае, у вала, ямок не было.

Судя по этим материковым ямкам, северную и среднюю части площадки занимали большие наземные сооружения столбовой конструкции, которые несколько раз перестраивались. Установить их размеры и конфигурацию, как и решить вопрос о количестве одновременно стоявших построек, весьма затруднительно. Однако назначение, по крайней мере одной из них, можно определить. Так, в северо-восточной части площадки, на сравнительно ровном пространстве, ограниченном материковыми ямками, примерно в центре, на площади около 1,5 м в поперечнике найдено большое количество крупных целых и расколотых камней. Среди этих камней и несколько далее на северо-восток за пределами распространения камней встречались крупные куски железного шлака. Все это представляет собою либо остатки домницы для получения железа, либо следы громадного горна. Исходя из находок, можно предполагать, что постройка на этом месте имела специальное производственное назначение и была связана или с получением железа, или же с его обработкой. Сказать что-либо определенное о времени бытования и назначении сооружения, зафиксированного следами кольевых ямок в южной части площадки, на основе имеющихся данных весьма затруднительно. Мо-

жет быть, стоявшие здесь колья могли быть основой какого-то легкого навеса, примыкавшего с внутренней стороны к оборонительным сооружениям, и, вероятнее всего, по времени все это сооружение предшествовало периоду бытования здесь убежища.

На северо-восточном и юго-восточном краях площадки с внутренней стороны вала в материке были значительные углубления, образовавшиеся в результате выемки грунта для подсыпания вала. На этих местах как культурный слой, так и верхняя часть материка полностью сняты и перемещены на вершину вала. При раскопках небольшого участка вала на южной окраине площадки в грунте его насыпи найдено значительное количество предметов, относящихся к рубежу и первым векам н.э., т.е. связанных с поселением на городище племен днепро-двинской культуры и попавших в верхнюю толщу вала вместе с грунтом, взятым из выемок на площадке. В культурном слое западной площадки найдена керамика двух типов. 1. Фрагменты от сравнительно тонкостенных слабопрофилированных сосудов из красноватой глины с примесью мелкой дресвы. Венчики этих сосудов слегка отогнуты наружу и бывают несколько тоньше, чем стенки самой посуды. Некоторые сосуды украшались тычковым орнаментом по плечикам. Такая керамика относится к культуре днепро-двинских городищ раннего железного века и может датироваться не позднее первых веков н.э. 2. Фрагменты от довольно крупных толстостенных сосудов, цвет черепка на изломе сероватый, к глине примешана крупная дресва. Сосуды слабопрофилированные, венчик прямой, либо слабо отогнут наружу, но всегда такой же толщины, как и стенки сосудов. Все найденные фрагменты без орнамента. Эта керамика в целом аналогична посуде из городищ-убежищ V-VII вв. н.э., изученных в Поднепровье. Совершенно такая же керамика обнаружена в могильнике с трупосожжениями и на селище, расположенном в 0,5 км восточнее Акатовского городища-убежища.

Из-за незначительной толщины культурного слоя и его слабой насыщенности фрагментами глиняной посуды и другими находками выделить горизонты, соответствующие каждому типу керамики, было невозможно. Однако изучение вала, ограничивающего площадку с востока, на которую он расползся, показало, что под насыпью вала в основании лежит интенсивно черный углистый слой, включавший небольшое количество керамики только 1-го типа, при этом отдельные фрагменты имели тычковый орнамент. 2-го типа керамики под валом не найдено. Основное ядро насыпи лежало выше этой прослойки, оно имело серый цвет и включало едва заметные более темные прослойки, расположенные бессистемно. Такой характер насыпь вала могла приобрести, если бы она была сложена из дерновин. Верхняя часть вала была более темной, но состояла из однородного пересыпанного темного песчанистого грунта. В нем изредка попадались фрагменты, увязываемые с керамикой 1-го типа.

Таким образом, раскопки западной площадки городища-убежища у дер. Акатово показали, что все это сооружение достаточно сложное, использовавшееся людьми не один раз. Историю его можно представить в следующем виде. На мысу первоначально возникло слабоукрепленное либо даже неукрепленное поселение днепро-двинских племен раннего железного века, которое затем в течение короткого времени перестроено и при этом укреплено сравнительно высокими валами и рвами, что случилось, скорее всего, незадолго до рубежа н.э. В первых веках н.э. укрепленное поселение было оставлено населением. Далее, в середине I тысячелетия н.э., на заброшенном городище устраивается убежище племенами тушемлинской культуры, для чего площадка снивелирована, а часть грунта с площадки использовалась для подсыпки внутреннего вала. На площадке воздвигли постройки столбовой конструкции, размеры их и особые детали не установлены. Использование более древнего городища при сооружении убежища наложило отпечаток как на конфигурацию площадки, так и на форму, и на размеры оборонительных сооружений, что, как будет показано далее, отличает убежище на этой площадке от других, расположенных восточнее. Подсыпанные валы служили основой для деревянных оборонительных стен, защищавших убежище со всех сторон.

Среднее убежище, примыкавшее непосредственно к вышеописанному западному убежищу с востока, имело сравнительно небольшую ровную площадку с некоторым уклоном с востока на запад вдоль гребня гряды и систему земляных укреплений. Размеры площадки с севера на юг равны 16 м, а с востока на запад - 12м. Площадка по краю окружена земляным валом, который наиболее ярко выражен на восточной стороне, где его высота равна 1,2 м и ширина у основания - 5,6 м. С западной стороны высота вала составила 0,8 м при ширине у основания до 5 м. В сторону крутых склонов: к северу (берег оз. Акатовского) и к югу (крутой берег оврага) вал значительно уменьшается в своих размерах, а в середине северной стороны - едва прослеживается. С этих сторон вал в значительной степени сполз по склону и частично размыт. Ров, лежащий за внутренним валом, прослеживался только с западной и восточной сторон, да и здесь он заметно заплыл. Второй, наружный вал имел высоту на западной и восточной сторонах до 1 м при ширине около 5 м, тогда как к склонам на северной и южной сторонах он заметно уменьшался, а на самих склонах к настоящему времени образовывал только неширокий уступ. Наружный ров, прорезавший гребень гряды, был общим как для среднего убежища, так и для двух других, лежащих рядом, размеры его на западе были несколько больше, чем на востоке.

Вторая площадка убежища раскопана полностью (рис. 12:1, VII). Культурный слой на ней вместе с дерном составлял от 0,3 м до 0,4 м, и только на западной и восточной сторонах у внутреннего края вала он значительно увеличивался, до-

стигая 0,55 м. Вероятно, некоторое увеличение культурного слоя произошло за счет сползания грунта вала на площадку. Культурный слой представлял собой серый песок почти без всяких включений, только по краям площадки с внутренней стороны вала были скопления камней, и прослеживалась более темная углистая прослойка. Культурный слой весьма беден и почти не содержал никаких находок, если не считать единичные фрагменты глиняных сосудов. По своему облику эта керамика одинакова с глиняной посудой 2-го типа, найденной на западной площадке. Ее также можно отнести к глиняной посуде, характерной для городищ-убежищ типа «Тушемля». Камни, обнаруженные на периферии площадки, имели следы воздействия огня. Значительная часть их растрескалась или была расколота, а некоторые рассыпались на отдельные кристаллы. Камни располагались не равномерно, а в виде компактных скоплений. Эти скопления камней представляли собой остатки очагов. Все очаги располагались по периферии площадки с внутренней стороны вала. Есть некоторая закономерность в расположении скоплений камней относительно столбовых ям, связанных с наземной постройкой. Обычно они не перекрывают столбовые ямы, а находятся в промежутках между их рядами. Вообще, видимо, очаги располагались довольно симметрично относительно длинной оси площадки, а всего их было не менее восьми. Культурный слой под скоплениями камней имел более темную окраску и содержал мелкие угольки.

При изучении материка площадки установлено, что площадку с севера на юг прорезают две довольно широкие канавы (ширина их от 1,6 м до 2,5 м, а глубина с северной стороны 0,25-0,4 м, тогда как у южного края - более 1 м). Этими канавами гребень холма был перекопан от одного края к другому. Канавы, скорее всего, более древние, чем остальные сооружения убежища, так как до сооружения кольцевой постройки они были засыпаны и снивелированы, а на этих выровненных участках возводились постройки с очагами. Канавы, очевидно, восходят к периоду, когда на холме существовало поселение днепро-двинской культуры раннего железного века.

Основные ямы от столбов, прослеженные в материке, образуют две линии, особенно четко прослеженные в восточной части площадки. В расположении их есть определенная закономерность, когда всем ямам внутреннего ряда есть соответствующие ямы в наружном ряду. Судя по размерам ям, столбы имели диаметр от 0,2 м до 0,3 м и закапывались они в материк на глубину от 0,4 м до 0,9 м. Кроме того, в материке прослежено значительное количество различных ямок, отношение которых к кольцевой постройке убежища не совсем ясно. Расположены они беспорядочно и, скорее всего, разновременны. Характер и расположение ям говорит, что конструктивной основой постройки убежища были довольно массивные столбы. Они располагались во внутреннем ряду на расстоянии от 2 м до 3 м друг от друга, а соответствующие им столбы наружного ряда расположены

друг от друга в 2-4 м. Пространство между рядами столбов составляло около 3 м. Сама постройка, видимо, была несколько шире, так как наружные опоры не являлись основой стены, на которой лежал наружный край кровли. Последняя, скорее всего, снаружи налегала на земляную насыпь вала, а общая ширина кольцевой постройки была не менее 4 м. Кольцевая постройка убежища, судя по всему, делилась не менее чем на восемь помещений, и каждому из них соответствует скопление камней.

Убежище, сооруженное на этой площадке, существовало сравнительно короткий промежуток времени. Это подтверждается маломощностью культурного слоя, почти не содержащего вещественных находок и остатков костей животных. Об этом же говорят расположение и характер столбовых ям, так как столбовые конструкции не перестраивались многократно, а, будучи однажды поставленными, только в некоторых местах ремонтировались. Это говорит о том, что время бытования данного убежища можно определять максимальным периодом износа деревянных столбов - основных опор постройки.

Третья изученная площадка, находившаяся на гребне холма восточнее двух уже описанных, имела овальную форму и размеры 13 м х 16 м. Ее поверхность была сравнительно ровной, имевшей уклон к востоку, в сторону седловины на гребне гряды. На краю площадки располагался земляной вал, имевший небольшие размеры - на западе до 1,5м высоты и 7 м ширины у основания. К востоку вал постепенно уменьшался, на юго-востоке был малозаметен и только на самом восточном крае (на гребне гряды) снова немного увеличивался в своих размерах, достигая 0,5 м в высоту и около 5 м в ширину. Ров, расположенный за первым валом, прослеживался только с западной и восточной сторон, где глубина его не превышала 0,7 м, а ширина составляла 3-4 м. Второй, наружный, вал сохранился тоже только с двух сторон на гребне гряды. Размеры его на западной стороне: высота - до 0,5 м, ширина - до 4 м. На восточной стороне вал имел большие размеры: высота - до 0,8 м, ширина - до 6 м. На северном склоне никаких следов вала не прослеживалось, тогда как на южном склоне, хотя он значительно расплылся, но все-таки прослеживался по едва заметному уступу. Ров перед вторым валом заплыл совершенно, и нигде, кроме западной стороны, он уже виден не был (рис. 12:1, VIII).

На площадке культурный слой вместе с дерном не превышал 0,3 м. Дерн был песчанистым, сероватого цвета и сравнительно рыхлым. Культурный слой под дерном представлял собой серый, слегка гумусированный песок. В культурном слое встречались в небольшом количестве фрагменты глиняной, лепной посуды. По своему характеру эта керамика одинакова с глиняной посудой, найденной на других площадках этого же городища-убежища, и их можно отнести к глиняной посуде, характерной для памятников тушемлинской культуры.

В культурном слое обнаружено много целых и расколотых камней, часть из них подвергалась действию огня. Камни встречались не равномерно по всей площадке, а отдельными скоплениями. Скопления по своему характеру неодинаковы. На периферии площадки под насыпью внутреннего края вала камни были крупнее, главным образом - округлые булыжники. Такие скопления прослежены по северному, южному и юго-восточному краям площадки. Совершенно иной характер имели скопления камней, расположенные в 2-3 м от края площадки и насыпи вала. Это - большей частью, мелкие валунчики, иногда расколотые, со следами действия огня. Располагались они сравнительно симметрично относительно средней линии восток-запад в виде восьми более или менее компактных скоплений, из них четыре были в северной половине площадки, а четыре — в южной. Необходимо отметить их равномерное размещение на площадке. Так, в восточной части площадки центры развалов камней отстояли друг от друга точно на расстоянии 4 м, образуя правильный полукруг. В западной части площадки расстояние между развалами камней составляло соответственно 3 м, 5 м и 3 м. В южной части площадки скопления камней были не столь компактными. Это объясняется тем, что здесь материк имеет уклон к югу, что способствовало смещению камней во время разрушения сооружения в южном направлении.

Исследование поверхности материка показало, что центральная часть площадки размером 8 м х 3 м не имеет углублений от столбов и представляет собою ровное свободное пространство внутри кольцевой постройки. Вокруг этого пространства располагались три ряда столбовых ям, при этом два внутренних ряда включали довольно глубокие ямы от 0,3 м до 0,8 м от поверхности материка, а наружный ряд вдоль насыпи вала состоял из более мелких ям глубиною от 0,1 м до 0,4 м от поверхности материка. Относительно продольной оси площадки (восток-запад) ямы расположены совершенно симметрично. Северная половина сооружения соответствует южной, некоторое количество добавочных ям может объясняться перестройкой или ремонтом деревянных сооружений после их первоначального возведения. Сопоставление плана остатков деревянных конструкций с размещением скоплений камней выявляет определенную зависимость. Все скопления камней располагаются на свободных пространствах, ограниченных рядами столбов. Таким образом, вырисовывается картина большого кругового дома-убежища, состоявшего из ряда помещений, скорее всего восьми, включавших очаги. Проход на внутреннюю площадку располагался в южной части, где прослеживаются два ряда столбовых конструкций, как бы отгораживающих сравнительно узкий проход в 1,4 м шириной. С наружной линией деревянных конструкций совпадает скопление крупных камней, о которых уже шла речь выше. Очевидно, наружная стена круговой постройки с одной стороны была присыпана

земляной насыпью вала, а камни имели какое-то отношение к оборонительным укреплениям.

Все данные говорит за то, что это третье убежище существовало сравнительно короткий отрезок времени и заново не перестраивалось.

В целом, городище-убежище у дер. Акатово является весьма своеобразным памятником. На песчаной гряде, западная часть которой была освоена еще в раннем железном веке населением днепро-двинской культуры, соорудившим здесь укрепленное поселение-городище, жизнь на котором прекратилась в первых веках н.э. Впоследствии, после середины I тысячелетия н.э., это место снова было использовано, и на нем построено специальное убежище, состоявшее из трех укрепленных сооружений. Одна постройка убежища возведена на старом заброшенном городище с использованием сохранившихся укреплений в виде валов и рвов, но здесь убежище не имело типичной круговой планировки и, видимо, использовалось как в хозяйственных целях, так и для укрытия скота. Два других убежища с круговыми постройками сооружены заново восточнее старого городища на гребне гряды. Они были примерно одинаковы по своим размерам и представляли типичные круговые постройки убежищ столбовой конструкции. Каждая из этих двух построек по своему плану близка сооружениям на городище-убежище у дер. Слобода-Глушица, рассмотренному нами выше. Здесь, у дер. Акатово, было как бы два городища-убежища с круговыми постройками, расположенные одно около другого. Сооружены они не одновременно: скорее всего, восточное убежище строилось несколько позднее остальных. Судя по убежищу, расположенному с восточной стороны, основная деревянная постройка столбовой конструкции, перекрытая, видимо, двускатной крышей, включала 8 жилых помещений площадью 16-20 кв. м, в каждом из которых был наземный очаг, сложенный из камней. Постройка окружала двор, не имевший каких-либо сооружений, но, скорее всего, использовавшийся в хозяйственных целях. Проход в дворик располагался в южной части деревянной постройки. Наружная стена деревянного убежища примыкала с внутренней стороны к насыпи кольцевого вала, на вершине которого стояла деревянная оборонительная стена. На втором, наружном кольцевом валу была также деревянная оборонительная стена, состоявшая из вертикальных массивных опорных столбов, к которым крепились горизонтально положенные бревна.

Городище-убежище у дер. Акатово являлось сложным сооружением, состоявшим из трех отдельных частей, каждая из которых имела свою систему круговых оборонительных укреплений, состоявших из земляных валов, рвов и деревянных стен.

Болотные городища (убежища). Своеобразные земляные сооружения, состоявшие из земляных валов и рвов, расположенные среди болот или на сырых пойменных лугах, впервые подверглись изучению в пределах Смоленской земли

и выделены в особую группу городищ [Лявданский, 1926, с. 153-173, 187-190] и названы болотными городищами. Ограниченные разведочные раскопки того времени не позволили установить планировку внутренних построек на них, характер оборонительных сооружений и другие детали. Хотя и до настоящего времени широкому изучению и раскопкам болотные городища не подвергались, но по материалам исследований П.Н. Третьякова на Смоленщине, без сомнения, можно составить некоторое представление о них [Третьяков, 1963, с. 123-129].

Общую картину устройства болотных городищ, представлявших собою, возможно, убежища, можно составить на примере частично раскопанного болотного городища у дер. Шапырево в Смоленском районе, расположенного на левом берегу р. Березники - левый притокр. Днепр [Третьяков, 1963, с. 11-13,125-129]. Устроено оно на южном крае невысокой песчаной гряды, лежащей среди заболоченных лугов, в 150-200 м от русла р. Березники. Городище имеет овальную форму, его площадка размером 14 м х 9 м окружена двумя замкнутыми земляными валами и неглубоким рвом между ними. Максимальная высота валов до 0,8 м при ширине у основания до 7 м. В пределах площадки над поверхностью песчаного материка находился почвенный слой, а соответствующего грунта культурного слоя не обнаружено. В почвенном слое найдено несколько фрагментов лепной и гончарной керамики. В результате раскопок по сохранившимся остаткам реконструирован облик сооружений. Внутри площадки параллельно внутреннему краю вала находился ряд ям диаметром 0,25-0,35 м и глубиною 0,5-0,6 м в материковом грунте от вертикально поставленных столбов толщиною 0,2-0,25 м. Расстояние между отдельно поставленными столбами составляло 2-2,25 м. Под насыпью внутреннего вала в материке была канавка, расположенная параллельно линии столбов и отстоящая от нее на 2,1-2,5 м. Ширина канавки на поверхности материка 0,6 м, глубина до 0,6 м. В ней устанавливались наклонно плотно друг к другу столбы толщиною до 0,15 м, которые вершинами налегали на стропила, лежавшие на вертикально поставленных столбах. В целом, сооружение представляло собою навес высотою до 2,5 м, расположенный по кругу с внутренней стороны вала. В его пределах на раскопанном участке следов каменных очагов не обнаружено. Кровля навеса сверху покрывалась дерном, а у края внутреннего вала еще была присыпана песчаным грунтом. Внутри кольцевой деревянной постройки располагался двор овальной формы длиною 9 м, шириною до 7,5 м, каких-либо сооружений на нем не было. Вал, окружавший навес, с внутренней стороны налегал на край деревянных конструкций навеса, а с внешней стороны ограничивался плетнем из толстых прутьев, основой которого были вертикально поставленные бревна. Высота вала в то время могла достигать 2 м. На его вершине стояли деревянные укрепления, но состояли они из частокола или бревенчатой стены, установлено не было. Ров между внутренним и наружным земляными валами имел глубину

0,4-0,45 м и ширину около 4 м, на дне которого, ближе к наружному краю, были камни со следами огня, а рядом находились угли и зола. Наружный вал по своим размерам немного уступал внутреннему и, вероятно, сооружался из дерновин.

Конструктивно это сооружение у дер. Шапырево напоминает убежища тушемлинских типов, например, городище-убежище у дер. Слобода-Глушица, но пока нет достаточных оснований для определения времени его сооружения и функционирования. Было ли оно возведено в третьей четверти I тысячелетия н.э. или относится к X-XII вв. н.э., пока не установлено.

Аналогичные болотные городища известны и в других местах у д.д. Асташково, Белая, Зяхино, Красногорье, Никульчино, Петрово, Любково, Куприно и др. Условно эти болотные городища можно считать убежищами, но не исключено, что они могли выполнять и другие функции.

МОГИЛЬНИКИ

Помимо неукрепленных мест поселений - селищ и специальных укреплений - убежищ, возведенных тушемлинскими племенами, для периода IV-VII вв.н.э. известны и места погребений. Они представляли собою грунтовые могильники с погребениями остатков трупосожжений в неглубоких округлых ямках. Располагались могильники либо на краю поселений-селищ, как например, на селищах у д.д. Шугайлово, Кислые и Заозерье, либо на возвышенных местах в непосредственной близости от поселения — у дер. Акатово. Поскольку могильник у дер. Акатово изучен более детально и опубликован, то на его примере лучше всего рассмотреть этот тип памятников [Шмидт, 1963, с. 56-67].

Грунтовый могильник находится в 0,3 км севернее дер. Акатово Пересудовской с/ад. Демидовского района Смоленской области. Он расположен на гребне песчаной гряды, тянущейся с запада на восток. Южнее гряды находится озеро Корец, севернее — заболоченная низина, за которой лежит селище того же времени, как и могильник, с западной стороны гряда переходит в небольшое пониженное пространство и озеро Акатовское, на берегу которого в 0,4 км западнее расположена другая гряда с остатками городища-убежища на ней, описание которому дано выше. На востоке, за пределами могильника, гряда несколько расширяется и примыкает к другим песчаным холмам. Вдоль гребня холма пролегает проселочная дорога из дер. Акатово в село Холм, которая в значительной степени повредила территорию могильника. Кроме того, на этой же гряде было несколько курганных насыпей культуры длинных курганов, при насыпании которых могильник также был несколько испорчен. В прошлом гряда распахивалась, и на ней производились посевы, при запашке частично нарушены некоторые погребения.

Грунтовый могильник с трупосожжениями раскапывался в течение семи лет: 1957-1960 гг. и 1982-1984 гг. [Шмидт, 1962, с. 181-190; 1963, с. 86-93; 1984, с. 103]. В течение первых четырех лет детально изучено 46 погребений, из которых 37 относятся ко времени функционирования грунтового могильника, а 9 - к периоду сооружения длинных курганов.

Стратиграфия изученного участка проста: под слоем перепаханной песчанистой почвы мощностью 0,17-0,25 м залегает материковый желтоватый кварцевый песок. Более сложная структура поверхностного горизонта на небольших участках связана с поздними перекопами и насыпанием курганов.

На всей раскопанной площади найдены исключительно захоронения трупосожжений, причем сжигание умерших совершалось вне могильника, а на месте захоронения помещалась только часть остатков сожжения в виде кальцинированных костей с примесью золы и угольков.

Все 37 исследованных погребений, относящихся к грунтовому могильнику, можно разделить на две группы, различающиеся несколько по погребальному обряду. 1. Захоронение трупосожжений в больших урнах, помещенных в грунтовых ямках. Всего их обнаружено 15. Они более или менее равномерно распределены по всей вскрытой площади могильника. Урны имеют большие размеры, и помещались они в ямки в нормальном положении. Ямки для погребений с урнами выкапывались глубиною до 0,6 м, а в поперечнике от 0,3 м до 0,6 м с таким расчетом, чтобы в них можно было бы поставить урны. Ямки имеют, большей частью, округлую конусовидно-усеченную форму, но есть с и закругленным дном (рис. 13). Свободное пространство между стенками ямок и урнами обычно бывает заполнено черным углистым грунтом, в котором встречаются единичные кальцинированные косточки и зола, и только в одном случае были найдены бронзовые слиточки и капли. По характеру структуры и цвету заполнение ям резко отличается от грунта материка.

В характере постановки урн и в их количестве в одной ямке есть различные варианты. Чаще всего бывает одна урна в нормальном положении, что наблюдалось в 11 погребениях из 15. При этом урна может стоять как на дне ямы непосредственно, так и на темной углистой подсыпке. В одном случае обнаружены две урны, стоявшие в нормальном положении в одной яме, имевшей в плане форму удлиненного овала. Пространство между урнами заполнено темным зольно-углистым грунтом. Сами урны располагались по линии север-юг. В трех погребениях прямопоставленные урны перекрыты сверху более крупными сосудами, перевернутыми вверх дном.

2. Захоронение остатков трупосожжений, ссыпанных непосредственно в грунтовую яму без использования глиняных сосудов-урн (рис. 13:5, 6). Они являются самыми распространенными в данном могильнике. Всего их встречено 22

из 37 исследованных. Распространены они по всей площади раскопа, но на западном краю могильника на небольшом пространстве были сосредоточены сразу четыре погребения в одном ряду. Однако какого-либо видимого порядка или группировок на всей вскрытой площади они не образуют. Наряду с ямками, имевшими округлое дно и значительные размеры до 0,6 м в поперечнике и 0,5 м в глубину, в эту группу входит много небольших ямок диаметром около 0,3 м и 0,15-0,25 м глубиной. В этих мелких ямках количество пережженных костей не было меньше, чем в крупных ямках, а в некоторых случаях их было даже больше. Среди заполнения ямок не встречено никаких вещей или костей животных. По цвету заполнение ямок, в большинстве случаев, имеет общую черную окраску, но в двух случаях заполнение имело буровато-коричневую окраску.

Инвентарь Акатовского грунтового могильника весьма беден. Всего найдено 18 сосудов, большая часть из них очень плохой сохранности, а некоторые на три четверти разрушены распашкой. По своему облику это очень большие высокие и слабопрофилированные сосуды (рис. 13: I-IV). Поверхность их неровная, очень грубо приглаженная чем-то шероховатым, и по всей поверхности выступают крупные зерна дресвы. Цвет наружной поверхности сосудов сероватый. Изготовлены все сосуды от руки из плохо перемешанной глины с большой добавкой крупнозернистой дресвы - зерен толченого гранита. Обжиг плохой и механическая прочность сосудов очень слабая. Никаких орнаментальных украшений на керамике нет. Эта керамика из могильника абсолютно идентична с глиняной посудой из расположенного западнее городища-убежища и расположенного севернее селища. Она является точной аналогией сосудам 1-ой группы из городища-убежища Тушемля [Третьяков, 1958, с. 182, рис. 9].

Металлические предметы встречаются исключительно редко. Непосредственно с погребениями могут быть связаны найденные в двух захоронениях височные кольца из бронзовой проволоки со слегка утолщенными концами (таб. 22:11-14,18). Аналогичные обнаружены на поселениях IV-VII вв. у д.д. Заозерье и Шугайлово и на городище-убежище у дер. Демидовка. В этих же погребениях были бронзовые спиральки и бронзовая пронизка (таб. 20:10 и 24:16,17). Кроме нескольких бронзовых капель и сплавов, других предметов во всех остальных погребениях не обнаружено. Это свидетельствует о том, что у местных племен погребальная обрядность при трупосожжении не требовала большого количества сопровождающих вещей.

Погребения в пределах территории поселений-селищ у д.д. Шугайлово, Кислые и Заозерье изучены еще недостаточно. В результате раскопок в пределах разведочных шурфов обнаружены единичные захоронения остатков трупосожжении в ямках без урн и без сопровождающего погребального инвентаря. По форме и размеру ямок, характеру заполнения и другим особенностям эти погребения

точно соответствуют второму типу погребений в курганном могильнике у дер. Акатово, и ничего нового к уже описанному добавить не могут. Нахождение погребений такого типа в разных местах дает основание считать, что подобный обряд захоронения был распространен на широкой территории и является характерным для тушемлинских племен Смоленского Поднепровья и Подвинья.

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки памятников тушемлинской культуры III-IV-VII вв. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье, как правило, не дают значительных комплексов вещей. Так, например, в результате первых лет исследований городищ-убежищ в Посожье в Смоленской области, кроме некоторого количества керамики, железного серпа и жернова, ничего найдено не было [Третьяков, 1963, с. 67-70]. Изучение грунтового могильника и городища-убежища у д. Акатово мало что добавило к уже известному комплексу вещей из Посожья [Шмидт, 1963, с. 53]. Некоторые новые материалы были получены в результате работ в бассейне Зап. Двины на территории Белоруссии [Митрофанов, 1966, с.228 и сл.]. И только в результате раскопок городищ-убежищ у д.д. Демидовка и Близнаки и селищ у д.д. Шугайлово, Кислые, Заозерье, Ст. Куприне и др., проведенных автором настоящей работы, а также сбора материалов во время разведок удалось пополнить сведения о вещевом комплексе тушемлинской культуры [Шмидт, 1966, с. 201-203; 1968, с. 40-43]. Большие работы в Белоруссии на городище-убежище у д. Никодимово в Посожье [Седин, 1995, с. 131-152] и в оршанском течении Днепра [Левко, Колосовский, 1994, с.133-141] позволили несколько расширить сведения о вещевом комплексе третьей четверти I тысячелетия н.э.

Последовательность дальнейшего описания вещей определяется материалом, из которого они изготовлены и частотой их встречаемости, поэтому сначала рассматривается керамика (глиняная посуда) как наиболее массовый материал, определяющий принадлежность памятника к тушемлинской культуре, и другие изделия из глины, а затем предметы, изготовленные из железа, меди, бронзы, серебра, кости и камня. Без сомнения, использовались вещи, сделанные из дерева, кожи и других материалов, но в песчаном культурном слое поселений они не сохранились. Судить о их бытовании можно только по косвенным данным.

КЕРАМИКА

Керамика является наиболее часто встречаемыми находками на всех исследованных памятниках. К настоящему времени обработаны десятки тысяч фрагментов глиняных сосудов разных типов, собранных в самых различных местах,

наряду с этим имеется некоторое количество целиком сохранившихся сосудов или их больших частей, что позволяет составить довольно полное представление об основных формах и дать сравнительно полную характеристику керамики в целом.

Глиняная посуда IV-VII вв. н.э. характеризуется однообразием форм, грубой обработкой поверхности, значительной толщиной стенок и очень часто - асимметричностью. Вся она изготовлена ручным способом без применения гончарного круга. Многочисленные находки фрагментов сосудов в культурном слое городищ-убежищ у д.д. Демидовка и Близнаки и на других памятниках показывают, что в большинстве случаев стенки сосудов разламываются на горизонтальные куски лент, на краях которых заметны следы их сращивания. Это говорит о том, что стенки сосудов при их лепке наращивались способом ленточного горизонтального кольцевого налепа. Сосуды, скорее всего, изготавливались на подставках-дощечках, которые можно было при формовании сосудов поворачивать, и они были удобны для переноски сформованных сосудов и их просушки[2].

По структуре черепка и характеру обработки поверхности сосудов всю глиняную посуду можно разделить на две большие группы: 1. посуда с бугристой, грубо приглаженной поверхностью; 2. посуда с гладкой лощеной или подлощеной поверхностью. Обе эти группы керамики встречены на изученных памятниках, но соотношение отдельных групп на разных памятниках далеко не одинаково. Так, например, количественное соотношение между керамикой этих двух групп даже на городищах-убежищах одного и того же типа различно.

Таблица А.

Памятники	Группы керамики			
	Грубая	Лощеная и подлощеная		
		Всего	В том числе с ребром	
			От всей	От лощеной
Тушемля	80%	20%	-	-
Демидовка (1966 г.)	70%	30%	8%	28%
Близнаки (1973 г.)	63%	37%	6,50%	19%

Если на городищах-убежищах соотношение колеблется от 20% до 37% (по подсчетам фрагментов), то на раскопанных участках селищ лепная керамика

[2] *Более подробно технология производства керамики дана в главе «Основные занятия населения».*

доминирует, а лощеная количественно не превышает 3% от всей учтенной. Такая разница, видимо, объясняется тем, что в убежища, укрываясь от опасности, брали с собой наиболее ценные вещи и нужную и лучшую посуду, а не всю подряд.

Груболепная посуда с бугристой поверхностью (1-я группа) изготовлена из нетщательно перемешанной и промятой глины, к которой добавлена, в большинстве случаев, крупная дресва, но иногда в качестве отощающей добавки к жирной глине использовалась сравнительно мелкая дресва со слюдой и еще реже, главным образом в бассейне р. Сож, шамот или дробленая железная руда. Поверхность обработана не тщательно - снаружи на стенках сосудов бывают полосы и вмятины от пальцев, а крупные зерна дресвы или шамота выступают наружу, образуя бугорки. Обжиг сосудов в большинстве случаев слабый. Цвет черепков снаружи и на изломе от серовато-бурого до почти черного. Толщина стенок значительная, в отдельных случаях достигает 1,5 см. Некоторые сосуды имеют большие размеры - до 35-40 см высотой при примерно таком же диаметре.

Лощеная и гладкая подлощеная керамика (2-я группа) изготовлена из глины, несколько лучше промятой, к которой добавлена очень мелкая дресва со слюдой, песок или другие мелкозернистые отощающие добавки. Стенки сосудов обработаны тщательно как снаружи, так и внутри. Лощению подвергалась только наружная поверхность, но характер лощения различный: от очень тщательного лощения всего сосуда до небрежного подлощения только верхней части. Лощеная поверхность, как и излом черепка, чаще всего серого или темно-серого цвета, реже встречаются почти черные фрагменты и очень редко - красновато-бурые. Размеры сосудов 2-ой группы различны. Среди них есть довольно крупные, достигающие 40 см в поперечнике, но преобладают более мелкие сосуда и миски, использовавшиеся, видимо, в качестве столовой посуды.

На современном уровне изученности тушемлинской культуры все найденные глиняное сосуды и их фрагменты двух вышеописанных групп можно разделить по форме на 10 типов (таб. 27).

1-й тип составляют сосуды, близкие по своей форме к тюльпановидным. Они сравнительно высокие и имеют удлиненные пропорции. От плоского дна стенки сосудов расширяются вверх, образуя как бы небольшое вздутие в средней части высоты, затем идет несколько суженная горловина и слегка отогнутый наружу венчик (таб. 27:1, 1а). Чаще всего сосуды этого типа груболепные с бугристой поверхностью, последнее обусловлено примесью крупной дресвы к глине. На поверхности прослеживаются следы заглаживания пальцами и мелкая исчерченность. Обжиг сосудов восстановительный, слабый и неравномерный. Часть сосудов асимметрична. Орнаментация отсутствует. Сосуды этого типа наиболее многочисленны: они составляют подавляющее большинство среди керамики

могильника у дер. Акатово, более половины от всей керамики на городище-убежище Тушемля и около половины - на городище у дер. Демидовка.

2-й тип составляют сосуды, по форме близкие к баночным. Они несколько напоминают сосуды 1-го типа, но отличаются от них более выпуклым туловом, на которое падает наибольший диаметр, и прямым венчиком (таб. 27:2). Эти сосуды от 1-го типа существенно отличаются и составом теста, и характером обработки поверхности. Глиняное тесто у них не такое грубое, так как в качестве отощавших добавок использовались либо мелкая дресва, либо кварцевый песок с примесью дресвы, а поверхность сосудов сравнительно гладкая и иногда даже немного подлощеная. Сосуды 2-го типа встречены на многих памятниках, но количество их невелико.

3-го типа сосуды имеют усеченноконическую форму (таб. 27:3). Стенки таких сосудов от плоского дна заметно расширяются, но примерно с $^{1}/_{3}$ высоты расширение стенок становится не таким значительным. Венчик выражен сравнительно четко и слегка отогнут наружу. Максимальная ширина сосуда приходится на края венчика. По своим пропорциям это довольно удлиненные сосуды, имеющие размеры до 30 см в высоту. По характеру теста и обработке поверхности эти сосуды аналогичны посуде 1-го типа. Сосуды 3-го типа встречаются сравнительно редко, пока они отмечены в качестве урн в могильнике у дер. Акатово и на селище у дер. Кислые.

4-й тип — коническо-цилиндрические сосуды с ребром (таб. 27:4). Это довольно крупные и высокие сосуды, имеющие примерно посередине высоты или немного выше середины, на переходе от усеченно-конического низа к цилиндрическому верху сосуда, четко выраженное ребро. Венчик чаще бывает прямым, но иногда - слегка отогнутым наружу. Изготовлены сосуды из сравнительно хорошо промятой глины, к которой чаще добавлена очень мелкая дресва со слюдой, реже - кварцевый мелкий песок. Поверхность снаружи чаще лощеная, реже - тщательно заглаженная и имеет серовато-черный цвет, но иногда бывает коричневато-бурая.

5-й тип - биконические сосуды с ребром (таб. 27:5). По форме эти сосуды отличаются от предыдущего 4-го типа тем, что верхняя часть сосудов здесь, как и нижняя, представляет усеченный конус, перевернутый узкой частью вверх, а нижней, наиболее широкой, частью соединена с нижней частью сосуда, последняя может быть как постепенно сужающейся и слегка закругленной, так и совершенно ровной усеченно-конической. В месте перехода от верхней части сосуда к нижней имеется четко выраженное ребро. Изготовлены сосуды 5-го типа из глины с примешанной мелкой дресвой. Поверхность их бывает тщательно выглаженной. 5-ый тип сосудов зафиксирован на городищах-убежищах у д.д. Лахтеево и Демидовка.

6-й тип - сосуды с профилированной верхней частью (таб. 27:6). Форма сосудов своеобразна: от плоского дна тулово постепенно расширяется кверху, далее переходит в более или менее выраженное округлое плечо, за которым идет несколько сужающаяся ярко выраженная горловина и отогнутый наружу венчик. Край венчика иногда бывает украшен орнаментом в виде ногтевых вдавливаний или насечек. В очень редких случаях ногтевые защипы встречаются и на плечиках сосудов. Сосуды изготовлены из плохо промятой глины, к которой добавлена дресва. Поверхность сосудов красновато- или желтовато-серых тонов, бугорчатая из-за выступающих зерен дресвы, приглаженная пальцами, и на ней заметна мелкая исчерченность.

Сосуды 6-го типа очень близки к глиняной посуде, встречаемой на городищах днепро-двинской культуры в слоях, датируемых первыми веками н.э., типа среднего слоя на городище Тушемля. Видимо, эта керамика является наиболее древней на селищах в период начала их существования и переселения населения с укрепленных поселений-городищ на неукрепленные - селища. Встречена такая керамика на многих селищах (Шугайлово, Заозерье, Кислые, Микулино и др.).

7-й тип - сосуды с ребром на плече (таб. 27:7). Эти сосуды усеченнобиконические с ребром, проходящим по плечику и отделяющим нижние $^2/_3$ сосуда от конусообразного верха и прямого венчика. Изготовлены они из глины с примесью дресвы. Поверхность их тщательно приглажена рукой или чем-то слегка шероховатым, поэтому на поверхности прослеживается очень мелкая исчерченность. На одном из таких сосудов с селища у дер. Берково имеется орнамент в виде овальных налепленных шишечек (таб. 45:9). Такого типа сосуды встречены пока только в бассейне реки Западной Двины, а так как их не найдено на городищах-убежищах и на селищах в левобережье Днепра, то есть полное основание считать, что такая керамика является самой поздней для рассматриваемой тушемлинской культуры и распространена она преимущественно в бассейне Зап. Двины.

8-й тип - реберчатые лощеные миски (таб. 27:8). По своей форме они несколько перекликаются с реберчатыми усеченноконическими сосудами 7-го типа, но бывают более низкими и широкими. Их отличительным признаком является наличие ребра, расположенного примерно около середины высоты тулова. Изготовлены они из хорошо промятой глины, к которой добавлены либо очень мелкий песок, либо мелкая дресва со слюдой. Лощеная поверхность серовато-черная, но изредка встречается - красновато-бурая. Использование такого типа мисок засвидетельствовано для городищ-убежищ Демидовка и Близнаки и для селищ у д.д. Заозерье, Шугайлово, Дроково и др.

9-й тип - высокие миски с закругленными ярко выраженными плечиками (таб. 27:9). Стенки этих мисок от дна заметно расширяются на $^3/_5$ высоты и далее образуют округлые плечики, иногда напоминающие тупое ребро,

переходящие в шейку, закачивающуюся отогнутым наружу венчиком. Такие миски изготавливались как из грубого теста с крупной дресвой, так и из теста с мелкой дресвой. Миски 9-го типа были как лощеные, так и с грубой шероховатой поверхностью. Найдены они целиком сохранившимися на городище-убежище Тушемля, но, судя по многочисленным фрагментам, были широко распространены и на некоторых других памятниках.

10-й тип - банковидные миски или чашки (таб. 27:10). Одна целиком сохранившаяся чашка обнаружена на городище Тушемля. Она имела форму низкой банки со слегка выпуклыми стенками и венчиком, немного отогнутым вовнутрь, изготовлена из грубой, плохо перемешанной глины.

На всех памятниках, изученных с проведением раскопок, найдена керамика двух групп: груболепная бугристая и лепная лощеная или тщательно заглаженная. Среди грубой лепной керамики преобладают горшки весьма специфической формы, приближающейся к так называемой тюльпановидной, которые подразделяются нами на два типа (1, 2) и пять вариантов (таб. В). Это сравнительно высокие сосуды, имеющие наибольшее расширение тулова несколько выше середины высоты (Н1=57-72%). Диаметр дна у них всегда меньше диаметра горла (Д1:Д=57-77%); диаметр горла меньше общей высоты сосуда (Д:Н=64-98%); высота наибольшего расширения тулова меньше диаметра горла (Н1 :Д=69-90%), а диаметр наибольшего расширения тулова почти равен диаметру горла (94-100%). Плечики у этих сосудов не выделяются, и переход от наибольшего расширения тулова к шейке и венчику плавный. К этим двум типам, кроме грубой посуды, относится и некоторое количество лощеных и слегка подлощеных сосудов. В целом, сосуды такого облика составляют около 63% от всей керамики, найденной на городищах-убежищах и подвергшейся определению. Сосуды 1-го и 2-го типов резко отличаются от типичной славянской посуды типа Корчак, распространенной южнее в Поднепровье, по целому ряду признаков.

Таблица Б.

Тип посуды	Соотношение в %			
	Н1:Н	Н1:Д	Д1:Д	Д2:Д
Тип 1 (Тушемлинский)	57-67	70-90	57-67	94-98
Тип 2 (Тушемлинский)	60-72	69-82	69-77	103-109
Вид 1 (Корчак)	60-80	100	60-75	115-130

Как видно из приведенной таблицы, сосуды типа Корчак [Русанова, 1976, с. 10 и след.] имеют более высокие пропорции, и у них высота значительно превышает наибольший диаметр тулова, в то время как последний значительно больше диаметра горла, который равен высоте наибольшего расширения тулова. Все эти соотношения в тушемлинской керамике имеют совсем другие показатели.

Другой сравнительно часто встречаемой формой, характерной для тушемлинской керамики, являются сосуды лощеные и слегка подлощеные с ребром (тип 5). Количество фрагментов этого типа, имеющих ребристость, на отдельных городищах-убежищах 8% от всей посуды или 28% от всей массы лощеных обломков. Это дает основание считать, что более половины лощеной посуды относится именно к 5-му типу. В целом такая посуда составляет 15-23% от всей керамики, найденной на городищах-убежищах у д.д. Демидовка и Близнаки. Таким образом, 1, 2 и 5 типы совместно составляют 80-90% от всей керамики, они и определяют специфическое лицо керамического комплекса тушемлинской культуры. Количество сосудов других семи типов не так велико, а некоторые из них пока встречены только единично (тип 3, тип 4).

Таблица В.

Типы и	Соотношение в %				
варианты	Н1:Н	Н1:Д	Д1:Д	Д:Н	Д2:Д
Тип 1 : вариант А	60-70	71-85	57-63	76-87	94-98
вариант Б	57	90	67	64	95
вариант В	67	70	62	96	97
Тип 2: вариант А	60-63	69-77	69-77	82-85	103-104
вариант Б	65-72	72-79	50-61	82-98	103-109
Тип 3	38	52	52	74	81
Тип 4	49	62	51	79	102
Тип 5	49-57	58-76	54-70	75-84	119-121
Тип 6 (миски)	52-64	41-52	72-80	122-125	105-109
Тип 7	59	66	86	89	122
Тип 8 (миски)	53	41	60	130	102
Тип 9 (миски)	76	49	60	156	94
Тип 10 (миски)	69	55	77	126	109

Имеющийся к настоящему времени керамический материал позволяет в 1 -ом и 2-ом типах выделить варианты. Первый тип включает три варианта сосудов (типы и варианты см. в следующей таблице).

Тип 1, вариант А - большие сосуды, у которых максимальный диаметр составляет от $^3/_4$ до $^4/_5$ их общей высоты; вариант Б - сосуды более вытянутых пропорций, у которых наибольший диаметр составляет только $^2/_3$ их высоты; вариант В - приземистые сосуды, у них диаметр горла почти равен общей высоте. Тип 2, вариант А - сосуды с ярко выраженной шейкой и венчиком, слегка отогнутым наружу; вариант Б - у этих сосудов шейка почти не выражена, а венчик либо прямой, либо слегка вогнут вовнутрь сосуда. Отдельные сосуды варианта Б подвергались лощению.

Следующая таблица дает представление о распределении типов и вариантов керамики на городищах-убежищах тушемлинского типа в Смоленском Поднепровье.

Таблица Г.

Поселения	Типы и варианты													
	1			2		3	4	5	6	7	8	9	10	Мощинского типа
	А	Б	В	А	Б									
Тушемля	+		+ +	+ +	+ +				+ +	+		+	+	
Демидовка	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+		
Близнаки	+		+	+	+			+	+	+				+

На городищах-убежищах Смоленского Поднепровья, указанных в таблице Г, керамический материал сравнительно однороден: основа его состоит из сосудов 1 и 2 типов, сосуды 5 типа составляют заметную часть керамики на двух памятниках (Демидовка и Близнаки), миски типа 6, хотя и были на трех памятниках, но количество их незначительно. Сосуды типа 3 на городищах-убежищах пока не обнаружены, но на неукрепленных поселениях-селищах в Смоленском Подвинье они найдены. Если рассматривать распространение различных типов керамики на отдельных изученных памятниках Смоленского Поднепровья, то из-за ограниченности материала пока нет возможности выделить какие-либо особые районы с преобладанием тех или иных типов. Так, например, в Посожье на городищах-убежищах Городок и Прудки найдены фрагменты грубых бугристых и лощеных сосудов 1 и 2 типов, на городище-убежище Тушемля обнаружены как фрагменты, так и целые сосуды *1,2,6,*9,10 типов, но совершенно отсутствуют типы лощеной ребристой посуды, а на Лахтеевском городище-убежище были ребристые сосу-

ды 5 типа [Третьяков, 1963, с. 100-102, 67 и ел., 120 и ел.]. На самом Днепре и его мелких притоках в районе Смоленска (городища-убежища Демидовка, Близнаки и др.) встречены все типы керамики, кроме 3 и 10. В междуречье Днепра и Зап. Двины и в бассейне смоленского течения Зап. Двины (городище-убежище и могильник у д. Акатово и другие памятники) найдены все те же типы грубой лепной посуды, но среди подлощеной керамики с ребром на селищах встречаются сосуды типа 7. Вполне возможно, что локальной особенностью западно-двинской керамики тушемлинского времени является наличие и сравнительно широкое распространение 7-го типа сосудов с высоким ребристым плечиком, но не исключена вероятность, что эта керамика была поздним этапом развития собственно ребристой тушемлинской керамики, то есть тем этапом, который в Поднепровье уже не представлен.

Керамику городищ-убежищ Тушемля, Демидовка, Колочин изучал Н.В. Лопатин. На основании профилировки верхних частей сосудов из этих памятников им выделено 5 видов керамики [Лопатин, 1987, с. 85-91; 1989, с. 9-14]. Проведенное сопоставление пяти видов керамики на этих памятниках выявило некоторые особенности в керамическом комплексе каждого из них. Однако подразделение всей керамики на 5 видов не отражает всех особенностей сосудов середины и третьей четверти I тыс. н.э. как на городищах-убежищах, так и на других памятниках тушемлинской культуры. Так, например, вид 1 - сосуды с ребристым перегибом тулова — достаточно многообразны и, во-первых, включают как крупные сосуды высоких пропорций, так и сравнительно невысокие горшки и миски; во-вторых, ребро иногда образуется за счет резкого перехода от нижней части сосуда к верхней, но иногда оно представляет собою налепной валик, расположенный примерно на середине высоты сосуда, а в отдельных случаях ребро располагается в верхней части сосудов примерно на $^{3}/_{4}$-$^{4}/_{5}$ их высоты; в-третьих, эти ребристые сосуды могут быть как усеченнобиконическими, так и цилиндроконическими. Кроме того, при определении видов не выделяются миски, и их фрагменты с профилировкой верхней части автоматически объединяются с таковыми высоких горшков, что затрудняет определение соотношения разных форм в конкретном керамическом комплексе отдельных памятников. Выводы, сделанные на основании сопоставления керамики трех памятников, нет основания считать достаточно убедительными. Утверждение, что в Посожье нет керамики 1-го вида, на основе материала из городища-убежища Тушемля не правомерно, так как, например, на городище у дер. Лахтеево в бассейне р. Сож есть ребристые лощеные сосуды [Третьяков, 1963, с. 121, рис. 63:1].

Глиняная посуда тушемлинской культуры отличается еще одним весьма характерным признаком: в течение всей третьей четверти I тыс. н.э. она не украшалась никакими орнаментами. Но в период формирования тушемлинской

культуры до середины I тыс. н.э. часть сосудов орнаментировалась. Эти украшения представляли собою прочерчивания гребенчатым штампом по наружной поверхности сосудов, которые условно называют «расчесами». Прочерчивания-расчесы наносились преимущественно в верхней части сосудов по необожженной глине и составляли либо вертикальные, либо наклонные перекрещивающиеся полосы (таб. 35,40,47). В отдельных случаях «расчесами» покрывался весь сосуд от венчика до днища (таб. 47:1). Значительно реже отдельные сосуды украшались простыми нарезками, сделанными по необожженной глине ножом или другим острым предметом (таб. 38:12), или ногтевыми защипами (таб. 46:2,5). В Смоленском Подвиньи отдельные сосуды украшались рядами дырочек на шейке сосуда (таб. 39:1,2).

За пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья в бассейне Зап. Двины на территории Белоруссии керамика тушемлинских типов также встречается, хотя и не представлена там всеми 10-ю типами. При изучении древнерусского города Витебска в нижних горизонтах культурного слоя, связанных с более древними поселениями догородского времени, были найдены фрагменты сосудов, аналогичные керамике из городища-убежища Тушемля [Лявданский, 1930а, с. 94, таб. 1:13; Штыхов, 1966, с. 245]. В непосредственной близости от г. Витебска на городище Вороники, расположенном на берегу р. Лучесы, найдена такая же керамика, как и в нижнем слое поселений Витебска [Штыхов, 1966, с. 247]. В Витебском Подвинье на городищах и селищах были обнаружены фрагменты аналогичной керамики у д.д. Старое Село и Городище [Лявданский, 1930а, с.8-12] и у д. Зароново [Митрофанов, 1966, с. 219]. В районе Полоцка такая керамика найдена на селищах у д. д. Рудня и Бельчицы [Лявданский, 1930б,с.161, таб. 1:15,16,с.196, таб. VII: 1-9]. Кроме того, для Подвинья отмечено еще несколько пунктов с аналогичной керамикой: селище и городище у д.д. Казиново и Бураково, селище у д. Варганы, городище у д. Кострица [Митрофанов, 1966, с. 218]. В Оршанском Поднепровье на территории Белоруссии керамика тушемлинских типов обнаружена на городищах Германы и Черкасове [Дубінскі, 1930а, с.83, таб. 11:10; 1930, с. 77, таб. IX: 1, 3, 4, 7. Колосовский, 1996, с. 44. - у д.д. Кисели и Вежки]. Видимо, эти городища представляли собою также городища-убежища тушемлинской культуры, как Демидовка и Близнаки в Смоленском Поднепровье. В Белоруссии в бассейне р. Сож обширный керамический комплекс тушемлинских типов получен в результате раскопок городища-убежища Никодимово [Седин, 1996, с. 68], и в Посожье отмечен еще ряд поселений третьей четверти I тысячелетия н.э. с керамикой тушемлинских типов [Седин, 1992а, с. 8-11].

Археологические исследования в бассейне Днепра и его притоков показали, что памятники, содержащие груболепную слабопрофилированную керамику тушемлинских типов, распространены в Средней и Южной Белоруссии. Еще в

1920-х годах проведены раскопки Банцеровского городища на р. Свислочь в 10 км от г. Минска [Дубінскі, 1928, с. 275,278], где верхний культурный слой относился к VI-VII вв. н.э. и содержал лепную керамику, идентичную сосудам 1, 5 и 9 типов нашей классификации, но там же были и весьма своеобразные сосуды с ребром и некоторых других форм, пока не встречавшихся в Смоленском Поднепровье [Митрофанов, 1967, с. 258, 259, рис. 3]. Керамика, аналогичная сосудам из верхнего слоя Банцеровского городища, обнаружена на селищах у д.д. Осетище и Малое Стахово в Борисовском районе [Лявданский, 1925, с. 86-100], на городище и селище Прыгань, на селище у с. Круглое и у д.д. Васильевка, Тетерин, Лубены и Заречье Белыничского района [Коваленя, 1932, с. 187-196, рис. 3, 4, 5].

Позднее А.Г. Митрофанов выявил значительное количество памятников с подобной керамикой, при этом на селищах близ д.д. Дедиловичи, Городище и Некасецк проведены значительные раскопки [Митрофанов, 1966, с. 219; 1978, с. 89-99]. Судя по опубликованным материалам, на селище у д. Дедиловичи (Замковая Гора) основные формы сосудов близки керамике из смоленских памятников тушемлинской культуры. Основная масса сосудов представляет собою высокие слабопрофилированные горшки, близкие к тюльпановидным формам, есть также сосуды баночных форм, но есть сосуды с ребром на середине тулова, и встречались обломки лощеных мисок [Митрофанов, 1966, с. 228 и сл., рис. 6; 1978, с. 100-105, рис. 47:1, 6,9, 12,13; 55, 56], т.е. все они соответствуют 1,2,4, 7, 9 типам вышеописанной керамики из Смоленского Поднепровья. То же самое можно сказать и о глиняной посуде из Колочинского городища на Гомельщине, где имеются аналогии ряду типов как слабопрофилированных, так и ребристых сосудов [Сымонович, 1963, с. 126], но среди колочинской керамики отсутствуют некоторые типы тушемлинской керамики [Лопатин, 1987, с. 184-185, рис. 1, 2, виды 4 и 5], достаточно распространенные на Смоленщине. В известной степени близки смоленским типам керамики глиняные сосуды, найденные также на Гомельщине у д. Демьянка [Соловьева, 1967, с. 187 и сл., рис. 3). В какой-то степени к этому кругу древностей, видимо, можно отнести и керамику, бытовавшую в южной половине Белоруссии на селищах в Абидне, Щаткове и в других местах [Поболь, 1956, с. 210, рис. 3; 1967, с. 235 и сл.]. Аналогичные формы сосудов описаны и для некоторых памятников в пределах Брянской области для бассейна р. Десны [Артишевская, 1957, с. 88, рис. 33:10-12; 1953, с. 89 и сл., рис. 3. Падин, 1960, с. 317-319, рис. 1], и для Курской области на р. Сейме [Липкинг, 1966, с. 48]. На западе, за пределами Поднепровья, керамика таких типов, видимо, бытовала до бассейна р. Неман [Гуревич, 1962, с. 156-178].

Распространение вышеописанной керамики на обширных пространствах Верхнего Поднепровья и на смежных территориях Подвинья дает основание предполагать культурную близость племен, заселявших эти области. Без сомнения, в

Поднепровье и Подвинье обитала не одна группа племен, каждая из которых, наряду с общими элементами культуры, имела и свои локальные особенности. В настоящее время в связи с ограниченностью всех материалов середины и третьей четверти I тыс. н.э. и недостаточной изученностью керамического комплекса, в частности, нет возможности для каждой территории выделить наиболее характерные типы керамики, также и определить их для отдельных хронологических периодов за время существования этой общности с III-IV по VII в. н.э. Поэтому керамика тушемлинской культуры рассмотрена нами суммарно. В настоящее время в литературе установилась тенденция выделять три локальных варианта, или самостоятельных культур: Тушемля, Банцеровщина и Колочин, но достаточного обоснования такому делению пока не сделано. Общие тенденции хронологических изменений тушемлинской керамики как будто в некоторой степени намечаются. Так, например, после окончательного установления тушемлинской культуры к концу IV в. н.э. широко распространяются ребристые лощеные сосуды, тогда как в последний период ее существования лощение сосудов становится нетщательным или вообще прекращается. Меняется и форма ребристых сосудов, что особенно заметно в Днепро-Двинском междуречье, где в поздний период распространяются сосуды с ребром в верхней части тулова. Не исключено, что в Подвинье и вообще на северной окраине расселения тушемлинских племен лепные сосуды высоких пропорций изготавливались и после VII века н.э., но лощению они не подвергались.

Помимо горшков, мисок и других сосудов, связанных с домашним хозяйством, из глины изготавливались своеобразные сковородки или крышки. Встречаются они на памятниках тушемлинской культуры сравнительно редко и находки их исчисляются единицами. Пока фрагменты глиняных сковородок найдены только на городище-убежище Демидовка и на селищах у д.д. Шугайлово и Заозерье. Эти сковородки имеют плоское дно толщиною до 20 мм и сравнительно невысокий бортик, поставленный вертикально или с некоторым наклоном наружу (таб. 28:8, 12, 13). Общий диаметр сковородок составляет от 16 до 20 см. Редкая встречаемость сковородок на памятниках тушемлинской культуры дает основание не считать их характерными предметами для данной культуры. Вообще же, глиняные сковородки такого типа были довольно широко распространены в Восточной Европе в середине и второй половине I тысячелетия н.э. Они есть среди материалов из памятников типа Корчак [Русанова, 1963, с. 46] и Пеньковка [Березовец, 1963, с. 175], но широко были распространены в последующий период VIII-X вв. н.э. на памятниках роменского типа [Ляпушкин, 1958, с. 42].

Среди изделий, поступавших из южных областей вверх по Днепру, особо нужно отметить серолощеный глиняный кубок, найденный в обломках, по которым удалось реконструировать его облик (таб. 26:6). По форме он биконический

и имеет кольцевой поддон, на шейке есть неширокий выпуклый кольцевой валик. Аналогия ему есть в бассейне Дуная, датируемая V в. н.э. [Werner, 1956, с. 110]. В какой-то степени, кубок из Демидовки по своей форме перекликается с формой аналогичных изделий и даже мисок, имеющих такой же профиль, бытовавших в IV в. н.э. в бассейне Днепра, в Надпорожье, например, в Лохвицком могильнике - погребение 4 [Березовец, Петров, 1960, с. 87-88, рис. 4:2] и на территории Молдавии, датируемых IV-началом V вв. н.э. [Федоров, 1960, с. 130, таб. 25:9, 10]. А.Г. Фурасьев, анализируя кубок из Демидовки, ссылаясь на мнение О.Н. Шарова и М. Казанского, считает этот кубок по происхождению черняховским и датирует его началом IV-серединой V в. н.э. [Фурасьев, 1997, с. 34]. Исходя из всего комплекса находок на городище-убежище Демидовка, скорее всего, этот кубок можно датировать последней четвертью IV-первой половиной V в. н.э.

Другие изделия из глины. Для тушемлинской культуры характерны разные изделия из глины. Часто встречаемыми предметами как на селищах, так и на городищах-убежищах являются глиняные пряслица (таб. 17 и 16). Основная масса пряслиц имеет более или менее устойчивую форму биконическую (иногда еще называемую битрапецоидной или усеченнобиконической). Размеры их варьируют в пределах: поперечник - от 17 мм до 38 мм, толщина - от 8 мм до 27 мм, диаметр отверстия - от 7 мм до 14 мм. Большинство пряслиц изготовлены из глины без заметных искусственных добавок, но в отдельных случаях использовались небольшие отощающие добавки мелкой дресвы или песка. Обжиг более или менее хороший, и цвет варьирует от темно-серого до палевого. Основная масса пряслиц, за редким исключением, не имеет орнамента, но их поверхность бывает тщательно заглаженной или лощеной.

В конце 1970-х годов для раннесредневековых древностей территории междуречья Днепра и Немана была разработана классификация пряслиц [Перхавко, 1979, с. 45-46], и она приложима к характеристике пряслиц из памятников тушемлинской культуры Смоленского Поднепровья и Подвинья. Большинство имеющихся пряслиц относится к типу I и по своей форме являются уплощеннобиконическими, т.е. у них отношение высоты к максимальному диаметру составляет от 0,33 до 0,45 (таб. 16:1, 2, 4-10 и др.; таб. 17:1-3 и др.). Среди пряслиц типа I по деталям формы можно выделить виды А, Б, В, Г. Вид А характеризуется вогнутыми поверхностями оснований (таб. 16:2, 8). Вид Б имеет плоские поверхности оснований (напр., таб. 16:1, 5 и др.). В одном случае у пряслица этого вида ребро смещено к одной из плоских поверхностей. Пряслица вида Б встречаются наиболее часто. Вид В включает пряслица, у которых ребро оттянуто и имеет вид налепного валика (таб. 16:12, 14, 26 и др.). Они найдены на селищах у д.д. Заозерье (таб. 16:14, 15), Шугайлово (таб. 16:19, 25, 26), Микулино (таб. 17:13), Кислые-Курлын (таб. 17 :1), Куприно (таб. 17:8) и на городище-убежище Близнаки

(таб. 16:12), т.е. являются достаточно характерными для тушемлинской культуры. У пряслица вида Г ребро как бы срезано (таб. 16:22), найдено оно только на селище у дер. Заборье. По отсутствию или наличию орнаментации пряслица типа I делятся на два варианта. Вариант I включает неорнаментированные пряслица типа I. Они составляют абсолютное большинство. Вариант 2 объединяет пряслица с различным орнаментом, который представлен либо рядами точек (таб. 16:22), либо углообразными черточками (таб. 16:18), иногда сочетающимися с прямыми короткими черточками (таб. 16:14), либо кружочками с точкой в центре, напоминая циркульный орнамент (таб. 16:21,24), либо в виде параллельных нарезок, составляющих зигзаги (таб. 17:21), либо из более сложных комбинаций зигзагообразных линий с углообразными и прямыми черточками (таб. 17:5). Орнаментированные пряслица встречаются редко и обнаружены не на всех изученных памятниках. В целом же, пряслица типа I в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья встречены на всех памятниках IV-VII вв., подвергшихся раскопкам. Они являются характерными находками для памятников тушемлинской культуры. Высказано мнение, что пряслица I типа характерны для древностей типа Банцеровщина, а на славянских памятниках культуры Корчак и Лука Врублевецкая они не встречается [Перхавко, 1979, с. 45].

Пряслица типа II также биконические, но имеют большую высоту по сравнений с пряслицами типа I (таб. 16:3, 17; таб. 17:4). У них отношение высоты к максимальному диаметру около 0,8. На поселениях тушемлинской культуры они встречаются редко: пока найдены на городищах-убежищах Демидовка и Близнаки и на селище у д. Кислые. Все они неорнаментированы.

Пряслица типа III имеют дисковидную форму (таб. 16:4, 20). Они встречаются редко. По деталям своей формы они несколько отличаются. Пряслице из городища-убежища Демидовка имеет на одной стороне вогнутую поверхность, и его можно отнести к виду А (таб. 16:4), тогда как второе пряслице из селища у дер. Шугайлово (таб. 16:20) имеет плоские поверхности оснований и относится к виду Б.

На селище у дер. Шугайлово обнаружено пряслице, не относящееся к указанным типам. Оно блоковидной формы, диаметром 33 мм, толщиной 19 мм, диаметр отверстия около 8 мм (таб. 17:11).

На городищах днепро-двинской культуры, датируемых I-III вв. н.э., с характерной керамикой и грузиками «дьякова типа», биконические пряслица встречаются очень редко. Пока они обнаружены в среднем слое городища Тушемля [Третьяков, 1963, с. 56, рис. 21:2 и 22:10] и на городищах Холмец и Наквасино [Шмидт, 1992, с. 98, таб. 33:10, 11]. Они распространяются в Смоленском Поднепровье и Подвинье в период перехода населения с городищ на селища и уже встречаются часто в наиболее древних слоях селищ, датируемых III-IV вв. н.э. В

этих слоях также обычна профилированная и слабопрофилированная керамика, и изредка встречаются грузики «дьякова типа». Начиная с середины I тыс. н.э., биконические пряслица становятся обычными предметами на поселениях тушемлинской культуры.

Рассмотренные типы пряслиц были широко распространены на памятниках IV-VII вв. н.э. в бассейне Днепра и за пределами Смоленского края. Так, например, в Белоруссии на городище-убежище Никодимово, датируемом VI-VII вв. н.э., расположенном в бассейне р. Сож, есть многочисленные аналогии пряслицам типов I и II [Седин, 1993, с. 22-29, рис. 1-4]. Подобные пряслица есть и южнее - в Посожье [Мельниковская, 1962, с. 56], в Белоруссии на Днепре и его притоках, они найдены на городище Колочин [Сымонович, 1963, с. 129, рис. 24:9], на селище у Нового Быхова [Поболь, 1974, с. 173, рис.7:5], на р. Друть [Медведев, 1995, с. 114, рис. 2:1,7], на притоках р. Березины [Ильютик, 1988, с. 54, рис. 12:7 и др.] и в Оршанском районе [Колосовский, 1996, с. 44]. За пределами Поднепровья биконические пряслица обнаружены на памятниках середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Подвинье: на селищах Узмень [Миносян, 1972, с. 115, рис. 3:12-14], Жабино [Станкевич, 1960, с. 113, рис. 75:6, 7] и в погребениях, и на поселениях третьей четверти I тысячелетия н.э. у д.д. Варганы и Дорохи [Штыхов, 1992, с. 114, рис. 19:2, 3, 6; с. 126, рис.17], на городище Заговалино [Шут, 1969, с. 35] и в других местах. Обнаружены подобные пряслица и на многих поселениях середины и третьей четверти I тыс. н.э. в брянском течении р. Десны [Третьяков, 1974, с. 68-69, рис. 10:2, 3 и др.].

Вместе с профилированной и слабопрофилированной керамикой тушемлинских типов, в том числе украшенной расчесами, на селищах в нижней толще их напластований культурного слоя, где найдены пряслица, встречаются глиняные грузики дьякова типа. По своим формам и размерам они не отличаются от грузиков из днепро-двинских городищ первых веков н.э. [Шмидт, 1992, с. 96, таб. 33-38]. К настоящему времени они обнаружены на четырех поселениях. На селище у дер. Шугайлово найден грузик (таб. 17:14) вместе с керамикой профилированной и слабопрофилированной с расчесами (таб. 29:1-6). Примерно такого облика глиняный грузик (таб. 17:15) найден на селище у дер. Куприно вместе с ранними типами керамики (таб. 38). Фрагмент грузика (таб. 19:5) обнаружен на селище у дер. Заозерье, где встречено большое количество керамики с расчесами (таб. 47). На селище у дер. Микулино найден обломок грузика (таб. 17:16) в пределах постройки, в этом же слое были фрагменты керамики ранних тушемлинских типов (таб. 40). В целом, находки глиняных грузиков дьякова типа на селищах связаны с ранним периодом становления тушемлинской культуры, и на вышеуказанных поселениях они могут датироваться концом III—началом IV вв. н.э.

Изготавливались из глины также грузила для сетей. Они имеют ша-

ровидную, бочковидную и овальнояйцевидную форму со сквозными отверстиями. Размеры их сравнительно невелики. Таковы грузила из селищ у д.д. Шугайлово, Заозерье, Пениснар, Кислые (таб. 17:18, 20; таб. 18:2-4, 6), наиболее многочисленны их находки у трех первых поселений, расположенных на берегах озер Демьян, Б. Рутавечь, Пениснар.

Глиняные бусы обнаружены на селищах у д.д. Микулино (таб. 17:12) и Шугайлово (таб. 17:6) и на городище-убежище Демидовка (таб. 18:7 и таб. 24:21-25, 28-30). Форма их различна: от шаровидной до овальнояйцевидной или плоской, цвет - преимущественно серовато-палевый, диаметр колеблется от 6 до 12 мм. Совместно со стеклянными бусами, бронзовыми пронизками и подвесками они, скорее всего, входили в состав ожерелий. Подобные глиняные бусы на памятниках середины и третьей четверти I тыс. н.э. встречаются и на смежных территориях в Поднепровье [Поболь, 1967, с. 220; 1969, с. 113, рис. 2:5] и в Подвинье [Станкевич, 1960, с. 119, рис. 77:9,10], но были они и в предшествующее зарубинецкое время [Третьяков, 1959, с. 144]. Использованию таких бус способствовало то, что для их изготовления исходный материал - глина - всегда был под руками.

Изделия из глины применялись в бронзолитейном деле. Известны находки очень мелких обломков глиняных литейных форм, вероятно, изготовленных по восковой модели, но восстановить по этим обломкам как облик предметов, изготовленных в них, так и сами формы в их первоначальном виде не представляется возможным. То же самое можно сказать и о фрагментах тигельков, обнаруженных на селище у дер. Кислые. Целиком сохранившийся тигель особой формы, возможно, служивший одновременно и льячкой, происходит из верхнего культурного слоя городища-убежища Демидовка (таб. 19:8). На одной стороне тигля есть массивный выступ, используя который клещами его помещали в горн. Внешняя и внутренняя поверхности тигля ошлакованы. На селище у дер. Заозерье найдена цельная небольшая льячка в виде глиняной ложки (таб. 18:1). В ее массивной ручке имеется круглое отверстие для деревянной ручки. Такого же облика льячка происходит из селища у дер. Шугайлово (таб. 17:17). На этом поселении найдена льячка большого размера, у которой на основании глиняной ручки нанесен нарезной орнамент в виде перекрещивающихся линий (таб. 17:19). Такого рода льячки использовались для разлива в литейные формы расплавленного в тиглях цветного металла (меди, бронзы, серебра). По своему внешнему облику эти льячки в виде глиняных ложек почти ничем не отличаются от льячек, найденных на городищах днепро-двинской культуры раннего железного века [Шмидт, 1992, с. 88,96, таб. 39:10,12,13]. Нужно отметить, что подобные льячки, видимо, вполне удовлетворяли требованиям древних бронзолитейщиков и использовались не только в раннем железном веке, но и в течение всего I тысячелетия

н.э. и не только в Смоленском Поднепровье и Подвинье, но и на смежных территориях [Никольская, 1959, с. 104. Станкевич, 1960, с. 109, рис. 69:6]. Упомянутая льячка из городища-убежища Демидовка (таб. 19:8) особой формы, вероятно, служила одновременно и тиглем, поэтому ее можно считать тиглем-льячкой. Совершенно аналогичная тигель-льячка происходит из городища у д. Акатово, где ее точная увязка с конкретным горизонтом культурного слоя была затруднена, и она рассматривалась вместе с древностями позднего этапа днепро-двинской культуры [Шмидт, 1992, с. 88, таб. 39:14]. Близкие по форме тигли-льячки известны из верхней толщи культурного слоя городища Троицкого под Москвой [Дубынин, 1970, с. 44-45, таб. 31].

Помимо вышеописанных глиняных изделий и глиняной посуды, функциональное назначение которых более или менее ясно, в культурном слое памятников тушемлинской культуры еще обнаружены: целиком сохранившиеся глиняные предметы (таб. 17:9, 10), напоминающие по внешней форме обычные пряслица, но не имеющие отверстий для веретена; а также большой фрагмент сравнительно массивного диска (таб. 18:13) с отверстием в центре и двумя рядами ямочек по периметру на поверхности. Назначение перечисленных предметов не совсем ясно. Глина широко также использовалась при сооружении горнов, выявленных при раскопках селищ у д.д. Шугайлово, Заозерье и Кислые [Шмидт, 1971, с. 74; 1981, с. 92; 1969, с. 63]. На селищах у д.д. Ерилово и Аносинки найдены железные шлаки и глиняные обломки от домниц [Шмидт, 1971, с.75; 1994, с. 107], а в Заозерье в культурном слое под курганной насыпью - глиняная печь с неоднократно подмазанным и сильно обожженным подом [Шмидт, 1985, с. 103]. Использовалась глина при устройстве очагов и для других хозяйственных нужд.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА И ДРУГИХ МЕТАЛЛОВ

Металлический инвентарь весьма разнообразен, и для его изготовления использовались и железо, и цветные металлы (медь, бронза и серебро). Наиболее многочисленны изделия из железа. Они встречены на всех поселениях и, без сомнения, в основной массе, т.е. за редким исключением, являются продукцией местной. Об этом свидетельствует нахождение на поселениях, даже при незначительных раскопанных площадях, следов кричного производства в виде больших скоплений железных шлаков и кусков железной руды (селища у д.д. Кислые, Аносинки, Заозерье и др.), а также обломков глиняной обмазки сыродутных горнов. С кузнечным производством на селищах увязывают находки кузнечных горнов, обнаруженных у д.д. Шугайлово, Заозерье, Кислые, о чем уже говорилось выше, а также железных прокованных заготовок (таб. 13:11) и кузнечных инструментов: пробои (таб. 13:3-6) и зубило (таб. 13:2).

Значительное место среди железных изделий занимают предметы вооружения и снаряжения воина-всадника. Большинство из них найдено в пределах Поднепровья в слоях пожаров на городищах-убежищах Демидовка, Близнаки, Никодимово и др., но отдельные находки происходят из изученных и частично раскопанных поселений-селищ: Заозерье, Шугайлово, Куприне и др. Вооружение воина, как правило, могло включать: копье, сулицу, топор, лук и стрелы, ножи, вероятно, и щит, но пока никаких свидетельств о щитах и их конструкции не обнаружено.

Наконечники копий. Все наконечники втульчатые, крепились чаще всего к древку при помощи гвоздика. Среди железных втульчатых наконечников копий преобладают крупные, массивные, с развитым пером. Они представлены несколькими типами. Распространен тип наконечника копья с пламеобразной формой пера (таб. 2:1-4; таб. 3:4). Этот тип имеет несколько вариантов. 1. Большие наконечники от 24 см до 32 см при максимальной ширине пера 4,1-6 см и его уплощенно-ромбическом сечении с выступающим на ребре узким валиком. Отношение длины пера к длине втулки от 2:1 до 3:1 (таб. 2:1, 2; таб. 3:4). У этих наконечников из городища-убежища Демидовка нижняя расширенная часть пера закруглена. 2. Большие узкие наконечники длиною до 33 см при максимальной ширине пера 3,6 см, имеющего уплощенно-ромбическое сечение. Перо в нижней части имеет небольшое расширение, резко сужающееся к втулке (таб. 2:3). У наконечника из городища-убежища Близнаки отношение длины втулки к длине пера 1:1. Аналогичные наконечники найдены на городище Никодимово (таб. 4:3) [Седин, 1994, с. И], где выделен в отдельный самостоятельный тип. 3. Сравнительно короткие наконечники длиною до 18 см при ширине пера до 4,2 см, имеющего уплощенно-ромбическое сечение. Перо в нижней части имеет значительное расширение, резко, почти под углом, сужающееся к втулке. Отношение длины втулки к длине пера 1:1 (таб. 2:4). Этот наконечник происходит из селища у дер. Заозерье. Аналогичные найдены на городище-убежище Никодимово, где выделены в отдельный тип [Седин, 1994, с. 11-12, рис. 2:2].

При сравнительно немногочисленных находках железных наконечников копий с пламеобразной формой пера есть некоторые основания пока объединить три вышеуказанных варианта в один тип. По своему облику в той или иной степени они являются вариантами формы пламени, несмотря на то, что у одних нижняя часть пера закруглена, а у других - почти под углом переходит к втулке, и у части из них верхняя часть пера несколько вытянута, а у другой - укорочена. При рассмотрении наконечников копий с пламеобразной формой пера как отдельного типа нужно отметить, что подобные наконечники имеют многочисленные аналогии в древностях V-VIII вв. н.э. на территории Прибалтики, в том числе в Литве [Таутавичюс, 1959, с.137, рис. 10; 1996, с. 128-136. Казакявичюс, 1988, с. 24-29, 38-40].

Найдены они и в Латвии с вещами V-VII вв. н.э. у куршей, латгалов и селов [Latvijas, 1974, с. 157, таб. 27:7,31:12,39:12,21], у которых они были сравнительно широко распространены, особенно в V-VI вв. н.э. В Латвии наконечники копий с пламеобразной формой пера найдены и в составе кладов V в. н.э., например, в Кокумуйже [Urtans, 1977, с. 138-142, рис. 5 и 46].

К другому сравнительно широко распространенному типу относятся железные наконечники копий с плоским и достаточно широким пером листовидной формы. Например, наконечник из городища-убежища Демидовка (рис. 2:5) имел дину 30 см при максимальной ширине пера 3,6 см, при уплощенно-ромбическом сечении пера и невысоком валике на ребре почти вдоль всего пера. Отношение длины пера к длине втулки 3:1. Кроме наконечника из Демидовки, в пределах рассматриваемой территории расселения тушемлинских племен несколько наконечников копий этого типа размером от 20 до 25 см найдены на городище-убежище Никодимово [Седин, 1994, с. 11]. Наконечники с листовидным пером также широко бытовали в Восточной Европе в V-VII вв. Учитывая частое их нахождение в комплексах с другими типами наконечников копий этого времени, сошлемся на аналогии с уже рассмотренных территорий Литвы [Таутавичюс, 1959 с. 137, рис. 8:1. Казакявичюс, 1988, с. 48-51, рис. 19] и Латвии [Latvija PSR, 1974, таб. 39:41], где они широко распространяются с VII в. н.э. Найдены также в могильниках на р. Сейме [Липкинг, 1974, с. 130, рис. 2:1, 2] и есть в древностях пражской культуры на Украине [Археология УССР, т. III. 1986, с. 145, рис. 31:6-8].

Втульчатые двушипные наконечники копий встречаются довольно часто. На поселениях тушемлинских племен они обнаружены в Демидовке (таб. 3:1,2, 5) и Никодимове (таб. 4:6). У них удлиненная втулка, заканчивающаяся небольшим пером треугольной формы с двумя шипами. Они имеют размеры от 16 до 25 см при отношении пера к длине втулки от 1:2 до 1:3,2. Подобные наконечники копий встречаются на памятниках V-VII вв. как западнее - в Белоруссии: в Поднепровье [Митрофанов, 1967, с. 253-254, рис.2:1] и в Подвинье [Шут, 1969, с. 35, рис. 6:28], так и восточнее - в междуречье Волги и Оки [Розенфельдт, 1982, с. 128-134, рис. 32,33]. Известны наконечники этого типа в Литве [Казакявичюс, 1988, с. 55-57, рис. 22] и в Латвии [Latvija PSR, 1974, с. 157] .

Представлен еще один тип наконечников копий с относительно длинной втулкой, коротким и узким листовидно-ромбовидным пером. У тушемлинских племен они найдены на городищах Близнаки (таб. 3:6), Никодимово [Седин, 1994, с. 12-13, рис. 1:4], Черкасове [Дубінскі, 1930, с. 79, таб. VIII:8] и Вежки [Колосовский, 1997, с. 38, рис. с. 75]. Длина этих наконечников составляла 15,5-20,5 см, ширина пера 1,8-2 см, соотношение длины втулки и пера от 1,5:1 до 2,4:1. Наконечники из городища-убежища Никодимово имеют перо с гранью, т.е. сечение пера ромбическое, другие такого ребра не имеют. За пределами территории ту-

шемлинских племен наконечники такого типа встречаются в Прибалтике, в Латвии [Latvija PSR, 1974, с. 157, таб. 39:22], где датируются VI-VII вв., есть они и в кладах [Urtans, 1977, с. 150-158, рис. 57:4,5], в литовских курганах третьей четверти I тыс. н.э. [Таутавичюс, 1959, с. 137, рис. 5:1] и в могильниках VI-VII вв. [Казакявичюс, 1988, с. 33, рис. 11]. Использовались они также населением в западном междуречье Волги и Оки в V-VII вв. [Розенфельдт, 1982, с. 135, рис. 34].

Еще один железный наконечник копья представлен единственным экземпляром из селища у д. Заозерье (таб. 3:3). Это копье с пером в виде четырехугольного в сечении стержня, имевшего заметное утолщение при переходе к удлиненной втулке. В отличие от близких по форме наконечников копий VIII-XIII вв. [Кирпичников, 1966, с. 15-17, таб. 9:7-9], у наконечника из Заозерья удлиненная втулка, конструктивно одинаковая с таковыми у других, уже рассмотренных нами, вариантов копий.

Железный втульчатый наконечник сулицы (таб. 2:6) длиною 11 см с листовидным пером найден на городище-убежище Демидовка. Аналогии ему в пределах тушемлинско-банцеровской культуры нам неизвестны. Не исключено, что наконечники с двумя шипами и некоторых других форм использовались также в качестве сулиц.

Наконечники стрел. Железные наконечники стрел являются частой находкой на памятниках тушемлинской культуры. Все они черешковые. В соответствии с формой пера подразделяются на два типа: трехлопастные и плоские. Преобладают трехлопастные с упором при переходе от пера к черешку. Они найдены на городищах-убежищах Демидовка (таб. 1:1-9), Близнаки (таб. 1:17), Троицкое (таб.1: 10), Никодимово (таб. 5:3, 4, 6, 8) [Седин, 1994, с.14-15], Барсучья Горка [Тарасенко, 1949, с. 105] и на селище у д. Старое Куприне (таб. 1:11).

Тип лопастных железных наконечников стрел можно подразделить на несколько вариантов. 1. Наконечники, перо которых не имеет плечиков, а три лопасти плавно переходят к черешку, образуя упор (таб. 1:4). Длина наконечника 6,5 см, максимальная ширина 1,3 см, длина пера 4,1 см, отношение ширины пера к его длине 1:3,1. Хорошо сохранившийся наконечник этого варианта найден на городище-убежище Демидовка. 2. Перо наконечника с плечиками в нижней трети пера и с уступом при переходе к черешку (таб. 1:1-3, 5-9). Их длина 6,3-9 см при ширине пера 1,2-1,8 см и его длине 3,5-4,5 см, отношение ширины пера к его длине от 1:2,5 до 1:3,4. В пределах территории тушемлинских племен найдены на городищах-убежищах Демидовка и Никодимово. 3. Наконечники с лопастями, имеющими выемку при переходе от максимального расширения пера к черешку (таб. 1:10, 11, 17). Их длина 6,5-8,2 см, ширина пера 0,9-1,7 см, длина пера 3,7-4,8 см, отношение ширины пера к его длине от 1:2,8 до 1:4,4. Наконечники этого варианта обнаружены на городищах-убежищах Близнаки (таб. 1:17), Тро-

ицкое (таб. 1:10) и на селище у дер. Старое Куприне (таб. 1:11). 4. Трехлопастные наконечники с прямыми плечиками (таб. 5:3,4). Два наконечника такого типа обнаружены на городище-убежище Никодимово [Седин, 1994, с. 15, рис. 2:12 и 3:8].
5. Наконечники с узким и удлиненным пером с упором (таб. 5:6). Один экземпляр происходит из городища-убежища Никодимово [Седин, 1994, с. 15, рис. 2:11].
6. Наконечники с отверстиями в нижней части лопастей (таб. 5:8). Обнаружен в Никодимово, отличается большими размерами и массивностью: длина 11,5 см, ширина пера 2,7 см, длина пера 6,2 см, имеет упор для древка [Седин, 1994, с. 14, рис. 3:3].

Трехлопастные черешковые наконечники стрел появляются в лесной зоне Восточной Европы после гунского нашествия. Более часто встречаются в третьей четверти I тыс. н.э. За пределами расселения племен тушемлинской культуры они обнаружены в среднем и нижнем течении р. Десны [Третьяков, 1974, с. 98, рис. 16:6. Падин, 1974, с. 135, рис. 2:6], в Верхнем Поднепровье [Соловьева, 1967, с. 189, рис. 24:4. Кухаренко, 1957, с. 91, 97, рис. 34], на западе в Литве, где датируются IV-VI вв. н.э. [Казакявичюс, 1988, с. 67-72, рис. 25:9,14-29]. Большинство трехлопастных стрел в Литве найдено на городище Аукштадварис [Даугудис, 1962, с. 43-70], и они включают аналогии некоторым нашим вариантам. Необходимо отметить, что «трехлопастные наконечники стрел нехарактерны для литовских и других балтских племен» [Казакявичюс, 1988, с. 71], что попали они туда в результате набегов грабительских дружин с юго-востока. Есть такие наконечники стрел в древностях VI-VII вв. на р. Оке [Никольская, 1959, с. 43, рис. 15:4] и в Поволжье [Горюнова, 1961, с. 87, рис. 33:16. Трубникова, 1964, с. 150, рис. 13:14, 17]. В это время подобные наконечники стрел были широко распространены в лесостепной и степной полосе восточной Европы от Приуралья до Дуная [Мажитов, 1968, таб. 1. Werner, 1956, с. 125, таб. 57. Csallany, 1961, с. 261, таб. 279]. Исходя из того, что трехлопастные наконечники стрел в Смоленском Поднепровье найдены преимущественно на сожженных городищах-убежищах, учитывая их появление в степях на юге в 1 -ой четверти I тыс. н.э. и широкое использование кочевниками в IV-VII вв., есть основание эти трехлопастные наконечники стрел связывать не с местным населением. Вполне возможно, во время осады убежищ нападавшие обстреливали из луков укрывшихся защитников. Часть стрел застряла в деревянных стенах построек, во время пожара извлечена не была и попала в культурный слой вместе с другими остатками, т.е. стрелы принадлежали грабительским дружинам, проникавшим вверх по Днепру до его смоленского течения. Но это не исключает производства местными кузнецами таких железных наконечников по добытым образцам.

Черешковые плоские наконечники стрел с пером листовидно-ромбовидной формы в тушемлинских древностях встречаются редко. Один экземпляр обнару-

жен на городище-убежище Демидовка (таб. 1:12). Он имеет удлиненное перо уплощенно-ромбического сечения. Другой наконечник с ромбовидно-округлым пером и в сечении линзовидным, с упором на черешке найден на городище-убежище Никодимово (таб. 5:5). Для балтских племен их считают редкими формами наконечников [Казакявичюс, 1988, с. 66, рис. 25], хотя они найдены там в нескольких местах. Аналогии за пределами Смоленского Поднепровья есть на городище Аукштадварис [Даугудис, 1962, с. 43-70], на городище Березняки в Верхнем Поволжье [Розенфельдт, с. 57, рис. 2:2] и на городище Хотомель [Кухаренко, 1957, с. 91, рис. 34:1].

Трехлопастные наконечники стрел встречены в разных местах Восточной Европы и характерны они для второй половины I тыс. н.э. [Перхавко, 1979, с. 51, рис. 5]. Время их бытования у племен тушемлинской культуры следует определить V-VII вв. н.э.

Топоры. Для населения тушемлинской культуры характерно использование железных проушных узколезвийных топоров, что подтверждается находками как целых экземпляров, так и многочисленных обломков лезвий (таб. 8:9-15). Характерна однородность излома лезвий, видимо, обусловленная способом изготовления топоров, когда лезвие делалось из более высококачественного углеродистого железа (стали) и наваривалось на основу, изготовленную из простого железа. По линии наварки и происходил излом топора во время работы. Основная масса топоров использовалась в хозяйстве в качестве орудий труда, но это не исключало их применение и в качестве оружия. При этом отдельные экземпляры, вероятно, изготавливались специально для воинов. Пока обнаружен только один экземпляр такого топора на городище-убежище Демидовка (таб. 8:15). По своей форме он имеет некоторые общие черты с топорами последнего периода существования культур штрихованной керамики и днепро-двинской. По форме круглого отверстия, ширине обушка и общей конфигурации он напоминает топор из городища Холмец [Шмидт, 1992, с. 85. таб. 19], однако изогнутое тулово и расширяющееся книзу лезвие отличают его несколько от днепро-двинского с Холмца и придают ему те особенности, которые больше присущи топорам культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии [Очерки, 1970, с. 193, рис. 71:1]. Аналогичные или близкие формы топоров есть в древностях V века н.э. в пределах Латвии, например, найдены в кладе из Кокумуджи [Urtans, 1977, с. 138-145, рис. 46:28-30 и рис. 47:3] и в находках из культурного слоя поселений середины и третьей четверти I тыс. н.э. [Latvijas PSR, 1966, таб. 32:6, 8].

На селище у д. Еловцы в Посожье найден железный топор с боковыми щековицами-выступами по сторонам проуха (таб. 9:5), имеющий длину 19,5 см с лезвием шириной 6,5 см и отверстием овальной формы размером 4,2 х 3,4 см. Подобные топоры в Восточной Литве считаются боевыми и найдены в погребе-

ниях воинов, в том числе вместе с наконечниками копий с пламевидной формой пера [Казакявичюс, 1988, с. 78-81, рис. 31 и 32]. Находки в Литве датируются концом V-VIII вв. н.э., но в Латвии у латгалов они использовались и после VIII в. н.э. [Казакявичюс, 1988, с. 80]. Наличие таких топоров в древнерусских материалах зафиксировано в литературе, и они отнесены к VIII типу. Время их бытования распространяется на X и XI вв. н.э., но рассматривается как показатель «замедленности культурного развития ряда восточнославянских регионов» [Кирпичников, 1966, с. 39].

Несомненным доказательством использования узколезвийных топоров вышеуказанных типов населением тушемлинской культуры не только как оружия, но и в качестве орудий труда являются многочисленные обломки лезвий топоров, неоднократно обнаруженные на селищах Шугайлово, Заозерье, Ерилово, Кислые, Колодня (таб. 8:9-14) и других памятниках, включая городище-убежище Никодимово [Седин, 1994, с. 118, рис. 1:2].

Ножи - наиболее часто встречаемые изделия из железа на поселениях тушемлинской культуры. Все они имеют сравнительно прямую спинку клинка, плавно закругленного к концу, и плоское черено (таб. 10-12). Несмотря на общий характер клинка, эти ножи несколько отличаются друг от друга по характеру перехода от клинка к черенку, крепившемуся в рукояти. По этому признаку можно выделить несколько вариантов ножей. 1. Спинка клинка и черено составляют прямую линию, т.е. при переходе нет уступа, тогда как при переходе от черена к лезвию есть уступ (таб. 11:7, 9; таб. 12:4, 10, 13; 10:7, 16). 2. В месте перехода от черена к клинку, и со стороны лезвия и со стороны спинки есть уступы, выраженные в той или иной степени (таб. 10:8, 9; таб. 11:1, 2, 5, 6, 13; таб. 12:8, 14). 3. Клинок ножа переходит к черену плавно, без уступов (таб. 11:14; таб. 12:2). В отдельных случаях черенок не прямо продолжает клинок, а поставлен к нему под углом (таб. 11:3, 4, 11). Судя по остаткам, сохранившимся на черенках (таб. 11:14 и таб. 12:1), рукояти ножей были преимущественно деревянными, но в одном случае зафиксированы остатки кости или рога на черене ножа. Некоторые ножи из селище у дер. Заозерье крепились в рукояти при помощи двух заклепок (таб. 12:17), а в одном случае нож имел железную рукоять, выкованную вместе с клинком (таб. 12:17). Большинство ножей значительных размеров, найденны преимущественно на городищах-убежищах, имеют длину клинка в 12 см и более при отсутствии на них следов сработанности, видимо, использовались в качестве оружия (таб. 10:7,9 и таб. 12:4 и др.). Основная масса обломков или целых ножей, найденных на поселениях, имеющих различную длину клинков со следами сработанности, являлись обычными ножами, использовавшимися в хозяйстве того времени. Ножи с плавным или слегка угловатым переходом от черена к клинку со стороны лезвия, видимо, более древние, так как по этому признаку они ближе к

ножам днепро-двинской культуры предшествующего времени [Шмидт, 1992, с. 85, таб. 23:2-10]. Ножи с более выраженными угловатыми переходами от черена к клинку и со стороны лезвия, и со стороны спинки в значительной степени напоминают ножи, бытовавшие в последней четверти I тыс. н.э. на этой же территории. Подобные ножи были распространены в IV-VIII вв. н.э. не только в Смоленском Поднепровье и Подвинье, но найдены у этнически родственных племен банцеровской и колочинской культур [Митрофанов, 1967, с. 230, рис. 2:2; 1978, с. 107, рис. 52:30. Сымонович, 1963, с. 130, рис. 26:9, 10]. Они характерны также для большинства племен этого времени, обитавших в Восточной Европе [Никольская, 1959, рис. 23:5 и рис. 53; Булычев, 1899, с. 5, таб. 11:9 и таб. XIX:5; Станкевич, 1960, с. 117, рис. 75:1; Шноре, 1961, таб.XI:9, 11, 28; Дубынин, 1970, с. 31, таб. 11:5, 24, 25; Смирнов, 1970, с. 175].

Выделяется особой формой нож из селища у дер. Ерилово (таб. 11:8), не имеющий аналогий среди материалов из других поселений тушемлинской культуры, но подобные формы ножей известны среди позднедьяковских древностей на городище Троицком [Дубынин, 1970, с. 31, таб. 12:1-7. Смирнов, 1970, с. 174-175, тип 2], в верхнем течении Зап. Двины на городище Подгай [Станкевич, 1960, рис. 42:4].

На селище у дер. Заозерье в перемещенном культурном слое вместе со слабопрофилированной керамикой тушемлинских типов найдены два цельнометаллических железных ножа. Один из них имеет завершение рукояти в виде волютообразных спиралей (таб. 12:15), длина ножа 16,2 см, длина клинка 7,7 см и его ширина 1,3 см. Рукоять второго ножа заканчивается волютами эсовидной формы (таб. 12:16). Его общая длина - 16 см, клинок - 6,5 см длиной и 1,1 см шириной, конец клинка слегка закруглен. Лезвия обоих ножей несут следы сработанности. Кроме ножей из Заозерья, на территории тушемлинской культуры нож с эсовидным завершением рукояти найден у Ярцева на р. Вопи (ГИМ, кол. 107/6а). В литературе выдвинуто предположение о ритуальном назначении подобных ножей [Минасян, 1978, с. 152].

Археологи, специально изучавшие происхождение и распространение ножей с волютообразными завершениями рукоятей, считают, что на территории Польши они появились в VI в. н.э. и широко распространились, начиная с VII века, а в Верхнем Поднепровье использовались с начала VIII в. н.э. [Минасян, 1978, с. 148-151. Перхавко, 1979, с. 48]. Для Белоруссии считается характерными для банцеровской культуры третьей четверти I тыс. н.э. [Митрофанов, 1978, с. 108]. Находки из Заозерья можно датировать VII - возможно, самым началом VIII в. н.э., так как найденная вместе с ними слабопрофилированная керамика в материалах IX-X вв. н.э. в Заозерье уже не встречается. На территории банцеровской культуры они найдены на селищах Ревячка и Городище [Митрофанов, 1978,

с. 107-108, рис. 35:1,2 и 52:17] и на селище Лукомль [Штыхов, 1978, с. 49, рис. 18:14].

Железные кресала найдены неоднократно как на селищах, так и на городищах-убежищах. Они представлены двумя типами. 1-й тип - сравнительно массивные железные пластины прямоугольного сечения длинною 9,5-12,5 см, конец которых оттянут и свернут в кольцо, видимо, служившее для подвешивания к поясу. Обнаружены на селищах у д.д. Заозерье, Слобода-Глушица и на городище-убежище Демидовка (таб. 7:8-10) Аналогии им есть в мощинской культуре в бассейне Оки и Днепра [Булычев, 1899, с. 6, таб. 11:8. Никольская, 1959, рис. 53. Шмидт, 1996, с. 37, рис.6:5], на Верхней Волге [Горюнова, 1961, с. 88, рис. 33:1,2 и с. 105, рис. 46:4], на позднедьяковском Троицком городище [Смирнов, 1970, с. 178. Дубынин, 1970, таб. 14:2]. Кресала этого типа появились в римское время и распространились в Верхнем Поднепровье и Подвинье после середины I тыс. н.э.

2-й тип кресал представлен массивными плоскими железными пластинами прямоугольного сечения, один конец которых оттянут в виде черена, круглого в сечении (таб. 8:1-7), их размеры: длина 12,5-17,5 см. Пластины бывают либо ровные, либо с расширениями на конце и у перехода к черену. Они найдены на городищах-убежищах Демидовка и Никодимово [Седин, 1992, с. 99] и на селищах у д.д. Шугайлово, Куприне, Арефино, Кислые, а также в Подвинье на селище Узмень [Миносян, 1972, с. 115, рис. 3:6] и являются весьма характерными для тушемлинской культуры. Единичные находки таких кресал известны у племен банцеровской культуры [Митрофанов, 1978, с. 142, рис. 50:48].

Время бытования кресал 2-го типа можно определить серединой и третьей четвертью I тыс. н.э.

Шпоры, изготовленные из железа, представлены двумя типами: 1. шпоры с выпуклыми пуговицеобразными зацепами; 2. шпоры с крючкообразными зацепами наружу. Шпоры 1-го типа (таб. 7:3, 5) найдены в насыпях курганов у д.д. Цурковка и Слобода-Глушица [Шмидт, 1958, с. 165, рис. 4:9 и 19636, с. 191, 3:31]. Насыпи курганов целиком состояли из культурного слоя селищ тушемлинской культуры. Видимо, при насыпании курганов в VIII-IX вв. н.э. вместе с грунтом селища они попали в курганы. Шпоры 1-го типа имеют острый конический шип, приклепанный или наваренный к дужке, которая либо целиком представляет собою пластину, либо в средней части имеет форму короткой пластины, а к концам становится выпукло-плоской и завершается выступами в виде пуговиц, при помощи которых шпоры и крепились на обуви всадников.

В Средней Европе шпоры появились у кельтов и изготавливались они из бронзы. Это изобретение было воспринято римлянами и другими народами. В римское время шпоры стали изготавливать из железа, а к V веку н.э. уже окончательно установились их основные типы, в том числе шпоры с пуговицеобразны-

ми и крючкообразными зацепами. К концу I в. н.э. на территории Восточной Германии шпоры с пуговицеобразными зацепами уже почти не встречаются [Jahn, 1921, с. 35], но в пределах Польши они бытуют не только в римское время, а й в эпоху Великого переселения народов [Kostrzewski, 1965, с. 262, рис. 91:29 и с. 305, рис. 104:3]. В Литве этого типа шпоры, изготовленные из бронзы и из железа, встречаются в мужских погребениях еще и в V в. н.э. [Lietuviu, t.2, 1966, с. 156, рис. 12,16,18]. В пределах Смоленского Поднепровья такие шпоры, скорее всего, использовались не позднее V в. н.э., поскольку на городищах-убежищах с вещами VI-VII вв. они уже не встречаются.

Только к концу третьей четверти I тыс. н.э. на территории Польши появляются шпоры нового типа с крючкообразными зацепами вовнутрь [Kostrzewski, 1965, с. 311, рис. 105:19], которые во многих местах вытесняют другие предшествующие типы шпор и становятся характерными для славянского населения не только в пределах Польши, но и на значительных пространствах Украины [Археология УССР, т.3. с. 184, рис. 43:10]. Шпоры другого типа с крючкообразными зацепами наружу появляются в Восточной Европе в IV-V вв. н.э. и широко распространяются в VI-VII вв. [Перхавко, 1978, с. 122]. На памятниках тушемлинской культуры третьей четверти I тыс. н.э. они найдены на городищах-убежищах Близнаки, Демидовка, Никодимово и на селище у д. Шугайлово (таб. 5:12 и таб. 7:1, 2, 4, 6, 7), а также на городище Церковище [Кирпичников, 1973, с. 56,103, рис. 34:2]. Шпоры с крючкообразными зацепами наружу известны и за пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья. На территории Белоруссии они найдены на поселениях близ д. Городище в слоях, содержащих керамику тушемлинско-банцеровских типов [Митрофанов, 1969, с. 253, рис. 4:6; 1978, с. 108-109, рис. 52:18; 54:6 и 58:27-29], на городище Лабенщина [Очерки..., 1970, с. 196, рис. 71:23; Митрофанов, 1978, рис.25:1] и на селище Щатково в слоях IV-VI вв. н.э. [Поболь, 1967, рис. 23:9], и в курганах у д. Дорохи [Штыхов, 1992, с. 29. рис. 17:6]. Далее к западу они есть в материалах из раскопок в Латвии на городищах Асоте и Кентескалнс [Latvijas PRS, 1974, с. 155, таб. 37:6], где датируются VI-VIII вв. Такая же шпора с зацепами наружу найдена вместе с материалами мощинской культуры V-VII вв. на городище Наквасино в верховьях Днепра [Шмидт, 1996, рис. 6:10].

Шпоры с зацепами наружу считаются типичными для балтских племен [Перхавко, 1978, с. 122 и 1979, с. 54-55, рис.7] и датируются, в целом, VI-VIII вв. В Смоленском Поднепровье и Подвинье племенами тушемлинской культуры (восточными балтами) они, видимо, использовались в VI-VII вв.

Железные удила, целиком сохранившиеся экземпляры и в обломках, найдены на городищах-убежищах Близнаки, Демидовка (таб. 6:1,4-6, 8), Никодимово (таб. 5:1, 2) и на селищах Еловцы, Петрополье, Слобода-Глушица (таб. 6:2, 3, 7).

Они представлены: удилами двучленными, без псалий с неподвижными кольцами на концах (таб. 5:2,4) и такими же двучленными, но с дополнительными подвижными кольцами на концах (таб. 6:3), а также трехчленными, без псалий с неподвижными кольцами на концах (таб. 6:1). Удила этих типов у тушемлинских племен появились в уже сложившемся виде, т.е. они были заимствованы от населения степей и лесостепи Восточной Европы в начале эпохи Великого переселения народов и широко использовались в третьей четверти I тыс. н.э. Аналогичные двучленные удила известны среди материалов банцеровской культуры [Митрофанов, 1978, с. 111], а также в бассейне Верхней Западной Двины [Станкевич, 1960, с. 173, рис. 75:3] и на территории Латвии [Latvijas PSR, 1974, таб. 31:2] и Литвы [Lietuviu, 2, 1966, с. 156, рис. 12, 16 и Lit... Bruozai, 1961, с. 198, рис. 204:1], где уже в V в. н.э. являются частой находкой в погребениях воинов. Такие же удила использовались населением позднедьяковских городищ Щербинское, Троицкое и других в третьей четверти I тыс. н.э. [Дубынин, 1970, таб. 14:22, 23 и Смирнов, 1970, с. 176], известны они и в Верхнем Поволжье [Горюнова, 1961, рис. 57:17].

Железные пинцеты найдены на городищах-убежищах Демидовка (таб. 6:9, 10) и Никодимово (таб. 5:13). Подобные пинцеты иногда в археологической литературе называются «щипчиками», известны и за пределами территории тушемлинской культуры в древностях середины и третьей четверти I тыс. н.э. Таковы пинцеты из селища Ревячка в Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. 111], из поселения у д. Жабино в Подвинье [Станкевич, 1960, с. ИЗ, рис. 77:5], из Хотимльского могильника в Поволжье [Горюнова, 1961, с. 119-120, рис. 56:10], из Троицкого городища позднедьяковского времени [Дубынин, 1970, рис. 19:42] и западнее Поднепровья и Верхнего Понеманья [Werner, 1956, таб. 41:10 и Svoboda, 1965, с. 224, таб. 56:11 и 82:7]. В Литве подобные формы пинцетов встречаются в погребениях воинов с конем, датируемых V в. н.э. [Lietuviu, 1966, с. 155, рис. 12]. Пинцеты, найденные на городищах-убежищах Демидовка и Никодимово, можно датировать VI-VII вв. н.э.

Железные пряжки представлены четырьмя основными типами. Большая часть из них была поясными, но некоторые являлись подпружными или служили элементами сбруи.

1-й тип - В-образные пряжки - представлены двумя экземплярами, одна из городища-убежища Демидовка (таб. 1:15), имеющая более упрощенную форму (подобная пряжка найдена в погребении вместе с другими хорошо датированными вещами V-VI вв. н.э. в могильнике у оз. Обяляй в Литве [Urbanavicius, 1988, с. 14-15, рис. 11:5]), и на городище-убежище Никодимово, где она имеет более четко выраженную В-образную форму. У нее на основании рамки есть нарезки, а на язычке - округлый выступ (таб. 24:32). Аналогичная пряжка с двумя нарезками на основании пряжки известна в древностях пражско-корчакской культуры третьей чет-

верти I тыс. н.э. [Седов, 1995, с. 22, рис. 9:7]. Пряжки В-образной формы найдены также на городищах Вежки и Черкасове на территории Белоруссии в пределах расселения тушемлинскнх племен [Колосовский, 1996, с. 44]. Аналогии гладким и рифленым В-образным пряжкам многочисленны в литовских древностях [Lit... Brouzai, 1961, с. 350, рис. 254:10 и 256; Lietuviu 2, 1966, с. 156, рис. 19], где они датируются IV-V вв. н.э. В Поднепровье и Подвинье они были характерны и для VI-VII вв. н.э.

2-й тип - овальные массивные пряжки с утолщенной передней частью рамки, обнаруженные на городищах-убежищах Близнаки (таб. 1:14), Никодимово (таб. 5:10 и 24:19) и на селище Шугайлово (таб. 1:16). Подобные пряжки на Украине широко бытовали уже у населения черняховской культуры [Археология УССР, т. 3,1986, с. 87, рис. 16:14,15]. Аналогии им есть в древностях Литвы [Lietuviu, 2, 1966, с. 156, рис. 17], Латвии [Latvijas PSR, 1974, таб. 40:21, 22 и 41:11] и Белоруссии [Седин, 1994, с. 17, рис. 1:17]. Есть они и в материалах мощинской культуры третьей четверти I тыс. н.э. [Шмидт, 1996, с. 49, рис. 6:6]. В целом, для восточной Европы они характерны для IV-VII вв. н.э.

3-й тип - прямоугольные пряжки, большей частью с вогнутыми вовнутрь боковыми краями рамки, имеющие несколько форм. Они обнаружены на городище-убежище Никодимово (таб. 4:9-11 и 24:15, 18, 31) [Седин, 1992, с. 98; 1994, рис. 2:7], где они, скорее всего, датируются VII в. н.э. В древностях VIII — начала X вв. н.э. Смоленского Поднепровья и Подвинья, связанных с культурой длинных курганов, они абсолютно преобладают [Шмидт, 1963а, с. 108]. Вообще, такие пряжки были широко распространены в последней четверти I тыс. н.э. в Восточной Европе.

4-й тип - круглые пряжки. Значительная часть таких пряжек происходит из городища-убежища Никодимово (таб. 4:12), но одна пряжка круглой формы сравнительно большого размера найдена на городище-убежище Близнаки (таб. 20:19), не исключено, что она могла использоваться в качестве фибулы. Круглые пряжки из Никодимова датируются, в целом, третьей четвертью I тыс. н.э. [Седин, 1994а, с. 126].

Железные соединительные кольца. Одно такое кольцо найдено на городище-убежище Никодимово (таб. 5:11). Оно, скорее всего, было деталью уздечки [Седин, 1994а, с. 126, рис. 2:8]. Датируется VI-VII вв.

Железное стремя (таб. 5:14) обнаружено на селище у оз. Пениснар, где на пашне среди подъемного материала были только фрагменты керамики тушемлинской культуры. Аналогии в древностях третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье нам неизвестны.

Железные бритвы (таб. 20:18 и 26:1) отличаются от ножей выпуклым лезвием и вогнутой спинкой. Обнаружены они на селище у д. Заозерье и на горо-

дище-убежище Демидовка. Время их бытования более точно, чем начало существования тушемлинской культуры пока не определяется. Но вообще, в пределах Смоленского Поднепровья бритвы такого типа использовались населением и ранее, в последний период существования днепро-двинской культуры до рубежа III и IV вв. н.э. [Шмидт 1992, с. 85, таб. 29:7-12]. На территории Белоруссии они были в употреблении в первой половине I тыс. н.э. [Митрофанов, 1978, с. 35, рис. 20, 24]. Поскольку на городище Лабенщина вместе с бритвой найдены: железная шпора с зацепами наружу, ножи с прямой спинкой и прямоугольные пряжки, есть основание считать, что бритва там относится ко времени не ранее IV-V вв. Находка бритвы на Банцеровском городище [Митрофанов, 1967, с. 253, рис. 2:3] подтверждает использование бритв населением Поднепровья в период между II и VI вв. Аналогии бритве из Заозерья есть в Польше [Kostrzewski, 1965, с. 177, 179, 192], в Прибалтике [Moora, 1932, с. 33, рис. 26:6] и, в частности, в Латвии [Latvijas, таб. 31:6 и 37:23], где они датируются первой половиной I тыс. н.э.

Железные предметы, связанные с хозяйственной деятельностью, довольно разнообразны. Они дают представление как об основных занятиях населения того времени, так и об уровне самого производства железных изделий. Несомненно, все ниже рассмотренные предметы изготавливались на месте, о чем убедительно говорят и остатки кузнечных горнов, и найденные железные заготовки-полуфабрикаты.

Серпы - достаточно частые находки на памятниках тушемлинской культуры. Больше всего их обнаружено на селищах Шугайлово (таб. 14:1,2,4-8), Заозерье (таб. 14:3 и 15:5), Кислые (таб. 15:6, 8-10), Ковали (таб. 15:3), Гнездово (таб. 15:4), Устье [Третьяков, 1963, с. 117, рис. 60:А] и на городищах-убежищах Демидовка [Шмидт, 1992, с. 56-57, таб. 26:4], Никодимово (таб. 25:12) [Седин, 1994а, с. 118-120, рис. 1:3-5], Кисели и Черкасове [Левко, Колосовский, 1994, с. 138, рис. 2:9,10]. На городище-убежище Демидовка серпы залегали в перемешанном культурном слое на контакте двух разновременных слоев, что не дает основания для точной датировки, а время их бытования может быть определено только как первая половина I тыс. н.э.

Большая часть серпов относится к типу, сравнительно широко распространенному в Поднепровье. Особенность этого типа серпов заключается в том, что сравнительно массивное и изогнутое полотно клинка непосредственно переходит в плоский черенок, лишь немного более узкий, чем сам клинок. В месте перехода от клинка к черену бывает плавный уступ на стороне лезвия. Конец черена оттянут и загнут под прямым углом к плоскости черена в виде крючка или не очень высокого выступа. Положение этого крючкообразного выступа более или менее стандартно: чаще оно направлено вверх. Так, если серп взять правой рукой и на-

править лезвие к себе, то выступ будет ориентирован вверх. Однако в одном случае - селище у д. Ковали (таб. 15:2) - крючок при аналогичном расположении в конце черена направлен вниз. Черено серпа крепилось к деревянной рукояти при помощи этого крючка, последний при зажиме двух половинок деревянной рукояти попадал в специальное углубление и удерживал при работе рукоять от соскальзывания с железного серпа. Размеры серпов этого типа различны. Длина их по прямой оси составляет до 26 см, а ширина полотна - до 3 см; но, судя но отдельным найденным фрагментам, были и более крупные экземпляры серпов.

Такие серпы с крючком на черене в соответствии с предложенными классификациями серпов относятся к II группе, 1-й подгруппе [Миносян, 1978, с. 79, рис. 4] или по другой классификации к I отделу, типу 2 [Краснов, 1971]. Серпы подобного типа появились в Поднепровье еще в I тыс. до н.э. на поселениях скифских племен [Граков, 1954, с. 141, рис. 14:1], затем около рубежа нашей эры они распространились, помимо лесостепной полосы, в лесной зоне Верхнего Поднепровья [Максимов, 1959, с. 37, рис. 5:6 и 1972, с. 70, рис. 27:14] и широко стали использоваться в IV-VII вв. н.э. [Сымонович, 1963, с. 133, рис. 27; Очерки.... 1970, с. 174, рис. 61:4; Минасян, 1978, с. 79; Седин, 1994, с. 120]. На памятниках тушемлинской культуры встречаются также серпы других форм. На селище у Гнездова вместе с керамикой середины I тыс. н.э. найден серп (таб. 15:4), который можно отнести к 1-й группе, вариант «Г», но из-за небольшой величины он несколько напоминает серповидные ножи варианта «А» (по Р.С. Миносяну). По своим размерам это - небольшое орудие, имеющее несколько вогнутое лезвие, переходящее в прямое черено. В месте перехода клинка в черено наблюдается уступ со стороны лезвия. Общая длина - 16 см, максимальная ширина клинка - 1,5 см. Подобные серпы были широко распространены на этой же территории у днепро-двинских племен в предшествующий период [Шмидт, 1992, с. 56,57, 85, таб. 24 и 25] и как пережиток, видимо, сохранялись до середины I тыс. н.э. Серп из Заозерья (таб. 15:5) можно отнести к 1-ой группе, вариант «Д» по классификации Р.С. Миносяна. Его клинок почти без уступа плавно переходит в черено. Общая длина серпа - 17,5 см, ширина клинка - 2 см. Ранние находки подобных серпов известны на поселениях первых веков н.э. на территории расселения днепро-двинских племен, в том числе и в Подвинье [Станкевич, 1960, с. 53-55, рис. 32:2], однако они использовались также и в середине и третьей четверти I тыс. н.э. племенами, обитавшими на территории Белоруссии, например, на селище и городище у д. Городище [Митрофанов, 1978, рис. 54, 57, 58]. Серп из городища-убежища Никодимово [Седин, 1994а, с. 118, рис. 1:3] можно отнести к 1-ой группе, вариант «А» (по Р.С. Минасяну). Из селища у д. Микулино происходит серповидный нож (таб. 13:1), имеющий спинку, изогнутую почти под прямым углом, и несколько отогнутый мыс. Определить его размеры затруднительно, так

как часть черена отломана. Такие серповидные ножи относятся к варианту «Г» и характерны для племен днепро-двинской культуры, обитавших преимущественно в Подвинье, где датируются первой половиной I тыс. н.э. [Минасян, 1978, с. 78, рис. 2:23-25; Шадыро, 1985, с. 55-56, рис. 33:8-13].

Находки серпов группы I, варианты А, Г, Д наиболее характерны для городищ и поселений северо-запада России, Северной Белоруссии, Средней и Восточной Латвии, северной части Верхнего Поднепровья, где в целом датируются I тыс. н.э. [Минасян, 1978, с. 78-79], но в Смоленском Поднепровье они после VII в.н.э. не встречаются.

Косы-горбуши, как и косы с крючком на черене, отличаются от серпов группы I тем, что слабовыгнутый клинок заканчивается не простым череном, а пяткой, конец которой завернут крючком. Различие между серпом с крючком на черене и косой-горбушей заключается в их размерах и в том, что серпом работали, держа его одной рукой, а косой-горбушей - двумя руками. Коса-горбуша (таб. 15:1,2) в обломках обнаружена на селище у д. Слобода-Глушица. Аналогичные косы известны в материалах третьей четверти I тыс. н.э. из селища близ д. Городище в Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. 111, рис. 50:44], а также найдены на городищах-убежищах Кисели и Вежки [Колосовский, 1996, с. 44]. Эти находки можно датировать VI-VII вв. н.э.

Наральник железный (таб. 15:7), обломанный конец которого найден на городище-убежище Близнаки, имел небольшие размеры. На других памятниках тушемлинской культуры наральники не обнаружены. Судя по остальным материалам из этого убежища, его дата VI-VII вв. н.э.

Пружинные ножницы (таб. 9:5) из городища-убежища Никодимово [Седин, 1994а, с. 123, рис.2:1] пока единственная находка такого рода из памятников тушемлинской культуры. Южнее, в Верхнем Поднепровье, пружинные ножницы были найдены на селище Абидня, где датируются второй четвертью I тыс. н.э. [Очерки ..., 1970, с. 173-174, рис. 61:5]. Видимо, подобные ножницы использовались населением тушемлинской культуры и в третьей четверти I тыс. н.э.

Иглы железные (таб. 20:2, 3) из селища у д. Заозерье, их размеры 8,5 и 9,5 см, имеют круглое сечение. Они являются сравнительно редкими находками на поселениях, хотя в хозяйстве того времени тушемлинскими и другими племенами использовались повсеместно [Митрофанов, 1978, рис. 58:25,26; Станкевич, 1960, с. 115, рис. 76:8; Смирнов, 1970, с.178; Дубынин, 1970, таб. 15:32, 33].

Железные шилья являются весьма распространенными предметами и обнаружены на многих памятниках тушемлинской культуры, подвергшихся раскопкам (таб. 8:8 и таб. 10:1-5,10-15). Все они более или менее однотипны: рабочая часть - острие - имеет круглое сечение, тогда как противоположная часть, крепившаяся в рукояти, обычно четырехугольная в сечении (квадрат, прямоуголь-

ник) и не бывает заостренной. Найденные экземпляры шильев имеют размеры от 8,5 до 19 см. Шилья аналогичного облика встречаются на этой территории как на городищах предшествующего времени днепро-двинской культуры раннего железного века, так и на памятниках послетушемлинского времени, включая древнерусский период [Третьяков, 1963, с. 170; Лявданский, 1926, с. 331, таб. 1:49; Шмидт, 1992, с. 84, 85, таб. 17:9-14]; такого же облика шилья бытовали и у соседних племен, за пределами тушемлинской культуры, в середине и третьей четверти I тыс. н.э. [Митрофанов, 1978, с. 109, рис. 51:14 и 57:6; Станкевич, 1960, с. 78, рис. 57:4, 5 и 76:6].

Стержень шилообразной формы, назначение которого не совсем ясно, происходит из городища-убежища Демидовка (таб. 13:12). Стержень округлого сечения, один конец которого заострен, а второй расплющен в виде лопаточки. Подобные стержни в синхронных древностях известны на территории Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. 109, рис. 57:7 и 58:11], где найдены вместе с материалами третьей четверти I тыс. н.э.

Железные пробои (керны) из городища-убежища Демидовка и селища у д. Шугайлово имели разные размеры - от 7 см (таб. 13:5) до 16,5 см (таб. 13:3). Они использовались для пробивания отверстий в металлических изделиях в кузнечном производстве и для других целей. Аналогией может служить керн из Троицкого городища позднедьяковского времени [Смирнов, 1970, с. 178; Дубынин, 1970, таб. 14:15].

Заготовки железные для кузнечного производства в виде брусков найдены на городище-убежище Демидовка (таб. 13:11). Их изготавливали в запас и хранили, пока не возникала потребность в производстве новых изделий.

Железное долото из городища-убежища Демидовка (таб. 13:2) - сравнительно массивное с тщательно заостренным рабочим краем орудие, служившее для обработки дерева.

Кочедыг железный из городища-убежища Демидовка (таб. 13:23) использовался для плетения лаптей и изготовления других вещей из лыка. Аналогичные изделия у соседних племен этого времени неизвестны.

Рыболовные крючки представлены двумя типами. Крючок из селища у д. Слобода-Глушица длиною 24,5 см имел несколько своеобразный вид (таб. 13:10). Крючок таких размеров, видимо, использовался для ловли сомов или другой очень крупной рыбы. Близкий по форме и величине крючок использовался не только тушемлинскими племенами, но известен в древностях мощинской культуры из памятников середины I тыс. н.э. в бассейне Верхней Оки [Булычев, 1899, таб. XIV:23]. Другой тип крючка представлен находкой из селища у д. Заозерье (таб. 13:9), размером 3 см. Подобные рыболовные крючки использовались повсеместно разными племенами в середине и третьей четверти I тыс. н.э. [Седин, 1992,

с. 98; Смирнов, 1970, с. 176; Дубинин, 1970, таб. 14:9, 10; Никольская, 1959, рис. 53; Горюнова, 1961, рис. 46:7; Latvijas PSR, таб. 37:16-20].

Железная острога была другим орудием, использовавшимся в рыболовстве. В наших материалах один экземпляр происходит из селища у д. Кислые (таб. 13:14), а другой-из селищауд. Шугайлово (таб. 13:15). Подобные железные остроги известны и у других племен этого времени [Никольская, 1959, рис. 53].

Железная «кошка» из городища-убежища Демидовка (таб. 15:11), назначение которой пока точно не определено, но не исключено, что ее могли использовать в рыболовстве для поднятия из воды сетей или деревянных ловушек. Подобные предметы встречаются довольно часто в последующую древнерусскую эпоху [Мальм, 1956, с. 125, рис. 4:9].

Лощило - массивный железный предмет (таб. 9:4), напоминающий по своей форме нож, но имеющий ровный клинок, закругленный с двух сторон. У клинка одна сторона плоская, а вторая - закругленно-выпуклая и очень гладкая, видимо, она была рабочей частью лощила. Черено плоское, у его основания при переходе от клинка к черену есть отверстие. Обнаружено лощило на селище у д. Микулино в пределах постройки, в культурном слое которой было большое количество фрагментов от бракованной глиняной посуды, в том числе и подлощеной. Форма и местонахождение дают основание предполагать о его использовании в качестве орудия керамического производства, т.е. лощила или особого ножа. Аналогии среди железных изделий I тыс. н.э. в древностях других культур Восточной Европы нам неизвестны.

Железо использовалось также и для производства некоторых украшений, хотя к середине I тыс. н.э. ассортимент и количество железных украшений значительно сократились по сравнению с ранним железным веком на этой же территории.

Посоховидные булавки, изготовленные из железа, встречаются сравнительно часто. Наиболее типичными являются небольшие булавки с округлой головкой и завитком в один оборот, при этом игла булавки имеет округлое сечение, а головка, начиная от изгиба, и весь завиток - четырехугольное сечение (таб. 20:5). Более редкой формой являются посоховидные булавки с каплевидной формой головки, изготовленные из проволоки округлого сечения, завиток у них имеет один оборот (таб. 20:6). Типология посоховидных булавок уже разработана А.М. Медведевым, в соответствии с которой булавки с округлой формы головками при четырехугольном сечении проволоки относятся к типу 1Б (таб. 20:5, 7, 9), а с головкой каплевидной формы и округлым сечении проволоки - к типу 1А (таб. 20:6). Булавки типа 1Б были широко распространены в первой четверти I тыс. н.э. у населения культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии [Медведев, 1995а, с. 189] и у племен Прибалтики, где вместе с булавками типа 1А

становятся характерными для балтских древностей. Во второй четверти I тыс. н.э. булавки этих типов известны в Поднепровье и за пределами территории племен штрихованной керамики [Терпиловский, 1984, с. 20, таб. 3:20 и 5:5; Поболь, 1971, рис. 2:11-23], а также у племен мощинской культуры [Никольская, 1966, с. 10, рис. 1:5]. В третьей четверти I тыс. н.э. они по-прежнему бытуют, но встречаются реже на памятниках банцеровской культуры в Белоруссии [Митрофанов, 1978, рис. 51:16], тушемлинской культуры в Подвинье [Минасян, 1979, рис. 2:25, 26] и в Поднепровье [Шмидт, 1976, с. 33, рис. 13:18]. В Прибалтике они многочисленны у жемайтов, аукштайтов и других племен Литвы и Латвии [Медведев, 1995а, с. 193-195]. В Смоленском Поднепровье и Подвинье они обнаружены на селищах у д.д. Заозерье и Шугайлово и на городищах-убежищах Демидовка и Близнаки (таб. 20:5-9). Одна из булавок из городища-убежища Близнаки (таб. 20:8) имеет головку каплевидной формы с завитком в полтора оборота при четырехгранном сечении проволоки, и ее можно отнести к типу IIБ (вид 16) по А.М. Медведеву. Эта булавка по своей форме напоминает булавки днепро-двинской культуры раннего железного века [Шмидт, 1992, таб. 13], но от них отличается четырехгранным сечением проволоки в верхней части иглы и всей головки с завитком. Ее можно рассматривать как пережиток, сохранившийся в местной среде от предшествовавшего населения. На археологических памятниках в Смоленском Поднепровье и Подвинье после VII в. н.э. посоховидные булавки вышерассмотренных типов пока не обнаружены.

Посоховидные булавки являются типичными вещами, бытовавшими у балтских племен, начиная с эпохи раннего железа. Это было обосновано на обширном материале еще в 1960-х годах [Седов, 1967, с. 129-145], более детально разработано и подтверждено в 1990-х годах [Медведев, 1995а, с. 172-197]. Булавки такого облика использовались в качестве застежек для одежды и, вероятно, при помощи шнурка, закрепленного на одежде, привязывались в целях предотвращения их утери.

При раскопках поселений найдены фрагменты железных предметов, по которым, в большинстве случаев, не всегда удается установить облик самих вещей и их назначение. Есть среди находок и куски железных поковок, являвшихся, видимо, заготовками в кузнечном деле.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ И СТЕКЛА

В эпоху раннего железа днепро-двинские племена, кроме железа, использовали для изготовления украшений и некоторых орудий труда только медь и бронзу, в период великого переселения народов в Поднепровье и Подвинье распространяются еще изделия из серебра. Из вышеуказанных цветных металлов в

IV-VII вв. н.э. изготавливались преимущественно предметы украшений: фибулы, браслеты, шейные гривны, височные кольца и пр., а также поясная гарнитура и пряжки.

Пряжки и поясная гарнитура. На городище-убежище Демидовка найдена массивная серебряная пряжка (таб. 1:13). Она имеет: преемник - гладкое кольцо, равномерное по толщине, круглое в сечении, своеобразной вытянутой овальной формы; широкий изогнутый шип (язычок) с поперечной пластиной-перекладиной, украшенной решетчатым орнаментом в виде двух рядов выступающих пирамидок, окруженных рамкой. Этот декор выполнен трехгранной выемчатой резьбой. Кроме того, на краю язычка есть две поперечные нарезки. Вытянутый массивный овальный щиток имеет два полукруглых выступа для заклепок. Щиток украшен двумя крупными многовитковыми спиралями, имеющими произвольное пересечение с рамкой, выполненными также техникой трехгранной выемчатой резьбы. У щитка с противоположной стороны от преемника располагается треугольный выступ с двумя массивными желобчатыми клювами. Это как бы две слившиеся птичьи головы.

Точных копий этой пряжки в археологической литературе не отмечено. Однако в Борковском могильнике среди случайных находок есть пряжка, близкая по форме, но иначе орнаментированная и без клювообразных выступов [Спицын, 1901, таб. XIV: 19]. То же самое можно сказать и о фрагменте пряжки с выступающими птичьими головами, найденном у дер. Хотища Пропойского района на Могилевщине [Ляўданскі, 1932, с. 244,245, таб. 1:5]. По своей конструкции и общему облику пряжка из Демидовки близко стоит к пряжкам VI века из Крыма [Репников, 1906, с. 70]. По стилю орнаментации ее можно сопоставить с некоторыми вещами из средней полосы Европейской части России, и в частности, с бляшкой из селища V-VI вв. у дер. Посудичи [Третьяков, 1965, с. 70, рис. 4:1; 1974, с. 87-89, рис. 2:8] и бляшкой из того же Борковского могильника [Спицын, 1901, таб. XIV: 18]. Судя по указанным выше вещам и их хронологии, а также учитывая все материалы из толщи культурного слоя на городище-убежище Демидовка, где была найдена пряжка, ее можно датировать V-VI вв. н.э., и она входит в круг древностей, бытовавших в Восточной Европе после гуннского нашествия.

Детальный анализ конструкции и декора пряжки из Демидовки и сопоставление ее с пряжками и другими вещами из круга европейских древностей проделал А.К. Амброз. Он пришел к выводу, что пряжка из Демидовки по форме и по стилю не имеет аналогий среди древностей юга СССР, что «стилистически наиболее близки ... западные изображения орлиных голов», появившиеся «на Среднем Дунае в декоре больших пряжек и пальчатых фибул второй половины V в.» и широко распространившиеся в VI в., что, по его мнению, эту пряжку следует датировать VI в. [Амброз, 1970, с. 71-73].

На городище-убежище Демидовка еще обнаружены серебряные пряжка и гарнитура от портупейного пояса (таб. 1:19). Массивная серебряная пряжка имела круглую рамку-приемник, сделанную из круглого в сечении дрота, значительно утолщенного спереди; ее язычок, длинный, хоботкообразный, далеко выступающий за передний край рамки, круглый в сечении и заметно утолщающийся к задней части. Щиток овальной формы, гладкий, прикреплялся к ремню тремя гвоздиками с круглыми выпуклыми шляпками. Эту пряжку можно отнести к типу круглорамчатых с овальным подвижным щитком [см. Ковалевская, 1979, с. 16]. Пояс включал 104 серебряные бляшки (таб. 1:19), которые преимущественно крепились к ремню двумя гвоздиками с круглыми выпуклыми шляпками. Эти бляшки-накладки имели удлиненно-прямоугольную форму, и края их загнуты вовнутрь, поэтому они были выпуклыми. Но одна такая накладка, крепившаяся на одном конце пояса, имела полуовальную форму с двумя гвоздиками, а вторая - видимо, бывшая на другом конце пояса, имела прямоугольную форму и была сравнительно широкой. Крепилась она четырьмя аналогичными гвоздиками к серебряной пластине на другой стороне ремня. Этот пояс был свернут в виде спирали и спрятан в земле на территории городища-убежища, видимо, при каких-то особых обстоятельствах до гибели убежища в пожаре. По своему облику он довольно близок особым поясам, распространившимся после гуннского нашествия. Его можно сопоставить с поясами, встречающимися в южной половине восточной Европы от Урала до Днепра, так, например, на территории Башкирии в VI в. найдена аналогичная пряжка [Мажитов, 1968, с. 41 и 103, таб.19]. В пределах распространения именьковской культуры IV-VII вв. есть пряжки такого же типа [Старостин, 1967, с. 29, таб. 19:11]. Изготавливались пряжки из серебра и бронзы. Подобные пряжки известны на территории Польши [Тиханова, 1960, с. 203, рис. 3]. На юге такие пояса бытовали очень долго - от гуннского времени [Werner, 1956, с. 125] и до VIII-IX вв., например, у салтовских племен, но они уже украшались иного типа бляшками-накладками и имели пряжки других форм [Шрамко, 1962, с. 283, рис. 109:1]. Аналогии рассматриваемой нами пряжке известны также и в Поднепровье (черняховская культура), в Поволжье и в других местах, где датируются IV-VI вв. [Ковалевская, 1979, с. 16, таб. 1:12]. Исходя из приведенных аналогий, пряжку и весь пояс можно датировать IV-VI вв., более узкую дату определить затруднительно из-за отсутствия у автора точно датированных комплексов с идентичными пряжками отдела I варианта II типа 5 [по Ковалевской, 1979, с. 15-16].

На городище Никодимово в составе клада найдены фрагменты кожаного пояса с пряжкой и бляшками-накладками [Седин, 1994, с. 16-19]. Пряжка этого пояса, отлитая из бронзы, имевшая овальную форму приемника-рамки округлого сечения; ее язычок утерян, щиток, видимо, частично обломан, но он заканчивается двумя округлыми выступами с двумя заклепками для прикрепления к ремню

[Седин, 1994, таб. 4:8], но не исключало, что щиток первоначально был овальным и крепился тремя заклепками. Бляшки-накладки изготовлены из бронзы, но их лицевая сторона покрыта серебром. Они имели разную форму, и всего их на поясе было не менее 45. Крепились они при помощи гвоздеобразных выступов на концах накладок, загнутых и продетых через отверстия в ремне. Большая часть накладок имела прямоугольную форму, в средней части они орнаментированы прямоугольной рамкой, внутри которой расположен один ряд ребристых выступов (таб. 4:13 и таб. 24:2). Одна из таких накладок трапециевидной формы орнаментирована только оттиснутой рамкой (таб. 24:3). Другого типа накладки имели «гантелевидную» форму, т.е. концы их были округло-выпуклыми, а средняя часть имела декор в виде нарезок; они крепились к ремню тремя гвоздиками (таб. 4:3). Входили в набор также и узкие прямоугольные накладки с тремя гвоздиками. Пряжка из городища Никодимово, скорее всего, относится к отделу II, типу 4 (определить вариант затруднительно из-за плохой сохранности щитка (классификация Ковалевской В.Б.). Такие пряжки найдены в Поднепровье, Крыму, Башкирии и в других местах и датируются III-IV вв. или IV-V вв. [Ковалевская, 1979, с. 19, таб. 111:13,15].

Височные кольца. Вещи, связанные с женским костюмом и украшениями, довольно многочисленны. Среди них есть круглопроволочные височные кольца разного диаметра, отличительной особенностью большинства которых являются слегка утолщенные концы. По форме они браслетообразные (таб. 21:2, 4, 6, 8, 10 и таб. 22:5-7 и др.). Изготавливались они из серебра и бронзы, но, видимо, иногда делались и из железа, так, например, в кладе височных колец из городища-убежища Демидовки, наряду с десятью серебряными кольцами, было одно железное, сильно окислившееся (таб. 22:8). Размер колец с двумя утолщенными концами различен - от 3,5 см до 9,5 см в поперечнике, но толщина округлой проволоки у них примерно одинакова—около 2,5 мм. Утолщение проволоки на концах невелико и максимально достигает 4,5 мм в поперечнике. О том, что эти изделия являются височными кольцами, а не браслетами, свидетельствуют не только размеры и форма, но и факт нахождения изготовленных небольших колечек из обломков больших колец, когда у свернутого колечка один конец утолщенный, а другой - просто обломанный (таб. 22:3, 4, 15). Весьма любопытно, что в тех случаях, когда серебряные височные кольца были специально спрятаны и обнаружены в виде кладов, они всегда находятся в парном количестве (2, 4, 10). В пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья кольца этого типа обнаружены в виде кладов и отдельных находок на городищах-убежищах Демидовка и Близнаки, на селище Заозерье и в погребениях могильника Акатово. Подобного типа височные кольца на других территориях Восточной Европы, видимо, не были широко распространены. В опубликованных кладах VI-VII вв. только в одном случае такие изделия названы

височными кольцами. Так, среди богатых предметов Суджанского клада 1947 года, найденного в Курской области, датируемого VI-VII вв. н.э., было восемь больших серебряных браслетообразных височных колец со слегка утолщенными концами [Рыбаков 1953, с. 54-65, рис. 11]. По своему размеру они несколько крупнее, чем находки из памятников тушемлинской культуры и достигают диаметра 14,5 см. Однако не исключено, что часть серебряных и бронзовых изделий, определенных в качестве браслетов, из кладов VI-VII вв. у с. Колосково, у с. Новая Одесса и др. [Рыбаков, 1953, с. 64-68, рис. 12,13] использовалась в качестве височных колец, о чем могут свидетельствовать особые изогнутости в средней части колец. Восточнее расселения тушемлинских племен подобного типа височное кольцо найдено на позднедьяковском городище Луковня, где датируется VI-VII вв. н.э. [Розенфельдт, 1982, с. 13, рис. 1:9].

Второй тип представлен височными кольцами, у которых один конец утолщен, а второй заострен (таб. 21:9, 11 и таб. 22:1, 2, 10). Они изготавливались из серебра или бронзы, проволочный дрот имел круглое сечение и сравнительно небольшие размеры в поперечнике 2,5-4,5 см. К этому же типу можно отнести небольшие сомкнутые височные кольца, один конец которых утолщен, а второй не заострен, а как бы обломан или отрезан (таб. 22:3, 4, 15). Кольца 2-го типа в пределах тушемлинской культуры обнаружены на городищах-убежищах Демидовка и Близнаки и на селищах Шугайлово и Ерилово. Поскольку височные кольца этого типа на городище Близнаки найдены вместе с кольцами 1-го типа в составе клада, постольку есть основание датировать время их бытования VI-VII вв. За пределами территории тушемлинских племен находки таких колец известны только в одном месте. Они происходят из могильника у Нового Быхова, датируемого VI-VII вв., где в погребении № 6 были два височных кольца [Поболь, 1974, с. 169, 170, рис. 7:7]. По внешнему облику височные кольца 2-го типа похожи на мерянские височные кольца более позднего времени из Поволжья, но они отличаются наличием в утолщенной части воронковидных углублений, в которые вставлялся другой заостренный конец. Эти кольца назывались втульчатыми [Горюнова, 1961, с. 117, рис. 40:5 и 55:7]. Кольца тушемлинской культуры таких углублений не имеют и они были просто сомкнутыми.

Третий тип височных колец представлял собой браслетообразное проволочное кольцо круглого сечения, сомкнутое, один конец которого расплющен и имеет форму овально-ромбическую (таб. 25:1-3). Происходят они из клада, обнаруженного на городище-убежище Вежки [Колосовский, 1997, с.37-39, таб. на с.75], датируются третьей четвертью I тысячелетия н.э. Подобные кольца аналогий пока не имеют, возможно, они являются местной формой, характерной для небольшого района в пределах тушемлинской культуры.

Височные кольца, имеющие утолщенные концы, являются типичными ук-

рашениями V-VII вв., характерными для тушемлинских племен. Они отражают определенный стиль, распространившийся в послегуннское время в Смоленском Поднепровье и Подвинье.

Браслеты представлены несколькими типами.

1. Тонкопроволочные, со слегка утолщенными концами (типа таб. 21:14). По своему характеру они похожи на височные кольца 1 -го типа, но в целом имели не круглую, а овальную форму, т.е. одинаковую с браслетами разных типов. Это дает основание считать их браслетами. Найдены они на городище-убежище Близнаки и на селище Заозерье. В более южных областях аналогичные браслеты происходят из уже упомянутых кладов VI-VII вв. [Рыбаков, 1953, с. 66, 67, рис. 12 и 13].

2. Сравнительно массивные бронзовые и серебряные браслеты с утолщенными концами, круглого сечения, поверхность концов бывает либо гладкой, либо украшенной геометрическим орнаментом, сделанным гравировкой. Находки этого типа браслетов на территории тушемлинских племен немногочисленны: фрагмент серебряного браслета происходит из городища-убежища Близнаки (таб. 20:13). Он гладкий, круглого сечения, без орнамента. Другой браслет круглого сечения найден на городище-убежище Никодимово. Утолщенные концы его орнаментированы геометрическим орнаментом в виде параллельных и перекрещивающихся линий (таб. 24:4). Вероятно, часть браслетов поступала в верховья Днепра извне, но часть изготавливалась на месте. Об этом свидетельствует серебряная заготовка, отлитая в форме, в виде прута с утолщенными концами, обнаруженная на городище-убежище Демидовка (таб. 24:33). Она могла служить как для изготовления височного кольца 1 -го типа, так и браслета с утолщенными концами.

За пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья подобные браслеты найдены на поселении около д. Хотища на Могилевщине вместе с вышеописанной пряжкой и другими предметами [Ляуданскі, 1932, с. 244, таб. 1:4], на селище у д. Городище в Минской области [Митрофанов, 1969, с. 259, рис. 4:9], где датируется третьей четвертью I тыс. н.э.; на поселениях второй четверти и середины I тыс. н.э. Староселье, Телешовка, Шестовица и на памятниках V-VII вв. Больше Будки, Лебяжье, Усох в Подесенье [Горюнов, 1981, с. 42, рис. 12:8, 9, 14, 15 и рис. 14:5,7-10], а также в Среднем Поднепровье у с. Плютенцы [Корзухина, 1978, с. 70, таб. 12:5, 6]. Южнее, за пределами Поднепровья, браслеты с утолщенными концами есть в крымских могильниках, где среди материалов были также монеты V-VII вв. [Репников, 1906, с. 32, рис. 7, 9]. На Южном Буге бытовали они и несколько позднее, например, на поселении VIII-IX вв. Коржовка найден аналогичный браслет [Хавлюк, 1962, с. 121, рис. 4:3]. Вообще же браслеты такого облика встречаются довольно широко на территории Европы в IV-VII вв.: в Литве,

с. Пашушвис, VI в. н.э. [Корзухина, 1978, с. 82, таб. 25:5; Lietuviu laudies menas, 1958, с. 352, рис. 348]; в других областях Прибалтики [Моора, 1953, с. 112, рис. 5; Шмидехельм, 1955, с. 199]. Найдены они в Венгрии [Csallany, 1961, с. 271, таб. IX: 6], Чехословакии [Svoboda, 1965, с. 229, таб. XXXШ:6] и Германии [Mildenberger, 1959; Die Germanen,1983, с. 360, 417, рис. 106, 177] в IV-VII вв. у алеманов, франков, бургундов. Есть они и восточнее Поднепровья на Волге [Трубникова, 1964, рис. 18:14, 16] и в Приуралье [Мажитов, 1968, с. 33, таб. 14:1, 13].

3. Массивные литые браслеты выпукло-плоского сечения и такого же сечения уплощенные и сильно расширенные концы, украшенные гравированным геометрическим орнаментом, состоящим из параллельных прямых и волнисто-зигзагообразных линий, дополненных треугольниками, часть которых может быть прочерчена линиями. Комбинации такого орнамента могут включать и другие элементы (таб. 24:1, 6-10 и таб. 25:4, 5). На территории тушемлинской культуры они обнаружены А.А. Сединым на городище Никодимово (таб. 24) и два браслета Ю.В. Колосовским на городище Вежки в составе клада, и им же найден на городище Кисели [Колосовский, 1996, с. 44]. Браслеты из городища Никодимово имеют разнообразную орнаментацию, выполненную гравировкой, состоящей только из двойных параллельных линий, нанесенных поперек расширенных концов браслета (таб. 24:7); либо из зигзагообразных линий с тремя короткими черточками на каждом изгибе (таб. 24:10); либо из двойных линий, идущих вдоль и поперек утолщенной части браслета, а пространство между линиями заштриховано (таб. 24:9). Есть и достаточно сложная орнаментация на утолщенных концах, когда поперечными линиями поверхность браслета подразделяется на полоски, в пределах которых нанесены зубчатые линии, образующие равнобедренные треугольники, или же такие двойные зигзазообразные линии образуют сетчатый узор (таб. 24:1, 6). Очень близки по характеру орнаментации браслеты из городища Вежки, так как они украшены также параллельными поперечными линиями и треугольниками, часть которых заштрихована, а кроме прямых параллельных двойных линий, есть зигзагообразно-волнистые двойные линии, а одна волнистая линия проходит по наружной стороне вдоль всего браслета (таб. 25:4, 5).

Аналогичный браслет, имеющий такую же орнаментацию из параллельных линий и треугольников, найден в культурном слое Банцеровского городища и датирован VI-VIII вв. [Митрофанов, 1967, с. 259, рис. 2:14]. Близок по форме и орнаментации браслет из курганов у д. Полибино в Подвинье [Станкевич, 1962, с. 32-37, рис. 11:8], где датируется V-VI вв. Такого типа браслет с похожей орнаментацией происходит из поселения Воробьевка-2 Курской области [Сымонович, 1974, с. 81, рис. 4:30]. Аналогичные массивные браслеты с расширенными орнаментированными концами плоско-выпуклого или подтреугольного сечения

известны из материалов литовских древностей у Двиляй, Пашушвис и других мест и датируются V-VI вв. [Lietuviu laudies menas, 1958, с. 352, рис. 349, 353]. При этом в литературе отмечается, что для Литвы в V-VI вв. именно характерны браслеты с утолщенными концами [Tautavicius,1996, с. 365].

4. Широкие литые браслеты с выступами-гребешками. Фрагмент такого браслета найден в культурном слое селища у д. Заозерье [Шмидт, 1994, с. 109, рис. 1:7]. Фрагмент представляет собой конец несомкнутого обода с насаженным на него гребешком, торец которого украшен продольной бороздкой. На ободе выделяются три продольных валика, имитирующих веревочку (таб. 20:21). Отлит браслет из высококачественной бронзы и покрыт патиной. Точная аналогия находке из Заозерья есть в литовских древностях: на городище Дембай найден целый браслет с тремя гребешками, совершенно одинаковый по размерам и форме с идентичным орнаментом, датируется IV в. н.э. [Lietuviu laudies menas, 1958, с. 348, рис. 238], но в Литве они были в употреблении и в III в. н.э. [Куликаускас и др., 1961, с. 235]. Близкие по форме браслеты происходят из Мощинского городища [Булычев, 1899, таб. 13 и 14]. Известна также находка браслета такого типа в древностях киевской культуры [Обломский, 1994, с. 179]. Браслет из Заозерья, видимо, датируется III-IV вв.

Шейные гривны в материалах тушемлинской культуры представлены двумя типами.

1. Бронзовые или серебряные гривны, изготовленные из дрота, круглого в сечении, один конец которого представлял собой замок в виде петли, а второй - изогнутый крючок. Два экземпляра этого типа бронзовых гривен происходят из клада, найденного на городище-убежище Вежки [Колосовский, 1997, с. 38, рис. на с. 75]. У одной из них дрот гладкий (таб. 25:6), а у другой дрот на участках, примыкающих к замку и петле-крючку, спирально обмотан проволокой (таб. 25:7). Фрагмент этого же типа гривны найден на городище-убежище Вязовенька на окраине г. Смоленска [Шмидт, 1994, с. 110, рис. 1:5]. Сохранившаяся часть дрота-дуги, серебряного, круглого в сечении у замка, в виде петли, обмотан серебряной проволокой (таб. 24:11). Аналогии гривнам такого типа известны на территории Латвии, где они были в составе кладов вместе с другими вещами (Мурниеки, Ишкилес) и датируются в целом VII в. н.э. [Urtans, 1977, с. 19,241, рис. 62:23 и 65:1], но эти гривны отличаются фасетированными орнаментированными концами, включая замок и крючок, и частичным кручением дрота-дуги.

2. Шейные гривны, имевшие на одном конце ложковидный замок, а на другом - крючок. На селище у д. Шугайлово найден обломок шейной гривны этого типа. Сохранившийся фрагмент включал часть дуги из бронзовой проволоки круглого сечения, ближе к замку - крученой, и замок ложковидной формы (таб. 20:19). Этот обломок гривны, видимо, вторично использовался в качестве

браслета. Гривны такого типа были широко распространены в III-IV вв. н.э. на территории Литвы [Куликаускас и др., 1961, с. 203-205]. В частности, они происходят из литовских могильников Вершвай,Норуйшяй, Покруджай и др. [Lietuviu laudies menas, 1958, с. 344-345, рис. 103-109]. Они характерны преимущественно для территории Литвы, а всего известно 77 экземпляров из 46 мест нахождения и датируются они III-IV вв. [Atlasas, 1978, с. 145, карта 10].

Бусы, видимо, входили в состав ожерелий и встречаются сравнительно часто. Известны стеклянные бусы с позолотой, иногда двойные и тройные (таб. 24:26,27). Такого типа многочастные бусы известны в памятниках Северного Кавказа IV-V вв., но бытовали они и позднее [Деопик, 1959, с. 55, рис. 2:3]. Весьма интересна одна бусина с глазками-крапинками, имеющая также аналогии на Кавказе, где основное время их наибольшего распространения относится к IV-V вв., но вообще на юге они бытуют до VII в. н.э. [Деопик, 1959, с. 57, рис. 3:1]. Нужно заметить, что стеклянные бусы являются обычными украшениями середины и третьей четверти I тысячелетия н.э. в Восточной Европе.

Бусы, изготовленные из янтаря, имеют вид плоских кружочков (колесовидные) и встречены на городище-убежище Демидовка (таб. 24:21,22). Аналогии им есть в Бирском могильнике и датируются V-VII вв. [Мажитов, 1968, с. 33, 95, погребение 77, таб. 15:8 (V век), погребение 112, таб. 20:3 (V-VII вв.) и др.], в древностях Именьковской культуры, где они также бытовали в V-VII вв. [Старостин, 1967, с. 25, таб. 20:5]. Кроме Демидовки янтарные и стеклянные бусы найдены на городищах-убежищах Кисели, Вежки [Колосовский, 1996, с. 44] и Никодимово [Седин, 1996, с. 68].

3. Бусы, изготовленные из глины, являются, без сомнения, изделиями местными. Они обнаружены на городищах-убежищах Близнаки, Демидовка (таб. 24:23-25, 28-30 и таб. 18:7) и на селищах Шугайлово (таб. 17:6), Микулино (таб. 17:12). Форма их варьирует от овальной до круглой, большинство глиняных бус имеет серовато-палевый цвет.

Бронзовые пронизки и спирали включались в ожерелье вместе с бусами. Пронизки - бронзовые тонкие и небольшие пластинки, свернутые в трубочку, найдены на городищах-убежищах Близнаки (таб. 20:11) и в могильнике у д. Акатово (таб. 20:10). Спиральки разного диаметра изготавливались из тонкой проволоки выпукло-плоского сечения и пока обнаружены на городище Никодимово (таб. 24:14) и в Акатовском могильнике (таб. 24:15, 17).

Подвески. Они вместе с бусами входили в ожерелье. Бронзовая литая подвеска-лунница, инкрустрованная кирпично-красной эмалью, найдена на городище-убежище Демидовка (таб. 23:9). Она имеет треугольный корпус, на котором сделано треугольное углубление, и оно заполнено эмалью, у основания рожков две выемки квадратной формы с эмалью. На рожках расположено шесть слив-

шихся друг с другом миниатюрных лунниц. В середине и на боковых частях имеется пять продолговатых прямоугольных сквозных отверстий, а по краям на полукруглых выступах имеется еще одиннадцать небольших круглых отверстий. Таким образом, она представляет собой весьма ажурное изделие. Эта подвеска является усложненной формой широко распространенных подвесок-лунниц с подтреугольным щитком, украшенных эмалями, типа находок из Мощинского клада [Булычев, 1899, таб. IX, XI], и близка ряду находок из Поднепровья [Ханенко, 1901, таб. VIII и 1907, таб. XII; Корзухина, 1978, таб. 8, 9, 22]. Совершенно аналогичная подвеска-лунница найдена на городище Ножа-Вар в Чувашии, датируемая временем существования там поселения с II-III вв. до конца V - начала VI вв. [Трубникова, 1964, с. 149, 153, 154, рис. 18]. В результате анализа типологического развития подвесок-лунниц А.С. Якубовский пришел к выводу, что подвеска из Ножа-Вар должна быть отнесена к V веку или, может быть, к концу V - началу VI вв. н.э. [Якубовский, 1964, с. 161-162]. А.Г. Фурасьев проанализировал некоторые материалы из Демидовки и пересмотрел датировку лунницы, отнеся ее к IV веку, но не позднее его второй половины, исходя из того, что в конце этого века производство вещей с выемчатыми эмалями в Поднепровье прекращается [Фурасьев, 1996, с. 79]. Вполне можно согласиться, что к концу IV в. в Среднем Поднепровье изготовление вещей с эмалями прекратилось, но это не означает, что подобное производство в Восточной Европе в IV в. вообще исчезает. Во-первых, вещи с эмалями в Прибалтике продолжали бытовать в V веке [Lietuviu, 1958, с. 349, рис. 263,264]. Во-вторых, Г.Ф. Корзухина в большом труде о выемчатых эмалях, анализируя усложненные подвески-лунницы из Ножа-Вар и Демидовки, высказала предположение, что лунница из Демидовки является восточнобалтским изделием, т.е. изготовлена на территории расселения балтских племен. «Она представляет собой не слишком искусное подражание великолепно сделанной и очень сложной по композиции луннице, найденной на финском городище в Среднем Поволжье (Ножа-Вар). Пучки маленьких лунничек на демидовской луннице сделаны настолько обобщенно, что без ножа-варской лунницы их было бы просто не понять» [Корзухина, 1978, с. 61]. Все это, с учетом комплекса находок из верхнего горизонта городища-убежища Демидовка, дает основание несколько расширить датировку рассматриваемой подвески-лунницы, отнеся ее к концу IV в. - первой половине V в.

В пределах распространения тушемлинской культуры изделия, инкрустированные цветными эмалями, обнаружены и в других местах, связанных с поселениями конца III-VII вв. 1. Бронзовая треугольная фибула с красной и оранжевой эмалью найдена В.И. Сизовым в грунте курганной насыпи у д. Дроково на берегу оз. Акатовского, бассейн Зап. Двины [Корзухина, 1978, с. 85, таб. 29:2]. У деревни Дроково зафиксировано селище тушемлинской культуры, датированное

IV-VII вв. [Шмидт, 1976, с. 62]. 2. Бронзовая круглая литая ажурная фибула с красной и оранжевой эмалью, происходящая из курганной насыпи [Курзухина, 1978, с. 85, таб. 14:11]. Здесь же расположено поселение тушемлинской культуры, датируемое предварительно серединой I тыс. н.э. [Шмидт, 1976, с. 217-218]. Это селище находится на правом берегу Днепра в местности, называемой Ямщичина, неподалеку от г. Смоленска. 3. Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с красной эмалью найдена на территории курганного могильника у с. Релинки Сенненского района Витебской области, Белоруссия, в бассейне Зап. Двины [Корзухина, 1978, с. 81].

Трапецевидные подвески большей частью относятся к женским украшениям, возможно, они входили в состав ожерелий. Их находки на территории тушемлинской культуры пока не столь многочисленны. Несколько экземпляров происходят из культурного слоя поселения у д. Заозерье (таб. 9:6-9 и таб. 21:16, таб. 19:11), и единичные находки на селищах Кислые (таб. 23:1) и Шугайлово (таб. 20:15 и 21:15). Видимо, наиболее древние из них имели меньшие размеры и были без орнамента, хотя на селище у д. Заозерье на поверхности древней почвы и в культурном слое найдены подвески, украшенные одним и двумя рядами прессованных точек по нижнему краю (таб. 9:8 и таб. 21:16), подвеска из Шугайлова орнаментирована выбитыми точками, обрамляющими край подвески, и комбинацией из пяти точек в центре (таб. 20:15). Эта подвеска после поломки использовалась вторично. Нахождение на селищах в Смоленском Поднепровье и Подвинье прессованных трапецевидных подвесок с одним или двумя рядами округлых выпуклых точек по нижнему краю можно связывать с культурой тушемлинских племен, но поскольку часть территорий этих селищ использовалась в VIII - начале X вв. для совершения погребений населением культуры смоленских длинных курганов, постольку нет полной уверенности, что частично не были ли они утеряны уже в послетушемлинское время и не датируются ли они VIII в. и последующим временем, однако отнесение их к концу периода существования тушемлинской культуры в какой-то степени обуславливается находками вместе с ними подвесок с пресованной прямой каймой вдоль боковых краев или по всему периметру. Помимо прессованных подвесок, население тушемлинской культуры изготавливало литые бронзовые подвески трапецевидной формы, орнаментированные по всему краю линией зубчиков (таб. 21:15), что подтверждается находкой на селище Шугайлово литейной формы для их изготовления.

Об использовании трапецевидных подвесок до формирования культуры смоленско-полоцких длинных курганов населением Верхнего Поднепровья и Подвинья говорят находки таковых не только на тушемлинских памятниках, но и на поселениях банцеровской культуры третьей четверти I тыс. н.э., т.е. за пределами территории распространения длинных курганов. Таковы находки на Банцеровс-

ком городище [Митрофанов, 1967, с. 259, рис. 2:9], на городище Бураково [Шут, 1966, с. 171] на селищах Дедиловичи и Городище [Митрофанов, 1978, с. 112, рис. 52:11 и 55:11], на селищах Замковая Гора и Некасецк [Митрофанов, 1966, с. 228-230, рис. 4:8, 9, 22]. Известны находки трапецевидных подвесок и на памятниках колочинской культуры в Курской области на селищах Воробьевка и Лебяжье, датруемых VI-VII вв. н.э. [Горюнов, 1981, с. 104, рис. 14:11,12]. Восточнее Смоленского Поднепровья в бассейнах Волги и Оки на позднедьяковских городищах они зафиксированы в ряде мест. И.Г. Розенфельдт проанализировала имеющиеся находки и предложила их классификацию. Наиболее ранние и сравнительно небольшие трапецевидные подвески отнесены к типу VI, вид I и характеризуются неустойчивой трапецевидной или близкой подтреугольной формой с одним круглым отверстием наверху. Абрис этих подвесок нечеткий, углы иногда округлены. Время их бытования определяется VI-VII вв. н.э. [Розенфельдт, 1982, с. 25-27, 29, рис. 5:1-6]. Этого типа подвески, в частности, происходят из городищ дьяковской культуры: Щербинское, Михайловское, Луковня и из Попадьинского селища. Еще дальше к востоку, в Поволжье, трапецевидные подвески использовались населением именьковской культуры, датируемой IV-VII вв., и обнаружены на Щербетьском I селище [Старостин, 1967, с. 37, 81, таб. 17:7, 8].

Трапецевидные подвески с полосой из прессованных точек по нижнему краю подверглись специальному рассмотрению [Гавритухин, 1997, с. 43-58]. Установлено, что такие подвески были широко распространены как в Средней Европе, так и в лесной зоне на северо-востоке Восточной Европы в VII в. н.э. В VIII в. они вышли из употребления, исключая территорию распространения смоленско-полоцких длинных курганов, где они бытовали в VIII и IX вв., и где была выработана их специфическая форма и особая орнаментация.

Трапецевидные подвески, изготовленные из бронзового тонкого листа, часть которых украшена штампованным орнаментом, найдены на памятниках тушемлинской культуры исключительно как отдельные самостоятельные экземпляры. Это не дает возможности определить, как они использовались в уборе. По аналогии, в прибалтийских и финских могильниках этого же времени, а также в погребениях VIII-IX вв. в смоленских длинных курганах можно преполагать, что они привешивались к головным венчикам, к височным кольцам, к нагрудным украшениям и могли входить в ожерелье.

Исходя из всего имеющегося материала, можно сделать вывод, что в период существования тушемлинской культуры трапецевидные подвески использовались как элемент украшений и что, во всяком случае, предварительно могут датироваться VI-VII вв. н.э. Более детальная датировка отдельных форм подвесок затруднена, так как они пока не найдены ни в одном из исследованных закрытых комплексов.

Колокольчик бронзовый из городища Никодимово, орнаментированный двумя параллельными линиями (таб. 24:13), пока является единственной такой находкой на памятниках тушемлинской культуры. Рассматриваемый колокольчик несколько напоминает подвески-колокольчики как элемент более сложных украшений к ожерелью из дьяковских городищ, датируемые VI в. н.э. [Розенфельдт, 1982, с. 67]. На селище Дедиловичи банцеровской культуры обнаружен бронзовый колокольчик, но несколько иного вида, датируемый VI-VII вв. [Митрофанов, 1978, с. 112, рис. 56:33]. Видимо, VI-VII вв. датируется колокольчик из Никодимово.

Перстни, найденные на поселениях, изготовленные из бронзы и серебра, относятся к типу широкосрединных усатых в 3,5 оборота. Два бронзовых перстня происходят из селища Шугайлово (таб. 20:14 и таб. 24:20). Они имеют гладкий расширенный щиток и сужающиеся концы. Серебряный перстень из Заозерья имел расширенный щиток с продольным выпуклым ребром (таб. 20:12) и постепенно сужающиеся концы, вместе с щитком составляющие 3,5 оборота. За пределами распространения тушемлинской культуры на соседних территориях, на памятниках V-VII вв., подобные перстни нам неизвестны. Однако в последующее время, т.е. в X-XI вв. н.э. широкосрединные усатые перстни бытовали в пределах Смоленской земли, но они отличались более расширенным овальным щитком и присутствием на многих из них гравированного орнамента [Ляуданскі, 1932а, с. 19, таб. IX: 10; Недошивина, 1967, с. 257-259, рис. 31:5, 6].

Фибулы, изготовленные из бронзы, представляют значительный интерес, хотя находки их не так уж многочисленны. Обломок бронзовой двупластинчатой фибулы найден на городище-убежище Демидовка (таб. 23:2). По классификации А.К. Амброза она относится к II подгруппе 21-ой группы фибул юга Европейской части СССР. Эта фибула ближе всего стоит к крымским фибулам, датируемым VI - началом VII в. н.э. [Амброз, 1966, с. 88-91, рис. 8:3]. Другая бронзовая фибула, найденная на селище у д. Шугайлово (таб. 23:10), представляет собою прогнутую подвязанную с пластинчатым корпусом фибулу, украшенную выемками на боках и крестиками на полях. По классификации А.К. Амброза она относится к 16-ой группе, 2-ой подгруппе, 1-ой серии и 3-му варианту и датируется для юга Европейской части СССР IV веком н.э., но на территории Венгрии единично встречаются и в начале V века с вещами гуннской эпохи [Амброз, 1966, с. 64, таб. XI: 12-15]. Этого же типа фибула, но несколько больших размеров, украшенная также выемками на боках и рядами точек и линиями на полях, найдена на селище у д. Заозерье (таб. 23:11). По аналогии с фибулой этого типа из Шугайлова, она датируется IV в. н.э. Еще одна фибула, найденная на селище у д. Заозерье, представляет собою прогнутую подвязную с корпусом проволочным, круглого сечения, без орнамента (таб. 23:112). Она по классификации А.К. Амброза относится к 16-ой группе, 2-ой подгруппе, 1-ой серии, 1-му варианту и датируется III в.н.э.

[Амброз, 1966, с. 42, 43, таб. 11:6]. В работе А.К. Амброза 1966 года приведены многочисленные аналогии трем фибулам, рассмотренным нами, и обоснована их датировка.

Пальчатые фибулы, целые экземпляры и фрагменты, изготовленные из бронзы, найдены А.А. Сединым на городище-убежище Никодимово [Седин, 19946, с. 128-132, рис. I]. Из них три фибулы хорошо сохранились, хотя у одной из них частично обломана ножка (таб. 23:3). От других фибул найдены только фрагменты ножек. Эти фибулы имели полукруглую головку, от которой отходили пять выступов, как бы пальцев или лучей, несущих на себе стилизованные и нечетко выполненные изображения звериных головок. Дужки достаточно изогнуты. Ножки фибул имели форму не совсем правильного ромба. Каждая из найденных фибул по своим размерам, отдельным деталям и характеру орнаментации отличалась от других. Изготавливались они по восковым моделям путем литья в глиняных «утерянных» формах. Рассмотрим каждую отдельную пальчатую фибулу.

1. Фибула, сравнительно сохранившаяся, хотя у нее частично отломана ножка (таб. 23:3). Ее головка имела пять пальчатых выступов, на каждом из которых размещены по две пары кружочков, как бы изображающие глаза и ноздри животного. На поверхности головки - орнамент в виде эсовидных завитков, окаймленных рамкой. Изогнутая дужка украшена двумя рядами поперечных нарезок. Сохранившаяся часть ножки на своих углах имеет четыре полукруглых выступа с небольшими углублениями в каждом. Орнамент на ножке сохранился не полностью, но он включал как бы неправильные кружки, частично угловатые, с точкой посредине.

2. Фрагмент ножки от другой массивной пальчатой фибулы. На ее четырех полукруглых выступах есть циркульный орнамент. В центральной части в рамке - решетчатый узор. Вокруг рамки расположены шесть эсовидных завитков (таб. 23:7). По общей форме и характеру орнаментации описанный фрагмент ножки совершенно одинаков с ножкой фибулы из Мартыновского клада [Рыбаков, 1953, рис. 17:1]. Аналогично орнаментированная фибула происходит из Трубчевского клада, датируемого второй половиной VII в. н.э. [Приходнюк и др., 1996, рис. 3:1].

3. Целиком сохранившаяся фибула (таб. 23:4) имела длину 12 см. Ее головка украшена циркульным орнаментом, включавшим точку и два кружочка вокруг нее. Изображения глаз на четырех выступах-пальцах (пятый не сохранился) не целиком проработаны, а на одном даже не прослеживаются. Дужка значительно изогнута и украшена продольными линиями. На четырех выступах по краям ножки есть только точки, а на самой ножке посередине расположены два небольших крестика и восемь кружков циркульного орнамента, такого же, как и на головке.

Заканчивается ножка овально-удлиненным выступом с двумя глазками на нем, стилизованно изображающим морду животного. Фибулы с аналогичным орнаментом известны из Колосковского клада VII века [Рыбаков, 1953, с. 66,67, рис. 12].

4. Ножка от еще одной фибулы (таб. 23:5) имеет несколько упрощенную форму без тщательно оформленных выступов по краям. Орнамент на ней циркульный, каждый элемент которого состоит из точки и одного кружка вокруг нее. Эта фибула, видимо, была небольшой по своим размерам и являлась несколько упрощенным вариантом по сравнению с вышеописанной целиком сохранившейся пальчатой фибулой.

5. Пальчатая фибула небольших размеров, целиком сохранившаяся, без орнамента, если не считать три линии, как бы отделяющие выступ от остального щитка ножки (таб. 23:6). Она имеет головку с пятью пальцами, хорошо профилированную дужку, у ножки есть четыре выступа, но нижние выступы сбоку рассечены. Вся поверхность фибулы гладкая. На оборотной стороне фибулы на головке имеются два выступа с прикрепленными к ним осью, пружинкой с иглой, а также приемник для иглы у основании ножки. Эта фибула датируется VII в. н.э., исключая его начало [Седин, 19946, с. 131].

6. Зооморфная фибула (таб. 23:8). От фибулы этого типа найдена только головка, имеющая с двух сторон выступы в виде конских головок, на которых обозначены морды и выделены шеи и уши. В верхней части головки два выступа в виде крыльев птицы или, может быть, стилизованные птичьи головки, а на стержне имеется кольцо. Дужка фибулы была значительно изогнута. Поверхность всей головки гладкая. Более всего головка зооморфной фибулы из Никодимова напоминает головку такой же фибулы из Суук-Су середины и второй половины VII в. н.э. [Амброз, 1993, рис. 3:8]. Зооморфная фибула такого типа найдена в Среднем Поднепровье на р. Тясмин у Молочарни и датируется VII в. н.э. [Березовец, 1963, с. 154,190, рис. 4:4]. Близкая по форме зооморфная фибула происходит из клада у г. Трубчевска на р. Десне в Брянской области. Зарытие клада датируется второй половиной VII в. н.э. [Приходнюк и др., 1996, с. 92, рис. 3:4].

Подковообразные фибулы также использовались населением тушемлинской культуры. На раскопанных памятниках обнаружены только фрагменты фибул этого типа. Часть бронзовой фибулы плоско-выпуклого сечения со спиральными завитками на концах происходит из селища у д. Кислые (таб. 20:20). Фрагмент другой железной подковообразной фибулы, имевшей спиральный завиток на конце при круглом сечении проволоки, найден на городище-убежище Демидовка (таб. 26:5). Подобные железные фибулы обнаружены на селищах банцеровской культуры у деревень Ревячка и Городище в Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. 109, рис. 52:13]. Железные подковообразные фибулы со спирально завернутыми концами известны на позднедьяковских городищах с конца VII в. н.э. [Розенфельдт,

1982, с. 80-81, рис. 18:7-10]. Вероятнее всего, находки из Демидовки и Кислой также относятся к VII в. н.э.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

Изделия из кости немногочисленны, так как в культурном слое большинства древних поселений, расположенных на песчаных почвах, кость почти не сохраняется. Только на очень низких участках селищ с высоким уровнем грунтовых вод, расположенных близко к водоемам, встречается некоторое количество костей животных в сравнительно плохом состоянии и отдельные костяные изделия. Костяные предметы, имеющиеся в нашем распоряжении, происходят из селищ у деревень Шугайлово и Кислые. Из них наиболее часто встречаемыми изделиями являются массивные костяные острия, сделанные из обломков крупных трубчатых костей (таб. 19:1-3). Эти изделия нельзя называть характерными только для тушемлинской культуры, т.е. для середины и третьей четверти I тыс. н.э., так как очень широко бытовали как в предшествующее время на поселениях днепро-двинской культуры раннего железного века [Шмидт, 1992, с. 98-99, таб. 2:10-15], так и в последующее время вплоть до начала II тыс. н.э. [Лявданский, 1926, таб. XX:7].

Особый интерес представляет костяной гребень, частично фрагментированный, обнаруженный на селище у д. Кислые (таб. 19:10). Гребень сделан из цельной костяной пластины. Его сравнительно массивная рукоять имеет треугольную форму, зубья обломаны, но их было не менее 24-х при общей длине гребня 5,5 см. По внешнему виду этот гребень напоминает гребни черняховской культуры, но там они большей частью составные [Сымонович, 1960, с. 252, рис. 9:1]. Такой формы гребни были в употреблении в Польше в V в. н.э. [Kostrzewski и др., 1965, с. 250, рис. 100:16]. Возможно, такая форма гребней возникла у тушемлинских племен на территории Днепро-Двинского междуречья под влиянием южных культур.

На этом же селище у д. Кислые найдена хорошо обработанная и тщательно отполированная длинная костяная пластина с выемкой посредине (таб. 19:4). Она, видимо, служила застежкой для одежды, но могла иметь и другое назначение. Еще одна костяная поделка из этого же селища имеет форму крестообразной пластинки с отверстием в середине. Она не так тщательно заполирована и назначение ее не совсем ясно (таб. 19:9). На селище у д. Шугайлово в культурном слое найден амулет, изготовленный из клыка кабана (таб. 19:6).

Камень использовался повсеместно, но только для ограниченного круга изделий, где он не мог заменяться металлом. Мелкозернистые породы камня (гранит, песчаник и др.) использовались в качестве зернотерок. Обычно раскалывались более или менее плоские валуны, поэтому у зернотерок одна сторона бывает

ровная и специально обработанная, чтобы получить шероховатую или слегка бугристую поверхность. В результате многократной обработки она может быть и слегка вогнутой. Вторая сторона оставалась необработанной и имела естественную форму части валуна. В качестве верхнего камня для растирания зерна использовался специальный растиральник, меньший по размерам специально обработанный камень. На городище-убежище Демидовка в пределах одного из жилищ, в слое пожара, находилась одна очень большая зернотерка (около 50 см в поперечнике) [Шмидт, 1970, с. 64, рис. 1]. Вокруг зернотерки было большое количество зерна, вероятно, просыпанного во время размола и втоптанного в земляной пол, обуглившегося в результате пожара. В этом же слое пожарища в нескольких местах были еще зернотерки, но значительно меньшего размера. Кроме того, зернотерки встречены и при раскопках селищ Заозерье и Шугайлово.

Песты и округлые камни-растиральники использовались также для дробления и растирания зерна, но ими могли растирать минеральные краски и пр. Растиральники, в отличие от обычных камней округлой формы, имеют стертые ровные участки, поверхность которых шероховатая или мелкобугристая, специально набитая и подработанная [Шмидт, 1992, типа таб. 44:3-8]. Камни-растиральники найдены на городищах-убежищах Демидовка (таб. 26:9) и Близнаки и на селищах Заозерье и Шугайлово. Песты представляли собой камни более удлиненной формы, один конец которых имел следы сработанности.

На городище-убежище Тушемля найден верхний камень (37 см в поперечнике и 10 см толщиной) круглого плоского жернова с отверстием 6,5-7 см в диаметре. Его поверхность шероховатая, плоская, изготовлен из песчаника [Третьяков, 1963, с. 67, 70, рис. 28]. Это пока единственная находка такого рода на памятниках тушемлинской культуры.

Точильные бруски являются обычными находками на тушемлинских поселениях. Часть из них представлена небольшими каменными удлиненной формы брусочками со сверлиной на одном конце. Видимо, они на шнурке носились на поясе (таб. 18:9, 11). Форма других точильных камней может быть не столь правильной, и отверстий они не имеют (таб. 18:8,12 и таб. 26:7,8). На всех изученных поселениях середины и третьей четверти I тыс. н.э. найдены либо специально изготовленные точильные брусочки, либо камни со следами использования их для заточки металлических орудий труда.

Литейные формы, изготовленные из плотного песчаника и известняка, обнаружены на селище у д. Шугайлово. Они предназначались для изготовления из цветных металлов трапецевидных подвесок (таб. 18:10) и округлых орнаментированных бляшек (таб. 18:5). Кроме того, на этом участке селища были обломки форм для других изделий и известняковые плитки, приготовленные для производства литейных форм [Шмидт, 1972б, с. 90, рис. на с.89].

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрение основных видов памятников и анализ вещевого комплекса дают достаточно оснований для решения вопросов об основных занятиях населения, обитавшего в Смоленском Поднепровье и Подвинье в эпоху переселения народов с IV по VII вв. н.э. В конце предшествующей эпохи раннего железного века смены основной массы населения на данной территории не произошло, и все достижения того времени в области хозяйства и культуры легли в основу дальнейшего развития. Конечно, это не означает, что все развитие местных племен происходило замкнуто, только на основе постоянных достижений, вырабатываемых ими самими. Бурное развитие исторических событий на юге Восточной Европы в связи с перемещением ираноязычных племен в Причерноморье и Поднепровье, в связи с формированием зарубинецких племен и их перемещением в первых веках н.э. на север - в Верхнее Поднепровье и в Подесенье - и их влиянием на население лесной зоны, несомненно, наступали значительные сдвиги в области хозяйства и у балтских племен.

Этому еще более способствовало переселение отдельных групп населения с юга на север, вызванное гуннским нашествием. Появление некоторых вещей, несомненно, южного происхождения, и изменение некоторых элементов одежды и убранства под влиянием гуннской моды говорят о сильном влиянии культур степей и лесостепи на лесной север. Это влияние, без сомнения, оказывалось не только на культуру, отраженную в вещах, но и на некоторые отрасли хозяйства. В дальнейшем бурные события на Дунае в связи с аварским вторжением вызвали также движение населения с Подунавья на северо-восток. Изменение природных условий на севере Средней Европы в Висленском регионе и на побережье Балтийского моря привели к уходу оттуда значительной части населения. Таким образом, весь период IV-VII вв. н.э. был периодом значительных перемещений населения на широкой полосе лесной зоны Средней и Восточной Европы, что затронуло, в какой-то степени, и территорию расселения тушемлинских племен. К сожалению, ограниченные возможности археологических источников не позволяют в полной мере выявить все причины, способствующие прогрессу, и показать в деталях все изменения, произошедшие в тот период времени. Общая тенденция изменений все же просматривается, в том числе это относится и к таким отраслям хозяйства как земледелие и скотоводство.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Природные условия середины и третьей четверти I тысячелетия н.э., видимо, существенно мало отличались от современных, если рассматривать расти-

тельный и животный мир. Данные споро-пыльцевых анализов культурного слоя городища-убежища у д. Акатово в момент насыпания его наружного вала показывают, что в ближайших окрестностях преобладали такие деревья как сосна, береза и ольха, вместе с тем, произрастали, хотя и в меньшем количестве, липа, ель и орешник. Другими словами, древесная растительность в этой местности тогда была такой же, как и в настоящее время. Анализ остатков угля от сгоревших оборонительных сооружений на этом и других городищах-убежищах в Смоленском Поднепровье и Подвинье подтвердил такие выводы, поскольку тогда использовались при строительстве оборонительных сооружений преимущественно ель, сосна, дуб и береза. Травяной покров, судя по материалам споро-пыльцевых анализов [Шмидт, 1992, с. 58-60], вокруг городища-убежища у д. Акатово состоял, в основном, из таких же растений, как и теперь. Однако сравнительно большое количество пыльцы полыни, подорожника и некоторых сложноцветных говорит о наличии в непосредственной близости от поселения открытых пространств, окультуренных человеком. Материалы из других древних поселений как этого времени, так и несколько более древних (Демидовка, Мокрядино и др.) воссоздают такую же картину. Таким образом, сведения, полученные о растительном покрове на приречных увлажненных и плодородных пространствах вокруг поселений того времени дают основание предполагать, что для произрастания основных сельскохозяйственных культур условия были достаточно благоприятными.

На рассматриваемых территориях Верхнего Поднепровья и Подвинья, начиная с VIII-VII вв. до н.э. и до конца III в. н.э. обитали днепро-двинские племена раннего железного века. Их укрепленные поселения-городища располагались на высоких холмах и мысах у берегов ручьев, небольших речек и озер, т.е. в местах, поблизости от которых были удобные пространства для подсечного земледелия и пастбы скота. Уже в середине I тысячелетия до н.э., судя по найденным орудиям труда, результатам анализов на споры и пыльцу [Шмидт, 1992, с. 55-61] и находкам обуглившегося зерна на городище у д. Буяново [Шмидт, 1993, с. 36-41], население того времени выращивало пшеницу, ячмень, просо и лен. Есть достаточно оснований считать, что тогда основной формой было подсечно-огневое земледелие, и были заложены основы для дальнейшего развития этой отрасли хозяйства. При этом, к III веку н.э. днепро-двинские племена достигли сравнительно высокого уровня развития производительных сил. Ими была основательно освоена металлургия железа и кузнечное дело, что позволяло изготавливать из железа разнообразные орудия труда, необходимые для земледелия. Конечно, жизнь населения в замкнутых укрепленных поселках-городищах, видимо, ограничивала хозяйственные возможности и тормозила переход к более развитым формам земледелия. Важным фактором, способствовавшим изменениям и ускорившим процесс смены мест и характера поселений и перехода к другим формам ведения хозяйства,

послужило изменение природных условий в первых веках н.э., связанное с наступлением на Восточно-европейской равнине регрессии - уменьшением количества выпадавших осадков, понижением уровня грунтовых вод и уровня воды в водоемах и некоторым общим потеплением климата [Микляев, 1995, с. 11,28-30]. Это повело к пересыханию родников, мелких ручьев и речек. С понижением уровня грунтовых вод ухудшились условия для ведения подсечного земледелия на высоких полях из-за недостаточной их увлажненности. Население вынуждено было начать переход к использованию низких сырых и даже ранее заболоченных или находившихся под водой участков с заиленными плодородными и достаточно увлажненными почвами, которые легко было обработать с помощью рала или превращать в пастбища. В связи с этими природными изменениями в III-IV вв. н.э. происходил переход населения с укрепленных поселений-городищ на пологие склоны берегов водоемов или на невысокие песчаные останцы в поймах рек, где устраиваются неукрепленные поселения-селища, располагавшиеся поблизости от освоенных земель. Примерами таких селищ являются: Аносинки, Шугайлово, Микулино, Заозерье, Берково, Цурковка, Куприно, Катынь, Березинка, Устье, Слобода-Глушица и др. Одновременно (в конце III-IV вв. н.э.) происходит изменение материальной культуры и становление новой общности на основе предшествующих днепро-двинских племен. Сложилась новая археологическая культура, называемая тушемлинской.

В результате археологических исследований, проведенных во второй половине XX века в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья и на смежных территориях Белоруссии, где обитали тушемлинские племена и этнически родственные им другие группы населения, получено значительное количество самых разнообразных материалов, позволяющих воссоздать не только характер, но и некоторые особенности земледелия в III-VII вв. н.э. Подсечное земледелие, распространившееся еще в предшествующие эпохи, по-прежнему практиковалось и играло определенную роль. Об этом свидетельствует, в какой-то степени, даже выбор места поселения вдоль речных долин на склонах коренного берега или на вдающихся в речные долины мысах, так же как и до этого времени население, занимавшееся подсечным земледелием, использовало для возделывания сельскохозяйственных культур приречные пространства и изрезанные выступы коренного берега. На таких участках урожай всегда был более высоким и в меньшей степени подвергался отмоканию или вымерзанию [Петров, 1968, с. 55 и ел.]. Еще одним источником сведений о подсечном земледелии того времени являются данные споро-пыльцевых анализов культурного слоя поселений. К примеру, на городище-убежище у д. Акатово, существовавшем в V-VII вв., обнаружена масса пыльцы кипрея и некоторых других растений, подтверждающих наличие вокруг поселения вырубок и гарей, что, без сомнения, указывает на освоение значительных

участков земли с помощью использования подсечно-огневой системы земледелия. Хотя подсечно-огневое земледелие являлось делом весьма трудоемким, но оно все же обеспечивало большие урожаи в течение 2-3 лет [Шмидт, 1972в, с. 66-68].

Одновременно с существованием подсечной системы земледелия поймы рек и пологие склоны низких и увлажненных берегов использовались для пашенного земледелия с использованием рала и тягловой силы скота, а следовательно, началось введение на старопахотных и окультуренных пространствах новой системы земледелия. Это подтверждается находками деревянного рала на территории Верхнего Поднепровья. Так, в Белоруссии у д. Каплановичи, где было поселение, датируемое первой половиной I тыс. н.э., найдено кривогрядильное рало [Поболь, 1967а, с. 117-127]. Деревянное рало обнаружено и на Брянщине [Шрамко, 1964, с. 84-100]. В пределах Смоленского Поднепровья на городище-убежище Близнаки найдена часть железного наральника (таб. 15:7). Пашенное земледелие подтверждается и другими данными, о чем будет сказано дальше при описании находок зерна и сопутствующих сорняков, а также данных споро-пыльцевых анализов.

Важным источником к характеристике земледельческого хозяйства тушемлинского населения являются орудия труда того времени.

Основным орудием, связанным с подсечно-огневым земледелием, являлись железные топоры. Они относились к типу проушных узколезвийных топоров. Находки целиком сохранившихся экземпляров редки, но обломки лезвий топоров найдены практически на всех поселениях, подвергшихся раскопкам (таб. 8:9-14 и 26:10, 11). Часто отламывались лезвия в связи с тем, что к основной части топора, изготовленной из железа, наваривалось стальное лезвие, и, видимо, во время работы по линии наварки происходил разлом.

Наиболее многочисленны находки серпов - основных орудий уборки урожая. Обнаружены они в культурном слое как неукрепленных поселений-селищ, так и укрепленных - городищ-убежищ. По своему облику серпы подразделяются на несколько типов (см. с. 72-74). Часть из них имеет сравнительно массивное широкое полотно лезвия, непосредственно переходящее в плоский и несколько более узкий черенок. В месте перехода от острия лезвия к черенку бывает уступ. Конец черенка оттянут и загнут под прямым углом в виде крючка или не очень высокого выступа. Этот крючкообразный выступ обычно бывает направлен вверх. Так, если серп взять правой рукой и направить лезвие к себе, то выступ будет ориентирован вверх (таб. 14). Однако в одном случае, на селище у д. Ковали, найден серп (таб. 15:3), у которого при аналогичном положении крючок располагался в ином направлении, т.е. он направлен вниз. Черено серпа крепилось в деревянной рукояти при помощи этого крючка, последний при зажиме двух половинок

деревянной рукояти попадал в специальное углубление и удерживал при работе рукоять от соскальзывания с металлического черена. Размеры серпов этого типа различны. Длина их по прямой оси бывает до 26 см, а ширина полотна лезвия — до 3 см, но, судя по некоторым обломкам, серпы были и более крупных размеров. На лезвиях серпов, найденных на городище-убежище Демидовка и селищах у д.д. Заозерье и Шугайлово (таб. 14:1, 3), была нанесена зубчатая нарезка. Значительные размеры и большая кривизна режущей части серпов этого типа свидетельствуют о их сравнительно высокоразвитой форме, способствовавшей высокой производительности труда при уборке урожая, а это также косвенно указывает на использование больших площадей под посевы. Появление такого типа сельскохозяйственных орудий в Поднепровье на территории милоградских племен на юге Белоруссии рассматривается некоторыми исследователями как показатель наличия обработки земли пахотными и рыхлящими орудиями типа рала с использованием тягловой силы крупного рогатого скота [Мельниковская, 1967, с. 129 и ел.], что может означать переход к совершенно новому типу земледелия, чем подсечное.

Серпы других типов встречаются реже (см. с. 72). Серп из селища у д. Заозерье может служить примером другого типа (таб. 15:5). Он имеет общую длину 17,5 см при ширине клинка до 2 см. Клинок серпов этого типа либо почти без уступа плавно переходит в черено, либо уступ бывает только слегка обозначен. Длина основания клинка у серпа из Заозерья составляет 12,5 см (АВ), а высота дуги лезвия (СД) - 2 см, отношение СД к АВ близко к 1:6. Примерно такие же показатели имеет серп из селища у д. Кислые (таб. 15:10). Его отличает только небольшой уступ при переходе от черена к лезвию. Этого же типа серп из городища-убежища Никодимово [Седин, 1994а, с. 118, рис. 1:3] имел более выраженный уступ при переходе от черена к лезвию и большую общую кривизну лезвия. У него отношение СД к АБ составляет 1:3, и угол резания составляет 60°, т.е. он является более развитой формой. Очень развитую форму имеет серп этого типа, происходящий из убежища на городище Тушемля [Третьяков, 1963, с. 70, рис. 27:2]. Этот серп приближается «по форме к средневековым древнерусским серпам, но уступает им в размерах». Вообще серпы этого типа были распространены в лесной зоне северо-запада Восточной Европы, в том числе на севере Белоруссии и на Смоленщине и имеют местное происхождение. Бытовали они в I тыс. н.э., и в это время происходило усовершенствование их формы, что, видимо, отражает также общее развитие земледелия и увеличение площадей посевов.

На селище у д. Гнездово, датируемого серединой I тыс. н.э., обнаружен серп (таб. 15:4), имевший общую длину 16 см и очень небольшую кривизну лезвия. Его можно отнести по форме к серповидным ножам. Подобные были широко распространены в смоленском течении Днепра и Западной Двины у днепро-двин-

ских племен до образования тушемлинской культуры [Шмидт, 1992, с. 56-57, 85, таб. 24 и 25] и, видимо, как пережиток сохранились до середины I тыс. н.э. Они могли использоваться не только как серпы на уборке урожая зерновых, но и в других целях.

Из селища у д. Микулино происходит еще один серповидный нож, но несколько иного типа (таб. 13:1), имеющий спинку, изогнутую под углом и несколько оттянутый мыс. Такого типа серповидные ножи были распространены у днепро-двинских племен преимущественно в бассейне Зап. Двины, где датировались периодом до середины I тыс. н.э.

Косы-горбуши и косы с крючком на черенке отличаются от серпов тем, что они имели длинную деревянную рукоять, и ими работали не одной, а двумя руками. Обломки кос-горбуш найдены на селище у д. Слобода-Глушица (таб. 15:1,2). Такие косы-горбуши могли использоваться как на уборке урожая зерновых, так и при заготовке сена.

Важным свидетельством земледелия у тушемлинских племен являются находки самого зерна, что позволяет также решать вопрос о видовом составе выращиваемых культур. Интересные данные получены при раскопках городища-убежища у д. Демидовка неподалеку от Смоленска. В слое пожара, относящегося к V-VII вв. н.э., найдено более тысячи зерен различных сельскохозяйственных культур. Среди подвергшихся определению зерен больше всего было ячменя, представленного двумя видами - двурядным ячменем (Hordeum distichum L.) и многорядным ячменем (Hordeum vulgare L.), имелось некоторое количество зерен мягкой пшеницы (Triticum vulgare V.), ржи (Secale cereale L.) и овса (Avena sativa L.). Есть также конские или кормовые бобы и обуглившиеся скопления и отдельные зерна проса (Panicum miliaceum.) [Шмидт, 1972в, с. 68-69]. На городище-убежище у д. Близнаки неподалеку от Смоленска были значительные запасы продуктов, включавшие зерно и бобы. Остатки этого зерна сохранились до наших дней только потому, что во время пожара они обуглились. Условия залегания обуглившихся зерен в культурном слое своеобразны. Значительное количество зерна найдено в виде крупных обгоревших и спекшихся комков, при этом часть комков состояла из целых зерен проса или ячменя, а часть из дробленого зерна. Видимо, это были запасы, хранившиеся в какой-то деревянной таре (ступы, кадушки, карзины и т.п.). Большое количество зерна в такой таре не сгорело сразу до состояния золы, а часть его обуглилась. В пределах раскопанной части убежища обнаружено около 20 таких комков. Другая часть зерна обнаружена в прослойке культурного слоя, представлявшей собою земляной пол убежища, где зерна были вперемешку с грунтом. Скорее всего, основная масса этих зерен была в свое время втоптана в поверхность земляного пола еще до пожара, но некоторая часть их была рассыпана и перемешалась с землей во время пожара. При высокой температуре и недостат-

ке кислорода оно обуглилось. Во время раскопок было извлечено около 7000 зерен. Установлено, что среди них были: мягкая пшеница (2736 зерен), ячмень (2436 зерен), кормовые бобы (1627 зерен) и значительное количество зерен проса [Шмидт, 1976, с. 7-8]. Выяснено, что некоторые комки представляли собой не обгоревшее зерно, а приготовленную кашу.

На городище-убежище Никодимово в слое пожарища обнаружено также значительное количество обуглившегося зерна. Больше всего было зерен многорядного ячменя (4874 экз.) и проса (1066 + обгоревшие комки), несколько в меньшем количестве встречены зерна двух видов пшеницы - мягкой пшеницы (Triticum vulgare V.) и полбы-двузернянки (Triticum dicaccum S.), кормовых бобов и гороха (Pisum sativum L.). Есть также зерна овса (Avena sativa L.), конопли (Cannabis cannabis L.) и ржи (Secale cereale L.) [Седин, 1994а, с. 115-118]. Таким образом, на памятниках тушемлинской культуры выявлены зерна следующих сельскохозяйственных культур: двурядный ячмень, многорядный ячмень, мягкая пшеница, полба-двузернянка, овес, рожь, просо, конопля, бобы кормовые, горох. Установить удельный вес каждой культуры в посевах того времени по остаткам зерна в сожженных убежищах весьма и весьма затруднительно, но все же можно предполагать, что главную роль в посевах играли: ячмень, вызревавший за короткий вегетационный период, дававший при подсечно-огневом земледелии урожаи сам-25 — сам-30 и еще просо, которое при этих же формах земледелия было весьма урожайным. Видимо, в несколько меньших количествах высевалась пшеница, тогда как овес и рожь, скорее всего, не являлись самостоятельно выращиваемыми культурами, а были как бы засорителями других культур. Как показывают споро-пыльцевые анализы культурного слоя городища у д. Акатово, население тушемлинской культуры выращивало лен в качестве технической культуры.

Кроме уже упомянутых зерен сельскохозяйственных культур, на городище-убежище Никодимово обнаружено значительное количество семян сорных растений. Они также могут служить важным источником, характеризующим некоторые особенности земледелия. Там в числе сорняков были: подмаренник, марь белая, дрема белая, пикульник, горец вьюнковый, горец шероховатый, горец почечуйный, куколь и др. При этом, подмаренник, марь белая, пикульник и некоторые другие сорняки обычно характерны для яровых посевов. Известно, что марь белая - «типичное растение старопахотных почв и примесь семян этого сорняка к зерну служит надежным показателем окультуренности почв» [Седин, 1994а, с. 117-118]. Не исключено, что на окультуренных старопахотных землях выращивали преимущественно пшеницу и бобовые культуры.

Описанные возделываемые культуры и характер земледелия у тушемлинского населения были такими же, как и у соседних племен на территории Бело-

руссии. При изучении Банцеровского городища, которое использовалось в качестве поселения одновременно с тушемлинскими городищами-убежищами и весьма близко к ним в этнокультурном отношении, хотя принадлежало другой группе балтских племен, обнаружены в большом количестве зерна проса, пшеницы, гороха, вики и конских бобов [Фляксбергер, 1932, с. 166]. В слоях, где было зерно, найдены серпы и другие орудия, аналогичные таковым из тушемлинских поселений. В целом, рассмотренные материалы подтверждают существование у тушемлинских племен в IV-VII вв. н.э. как подсечно-огневого, так и пашенного земледелия с яровыми посевами и выращиванием следующих сельскохозяйственных культур: ячменя, проса, пшеницы, гороха, конских бобов, ржи, овса, конопли и льна.

СКОТОВОДСТВО

Решение вопросов о характере и роли скотоводства в жизни тушемлинских племен основано на разнообразных археологических источниках. Эти источники, в первую очередь, представляют собою костные остатки домашних животных в виде кухонных отбросов, находимых в культурном слое поселений. Своеобразие этого материала и некоторая трудность его детального изучения, в связи со значительной фрагментированностью костей, не дает во всех случаях исчерпывающую картину, но все же этот материал позволяет составить общее представление о скотоводстве как отрасли хозяйства того времени, а в частности о видовом составе домашних животных, о соотношении между отдельными видами животных в стаде и о роли каждого вида животных в мясном питании человека. Кроме того, источниками являются орудия труда и отдельные предметы, дающие сведения об использовании отдельных видов домашних животных с разными целями в хозяйстве той поры.

В раннем железном веке, начиная с середины I тысячелетия до н.э., у днепро-двинских племен в целом скотоводство играло более значительную роль, чем охота [Шмидт, 1992, с. 62-65]. К середине I тыс. н.э. роль охоты в мясном питании населения стала незначительной, хотя эта отрасль хозяйства и не утратила совсем своего значения. В среднем, на исследованных памятниках количество костей диких животнных, добываемых ради мяса и пушнины, составляет 11,1%. Но есть поселения, на которых эти показатели значительно ниже. Так, например, на селище «Курлын» количество костей диких животных составило всего 0,9%. На селище у д. Кислые, относящемся к концу третьей четверти I тыс. н.э., костей диких животных вообще обнаружено не было. На городище-убежище Никодимово кости диких животных составили немногим более 2% [Седин, 1994а, с. 121]. Все это говорит за то, что скотоводство заняло абсолютно доминирующую роль в обеспе-

чении населения мясной пищей. Охота, сохраняя еще некоторое значение как отрасль хозяйства, имела своей целью преимущественно добывание меха и шкур, служивших в то время еще и меновыми ценностями. Но это не отражено четко в костных остатках на поселениях, так как при охоте на пушных зверей, мясо которых несъедобно (куница, хорь и др.), шкурки приносились на поселения, а тушки часто выбрасывались на месте охоты.

Постепенное увеличение роли скотоводства по сравнению с охотой в хозяйстве племен верховьев Днепра и Зап. Двины за период времени от середины I тысячелетия до н.э. до конца третьей четверти I тысячелетия н.э. показывает нижеследующая таблица А, в которой для сопоставления приведены материалы послойных определений и подсчетов всех найденных костей из раскопок городищ у д.д. Демидовка, Новые Батеки, Федотково и нескольких селищ тушемлинской культуры на реке Жереспее.

Таблица А.

Соотношение между домашними и дикими животными по количеству костей в костных остатках из поселений (в %)

Виды животных	Период времени		
	Середина I тыс. до н.э.	Рубеж н.э.	Третья четверть I тыс. н.э.
Домашние животные	82,4	86,6	88,9
Дикие животные	17,7	13,4	11,1

Вместе с тем, нужно иметь в виду, что скотоводство, кроме мяса, давало молоко и молочные продукты, а также шкуры, шерсть, кость, рог, то есть сырье, используемое в домашнем ремесле для производства разнообразных изделий, необходимых в хозяйстве человека того времени.

Видовой состав разводимых животных в тушемлинское время по сравнению с эпохой раннего железного века второй половины I тыс. до н.э. не изменился. Стадо домашних животных состояло из крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота (овцы, козы), свиней и лошадей. Некоторую роль в хозяйстве играли собаки. Соотношение между отдельными видами разводимых домашних животных по количеству костей и подсчитанных особей в костных остатках из различных поселений третьей четверти I тысячелетия н.э. показывает таблица Б. Из приведенных в этой таблице данных видно, что крупный рогатый скот среди разводимых домашних животных занимает главное место - 61,2% по

количеству костей и 43,6% по количеству особей.

Таблица Б.

Соотношение между отдельными видами домашних животных по количеству костей и особей из раскопок разновременных поселений (в %)

Виды домашних животных	Период времени					
	Середина I тыс. до н.э.		Третья четверть I тыс. н.э.		Никодимово VI-VII вв. (1)	
	Костей	Особей	Костей	Особей	Костей	Особей
Крупный рогатый скот	37,1	29,4	61,2	43,6	48,9	42,5
Мелкий рогатый скот	29,1	20,6	10,1	10,9	7,5	8,5
Свиньи	24,9	33,8	20,3	32,7	30,8	29,8
Лошади	13,8	16,2	8,4	12,8	12,8	19,2

(1) Данные по Никодимову взяты без учета костей собак.

Таблица Б отражает также изменение роли отдельных видов домашних животных в составе стада. В ней даны средние показатели для наиболее изученных памятников середины I тыс. до н.э. (Новые Батеки, Федотково, Демидовка) и для памятников третьей четверти I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье. Для сравнения приведены данные по городищу-убежищу Никодимово [Седин, 1994а, с. 121] без учета костей собак. По материалам изученных нами памятников установлено, что относительное количество костей крупного рогатого скота в кухонных остатках в течение тысячелетия выросло от 37,1% до 61,2%, а относительное количество особей - от 29,4% до 43,6%. Заметный рост удельного веса крупного рогатого скота, несомненно, связан со все увеличивавшейся ролью земледелия и переходом к более совершенным его формам. Это увеличило продуктивность земледелия и дало дополнительные для скотоводства корма в виде отходов зерна, мякины, соломы, и обеспечивало перезимовку значительного поголовья маточного скота. Доминирующее положение крупного рогатого скота объясняется еще и тем, что быки и коровы, видимо, стали использоваться в качестве тягловой силы в земледелии. В период раннего железного века (середина I тыс. до н.э.) из-за необеспеченности кормами зимой отдавалось предпочтение скороспелому скоту (свиньи, овцы) и лошадям, умеющим добывать корм из-под сравнительно значительного снегового покрова. В целом, значительный рост относительного количества крупного рогатого скота происходил за счет резкого сокращения количества мелкого рогатого скота и небольшого уменьшения относительного количества лошадей и свиней в мясном питании населения.

На всех исследованных памятниках для всех периодов относительное ко-

личество костей крупного рогатого скота намного выше, чем такие же показатели для количества особей. Это связано, видимо, с лучшей сохранностью костей крупного рогатого скота в культурном слое поселений, что обусловлено убоем преимущественно взрослых особей, а не молодняка, у которого костяк еще не совсем минерализовался и окреп. Коровы содержались несколько лет в целях получения и приплода, и молочных продуктов.

Как видно, в течение тысячи лет относительное количестве мелкого рогатого скота уменьшилось в два раза, а резкий скачок уменьшения произошел во второй четверти I тыс. н.э., что отражает изменившиеся требования хозяйства к разводимому скоту, в связи с изменениями в области земледелия в период формирования тушемлинских племен. Относительное количество свиней за рассматриваемый период изменилось незначительно: по количеству костей - с 24,9% до 20,3%, а по количеству особей - с 33,8% до 32,7%. Однако, если в середине I тыс. до н.э. относительное количество особей свиней в стаде было самым высоким по сравнению с остальными домашними животными и даже выше на 4,4% по сравнению с крупным рогатым скотом, то после середины I тыс. н.э. картина изменилась - количество особей крупного рогатого скота возросло на 10,9% по сравнению с количеством свиней, т.е. если процентное отношение количества свиней почти не изменилось, то фактически их роль в питании населения значительно уменьшилась. Для свиней показатели по количеству особей несколько выше, чем показатели по количеству костей. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что среди использованных на мясо свиней преобладали молодые животные, костная ткань которых еще не совсем минерализовалась и окостенела, а содержала значительное количество хряща, что не способствовало хорошей сохранности многих костей в культурном слое поселений. Среди находок обычно преобладают зубы и некоторые другие более крепкие кости конечностей. Кроме того, значительное количество не очень твердых костей сразу же съедалось собаками.

Соотношение между видами домашних животных в стаде в VI-VII вв. по материалам из городища-убежища Никодимово в бассейне Верхнего Посожья примерно такое же, как и на памятниках этого времени в Смоленском Поднепровье в Подвинье (таб. Б), что в какой-то степени подтверждает одинаковый уровень развития хозяйства на этих территориях.

Особо следует остановиться на роли лошадей в хозяйстве тушемлинских племен. Относительное количество лошадей к середине I тыс. н.э. несколько сократилось: по количеству костей - на 5,4% и по количеству особей - на 3,4%. Эти показатели имеют отношение к лошадям, использованным на мясо, т.е. к особям, убитым и съеденным на поселениях. Но в действительности относительное количество лошадей было выше, так как часть лошадей использовалась для верховой езды воинами-всадниками. Не все они убивались на мясо, так как часть лошадей

не возвращалась из военных набегов, оставаясь убитыми или ранеными на поле боя, либо попадали в руки противника. О том, что лошадь стала широко использоваться для верховой езды, в том числе и для военных целей, бесспорно говорят многочисленные находки металлических предметов, связанных с конской уздой и верховой ездой, т.е. со снаряжением воина-всадника [Шмидт, 1995, с. 105-117. Седин 1994а, с. 124-126]. Таковыми, в первую очередь, являются железные удила. Почти все пока найденные экземпляры - двусоставные без псалий с неподвижными кольцами на концах (таб. 6:2, 4). Эта форма удил является сравнительно примитивной, хотя и весьма распространенной в Восточной Европе. Наряду с двусоставными простыми удилами, найден один экземпляр удил также двусоставных, но с подвижными большими кольцами на концах - форма несколько усовершенствованная (таб. 6:3). Этого облика удила бытовали в течение всей второй половины I тысячелетия н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье. Еще более распространенными находками на поселениях тушемлинской культуры являются железные шпоры (см. с. 67). Они представлены двумя типами: 1 - шпоры с выпуклыми пуговицеобразными зацепами (таб. 7:3, 5); 2 - шпоры с крючкообразными зацепами наружу (таб. 7:1,4-7). Шпоры с выпуклыми пуговицеобразными зацепами были более ранними. В Европе они бытовали и распространялись в римское время, в Поднепровье - до середины I тыс. н.э., после чего вышли из употребления. Обнаружены они у д.д. Слобода-Глушица и Цурковка и датируются III-IV вв. Шпоры с крючкообразными зацепами встречаются чаще. Они найдены на городищах-убежищах Демидовка, Близнаки, Никодимово, Кисели, Черкасово и на селище у д. Шугайлово и датируются преимущественно V-VII вв. н.э.

На древнем поселении у озера Пениснар вместе с лепной керамикой конца третьей четверти I тысячелетия н.э. найдено железное стремя (таб. 5:14). Однако нет полной уверенности, что это стремя попало в культурный слой селища, перепаханный неоднократно, вместе с тушемлинской керамикой. Не исключено его более позднее происхождение, поскольку такого типа стремена распространились после VII в. н.э.

Железные кольца, круглые и четырехугольные с прогнутыми боковыми сторонами пряжки (таб. 24, таб. 5:11) имеют непосредственное отношение к конской сбруе. Приведенные материалы бесспорно свидетельствуют об особом использовании лошадей населением тушемлинской культуры.

Таким образом, изменения, которые имели место в скотоводстве, были связаны с общим прогрессом в хозяйственной деятельности тушемлинских племен в IV-VII вв. н.э., а также обусловлены некоторыми общественными изменениями, происходившими в период распада родовых отношений и частых военных столкновений эпохи Великого переселения народов в Европе.

ОХОТА

В третьей четверти I тысячелетия н.э., несмотря на дальнейшее развитие скотоводства и земледелия, охота на диких животных как отдельное занятие все еще играла некоторую роль в хозяйстве населения Верхнего Поднепровья и Подвинья. Если в раннем железном веке, судя по найденным на поселениях костным остаткам, удельный вес охоты составлял 17,6% (по количеству костей) и 41,6% (по количеству особей); то в эпоху великого переселения народов эти показатели стали несколько ниже, составив соответственно 11,1% и 24,1%. Плохая сохранность костного материала на неукрепленных поселениях-селищах третьей четверти I тыс. н.э. и сравнительно небольшие площади, подвергшиеся раскопкам на них, являются причиной тому, что при решении многих вопросов приходится оперировать данными, полученными только на городищах-убежищах - местах временного пребывания людей в особых обстоятельствах. Кроме того, на них, как и на любых многослойных поселениях, кости сохраняются лучше, но возможно некоторое перемещение материала из одного слоя в другой в результате хозяйственной и строительной деятельности в последний период жизни в убежище. Все это требует более критического подхода к оценке материала, особенно, если он количественно невелик. Исследованные селища дали более низкие показатели, так, например, на селище «Курлын» количество костей диких животных составило 0,9%, а количество особей — 15,4%.

Таблица В.

Соотношение между видами диких животных по количеству особей в костных остатках из раскопок памятников IV-VII вв. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье (в %)

Виды животных	Места находок					
	Курлын		Демидовка		В целом	
	Чис.	%	Чис.	%	Чис.	%
Лось	1	50	5	29,3	6	31,6
Северный олень	-	-	1	5,9	1	5,3
Косуля	-	-	1	5,9	1	5,3
Кабан	-	-	1	5,9	1	5,3
Медведь	-	-	3	17,6	3	15,8
Лисица	-	-	2	11,8	2	10,5
Куница	-	-	2	11,8	2	10,5
Заяц	1	50	2	11,8	3	15,7

В целом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание говорить об уменьшении значения охоты в хозяйстве тушемлинских племен в середине и третьей четверти I тыс. н.э. Особенно уменьшилась роль охоты в мясном питании населения. Это подтверждают такие показатели: кости диких животных, используемых на мясо, составили всего 12,7% от общего количества костей мясных животных, этот же показатель по количеству особей - 16% (от диких и домашних вместе).

Видовой состав охотничьей добычи сравнительно невелик: всего на двух памятниках засвидетельствовано 8 видов диких животных (таб. В). Это - лось, северный олень, косуля, кабан, медведь, лисица, куница, заяц. На других селищах были отдельные кости бобра. Наряду с этим, встречалось небольшое количество костей куриных и водоплавающих птиц. В целом, доля животных, добываемых, в первую очередь, из-за мяса, составляла 64,6% от всех учтенных особей диких животных. Среди них наиболее важное значение имели лось (31,6%) и медведь (15,8%), тогда как кабан и косуля засвидетельствованы единично. Северный олень, скорее всего, не был постоянным компонентом фауны Смоленского Поднепровья, и появление его в отдельные годы связано с особыми природными условиями, вызвавшими столь далекие его миграции на юг от тундры в зону лесов.

Звери, добываемые главным образом из-за шкурок составили 36,8% от всех учтенных животных. Однако необходимо учесть, что на поселениях не обнаружены кости хорька, ласки, белки и других животных, добываемых только из-за меха, мясо их несъедобно, поэтому после снятия шкурки тушка животного выбрасывалась на месте охоты, за пределами поселения, поэтому их кости не попадаются среди кухонных отбросов. Это дает основание считать, что количество животных, являвшихся объектом пушной охоты, было значительно выше. Среди пушных животных чаще добывали зайцев (15,8%), а также лисиц и куниц (10,5%). Сказать что-либо конкретное о способах охоты, как и об орудиях охоты, пока затруднительно из-за отсутствия соответствующих материалов. Можно только предполагать, что практиковались самые разнообразные способы и приемы охоты с использованием как охотничьих орудий (лук и стрелы, копье, рогатина), так и разных ловушек, силков, плах и пр.

РЫБОЛОВСТВО

Ловля рыбы в целях получения дополнительных продуктов питания практиковалась повсеместно, и эта отрасль хозяйственной деятельности в середине и третьей четверти I тыс. н.э., несомненно, играла еще некоторую роль. Рыба имела ограниченное значение в силу природных условий рассматриваемой территории. Вообще, рыболовство не могло играть очень большой роли в хозяйстве населения

того времени, так как в пределах Смоленского Поднепровья и междуречья Днепра и Зап. Двины реки не имеют большого развития и представлены своими верхними течениями и их мелкими притоками, т.е. такими водоемами, которые не могли иметь больших запасов рыбы. Исключение составляют некоторые районы Белорусского Подвинья и отдельные другие места, где имелось большое количество озер ледникового происхождения. Можно полагать, что в этих районах рыболовство играло несколько большую роль, но подтвердить это археологическими материалами пока нет возможности из-за слабой изученности поселений в озерном крае. В целом, есть основание предполагать, что рыбные ресурсы даже тех небольших водоемов, расположенных неподалеку от поселений, использовались сравнительно полно.

В песчанистом культурном слое изученных селищ рыбных костей почти не сохранилось, исключение составляет находка нескольких обломков костей щуки на селище у д. Шугайлово и на городище-убежище Демидовка, постольку наши сведения о рыболовстве могут быть составлены на другого рода источниках. Такими источниками являются находки орудий труда, связанных с рыболовством. Среди рыболовных орудий в этот период широкое распространение получили железные крючки сравнительно крупных размеров (таб. 13:9, 10). Они, скорее всего, использовались для ловли крупной хищной рыбы (щуки, судака, сома и др.) преимущественно в летний период времени. Использовались также и железные остроги (таб. 13:14, 15), что говорит о добыче рыбы весной во время нереста и осенью с подсветом, так называемое «лучение». Нужно отметить, что железная острога является более усовершенствованным орудием по сравнению с гарпуном, бытовавшим в предшествующую эпоху. Об использовании ставных ловушек для рыбы, изготовленных из ивовых прутьев, и сетей говорит находка железной кошки на городище-убежище Демидовка (таб. 15:11). Этими ставными орудиями добывали рыбу преимущественно весной и в начале лета во время нереста (на «терке»). Широкое использование разного рода сетей подтверждают многочисленные находки глиняных грузил и грузиков, обнаруженных на селищах у д.д. Шугайлово и Кислые (таб. 17:18, 20 и 18:2-4, 6).

Таким образом, в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э. появились новые и более совершенные железные орудия труда, связанные с рыболовством, и широко использовались сети. Однако, без сомнения, в рыболовстве использовались и другие способы лова, существовавшие в предшествующие эпохи, в том числе перегораживание речек плетнями на вбитых кольях, так называемые «заколы», для вылавливания рыбы, идущей на нерест или скатывающейся после нереста в большие водоемы; зимний лов «на задуху» в заиленных водоемах и т.д.

СОБИРАТЕЛЬСТВО И БОРТНИЧЕСТВО

Племена тушемлинской культуры широко использовали природные растительные ресурсы Смоленского Поднепровья и Подвинья, пригодные для употребления в пищу, т.е. население занималось собирательством. Растительная пища, богатая витаминами, была жизненно необходима. Многие растения служили не только для витаминного питания, но использовались и при лечении болезней. Местная флора содержит значительное количество лекарственных растений, о лечебных свойствах которых люди знали с незапамятных времен.

Особенности культурного слоя селищ и несовершенность методов его исследования не дают достаточного фактического материала об используемых тогда плодах, ягодах и других растениях. Археологически пока подтвержден только сам факт наличия собирательства. Так, например, на селище «Курлын» у д. Кислые в культурном слое найдена скорлупа орехов - лещины. Исходя из этнографических данных, можно предполагать, что тушемлинское население собирало плоды, ягоды, съедобные коренья, грибы и т.п. Все это либо использовалось сразу в пищу, либо частично заготавливалось впрок на зимний период.

Разнообразие собираемого может быть определено возможностями местной флоры. Главными объектами собирательства были: грибы (белые, подосиновики, подберезовики, грузди, маслята, лисички и др.), а часть из них, видимо, сушилась; ягоды (земляника, малина, черника, дурника, ежевика, костяника, брусника, клюква, смородина, калина, рябина и пр.); плоды (яблоки, орехи, желуди), а также такие растения, как дикий чеснок, щавель, крапива, кислица и др.

Практиковалось собирание меда диких пчел и воска. Воск использовался в бронзолитейном производстве для изготовления литейных форм. Многие изделия, в том числе бронзовые фибулы (таб. 23 и 24), браслеты и др. изготовлены по восковым моделям. Бортничество имело место, но орудий, связанных с этой деятельностью, пока не обнаружено.

Необходимо отметить, что, в связи со значительным развитием земледелия и скотоводства, собирательство уже не играло главной роли в хозяйстве тушемлинских племен, которая ему принадлежала в далекие предшествующие эпохи, а было только дополнительным источником в питании населения.

ДОМАШНИЕ РЕМЕСЛА

Обнаруженные в результате раскопок поселений тушемлинской культуры остатки сооружений и многочисленные предметы дали разнообразные сведения, на основании которых можно составить представление об уровне развития до-

машних ремесел. Основные орудия труда и другие предметы изготавливались на месте, для чего использовались разнообразные материалы: железо, бронза, серебро, медь, кость, рог, камень, дерево, кожа, глина и пр. Технические приемы обработки всех перечисленных материалов требовали самых разнообразных приемов и навыков, а последние, несомненно, основывались на большом многолетнем опыте и значительно увеличивающихся в своем объеме знаниях. Наиболее сложными занятиями, требовавшими особых знаний и навыков, были: получение железа и его кузнечная обработка, а также плавка и литье меди, бронзы и серебра. Большое разнообразие металлических изделий говорит о высоком уровне этих домашних ремесел, не уступающем уровню развития производства у других соседних племен Восточной Европы.

Если в эту эпоху (по сравнению с предшествующей) изделия из железа были более разнообразными и многочисленными, то этого нельзя сказать об изделиях из кости и камня. Костяных предметов встречено сравнительно мало, хотя технология их обработки не ухудшилась. Ассортимент их невелик - к примеру, пока совсем не обнаружены костяные наконечники стрел, гарпуны, булавки и другие предметы, широко бытовавшие в предшествующую эпоху. То же самое относится и к изделиям из камня — в это время уже не использовался кремень для изготовления режущих и скребущих орудий, поскольку они не были найдены при раскопках. Значительно уменьшилось количество предметов, сделанных из кристаллических пород камня (песчаник, диорит, гранит и др.), ранее использованных в качестве рубящих орудий (топоры, тесла, долота). Использование глины для производства посуды и других предметов в своем объеме не уменьшилось, хотя технология изготовления керамики претерпела некоторые прогрессивные изменения.

Об использовании в домашнем ремесле другого сырья (дерева, кожи, растительных волокон, шерсти и т.п.) свидетельствуют находки орудий по их обработке и некоторые другие косвенные данные, но предметов, изготовленных из этих материалов, пока не найдено.

ПОЛУЧЕНИЕ И ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА

Эта отрасль домашнего ремесла играла основную роль в развитии всего хозяйства. Однако материалы, полученные при изучении тушемлинских поселений, пока не дают основания полагать, что железодеятельное ремесло выделилось в особую отрасль производства, и процесс отделения этого ремесла от сельского хозяйства и других занятий окончательно еще не завершился. На всех изученных и обследованных селищах найдены следы железодеятельного производства. В одних случаях, в виде остатков домниц и кузнечных горнов, в других - в виде мно-

гочисленных кусков железной руды, шлаков, обломков криц. Это свидетельствует о том, что на сельских поселениях занимались и получением железа, и изготовлением из него различных предметов и орудий труда. Степень изученности отдельных поселений неодинакова, но на тех селищах, где проводились раскопки, об этих занятиях говорят очень многие находки.

На селищах у д. Кислые (бассейн Зап. Двины) найдены многочисленные овальные в плане ямы с остатками глиняных горнов, а в некоторых случаях - возможно, с остатками оснований домниц. На одном из этих селищ (Курлын), на распаханной его части, прямо на поверхности, было огромное количество железных шлаков, что их можно было собрать многими центнерами. Такое же обилие шлаков наблюдалось на распаханном селище у озера Пениснар у д. Дубровки и на селище у озера Мутное у д. Аносинки (бассейн Зап. Двины). При раскопках селища на берегу озера Дго (Астраганец) в бассейне Зап. Двины были вскрыты многочисленные ямы с остатками домниц и горнов в виде обожженной глины и расколотых камней, побывавших в огне. Здесь же найдены и железная руда, и железные шлаки [Шмидт, 1971, с. 75]. Неудавшиеся плавки, выброшенные и расколотые недоброкачественные крицы найдены на селищах у д.д Шугайлово, Кислые, Ерилово, Дубровка (бассейн Зап. Двины) и у д.д. Куприно, Катынь и пос. Колодня (бассейн Днепра), и у дд. Слобода-Глушица, Еловцы (бассейн Сожа). Кроме того, железные шлаки были найдены на селищах у д.д. Сокорево, Жуковщина, Пржевальское, Ковали, Заозерье, Микулино, Лукесы и других, где проводился осмотр или исследование поселений третьей четверти I тыс. н.э. Об использовании местной болотной руды для получения железа, помимо находки конкреций самой руды, свидетельствуют найденные на селище у д. Шугайлово в остатках производственного сооружения два специально обработанных камня, предназначенные для растирания руды в порошок.

Необходимо отметить, что и в предшествующую эпоху на городищах раннего железного века днепро-двинской культуры зафиксированы многочисленные находки железных шлаков, железной руды и обломков криц. Это послужило основой для вывода, что получение и обработка железа производились непосредственно в самих поселках [Шмидт, 1992, с. 82, 83]. Описанная нами картина, выявленная на селищах тушемлинской культуры и городищах днепро-двинской культуры, относящаяся к железоделательному производству, несомненно говорит о преемственности и устойчивости традиций в этом домашнем ремесле у племен Смоленского Поднепровья и Подвинья.

Кузнечное ремесло, по сравнению с предшествующей эпохой, достигло значительных успехов. Подтверждением этому может служить многообразный набор орудий труда, оружия и других предметов, найденных на селищах и городищах-убежищах. Изготовление больших, массивных и совершенных по форме сер-

пов, наконечников копий, топоров и ножей говорит о разнообразных приемах, использованных кузнецами, об умении получать углеродистое железо (сталь) и его закалять. Есть достаточно оснований считать, что эти предметы изготавливались местными кузнецами, а не являлись привозными из других областей. Хотя крупных кузнечных инструментов (наковален, молотов, клещей) пока не обнаружено, но различного рода кузнечный инвентарь (пробои, зубила и пр.) найдены на нескольких поселениях. Наряду с этим, найдены железные заготовки (типа таб. 13:11) и незаконченные обработкой орудия труда. Местные мастера знали сложные приемы изготовления орудий труда, в том числе наварку стальных рабочих лезвий на железную основу, свидетельством чему служат многочисленные находки обломков лезвий топоров (таб. 8:9-14), видимо, отламывались они как раз по линии наварки стали на железо.

Аналогичная картина получения железа и его кузнечной обработки и изготовления орудий труда засвидетельствована по материалам банцеровской культуры на территории Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. 48-49, 116].

ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

На территории расселения тушемлинских племен нет месторождения руд цветных металлов, поэтому медь, бронза, серебро и пр. поступали путем обмена из других областей, достаточно удаленных от Верхнего Поднепровья и Подвинья. Эти металлы могли поступать либо в виде уже готовых изделий, либо в слитках. Соответственно, слитки и металлический лом были сырьем для производства различных предметов местными мастерами-бронзолитейщиками.

Литье меди, бронзы, серебра было широко распространено. Находки изделий из этих металлов сравнительно часты. Притом многие предметы из цветных металлов после отливки дополнительно обрабатывались ковкой, затачивались и полировались, на некоторые из них наносился орнамент путем гравировки (таб. 24 и 25). Но есть предметы, которые изготавливались только путем холодной или горячей ковки.

Бесспорным доказательством литья цветных металлов на поселениях тушемлинской культуры являются находки обломков ошлакованных тигельков и целых глиняных льячек (таб. 17:17, 19; таб. 18:1 и 19:8), происходящих из селищ у д.д. Шугайлово, Заозерье и из городища-убежища Демидовка. На селище у д. Шугайлово обнаружен расположенный в одном месте инвентарь литейщика. Он включал: глиняную орнаментированную льячку (таб. 17:19), три каменные плоские двусторонние литейные формы (таб. 18:5, 10), изготовленные из известняка и бывшие в употреблении, отчего поверхность их несколько потрескалась, а также обточенный и подготовленный плоский кусок известняка, предназначенный для

изготовления литейной формы. На нем имеются только разметка для вороночки и небольшое углубление, представляющие собой начало работы по вырезанию самой формы. Находка такого набора литейных форм и льячки не оставляет никакого сомнения в том, что и изготовление литейных форм, и отливка в них предметов производилась непосредственно на этом поселении местным мастером. Эти литейные формы показывают, что из цветных металлов изготавливались украшения и, в частности трапецевидные подвески (таб. 18:10) и шарообразные орнаментированные бусы (таб. 18:5).

На городищах-убежищах Демидовка, Близнаки, Вежки и на селищах у д.д. Заозерье, Шугайлово, Ерилово, и в грунтовом могильнике у д. Акатово найдены бронзовые и серебряные височные кольца, как целиком сохранившиеся, так и в обломках (таб. 21,22 и 25). Сравнительно частая встречаемость и простота формы проволочного кольца со слегка утолщенными концами дают основание считать их изделиями местных мастеров. Подтверждением этому может служить находка на городище-убежище Демидовка серебряной отливки в виде палочки с утолщенными концами (таб. 24:33), т.е. предмета, не оконченного обработкой, не прошедшего дальнейшей кузнечной и ювелирной отделки для изготовления либо височного кольца, либо браслета. На местное производство указывают также находки серебряных и бронзовых кусочков проволоки.

Некоторые изделия, найденные на городищах-убежищах Демидовка, Никодимово, Близнаки, Вежки, Кисели, вырабатывались из бронзы техникой литья по восковой модели. К их числу, в частности, относятся пальчатые фибулы (таб. 23). Первоначально из воска изготавливали модель фибулы, на наружную сторону которой наносился узор в виде эсовидных спиралей или в виде кружков (так называемый циркульный орнамент). Эти орнаментальные элементы ограничивались рельефной рамкой. Изготовленную модель заливали глиной, высушивали и обжигали. Во время нагревания через специально сделанное воронкообразное углубление воск вытекал, и через эту же воронку в форму заливали расплавленную бронзу. После остывания металла форму разбивали, поэтому такие формы носят название «утерянных форм». Далее полученную отлитую фибулу обрабатывали: устраняли неровности и полировали, а орнаментальный узор дополнительно прорабатывался резцом. Такого типа фибулы, видимо, изготавливались в особых центрах. На тушемлинских поселениях каких-либо следов производства пальчатых фибул пока не обнаружено. Находка бронзовой подвески на городще-убежище Демидовка (таб. 23:9) показывает, что в некоторых центрах бронзолитейщики III-V вв. н.э. могли изготавливать весьма сложные ажурные украшения, инкрустированные цветными эмалями. Хотя отдельные предметы с выемчатыми эмалями обнаружены на поселениях тушемлинской культуры, но пока нет доказательств, что именно здесь, на этих поселениях, такие предметы могли быть изготовлены.

Если сравнивать обработку цветных металлов в период середины и третьей четверти I тыс. н.э. с этим производством в раннем железном веке, то бросаются в глаза некоторые различия. Во-первых, если в раннем железном веке, наряду с каменными литейными формами, широко использовались глиняные формы, изготовленные по восковым моделям, то в III-VII вв. н.э. глиняные формы, видимо, так широко местным населением не использовались, поскольку пока еще не обнаружены во время раскопок. Во-вторых, в раннем железном веке в качестве поделочного материала применялись исключительно медь и бронза, тогда как в эпоху великого переселения народов в производство включается серебро и его сплавы с другими металлами, хотя бронза по-прежнему используется при изготовлении украшений.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Весьма существенную роль в домашнем ремесле играло производство из глины различных предметов и, в первую очередь, глиняной посуды. Изготовление глиняной посуды, видимо, было занятием женщин. При этом в период великого переселения народов у тушемлинских племен керамическое производство не переросло в особый, специально выделившийся вид ремесленной деятельности. Глиняную посуду изготавливали в домохозяйствах, используя своеобразную технологию лепки сосудов, закрепленную традициями. Эта технология получила в археологической литературе наименование способа ленточного горизонтального кольцевого налепа, что подтверждается характером разлома сосудов на отдельные горизонтальные ленты по линии их сращивания.

Почти все пространства, заселенные тушемлинскими племенами, находились в зоне конечноморенного ландшафта, где широко распространены озерно-аллювиальные глины с гидро-слюдистым минеральным составом. Эти местные глины и были основным сырьем для изготовления глиняной посуды. Они достаточно пластичны, хотя включают естественные примеси в виде алевритовых и мелкопесчанистых частиц. Работы начинались с добычи подходящего сырья и приготовления формовочной массы. Поскольку глины были пластичными и содержали большой процент собственно глинистого вещества, требовалось включение в глинистую массу искусственных отощителей. Отощители делают пластическую глину менее клейкой, а следовательно, удобной для формования сосудов. Они также способствуют равномерной сушке сосудов до обжига и противодействуют усадке и деформации, кроме того, препятствуют растрескиванию стенок сосудов во время обжига. Основным искусственным отощителем глины у тушемлинских племен была дресва - зерна гранита. Дресву получали либо путем дробления гранитной гальки и мелких валунов каменными пестами, для чего

наиболее пригодными были естественно выветренные граниты с ослабленным сцеплением кристаллов полевого шпата, кварца, слюды и других минералов. Не исключено, что в то время для более легкого получения дресвы мелкие гранитные валуны специально помещали в костер или очаг, раскаляли на огне, а потом резко охлаждали, опуская в воду. Это способствовало разрушению кристаллической решетки, и гранит рассыпался на отдельные зерна (дресву).

Данные, полученные Н.В. Лопатиным в результате специального изучения керамики из городищ-убежищ Тушемля и Демидовка, показывают, что на Тушемле в качестве отощающей добавки использовалась исключительно дресва, тогда как на Демидовке основной добавкой для всей массы сосудов была также дресва и только в единичных случаях использовался шамот - мелкие кусочки раздробленных фрагментов стенок глиняной посуды. Количество дресвы в составе глиняной массы не было строго определенным. Искусственная добавка к глине в основном была в соотношении 1:4 на Тушемле и от 1:3 до 1:5 на Демидовке. Таким образом, дресва как отощающая добавка чаще всего составляла 25% от общей массы, но ее количество колебалось от 20% до 33% на Тушемле и от 16,7% до 33% на Демидовке. Величина зерен дресвы значительно колебалась: от 2 мм до 10-12 мм в поперечнике, но преимущественно использовалась дресва размером в 2-7 мм [Лопатин, 1987, с. 87-90, таб. 3]. Разница в величине зерен дресвы и ее количестве в глине теста зависела и от количества естественных отощителей, и от тех требований, которые предъявлялись при изготовлении отдельных форм сосудов. Часто формовочное тесто недостаточно вымешивалось, потому распределение дресвы бывает неравномерным, это касается преимущественно крупных сосудов с грубой поверхностью. При изготовлении лощеной посуды, в качестве отощающей добавки использовались мелкозернистые дресва и песок и формовочная масса более тщательно перемешивалась, потому распределение ее в глине было сравнительно равномерным.

После того как формовочная масса была подготовлена, брали доску-подставку, посыпали ее песком и на ней формовали дно сосуда и основание стенок - начин. На наружный край основания стенок накладывалась первая лента, образующая полное кольцо. На верхний край этого кольца снаружи накладывалась следующая лента. Толщина, ширина и длина лент зависела от размеров и назначения изготавливаемого сосуда. Таким образом накладывалось несколько лент, а по верху последней ленты формовался край венчика. При накладывании каждой ленты, края ее с соседней тщательно скреплялись, затем уминались, и места скреплений сглаживались. После того как сосуд был сформован, вся его поверхность, включая и места наращивания лент, внутри и снаружи заглаживались либо мокрой рукой, либо тряпкой, либо чем-то шероховатым. Следы такого

сглаживания прослеживаются на всех сосудах. Для основной массы сосудов обработка их на этом и заканчивалась, и они ставились на просушку.

Обжиг глиняных сосудов производился на кострах или в открытых очагах. Специальных печей для обжига посуды, видимо, еще не было, так как таковые при раскопках поселений до сего времени не обнаружены. Обжиг глиняной посуды осуществлялся при температуре 500-700 градусов как в окислительной, так и в восстановительной среде, но, судя по цвету поверхности сосудов и характеру изломов черепков, преобладал восстановительный обжиг, что обуславливает темный цвет черепка на изломе и буроватый или темно-серый цвет поверхности сосудов. Причиной преобладания восстановительного обжига были его некоторые преимущества, так как требовалась более низкая температура, которую можно было устойчиво поддерживать, что имело «большой технический смысл и весьма немаловажно для древних способов обжига» [Дубицкая, 1995, с. ИЗ]. Часть черепков имеет светлую палевую или слегка красноватую поверхность, тогда как излом черный, что свидетельствует о восстановительном обжиге на первоначальной стадии и об окислительном - на заключительной стадии.

В период формирования и ранний отрезок времени существования (III-IV вв.) тушемлинской культуры поверхность части сосудов специально обрабатывалась или как бы орнаментировалась. По поверхности сосуда и по краю венчика наносились прочерчивания зубчатым штампом или гребнем, в результате чего получались прочерченные полосы — так называемые «прочесы» (таб. 40 и 47). В V-VII вв. сосуды всех типов орнаментации не имеют. В течение всего времени существования тушемлинской культуры большинство мисок и часть горшков подвергалась лощению. На селище у д. Микулино в пределах постройки, где было много бракованной керамики вокруг очага, состоявшего из сплошной дресвы, обнаружен своеобразный железный нож с выпукло-плоскими поверхностями, вероятно, служивший лощилом (таб. 9:4).

Итак, глиняную посуду, изготовленную в IV-VII вв., по составу теста и характеру обработки поверхности можно разделить на две большие группы: 1. Сосуды с бугристой, грубо приглаженной поверхностью, изготовленные из глины, недостаточно промятой и не тщательно перемешанной с дресвой. 2. Посуда с гладкой или лощеной поверхностью, изготовленная из глины, хорошо промятой и перемешанной с очень мелкой отощающей добавкой. Если сравнивать основную массу керамики тушемлинской культуры с керамикой предшествующего времени (зарубинецкой или днепро-двинской), то по внешнему облику она выглядит очень грубой, отражающей как бы регресс в керамическом производстве. Но это далеко не так. Специально проведенное изучение керамики в Белорусском Поднепровье показало, что в III-V вв. наблюдался прогресс в технологии керамического производства. Он очевиден и заключался, прежде всего, в следующем: 1. дальнейшей

унификации рецептов формовочных масс, 2. расширении круга отощающих примесей в рецепте, 3. широком и дифференцированном использовании тонкоизмельченного отощителя, 4. прогрессе термической обработки изделий [Дубицкая, 1996, с. 21]. По мнению Н.Н. Дубицкой, причину собственно «огрубления» следует искать в быту местных племен. Глина использовалась также для изготовления и других предметов.

Сковородки. На селищах Шугайлово и Заозерье и на городище-убежище Демидовка (таб. 30:1 и таб. 28:8, 12, 13) обнаружены фрагменты сковородок или крышек для сосудов, изготовленных из глины, перемешанной с мелкой дресвой.

Глиняные пряслица изготавливались в большом количестве (таб. 16 и 17). Они найдены на всех исследованных поселениях и имеют, как правило, усеченнобиконическую форму. Глиняное тесто, из которого изготавливались пряслица, отличается небольшим количеством сравнительно мелкозернистой отощающей добавки. Делались они вручную, поверхность их чаще всего приглаживалась пальцами, но встречаются и подлощеные пряслица. Обжиг хороший, при этом приглаженная поверхность имеет серый или палево-серый цвет, тогда как пряслица со следами лощения бывают более темными, а иногда - черными. Основная масса пряслиц не орнаментировалась, но отдельные экземпляры украшались по сырой глине до обжига либо оттисками специального штампа, в результате чего получался орнамент, аналогичный циркульному (таб. 16:21,24, селище Шугайлово), либо прочерченными линиями (таб. 17:5,21, селища Кислые, Заозерье), либо комбинациями коротких прямых оттиснутых линий (таб. 16:14,18, селища Заозерье, Шугайлово). Аналогичные пряслица происходят из городища-убежища Никодимово, где только очень небольшая часть их орнаментирована также прочерченными линиями и комбинациями точек [Седин, 1993, с. 23, рис. 1:6, 7]. Пряслица, найденные на поселениях банцеровской культуры V-VII вв. н.э., одинаковы по своим формам и размерам с тушемлинскими и также очень редко орнаментировались прочерченными изогнутыми линиями и комбинациями точек [Митрофанов, 1978, с. 113-114].

Грузики «дьякова типа» найдены на селищах Заозерье, Шугайлово, Микулино, Куприне (таб. 17 и 19). Изготовлены они из глины с дресвой, но не очень тщательно промятой. Поверхность их хорошо заглажена и не украшалась орнаментом. Они обжигались преимущественно в окислительной среде и имеют часто красновато-палевый цвет. По своей форме они аналогичны грузикам из днепро-двинских городищ раннего железного века этой же территории [Шмидт, 1992, с. 96-98, таб. 37, 38].

Глиняные грузила для рыболовных сетей обнаружены на селищах Шугайлово, Заозерье, Кислые и у д. Дуброво на берегу оз. Пениснар (таб. 17:18,20 и 18:2-4, 6). Изготовлены они из глины с отощающей добавкой дресвы. Поверх-

ность грузил приглаженная, а в одном случае - подлощеная. Обжиг большей частью хороший, восстановительный. Они имеют форму от шаровидной до яйцевидной или овальной.

Льячки и тигли изготавливались также из глины, но к ней примешивались очень мелкозернистые отощающие добавки (таб. 17:17,19 и 18:1). Найдены они на селищах Шугайлово и Заозерье. Форма их обычная в виде глиняных ложек с короткой толстой ручкой, в которой сделано отверстие для деревянной рукояти. Обжиг хороший, окислительный. По своей форме не отличаются от аналогичных изделий из соседних областей банцеровских племен на территории Белоруссии [Митрофанов, 1978, с. ИЗ, таб. 52:33 и 50:7] и днепро-двинских племен, обитавших ранее в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья [Шмидт, 1992, с. 88, таб. 39].

Горны и домницы сооружались с использованием глины, о чем уже говорилось выше (с. 13 и сл.). При устройстве очагов, в конструкции которых использовались камни (Демидовка) или фрагменты керамики (Кислые), глина была скрепляющим материалом.

Бусы, сделанные из глины, найдены также на селищах Шугайлово, Микулино и городище-убежище Демидовка (таб. 24:23-25, 28-30; 17:6, 12; 18:7).

Из глины изготавливались и другие предметы, назначение которых не совсем ясно, как, например: изделия, похожие по внешнему виду на пряслица, но не имеющие отверстий (таб. 17:9,10), или глиняный диск с двумя круговыми рядами углублений и отверстием посередине (таб. 18:13), есть обломки и каких-то других предметов.

ОБРАБОТКА КОСТИ

Количество изделий из кости, обнаруженных при раскопках поселений тушемлинской культуры, невелико. Малочисленность находок, скорее всего, объясняется не тем, что предметы из кости изготавливались редко, а топографией размещения поселений на склонах с меняющимся гидрорежимом в течение года и особенностями песчаного культурного слоя, в котором кость почти не сохраняется, если она не попала в какое-либо углубление, заполненное органическими веществами. Обнаруженные костяные предметы подтверждают, что население использовало кость как для изготовления орудий труда, так и для изготовления украшений и бытовых предметов. Из орудий труда обнаружены острия и шилья (таб. 18:1-3), из бытовых предметов- гребень и застежка (таб. 19:4, 10), из украшений - амулет из клыка кабана (таб. 19:6). Этим, несомненно, далеко не исчерпывается набор костяных изделий того времени.

Изучение костяных изделий показывает, что в середине и третьей четвер-

ти I тысячелетия н.э. использовались все те приемы, которые были известны и ранее племенам днепро-двинской культуры раннего железного века. Исходным материалом для изготовления предметов служили кости крупного рогатого скота, лошадей, лосей и других крупных животных. Чаще всего использовались трубчатые кости, которые раскалывались топором. Затем выбранные для дальнейшей обработки кости обезжиривались путем кипячения и распаривались. Размягченная кость легче обрабатывается соструганием и скоблением, а дальше уже применялись шлифование и полирование либо предмета целиком (таб. 19:4, 9), либо только его рабочей части (таб. 19:1-3). Кроме того, использовалось пиление кости, как, например, для получения зубьев у гребня (таб. 19:10), и сверление отверстий (таб. 19:3). Поскольку к настоящему времени найдено не так много костяных предметов, говорить об особенностях применения отдельных приемов обработки кости, как и об орнаментации предметов, нет оснований.

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО

Прядение, без сомнения, играло очень большую роль среди домашних ремесел, о чем свидетельствуют многочисленные находки глиняных пряслиц на всех исследованных поселениях. Устойчивость их формы и тщательность выработки свидетельствуют, что изготовлению их придавалось большое значение, и к ним предъявляли строго определенные требования. Не исключено, что в период формирования тушемлинской культуры, сразу после переселения из городищ на открытые поселения-селища, кроме пряслиц в прядении еще использовались грузики «дьякова типа». Об использовании растительных волокон для прядения и изготовления из полученных нитей рыболовных сетей говорят находки глиняных грузил (таб. 17 и 18). Обнаружение пыльцы льна в культурном слое городища-убежища у д. Акатово и зерен конопли на городище-убежище Никодимово являются доказательством специального выращивания технических культур для получения растительного волокна, пригодного для прядения. Могли использоваться и волокна дикорастущих растений из окружающей флоры, например, крапивы. Из этого растительного волокна изготавливали нити и веревки. Кроме растительных волокон, для прядения использовали шерсть домашних животных (овец и коз), что, в какой-то степени, подтверждается находкой пружинных ножниц на городище-убежище Никодимово (таб. 9:5), которые могли использоваться при стрижке шерсти овец и коз.

О ткачестве известно мало. На днище глиняной сковородки, найденной на селище у д. Шугайлово, есть отпечатки грубой ткани, напоминающей мешковину. Косвенным доказательством увеличения роли прядения и ткачества служат данные остеологии, которые указывают на значительное уменьшение по

сравнению с предшествующим временем роли охоты на диких животных, добываемых только из-за шкур и меха. Без сомнения, основная одежда у тушемлинского населения изготавливалась из тканей, но о характере одежды, как и способах ее шитья, ничего сказать нельзя из-за отсутствия данных.

Выделывание шкур и изготовление кожи, несомненно, имело место, как и шитье меховой одежды и обуви, но прямых свидетельств этому нет. Косвенным доказательством могут служить находки железных и костяных шильев и проколок, которые могли использоваться при производстве обуви и одежды. В условиях существовавшего климата, несомненно, значительная часть зимней одежды была меховой, сшитой из шкур домашних и диких животных.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Деревянных построек, как и целых отдельных предметов, на исследованных поселениях тушемлинской культуры не сохранилось. Однако свидетельств, говорящих о широком использовании дерева в хозяйстве людей того времени, более чем достаточно. Изучение культурного слоя и селищ, и городищ-убежищ показало, что все постройки этого времени были деревянными, основанными на вертикально поставленных столбовых конструкциях. В частности, на всех раскопанных городищах-убежищах в качестве опор использовались толстые массивные бревна, диаметр которых достигал 0,3-0,4 м. Концы этих вертикально поставленных бревен, образовывавших ряд столбов, ровно обрубались, и они служили основой для стен и кровли. Основой перекрытий помещений убежищ на Тушемле и Демидовке были бревенчатые конструкции с настилом из жердей, поверх которого укладывались дерновины или насыпалась земля. Во время пожара перекрытия упали, но, будучи присыпаны землей, целиком не сгорели, а только обуглились, что дало возможность для воссоздания некоторых деталей и общего облика сооружений (рис. 8, 10). На городище-убежище Тушемля найдена обуглившаяся деталь деревянной конструкции, имевшая выдолбленный проух и служившая какой-то связкой [Третьяков, 1963, с. 64, рис. 25]. На городищах-убежищах Тушемля, Прудки, Городок вскрыты столбовые ограждения святилищ в виде частокола, возможно, украшенные какими-то вырезанными изображениями на вершинах, а также центральный столб с изображением основного божества. Все это также сделано из дерева. На селищах дерево использовалось для сооружения как жилых, так и хозяйственных построек и легких навесов, что подтверждается обнаруженными ямами от столбов, оконтуривавшими эти постройки. Кроме того, из дерева делались лодки-долбленки для передвижения по воде и для рыбной ловли, без чего использование сетей практически невозможно, а также изготавливались и другие средства передвижения: плоты, сани, лыжи. Шло дерево для

изготовления различных орудий труда и предметов обихода. Без сомнения, изготавливались деревянные рала, хотя пока на территории тушемлинских племен они не найдены, но у соседних племен этого времени они обнаружены на территории Брянской области и Белоруссии. Остатки деревянных рукоятей прослежены на металлических черенках ножей, серпов и шильев. На городищах-убежищах Демидовка и Близнаки обнаружены остатки древков в железных втульчатых наконечниках копий (таб. 3:6). Из деревообрабатывающих инструментов этой поры нужно отметить топоры (таб. 8:9-15 и 9:3), ножи (таб. 10-12), долотообразные орудия (таб. 13:2), ложкарь (таб. 13:12).

Использовалась кора различных деревьев (береза, липа и др.), а в частности лыко для плетения корзин и, возможно, лаптей. Это производство подтверждает находка своеобразного кочедыга (таб. 13:13), сделанная на городище-убежище Демидовка. Ивовые прутья были материалом для плетения корзин и рыболовных снастей. О том, что существовали рыболовные снасти из прутьев (морды, верши и т.п.), говорят находки железной кошки для извлечения их из воды (таб. 15:11), а также размеры вылавливаемой рыбы, о чем можно судить по остаткам рыбных костей. Об изготовлении из прутьев корзин и другой тары, в частности, для хранения зерна, говорит находка на городище-убежище Близнаки больших комков обуглившегося проса, на одном из которых были ясно видны отпечатки прутьев корзины.

ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАМНЯ

В эпоху тушемлинской культуры камень использовался для изготовления орудий труда и других предметов ограниченно. Орудия труда и другие поделки из кремня пока не встречены в культурном слое поселений. Мелкозернистые породы камня (граниты, песчаники и т.п.) использовались для изготовления таких орудий труда как зернотерки, растиральники и песты. Зернотерки и растиральные камни подвергались особой обработке: их трущие поверхности набивались и были мелкобугристыми, что способствовало быстрому размолу зерна. Зернотерки представляли собой сравнительно большие плоские камни, рабочая поверхность которых могла быть вогнутой. Растиральники были либо плоскими, либо округлыми с несколькими трущими поверхностями (см. таб. 26:9). Песты - удлиненные камни, один конец которых несет следы сработанности. Кроме размалывания и дробленая зерна, песты и растиральники служили для дробления и размола руды и минеральных красок, особенно охры. Из некоторых очень мелкозернистых сортов камня изготавливали точильные бруски (таб. 18:8, 9, И, 12). Обычно у этих камней выравнивалась одна или несколько поверхностей, на которых шла заточка режущих орудий труда, поэтому они несут следы значительной сработанности.

Использовался камень в значительных количествах для сооружения очагов на поселениях и в убежищах, развалы которых обнаружены при раскопках всех городищ-убежищ (Демидовка, Близнаки, Тушемля, Прудки, Городок, Слобода-Глушица). Камни из очагов обычно несут следы пребывания в огне, и многие из них растрескались. Значительное количество камней гранитных пород специально дробилось в целях получения дресвы для отощения глины при производстве керамики. Использовались камни и в оборонительных целях, что подтверждается большими скоплениями округлых камней средних размеров на внутренних сторонах основания земляных валов у края оборонительных сооружений.

Из вышеизложенного видно, что население тушемлинской культуры максимально использовало местные природные материалы, как минеральные (железная руда, камень, глина, песок), так и растительного и животного происхождения.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Важнейшим событием начала рассматриваемого периода был уход населения из укрепленных поселений - городищ и переселение на открытые поселки — селища. Есть достаточно оснований рассматривать эти изменения как результат развития производительных сил. Как уже было показано, земледелие и скотоводство стали не только основными отраслями хозяйства, но и достигли новой, качественно более высокой ступени. Развитие основных форм хозяйственной деятельности требовало новых форм взаимоотношений между людьми, требовало разрыва старых замкнутых родовых отношений, сдерживавших дальнейший прогресс. И первым, зримым на археологическом материале, изменением было прекращение сооружения новых укрепленных постоянно обитаемых поселков-городищ и уход с уже существовавших. Эти укрепленные родовые поселки, заселенные замкнутой группой ближайших родственников, ограничивали людей в освоении новых земель под посевы, не способствовали широкому обмену и общению с другими группами населения, особенно - с неродственными. Сооружение сложных систем укреплений, состоявших из многочисленных земляных валов и рвов и деревянных оборонительных конструкций, как и поддержание их в исправности, и ремонт, требовали больших затрат труда всего коллектива. Переход на неукрепленные поселения-селища освобождал людей от непродуктивной затраты труда и давал возможность применить этот труд в земледелии или других производящих отраслях хозяйства. Уходу из укрепленных поселений, расположенных на высоких местах, способствовали и некоторые природные факторы, связанные с наступившей в конце первой четверти I тыс. н.э. регрессией и понижением уровня грунтовых вод и пересыханием мелких водоемов (родников,

ручьев, речек, озер), и ухудшением для земледелия природных условий на высоких полях.

Однако переход на неукрепленные поселения стал возможным только при определенных условиях, возникших внутри тогдашнего общества. Внутри родовых коллективов происходили значительные изменения - начали выделяться более сильные и влиятельные семьи. К такой категории относилась, в первую очередь, родовая верхушка (старейшины, жрецы, военачальники). Они накапливали богатства. В имеющихся археологических материалах о появлении более богатых членов общества говорят индивидуальные клады, найденные на городищах-убежищах Демидовка, Никодимово, Вежки, зарытые, скорее всего, во время осады убежищ, до их гибели в огне. Один клад на городище-убежище Демидовка содержал набор серебряных височных колец (таб. 21 и 22), а второй - богатый воинский пояс с серебряной пряжкой, украшенный многочисленными серебряными бляшками-набоечками (таб. 1:19), несомненно, южного происхождения, либо добытый во время походов, либо полученный путем обмена. Клад из городища-убежища Никодимово [Седин, 1994, с. 16-19, рис. 1] состоял из поясного набора, металлических слитков и мелких бляшек. В клад из городища-убежища Вежки входили вещи из бронзы: три височных кольца, две шейных граны, два орнаментированных браслета с утолщенными концами, фрагментированный головной венчик и железное копье [Колосовский, 1997, с. 38, рис. на с. 75]. Эти данные, конечно, не говорят о появлении частной собственности на все средства производства. Несомненно, все хозяйственные угодия: пахотные земли, луга, выгоны, леса, озера и реки находились еще в коллективной собственности общин. Однако орудия труда, связанные с производящими отраслями хозяйства, и другой инвентарь, а, вероятно, в некоторых случаях и скот, стали уже собственностью отдельных семей. Это позволило отдельным семьям накапливать богатства в виде запасов продуктов или обменянных на эти продукты сравнительно дорогих привозных вещей и украшений, дошедших до нас в найденных кладах.

Увеличение обмена, в том числе с довольно отдаленными территориями, засвидетельствовано весьма убедительно многочисленными находками привозных вещей: бронзовых фибул разных типов (таб. 23:3-8, 10-12), серебряных пряжек (таб. 1:13, 19), бронзовых и серебряных браслетов (таб. 20:13, 21, 24:1, 25:4, 5), бронзовой подвески, инкрустированной цветными эмалями (таб. 23:9), стеклянных и янтарных бус (таб. 24:21, 22, 26, 27) и даже отдельных глиняных сосудов (таб. 26:6), а также поступлением таких металлов, как медь, бронза, серебро.

Исчезновение укреплений вокруг поселений способствовало в какой-то мере разрушению замкнутых родовых коллективов и созданию предпосылки к включению в общины лиц не по родственному признаку, а по совместной трудовой деятельности. Даже те небольшие исследования, проведенные за последние

годы, показывают, что в зависимости от условий на отдельных поселениях доминировали те или иные занятия. Так, например, на селище «Курлын» у д. Кислые, где в пойме р. Жереспеи имеется очень большое количество железной болотной руды, получение железа играло весьма важную роль. Здесь почти по всей территории селища найдена масса железных шлаков (количество их по весу можно определить в многие десятки центнеров), тогда как на других селищах такого обилия шлаков не наблюдается. В другом случае, на селище у д. Шугайлово найдено много обломков лезвий топоров, что может свидетельствовать о деревообработке, а обнаруженные на том же селище литейные формы (фрагменты, целые и начатые обработкой), изготовленные на этом же поселении, и глиняные льячки дают основание усматривать определенную важность бронзолитейного производства среди других домашних ремесел. Получение и обработка железа и бронзолитейное производство требовали знаний и навыков, которые можно было усвоить только в процессе длительного обучения и в ходе самого производства, что требовало много времени и тем самым ограничивало возможности заниматься земледелием и разведением скота. Таким образом, отдельные члены больших патриархальных семей теперь своим основным занятием имели вышеуказанные ремесла, хотя, видимо, еще полного отделения ремесла от других занятий не произошло. Приведенные материалы и некоторые наблюдения дают основание предполагать, что в это время происходил переход от родовой общины к территориальной сельской общине.

Вторым важным явлением следует считать изменение во взаимоотношениях между родами, фратриями и племенами. Внутри самой родовой организации произошедшие изменения привели к ослаблению внутриродовых связей и утрате некоторых функций, свойственных роду в предшествующее время. Племенная организация более решительно вторгается в дела родов и берет на себя ряд функций, свойственных до этого только роду, а в частности, защиту интересов и личности всех членов отдельных родов, входящих в данное племя. Кроме того, племя обеспечивает безопасность родовых поселков (территориальных общин) в целом от нападения со стороны как родственных, так и неродственных групп населения. Урегулирование спорных вопросов между родственными племенами требовало укрепления связей между ними, а защита их территорий от вторжения и посягательств извне приводила к созданию межплеменных союзов. В целом, упрочение власти племенных организаций и создание межплеменных союзов делало излишним укрепление каждого отдельного поселка.

Дальнейший процесс развития вел к дифференциации членов соседской общины и выделению богатой и знатной верхушки, которая накапливала богатства не только за счет своего привилегированного положения в общине, но и за счет ограбления другого населения во время военных набегов. Из наиболее знат-

ной и состоятельной части общины постепенно формируется военная дружина. По материалам тушемлинской культуры это подтверждается многочисленными находками различного оружия (таб. 1-8), датированного преимущественно третьей четвертью I тыс. н.э. Основу дружины составляли воины-всадники, что четко подтверждают предметы снаряжения: удила, пряжки, шпоры (таб. 5-8). При этом нужно отметить, что подобные предметы в предшествующую эпоху либо совсем не встречались, либо были находимы крайне редко.

Военные набеги в эпоху Великого переселения народов, видимо, были явлением обычным не только на юге в степных и лесостепных районах, но после вторжения гуннов и разгрома готов, т.е. после середины I тыс. н.э., это явление широко распространилось и на лесную полосу, охватив, в том числе, районы верховьев Днепра и рассматриваемые нами районы Верхнего Подвинья. Поэтому местное население, несмотря на наличие племенной организации и дружины, все-таки было вынуждено возводить укрепленные убежища, чтобы в случае появления врага, обладавшего превосходящими силами, иметь возможность сохранить и свое имущество, и свои жизни. Хотя, как показывают проведенные раскопки городищ-убежищ Демидовки, Близнаков, Тушемли, Никодимова и других, местному населению не всегда это удавалось. Убежища дружинами грабителей были разрушены и сожжены, а население, как показывают раскопки культурного слоя убежища Никодимово, частично погибло, о чем свидетельствуют обнаруженные человеческие кости [Седин, 1994а, с. 115], а частично - скорее всего, уведено в рабство.

Исходя из размещения городищ-убежищ и одновременных им селищ, а также учитывая внутреннее устройство некоторых убежищ, как, например, в Акатове, можно сделать вывод, что в большинстве случаев на одном городище-убежище укрывалось население не одного поселения-селища. Мы считаем, что причиной сооружения убежищ были не социальные противоречия внутри общин и даже не взаимоотношения между близлежащими соседними общинами, а войны между различными племенами и племенными союзами, набеги дружин грабителей, т.е. эти явления были связаны с общей политической обстановкой в Восточной Европе, сложившейся сразу после вторжения гуннов.

Рассматривая вопрос об общественных отношениях, необходимо остановиться на характеристике первичной ячейки того общества - семье. Решить вопрос о сохранении большой патриархальной семьи в период перехода с городищ с большими жилыми постройками на селища с небольшими домами весьма затруднительно. С одной стороны, устройство небольших по площади жилищ указывает на малочисленность ее обитателей, ведущих свое домохозяйство, т.е. как бы на малую патриархальную семью, но, с другой стороны, у каждого из отдельных малых жилищ нет хозяйственных сооружений, но компактное располо-

жение нескольких жилых построек можно рассматривать как объединение родственников, не теряющих связей старого уклада большой патриархальной семьи. Значительные площади поселений (Шугайлово, Заозерье и др.) дают основание видеть в них сельский поселок с большим числом жителей и не одного рода, а нескольких родов одного племени, а возможно, и представителей нескольких родов разных племен одного племенного союза. Если говорить о верховной власти в этом обществе, то, видимо, основные вопросы решались советом старейшин и вооруженным мужским населением - воинами, во главе которых стоял вождь.

Одновременно с развитием производительных сил и общественных отношений в целом: в частности, происходят постепенные изменения в религиозных представлениях и верованиях, что весьма заметно прослеживается на примере погребальных памятников. Если в предшествующую эпоху раннего железного века у днепро-двинских племен, видимо, было трупосожжение умерших, и остатки кремации не закапывали в землю, а размещали поверхностно, либо помещали в воды рек, о чем мы можем пока говорить только предположительно, то около середины I тыс. н.э. погребальный обряд меняется, и, хотя умерших сжигали, но остатки трупосожжения помещали в грунтовые ямы. Весь погребальный обряд в третьей четверти I тыс. н.э. можно представить в следующем виде. Умершего сжигали на большом костре: мужчин без сопровождающего инвентаря, тогда как в женских погребениях встречаются некоторые предметы украшений из бронзы и серебра (височные кольца, спиральки и пронизки от ожерелий). Сожжение проводилось не на месте погребения. Затем остатки сожжения в виде очень мелких кальцинированных косточек и некоторого количества углей и золы из костра, куда попадали в редких случаях предметы женских украшений, оплавленные и попорченные огнем или целиком сохранившиеся, или в виде капель цветных металлов от целиком расплавившихся вещей, собирали и переносили на место погребения. Места погребений обычно располагались либо прямо на краю поселений непосредственно около жилищ (Шугайлово, Заозерье), либо на удобном несколько возвышенном месте, неподалеку от поселения (Акатово). На выбранном ровном месте выкапывалась неглубокая, округлая в плане ямка диаметром от 0,3 м до 0,6 м и глубиною до 0,6 м от древней поверхности. В целом форма такой ямки усеченноконическая с плоским или округло-вогнутым дном. Принесенные остатки сожжения иногда помещались в глиняный сосуд (урну), который имел такую же форму, как и сосуды, находимые на поселениях или в убежищах (тюльпановидные, слабопрофилированные). Сосуд-урна, заполненная остатками кремации, устанавливался в ямке в нормальном положении. В отдельных случаях урна накрывалась другим сосудом большего диаметра. Пространство между урной и стенками ямы заполнялось темным грунтам, сажистым на вид, а сверху засыпалось землей до уровня с окружающей поверхностью. Но чаще остатки

сожжения помещали в выкопанную ямку без использования глиняных сосудов-урн. Вполне возможно, что они прямо ссыпались в ямку, но не исключено, что использовалась в качестве урн деревянная посуда или какие-то емкости, сделанные из коры деревьев или прутьев (типа берестяных туесков или корзин, сплетенных из ивовых прутьев). Последние с течением времени совершенно сгнили и практически во время раскопок не прослеживаются. Возможно, место погребения на поверхности как-то отмечалось, поэтому на раскопанных могильниках пока не наблюдалось случаев, чтобы одно погребение врезалось в другое или его как-то нарушило [Шмидт, 1963а, с. 56-67].

Инвентарь грунтовых могильников тушемлинской культуры весьма беден. В погребениях у Шугайлова и Заозерья никаких вещей не обнаружено. При раскопках могильника у д. Акатово найдено всего 18 глиняных сосудов, из которых 15 использовались в качестве урн, а 3 - как обычные сосуды, перекрывающие урны сверху, т.е. из 46 раскопанных погребений только в 15 были урны. Больше половины найденных сосудов-урн повреждены распашкой и целиком не сохранились. Эти урны представляли собой очень большие и высокие горшки, высота их - до 0,45 м, а диаметр по венчику — до 0,3 м при поперечнике днища до 0,17 м (рис. 13). Большинство сосудов имеет форму, условно называемую тюльпановидной (рис. 13:IV), но одна урна имела форму усеченноконическую (рис. 13:11). Все урны никаких орнаментальных украшений не имеют. Металлические находки в погребениях представлены: височными кольцами (таб. 22:11-14, 18), из которых три целых и одно в обломках, изготовленными из тонкой бронзовой проволоки со слегка утолщенными концами; бронзовыми спиральками, сделанными из плосковыпуклой полоски (таб. 24:16, 17); бронзовыми пронизками (таб. 20:10, И) и небольшим количеством бронзовых и серебряных сплавов (капли от расплавленных на погребальном костре вещей).

Вышеописанный погребальный обряд дает представление не только о культе умерших, но и подтверждает существование культа предков. Культ предков возник в связи с утверждением представления о душе как о чем-то отличном от тела, требующем о себе особых забот. Он мог сложиться только тогда, когда люди стали считать, что «...их мышление и ощущения не есть деятельность их тела, а какого-то особого начала - души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти...» [Энгельс, т.21, с. 282]. Сами предки уже умерли, а их тела были сожжены на погребальных кострах, и прах похоронен в земле; но влияние их на жизнь людей, по представлению того времени, продолжалось. Можно полагать, что у людей была вера не в воскресение тела (его уничтожили сожжением), а в продолжение существования души после смерти. Прохождение умершего через огонь во время сожжения не уменьшало силы его души, по-видимому, душа, очистившись, становилась еще сильнее. Можно предполагать, что обычай сжигать умерших был связан и с культом огня.

Весьма интересными сооружениями, связанными с верованиями тушемлинского населения в третьей четверти I тыс. н.э. на рассматриваемой территории, являются специальные святилища, обнаруженные и изученные П.Н. Третьяковым на городищах-убежищах Тушемля, Городок и Прудки [Третьяков, 1963, с. 65, 96, 97, 102]. Хотя этого типа постройки святилищ появились еще в предшествующее время у днепро-двинских племен, о чем убедительно говорят материалы раскопок дотушемлинского культурного слоя городищ Демидовка, Самсонцы [Шмидт, 1985, с. 102], Тушемля [Третьяков, 1963, с. 57-59, рис. 13]. Следы этих сооружений там сохранились фрагментарно, что не позволило выявить многие детали. Однако из факта обнаружения самих святилищ несомненно одно: данный тип святилищ возник около рубежа н.э. и, закрепившись как культовое сооружение, перешел в последующую эпоху тушемлинской культуры и далее существовал вплоть до конца третьей четверти I тыс. н.э.

На городищах-убежищах в Посожье святилища в плане были круглыми. Их остатки представляли собою горизонтальные тщательно выровненные и утоптанные площадки диаметром 5-6 метров. В центре каждой такой площадки была глубокая яма, диаметр которой достигал 0,5 м при глубине в материке до 1 м. В такой яме устанавливался вертикально массивный столб. Точно по окружности площадки располагалась неглубокая канавка, в которой были почти слившиеся друг с другом ямки от столбиков меньшего размера или больших плах. Они составляли довольно плотную ограду вокруг площадки и центрального столба, который, несомненно, представлял собою какое-то божество в виде деревянного идола. Столбики, расположенные по периметру в канавке, могли иметь также какое-то культовое значение. Большая плотность и утоптанность площадки свидетельствует о частой посещаемости святилища людьми.

Особенно интересными оказались результаты изучения святилища на городище-убежище у д. Городок. Была вскрыта уникальная картина: «В юго-западной части святилища, на расстоянии 1,3 м от центрального столба, в толще культурного слоя, на 0,05-0,1 м над материком, т.е. на уровне древней поверхности, была сделана замечательная находка, проливающая дополнительный свет на святилища и религиозные представления обитателей смоленских городищ. Здесь были найдены остатки черепа большого медведя с нижней челюстью, сохранившей правильное отношение к черепу... Это обстоятельство представляется нам очень важным: перед нами не просто череп, а остатки головы медведя, которая увенчивала, вероятно, центральный столб святилища. Это был идол, вырезанный из толстого древесного ствола и снабженный настоящей медвежьей головой» [Третьяков, 1963, с. 99]. Таким образом описывает П.Н. Третьяков сделанные им наблюдения при раскопках святилища. Эта находка подтверждает факт поклонения медведю, который по мифологии прибалтийских народов занимал особое место в

языческих представлениях и, видимо, составлял особый культ. Нельзя исключать и того, что на данном родовом капище медведь мог быть тотемным животным. Его культ как покровителя рода особенно почитался, и поэтому его изображение составляло основу святилища. Вместе с тем, поклонение медведю может указывать и на существование верований и обрядов, связанных с обожествлением животных. На это указывает использование клыка кабана в качестве амулета, найденного на селище у д. Шугайлово (таб. 19:6). Высказанное мнение, что «культ кабана просуществовал у смоленских племен Верхнего Поднепровья до III-IV вв. н.э.» [Модестов, 1995, с. 155] не нашло подтверждения, так как основной культурный слой на селище у д. Шугайлово накапливался в течение третьей четверти I тыс. н.э. Единичная находка клыка кабана, использованная в качестве амулета, не означает, что подобные амулеты не были широко распространены. Нужно учитывать, во-первых, плохую сохранность кости в песчанистом по своему составу культурном слое, где многие предметы из кости не дошли до наших дней, и, во-вторых, раскопки селищ IV-VII вв. проводились в ограниченных размерах, и общая изученная площадь невелика, а следовательно — невелика вероятность находок подобного характера. Мы не можем быть абсолютно уверенными, что клык кабана со сверлиной был амулетом, и его основное назначение было охрана его владельца от злых начал. Он мог увязываться и с культом животного, и с какими-то другими представлениями. Наличие культа животных подтверждается еще орнаментальными изображениями на бытовых вещах. Так, например, изображение стилизованных звериных морд на пальчатых фибулах (таб. 23:3, 4) или головок лошадей на зооморфных фибулах (таб. 23:8) [Седин, 19946, с. 131]. При этом нужно иметь в виду, что изображение коня, вероятно, увязывалось с культом солнца [Мельниковская, 1967, с. 149]. Несомненно, особую роль в их жизни играл культ огня, что наиболее ярко проявилось в погребальном обряде трупосожжения — очищения огнем души умершего. Вообще культы природы в то время играли большую роль.

Археологические материалы весьма ограничены и многозначны. Они не дают достаточных оснований для восстановления полной картины религиозных представлений населения Тушемлинской культуры. Высказанное нами по этому вопросу не претендует на полную истинность и с появлением новых материалов будет корректироваться.

ДАТИРОВКА ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Описание вещевого материала и других культурных остатков и их анализ, проведенный в данной работе по результатам исследования ряда памятников, дают основание для определения и уточнения хронологических рамок существования

тушемлинской культуры и обоснования предложенных датировок. Относительная хронология тушемлинской культуры в свете вещественных источников определяется достаточно четко. Она охватывает период времени от перехода местного населения днепро-двинской культуры из укрепленных поселков - городищ на неукрепленные поселения - селища и до появления нового типа археологических памятников - длинных курганов. Значительно сложнее обстоит дело с абсолютной хронологией этого периода, так как последний представлен различными археологическими памятниками: селищами, городищами-убежищами, городищами-святилищами, грунтовыми могильниками, датировка которых затруднена из-за ограниченности материала, поддающегося хронологическому определению, а в отдельных случаях окончательно даже не может быть решена.

Вопрос о датировке городищ-убежищ в археологической литературе в какой-то степени уже рассматривался в связи с большими раскопками, проведенными в Верхнеднепровском регионе, хотя и не получил окончательного решения. При этом нужно иметь в виду, что отрезок времени существования городищ-убежищ не охватывает всего рассматриваемого периода существования тушемлинской культуры, а заселялись убежища кратковременно при возникновении опасности, в том числе, при появлении грабительских дружин из южных областей. Это подтверждается маломощностью культурного слоя в убежищах, составляющего преимущественно прослойку пожарища, накопившегося при кратковременном пребывании людей накануне и в момент гибели убежища в огне. Находки вещей VI-VII веков н.э. на городищах-убежищах Никодимово, Вежки и других показывают, что разрушение убежищ происходило, большей частью, в конце периода существования тушемлинской культуры. Но это не исключает, что убежища не могли использоваться при возникновении опасности и несколько раз в разное время. Судя по всему, убежища не сооружались в начальный период формирования тушемлинской культуры, т.е. в конце III—третьей четверти IV вв. н.э., так как в культурном слое городищ-убежищ не встречаются ранние формы керамики, восходящие к профилированным сосудам первых веков н.э. (таб. 46:2-4) [Шмидт, 1992, с. 134-136, рис. 18], так же как не обнаружено сосудов, украшенных «прочесами» гребенкой, и ранних форм фибул, которые можно было бы датировать III-IV вв. н.э.

П.Н. Третьяков после раскопок городища-убежища Тушемля специально рассматривал вопрос датировки памятников подобного типа. В его распоряжении был только сравнительно обширный керамический материал и данные об оборонительных, жилых и ритуальных сооружениях. По сумме этих признаков сделан вывод, что время гибели этого городища-убежища можно отнести ко времени не позже VI-VII вв. н.э. [Третьяков, 1958, с. 183]. В последующем П.Н. Третьяков, получив новые материалы при раскопках этого и других городищ-убежищ, не смог

прийти к единому мнению о периоде существования городищ-убежищ и времен их гибели от пожаров. Так, в большой сводной работе о древних городищах Смоленщины, оценивая итоги исследований, во введении он пишет, что последний этап жизни на городище Тушемля, к которому относится святилище, датируется VI-VIII вв. н.э. [Третьяков, 1963, с. И]. Однако далее в этой же работе он пересматривает датировку периода существования подобных памятников и, в частности, время гибели убежища на Тушемле. На основании обуглившегося дерева по результатам радиоуглеродных анализов, сделанных в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, датирует пожар на Тушемле серединой IX века, а весь период существования городищ-убежищ он относит к третьему этапу развития местной культуры, датируя его четвертой четвертью I тысячелетия н.э. [Третьяков, 1963, с. 17]. В следующем разделе этой же работы детально рассматриваются материалы только городища-убежища Тушемля, и пожар датируется не серединой IX века н.э., а VI-VII вв. н.э. [Третьяков, 1963, с. 59]. Обоснования таким различным датировкам одного и того же памятника он не приводит. Таким образом, археологический материал дал основание П.Н. Третьякову поместить городища-убежища в третий этап развития местной культуры и датировать его VI-VII вв. н.э. или VI-VIII вв. н.э. В то же самое время, данные радиокарбонного анализа древесного угля дали даты конца существования городищ-убежищ и их гибели для Тушемли - 960±150 лет, для городища у д. Вошкино - 980±90 лет, для городища-убежища у д. Слобода-Глушица - 950±120 лет [Третьяков, 1963, с. 17, 107, 112]. Объяснения такому расхождению датировок по археологическому материалу и по результатам радиокарбонных анализов в данной работе сделано не было.

В последующих работах, возвращаясь к вопросу о датировке тушемлинской культуры, П.Н. Третьяков не учитывает датировки, полученные в радиокарбонной лаборатории, а придерживается хронологических рамок существования данной культуры, основанных на анализе археологического материала, считая, что городища-убежища тушемлинской культуры сооружались в рамках третьей четверти I тысячелетия н.э. [Третьяков, 1966, с. 274] или середины и третьей четверти I тысячелетия н.э. [Третьяков, 1970, с. 62], а пожары на них должны быть отнесены к концу третьей четверти I тыс.н.э. Предложенная П.Н. Третьяковым схема смены археологических культур железного века в Смоленском Поднепровье с выделением трех этапов действительно отражалась в исследованных им городищах (Тушемля, Мокрядинское, Городок, Лахтеево и др.). Первый этап - днепро-двинская культура - большая часть I тыс. до н.э., второй этап - культура типа среднего слоя Тушемли - конец I тыс. до н.э.- начало I тыс. н.э., третий этап - Тушемлинская культура - середина и третья четверть I тыс. н.э. Во время раскопок 1950-х годов еще не было найдено на городищах-убежищах до-

статочного количества датирующих вещей, что затрудняло решение вопроса об их хронологии. Радиоуглеродные анализы, проведенные на рубеже 50-60-х годов, видимо, давали несколько искаженные данные из-за использования несовершенного оборудования.

Автор настоящей работы, исследуя городище-убежище у д. Демидовка, после первого года раскопок, имея ограниченный материал, предварительно датировал этот памятник VI-VII вв. н.э. [Шмидт, 1963а, с. 56]. В дальнейшем, по мере вскрытия новых площадей и накопления разнообразного материала, датировка этого городища-убежища была расширена и охватила период V-VII вв.н.э. [Шмидт, 1966, с. 203]. Раскопки на других городищах-убежищах (Акатово, Вязовенька, Близнаки) дали обширный и разнообразный материал, подтвердивший датировку V-VII вв. н.э. (обобщенно-третьей четвертью Iтыс. н.э.) [Шмидт, 1972б, с. 88].

А.Г. Митрофанов, разбирая материалы прошлых исследований на Банцеровском городище, учитывая мнения других белорусских археологов, пришел к выводу, что верхний слой убежища на Банцеровском городище, близкий по многим признакам Тушемле, а также другим памятникам этого типа в Белоруссии, датируется VI-VII вв. н.э.[Митрофанов, 1967, с. 261]. Результаты раскопок верхнего слоя городища у д. Городище в Белоруссии позволили ему уточнить датировки существования и гибели убежищ банцеровского типа, определив этот отрезок времени VII-VIII вв. н.э. [Митрофанов, 1978, с. 114].

А.А. Седин, изучавший археологические памятники тушемлинского типа в бассейнах рек Сож и Днепр в пределах Могилевской области, установил для Белоруссии, что культура эта в целом существовала в V-VII вв. н.э. [Седин, 1995, с. 131]. Датировка наиболее изученного городища - Никодимово - по археологическим материалам определяется третьей четвертью I тыс. н.э., что подтверждено четырьмя радиокарбонными датами [Седин, 1996, с. 68]. Ю.В. Колосовский и О.Н. Левко, изучавшие убежища тушемлинского типа в Оршанском Поднепровье (Черкасове, Германы, Кисели), также датируют их третьей четвертью I тысячелетия н.э. [Левко, Колосовский, 1994, с. 139].

Рассматривая вопрос об открытых поселениях-селищах, П.Н. Третьяков приходит к выводу: «... процесс смены укрепленных поселений неукрепленными был явлением повсеместным. В лесной полосе Восточной Европы он проходил в первой половине и середине I тысячелетия н.э., в одних местах раньше, в других - позже... Древнее население Смоленщины не составляло в этом отношении какого-либо исключения». Но далее, в этой же работе, говоря о появлении селищ тушемлинской культуры и времени их бытования на Смоленщине, П.Н. Третьяков был склонен все же относить их к более позднему отрезку времени - к середине I тысячелетия н.э. или началу второй половины I тысячеле-

тия н.э. [Третьяков, 1963, с. 26, 27, 114, 117], хотя отмечается, что на селищах проявляются некоторые более ранние элементы культуры. Такой же точки зрения П.Н. Третьяков придерживался и в последующих работах, где в целом время перехода населения на селища в Смоленском Поднепровье определял серединой I тысячелетия н.э. [Третьяков, 1966, с. 273; 1970, с. 61].

А.Г. Митрофанов для территории Белоруссии считает, что памятники культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры к середине I тысячелетия н.э. исчезли, а на их месте в V-VI веках распространились памятники с культурой «Банцеровщины», представленные неукрепленными поселениями (селищами) и городищами [Митрофанов, 1970, с. 241-242].

Автор настоящей работы, давая общую характеристику памятников этого периода и исходя из всей суммы имевшихся в то время источников, пришел к выводу, что постепенно к IV веку н.э. днепро-двинские племена перестали сооружать городища и обитать на них и перешли на открытые поселения (селища), и только в тех случаях, когда внешняя опасность была велика, население все же устраивало специальные укрепленные убежища, большей частью, используя старые заброшенные городища, и укрывалось в них. В целом этот этап развития племен Смоленского Поднепровья и Подвинья и жизни их на селищах датируется IV-VII вв. н.э. [Шмидт, 1972, с. 3-4].

Рассмотрим фактические данные, подтверждающие выводы о времени существования тушемлинской культуры. Все материалы, имеющиеся у исследователей к настоящему времени, показывают, что на селищах совершенно не встречается слабопрофилированная керамика, характерная для культуры днепро-двинских городищ второй половины I тысячелетия до н.э. Наиболее древней керамикой на селищах являются фрагменты сосудов профилированных, культуры типа среднего слоя Тушемли, появившиеся в первых веках н.э. (таб. 35:7,12, 39:5,6,10,46:2-4). На селищах Шугайлово, Микулино, Заозерье, Куприне обнаружены грузики «дьякова» типа, аналогичные грузикам из днепро-двинских городищ, датируемых первыми веками н.э. [Шмидт, 1992, с. 96, таб. 33-38]. Еще нужно отметить селище Микулино, расположенное в междуречье Днепра и Западной Двины. На нем, помимо профилированной керамики, в том же слое была керамика с рядом отверстий и отпечатками веревочки на шейках сосудов (таб. 39), что характерно для западнодвинского варианта днепро-двинской культуры во второй период ее существования [Шадыро, 1985, с. 73]. Эти материалы указывают не только на преемственность в развитии культуры, но и в целом определяют период времени возникновения селищ, поскольку с описанными нами древнейшими типами керамики из селищ на городищах найдены фибулы и другие вещи, датировка которых не выходит за рамки II-III веков н.э. [Шмидт, 1992, с. 119]. В керамическом материале селищ Заозерье, Микулино, Шугайлово, Дроково и др.

присутствует керамика, украшенная «расчесами», но эти сосуды по своим формам не выделяются в какие-то новые особые типы, отличные от типов обычных тушемлинских гладкостенных неорнаментированных сосудов. Хотя керамика, украшенная «расчесами», не доминирует над другими видами керамики и не составляет заполнения отдельных прослоек или слоев, но все-таки на отдельных памятниках является постоянным элементом в керамическом комплексе. Керамики с «расчесами» нет на городищах днепро-двинской культуры раннего железного века, как и не встречено ее на городищах-убежищах в слоях пожарищ. Эта керамика характеризует собою сравнительно короткий этап в развитии культуры на поселениях-селищах между уходом с древних городищ и возведением на них специальных убежищ. По наблюдениям, сделанным на юге Белоруссии, керамика с «расчесами» характерна для культурных слоев селищ, датированных III-IV веками н. э., и там увязывается по времени с началом эпохи Великого переселения народов [Поболь, 1967, с. 236-239]. Такой датировке не противоречат различные предметы, обнаруженные на селищах в Смоленском Поднепровье и Подвинье. Наиболее ранними датирующими предметами, найденными на селище у д. Шугайлово, где есть керамика с «расчесами» (таб. 29), являются: бронзовая фибула (таб. 23:10) и часть шейной гривны с ложковидным концом (таб. 20:17). Двучленная подвязная фибула с узкой ножкой и пластинчатым корпусом, украшенным выемками на боках и крестиками на полях, датируется IV веком н.э. [Амброз, 1966, с. 64]. Гривны с ложковидными концами более всего были распространены в Литве, где они обнаружены в 32-х пунктах и считаются типичными украшениями III-IV вв. н.э. [Киликаускас и др., 1961, с. 203-205]. На селище у д. Заозерье, где также есть ранние формы керамики, включая украшенную «расчесами», обнаружен фрагмент бронзового браслета (таб. 20:21), напоминающий браслеты из Мощинского городища [Булычев, 1899, таб. XIII и XIV; рис. 11]. Аналогичные браслеты на территории Литвы датируются II-III веками н.э. [Lietuvos..., 1961, с. 235], но встречаются и в IV веке н.э. [Lietuviu... I, 1958, с. 348, рис. 238]. На этом же селище у д. Заозерье в культурном слое найдены две бронзовые фибулы. Одна из них аналогична фибуле из селища Шугайлово, но украшена на щитках не крестиками, а рядами точек и линиями (таб. 23:11), датируется тоже IV веком н.э. [Амброз, 1966, с. 64]. Вторая фибула также двучленная, прогнутая, с узкой ножкой, с корпусом круглым в сечении (таб. 23:12). Аналогия в крымских могильниках, где у Черноречья в могиле 9 найдена вместе с монетами III века и датируется второй половиной III века н.э. [Амброз, 1966, с. 62-63, таб. 11:6]. Фибула из Заозерья, скорее всего, датируется также второй половиной III века н.э. Из селища, культурный слой которого содержит керамику с «расчесами», расположенного у д. Кислые, происходит костяной гребень (таб. 19:10), по своей форме напоминающий костяные гребни из поселений черняховской куль-

туры, и может датироваться второй четвертью I тысячелетия н.э. На Украине в материалах киевской культуры керамика с «расчесами» встречена единично, но на сосудах иных форм по сравнению с тушемлинскими, и датируется она III-IV веками н.э. [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 111, 125, рис. 10:9 и 30:7].

Показательно в этом отношении размещение на селищах и городищах-убежищах железных шпор. В Смоленском Поднепровье и Подвинье на селищах встречены шпоры и с пуговицеобразными зацепами (таб. 7:3, 5), и с крючкообразными зацепами наружу (таб. 7:1), тогда как на городищах-убежищах обнаружены только шпоры с крючкообразными зацепами (таб. 7:2, 4, 6, 7 и 5:12). Такие же шпоры с крючкообразными зацепами наружу найдены на городищах-убежищах Кисели и Черкасово в Оршанском Поднепровье [Левко, Колосовский, 1994, с. 138. рис. 2:3-5] и Никодимово [Седин, 1994, с. 124, рис. 2:2-4]. В соответствии с разработанной типологией, шпоры с пуговицеобразными зацепами использовались в более раннее время, а затем постепенно сменились шпорами с крючкообразныни зацепами [Jahn, 1921, с. 39 и след]. Шпоры с пуговицеобразными зацепами на концах из Цурковки и Слободы-Глушицы, происходящие из курганных насыпей, нами первоначально были связаны с погребениями и неточно датированы [Шмидт, 1958, с. 168; 19636, с. 187]. Хотя при описании кургана № 18 у Слободы-Глушицы уточняются данные о шпоре и других вещах: «Возможно, что эти находки происходят не из захоронения, а из культурного слоя более раннего селища, из которого состоит вся насыпь кургана» [Шмидт, 1963б, с. 191]. Фрагменты керамики из этой же насыпи кургана № 18, как и из культурного слоя расположенного здесь же селища, являлись типичными для тушемлинской культуры (таб. 34). Исходя из находок аналогичных шпор в памятниках черняховской культуры и в памятниках киевской культуры (Новые Безрадичи), они продолжали бытовать в III-IV вв. н.э. [Терпиловский, Абазина, 1992, с. 65,109]. С нашей точки зрения, в периодизации типологии шпор, предложенной В.Б. Перхавко, этого типа шпоры нет основания выделять в вариант «Г» 1-го типа и относить к VIII-IX вв., а следует рассматривать вместе с вариантом «Б» 1-го типа [Перхавко, 1978, с. 119]. Есть достаточно оснований отнести время использования шпор с пуговицеобразными зацепами населением тушемлинской культуры к III-IV векам н.э., но не позднее начала V века, так как на городищах-убежищах в слоях пожарищ с вещами VI-VII вв. н.э. они не найдены.

Шпоры с крючкообразными зацепами являются более поздними. Их появление в Поднепровье на территории Белоруссии можно отнести к IV веку [Поболь, 1967, с. 239]. На памятниках третьей четверти I тысячелетия н.э. они встречены неоднократно [Митрофанов, 1978, с. 108; Левко, Колосовский, 1994, с. 138; Седин, 1994, с. 124]. В Смоленском Поднепровье и Подвинье они распространились широко, начиная с V века, и бытовали до конца существования тушемлинской культуры, т.е. до рубежа VII и VIII веков н.э.

Таким образом, наиболее ранние вещи, датируемые III-IV веками н.э., встречены до сего времени преимущественно на селищах, и они определяют время возникновения нового типа поселений, а соответственно, и начало нового периода в развитии племен Смоленского Поднепровья и Подвинья. Рассмотренные материалы дают основание определить начало формирования тушемлинской культуры как конец III-IV вв. н.э.

Конец периода существования тушемлинской культуры, как уже было сказано в связи с относительной хронологией, определяется временем возникновения и распространения новых памятников - длинных курганов в широком смысле понимания этого термина и формирования племен культуры смоленских длинных курганов. Поскольку смены типа поселений (селищ) в это время не произошло, а на некоторых из них жизнь продолжалась и далее в последней четверти I тысячелетия н.э., постольку при современной слабой изученности поселений весьма трудно выделить на селищах комплексы только VII века. По имеющимся наблюдениям в конце третьей четверти I тыс. н.э. в отдельных местах не произошло быстрой и резкой смены керамического комплекса. Изучение курганов на северо-востоке Белоруссии показало, что керамика, характерная для середины и третьей четверти I тыс. н.э., используется некоторое время и в период насыпания длинных курганов. Так, например, некоторые формы слабопрофилированных сосудов найдены у бывшей дер. Атоки и у дер. Повалишино [Штыхов, 1971, с.73-75; 1992а, с. 21-40], и в других местах Витебской области на севере Белоруссии. Г.В. Штыхов датирует эти курганы третьей четвертью I тыс. н.э., но дата их существования значительно расширена, что объясняется слабой изученностью памятников второй половины I тыс. н.э. и неразработанностью типологии и хронологии отдельных категорий вещей. В данном случае материалы, приведенные из Белоруссии, могут только подтверждать существование керамики типа Банцеровского городища и в период начала насыпания длинных курганов.

Рассмотрим материалы из городищ-убежищ в целях определения времени их функционирования и гибели. Наиболее характерными вещами, обнаруженными на городищах-убежищах у д.д. Демидовка и Близнаки, являются сравнительно крупные серебряные или бронзовые браслетообразные круглопроволочные височные кольца со слегка утолщенными концами (таб. 21,22). Эти височные кольца в какой-то степени являются датирующими для последнего периода существования убежищ и фиксируют время их гибели, так как большинство их найдено в виде двух комплектов на Демидовке, спрятанных специально, и по сути дела они являются кладами, зарытыми накануне гибели убежища в огне. Такие же височные кольца обнаружены в слое пожарища и в Близнаках. Кроме того, височные кольца целиком или в обломках найдены в культурном слое селищ у д.д. Шугайлово (таб. 22:4), Заозерье (таб. 21:13, 14), Ерилово (таб. 22:15) и в по-

гребениях Акатовского могильника (таб. 22:14, 18). В пределах Восточной Европы аналогичные серебряные или бронзовые височные кольца известны, главным образом, из кладов. Совершенно такие же серебряные височные кольца есть в новом Суджанском кладе [Рыбаков, 1949, с. 77, рис. 31, 32]. Небольшая разница только в размерах: височные кольца из Демидовки максимально имеют диаметр около 10 см, тогда как суджанские - до 14 см. Анализ и датировка нового Суджанского клада произведены Б.А. Рыбаковым, и он датировал клад VI веком н.э. [Рыбаков, 1949, с. 85]. Однако в последующей работе «Древние русы» он несколько расширил датировку, относя клад к VI-VII векам н.э. [Рыбаков, 1953, с. 64]. Аналогичные височные кольца есть в Колосковском кладе VI-VII вв. [Рыбаков, 1953, с. 66, рис. 12] и в кладе VI-VII вв. н.э. из села Новая Одесса [Рыбаков, 1953, с. 67, рис. 13]. Близкие по форме височные кольца встречены и за пределами Восточной Европы, в частности, на территории Германии они найдены в погребении VI века н.э. [Nitzschke, 1967, с.46-52, рис. 2]. Датировке VI-VII вв. височных колец из тушемлинских памятников Смоленского Поднепровья и Подвинья не противоречит и другой материал, происходящий из слоев пожарищ на городищах-убежищах. Датирующими вещами в слоях пожарищ на городище-убежище Никодимово являются пальчатые фибулы (таб. 23). Они проанализированы А.А. Сединым, и им выделены более ранние формы с циркульным орнаментом в виде двойных кружков (таб. 23:4), датируемые VI в. н.э., и формы с орнаментом в виде двойных спиралей (таб. 23:3, 7), датируемые VI-VII вв. н.э. Кроме того, другие формы фибул: бронзовая миниатюрная пальчатая (таб. 23:6) и зооморфная (таб. 23:8) датируются VII веком н.э. [Седин, 19946, с. 129-131]. Находки этих фибул позволяют датировать гибель убежища в Никодимово VII веком н.э. Городища-убежища Кисели и Черкасове, судя по вещевому комплексу, включавшему бронзовые браслеты с расширенными концами, шпоры и другие предметы, существовали в VI-VII вв. н.э. [Левко, Колосовский, 1994, с. 138-139]. Пожар и гибель убежища на городище Вежки по комплексу вещей отнесены к VII в. н.э. [Колосовский, 1997, с. 39].

Формирование и существование тушемлинской культуры происходило в бурное время эпохи Великого переселения народов. Поэтому уже в конце IV века н.э., когда гунны опустошили степную и частью лесостепную зоны Восточной Европы, на север в леса, вверх по Днепру, уходили не только отдельные группы земледельческого населения, но и вслед за ними дружины грабителей. Грабительские набеги и вообще возникавшая опасность, вероятно, имели место как в конце IV в. н.э., так и в последующие века до конца существования тушемлинской культуры. Поэтому использование старых укреплений заброшенных городищ для устройства убежищ, без сомнения, началось с конца IV-начала V вв. н.э. Укрываться временно в таких убежищах население могло неоднократно, в зависи-

мости от появления внешней опасности, в течение всего периода существования тушемлинской культуры. В конце периода, в результате военных акций, значительное количество убежищ погибло и затем восстановлено не было. Можно полагать, что не все убежища погибли одновременно. Если многие из них были уничтожены в конце VI-первой половине VII вв. н.э., то, например, убежище на Тушемле, возможно, было разрушено около рубежа VII и VIII вв. н.э., а убежища на городище у д. Акатово вообще не были разграблены и сожжены, а просто, будучи оставлены населением, постепенно разрушались под воздействием природных факторов. Следов пожаров на них не зафиксировано [Шмидт, 1972, с. 29-41]. В подтверждение вышесказанному о времени функционирования и гибели убежищ можно более подробно остановиться на двух объектах — Демидовка и Тушемля. На Демидовке верхний культурный слой, перекрытый остатками обгоревших деревянных оборонительных сооружений убежища, составлял от 0,18 м до 0,4 м (местами). Его толща была однородной и не подразделялась на прослойки, поэтому решить вопрос об одноразовом или многократном его использовании населением Тушемлинской культуры по стратиграфии культурного слоя не представлялось возможным. Вещевой комплекс из этого культурного слоя отражал весь период существования культуры по VII в. включительно, но содержал некоторое количество вещей, бытование которых, вероятнее всего, приходится на конец IV - первую половину V века н.э. А.Г. Фурасьев, рассматривая вещевой комплекс Демидовки, включавший бронзовую подвеску-лунницу, гончарный серолощеный кубок, наконечник копья и пр., высказал предположение о более раннем формировании тушемлинской культуры, чем V-VII вв. н.э., а также высказал несогласие с предложенной нами датировкой убежища на городище Демидовка [Фурасьев, 1997, с. 34]. Время формирования тушемлинской культуры еще до публикации статьи А.Г. Фурасьева было определено концом III-IV вв. н.э. [Шмидт, 1992, с. 114; 1994, с. 109]. Что касается городища-убежища Демидовка, то с самого начала время его функционирования определилось V-VII вв. н.э. [Шмидт, 1970, с. 69], обоснование чему было дано в результате анализа комплекса вещей и аналогий им, известным в археологической литературе по состоянию на конец 1960-х годов. Действительно, с некоторыми уточнениями, сделанными А.Г. Фурасьевым, следует согласиться, но не всю его аргументацию можно принять, так как атрибуция отдельных вещей сделана в отрыве от условий их нахождения в комплексах, и при этом использованы преимущественно наиболее ранние аналогии. Так, например, втульчатый наконечник копья с листовидным пером (таб. 2:5) им отнесен к типу «IVA» (по В. Казакавючесу) и, следовательно, в IV в. н.э. выходит из употребления. Но его форма не совсем одинакова с копьями типа «IVA», так как у последних перо от втулки резко расширяется, и его поперечник достигает максимума к $^1/_3$ длины пера, а затем идет резкое сужение к мысу, занимающее

$^2/_3$ длины пера. Общее отношение ширины их пера к длине 1:2,5-4. Перо наконечника копья из Демидовки удлиненное, остающееся широким примерно на $^3/_4$ своей длины, и отношение ширины пера к его длине 1:5. Этот наконечник по своей форме ближе к наконечникам типа «V», бытовавшим в Прибалтике до VIII в. н.э., но максимальное распространение они имели в VI-VII вв. н.э. [Казакявичюс, 1988, с. 48-52, 131]. Ссылка на наличие грани на пере как на признак IV-V вв. для бассейна верховьев Днепра не совсем правомерна. На городище Никодимово в убежище, погибшем в пожаре, найден наконечник копья (таб. 4:2), аналогичный таковому из Демидовки, в слое вместе с пальчатыми и зооморфной фибулами VI-VII вв. н.э. Это дает основание считать, что железные листовидные наконечники копий с граненым пером использовались населением Тушемлинской культуры длительный период времени, включая VI-VII вв. н.э., тогда как в Прибалтике они уже вышли из употребления и больше не изготавливались. Еще нужно отметить нахождение в слое пожара на Демидовке среди комплекса вещей этого времени железных наконечников копий и других типов, в том числе типа «II», которые в Литве стали использоваться около середины V в. н.э. и были характерны и широко распространены в VI-VII вв. н.э. [Казакявичюс, 1988, с. 36-40, 131]. Датировка гончарного серолощеного кубка (таб. 26:6) определена по аналогиям с кубками позднечерняховского времени (IV в.-середина V в. н.э.) и по находкам в дунайских областях первой половины V в. н.э. [Werner, 1956, с. 110]. Некоторые вопросы вызывает датировка бронзовой ажурной подвески-лунницы, украшенной выемчатыми эмалями (таб. 23:9). Утверждение, что такие подвески не могли бытовать после середины IV в. н.э., ссылаясь на материалы из Среднего Поднепровья, вряд ли правомерно. Абсолютно аналогичная бронзовая ажурная подвеска-лунница с эмалями происходит из городища Ножа-Вар в Чувашии, тогда как такой формы подвесок-лунниц в Поднепровье не найдено. Видимо, они изготавливались где-то за пределами Среднего Поднепровья, и сколь долго функционировали эти мастерские, пока установить невозможно. В результате анализа типологического развития подвесок-лунниц А.С. Якубовский пришел к выводу, что подвеска из Ножа-Вар относится к V веку или, может быть, к концу V- началу VI в. н.э. [Якубовский, 1964, с. 161-162]. Эту же подвеску-л у нницу из Ножа-Вар Г.Ф. Корзухина рассматривала как вещь с эмалями V-первой половины VI в. н.э. [Корзухина, 1978, с.76, таб. 22:9]. С нашей точки зрения, появление подвески-лунницы в материалах тушемлинской культуры возможно, скорее всего, в отрезок времени от конца IV в. до середины V в. н.э. Находки железного топора (таб. 8:15) и лощеных сосудов с ребром посередине тулова не свидетельствуют о более ранней дате использования убежища на городище Демидовка, поскольку подобные встречались с вещами VI века. Типичные слабопрофилированные сосуды с «расчесами» не встречены на Демидовке, как нет их и на Лахтеевском городище-убе-

жище, на котором многочисленна керамика тушемлинских типов, в том числе лощеная и с ребром на середине тулова сосуды [Третьяков, 1963, с. 117-122]. Это дает основание считать, что в III в. н.э. и в большей части IV в. н.э. на Демидовке не фиксируется пребывания населения тушемлинской культуры. Может быть, в самом конце IV- первой половине V в. н.э. это городище стало впервые использоваться в качестве убежища. Это не исключает повторного использования убежища после V в. н.э., о чем свидетельствуют: фрагмент бронзовой двупластинчатой фибулы (таб. 23:2), датированной по аналогии с находками из более южных областей Восточной Европы VI-началом VII в. н.э. [Амброз, 1966, с. 88-91, рис. 8:3, 8], и другие обнаруженные вещи VI-VII вв. Городище-убежище Тушемля, целиком раскопанное П.Н. Третьяковым и детально изученное им, представляло собой остатки разрушенного и сожженного убежища, функционировавшего сравнительно короткий отрезок времени. Культурный слой со следами пожарища составлял небольшую прослойку, в которой на уровне тогдашней поверхности сохранились развалы каменных очагов и около них группы сосудов, часть из которых была раздавлена. На этом горизонте бывшей поверхности пола убежища обнаружены также единичные вещи: верхний камень ручного жернова и железный серп. Вся эта часть верхнего культурного слоя была бедна находками, кроме вышеуказанного, содержала еще фрагмент биконического глиняного пряслица и обломок железной кольцевой застежки [Третьяков, 1963, с.67, рис. 22:10,11]. Очень слабая насыщенность культурного слоя артефактами является свидетельством кратковременности пребывания населения в убежище. Керамический комплекс, обнаруженный у очагов, содержал строго определенный набор форм глиняной посуды, среди которых отсутствовала керамика с ребром или с налепным валиком на середине высоты сосудов, но часть сосудов была покрыта не очень тщательным лощением. Количество разных типов сосудов на Тушемле меньше по сравнению с Демидовкой, и часть сосудов отличалась невысоким качеством изготовления. Находки двух предметов (каменный жернов и железный серп) на Тушемле выделяются среди вещей из других памятников тушемлинской культуры. На селищах тушемлинской культуры, как и в убежище на Демидовке, каменные жернова не обнаружены: там для размола зерна широко использовались каменные зернотерки. Видимо, жернова появились в Смоленском Поднепровье только в самом конце существования тушемлинской культуры и широко не распространились до конца ее существования, т.е. до рубежа VII и VIII вв. н.э. Некоторым свидетельством позднего появления каменных жерновов могут служить находки на поселениях банцеровской культуры, в частности, на селище «Замковая гора» у д. Дедиловичи в Белоруссии в раскопанном жилище № 16. Жилища этого селища суммарно датируются VI-VIII вв. н.э. [Митрофанов, 1978, с. 115]. Р.С. Миносян изучал и классифицировал жернова ручного постава и отнес жер-

нов из Тушемли и из Дедиловичей к 1 -ой группе, датировав время распространения жерновов этой группы в северной половине Восточной Европы VIII-IX вв. н.э. [Миносян, 1978, с. 110-112]. Все это дает некоторое основание отнести время использования жернова на Тушемле к концу VII века или к самому началу VIII века н.э.

Железный серп типа 1Д [Миносян, 1978, с. 77,79], который использовался в течение всего I тыс. н.э. Но серп из Тушемли представлял собой очень крупный экземпляр с большой кривизной лезвия, т.е. являлся самой развитой формой серпов этого типа, что дает основание отнести время его изготовления к концу периода существования тушемлинской культуры, т.е. к концу VII века или к рубежу VII и VIII веков н.э.

Рассмотренный вещевой комплекс из Тушемли делает возможным отнести время функционирования убежища на этом городище к финальному периоду существования тушемлинской культуры и, соответственно, датировать время гибели убежища концом VII века н.э. или даже рубежом VII и VIII веков н.э. Керамический комплекс, обнаруженный в убежище на городище Тушемля, был характерен для позднего периода существования данной культуры.

Исходя из вышесказанного, можно считать, что значительные изменения, включая запустение поселений-селищ и гибель городищ-убежищ в пожарах, происходили главным образом в VII в. н.э., а прекращение существования тушемлинской культуры произошло на рубеже VII и VIII вв. н.э.

При этом нужно учитывать, что на городищах-убежищах, как и в синхронных могильниках, обнаружен вещевой материал, который максимально восходит к концу VII в. н.э., но совершенно не встречены вещи, типичные для VIII-IX вв. н.э. С другой стороны, сменился и погребальный обряд, а во вновь возникших погребальных памятниках — длинных курганах — наряду с профилированной керамикой совершенно нового типа, есть вещи, датируемые VIII и последующими веками [Шмидт, 1963, с. 223].

Таким образом, анализ материалов из исследованных нами памятников дает основание считать, что новый период в развитии племен в Смоленском Поднепровье и Подвинье наступил в конце III-IV вв. н.э. и длился до конца VII в. н.э. Такой датировке не противоречат данные новых радиокарбонных анализов угля из городища-убежища Демидовка. Уголь, происходящий из остатков сгоревшего убежища, датирует время пожара 1570±60 лет тому назад, т.е. началом V века н.э. [Семенцов, Долуханов, Романова, 1972, с. 214]. Датировка городища-убежища Никодимово, определенная по вещевому комплексу, охватывает середину и третью четверть I тысячелетия н.э. Это подтверждено четырьмя датами по С/14, календарный возраст которых находится в интервале от 344 до 674 г.г. [Седин, 1992, с. 100]. Датировка, основанная на радиокарбонных анализах угля из городищ-

убежищ, определяет не только время существования тушемлинской культуры, но и период использования убежищ, возведенных на древних городищах, оставшихся от предшествующих днепро-двинских племен раннего железного века.

Рассмотренные археологические материалы, полученные в последние годы при изучении археологических памятников в верховьях Днепра и в смежных районах Подвинья, датированные рубежом III-IV - VII вв. н.э., дают основание выделить особую археологическую культуру, которую следует назвать «Тушемлинской культурой» по названию первого наиболее полно изученного П.Н. Третьяковым памятника - городища-убежища Тушемля. Выделение тушемлинской культуры вполне обосновано, так как эта культура в значительной степени отличается как от днепро-двинской культуры предшествующего времени, хотя и связана с ней генетически, так как возникла на ее основе; так и от последующей культуры древнерусского времени. Тушемлинская культура имеет свои весьма характерные типы керамики и своеобразный вещевой комплекс. Археологические памятники тушемлинской культуры представлены: селищами - местами неукрепленных поселений, остатками укрепленных убежищ - городищами-убежищами, включавшими своеобразные сооружения, а иногда - и святилища, и грунтовыми могильниками с остатками трупосожжений. При этом, все вышеуказанные типы археологических памятников на рассматриваемой территории появляются впервые только в процессе формирования Тушемлинской культуры. Племена-носители тушемлинской культуры в основном занимали те же пространства, что и предшествующие им племена днепро-двинской культуры, хотя их территория на востоке в Поднепровье несколько сократилась в связи с экспансией соседей - племен мощинской культуры из бассейна р. Оки.

В периоде существования тушемлинской культуры, охватывающем конец III-VII вв. н.э., можно выделить два отрезка времени: ранний период формирования культуры конец III - начало V в. н.э. и период максимального развития культуры V-VII вв. н.э. Считать эти два периода отдельными культурами пока нет достаточного основания из-за ограниченности материалов в связи со слабой изученностью памятников. Но, если сопоставлять древности Смоленского Поднепровья и Подвинья с древностями Поднепровья на севере Украины, то первый этап формирования тушемлинской культуры будет синхронен киевской культуре, а второй - колочинской культуре. Одновременность существования не исключает взаимовлияния и взаимообмена различными элементами культуры, но каждая из них имела свои особенности возникновения и формирования. Возможно, в дальнейшем, при накоплении значительного объема материалов, будет достаточно оснований разделить тушемлинскую культуру на две самостоятельные археологические культуры.

ПЛЕМЕНА ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ СОСЕДИ

Мощинские племена в верховьях Днепра. Период времени с III-IV вв. н.э. по VII в. н.э. включает в себя эпоху Великого переселения народов. Процесс перемещения больших масс племен и народов охватил не только южную, степную, часть Восточной Европы, но происходил и в лесостепи, и севернее в лесной зоне. Затронуты были великим переселением племен и области, занятые в это время племенами тушемлинской культуры. В частности, это относится в большей степени к восточным областям верховьев Днепра с его притоками. На эти пространства распространились племена мощинской культуры, являвшиеся новообразованием эпохи переселения народов, занявшие часть Поднепровья и оказавшие некоторое влияние на развитие тушемлинских племен на остальной территории. Убедительно доказано, что значительные массы населения, до этого связанные с зарубинецкой общностью, в III-IV вв. н.э. переместились на Верхнюю Оку, где, в результате их слияния с местными племенами, сформировалась называемая в археологической литературе «Мощинская культура», просуществовавшая с III-IV по VII в. н.э. [Третьяков, 1966, с. 235, 294 и др.]. Анализ вещевого материала мощинской культуры говорит за то, что, помимо элементов, восходящих к зарубинецким древностям, в материальной культуре мощинских племен есть еще некоторые особенности, которые не могут быть увязаны ни с зарубинецкими, ни с местными верхнеокскими древностями. Видимо, в составе пришельцев, кроме позднезарубинецких групп населения, были еще какие-то племена, происходившие с юго-запада. Выдвигать такое предположение заставляет керамический материал, среди которого, в частности, есть грубые и лощеные сосуды с прямым горлом и округлыми плечиками (типа таб. 29:15 и 57:3). Если посмотреть в целом на развитие керамики в Верхнем Поднепровье и на некоторых смежных территориях у балтских племен, то становится очевидно, что, несмотря на некоторые локальные различия, наблюдается общая тенденция, идущая от слабопрофилированной керамики второй половины I тысячелетия до н.э. к профилированной керамике, общей для всех восточных балтов первых веков н.э., и далее к сравнительно высоким слабопрофилированным сосудам эпохи Великого переселения народов. В этом ряду развития мощинская культура стоит несколько особняком. У племен, соседних с мощинскими, исходных форм для развития собственно мощинской керамики нет, поэтому появление ее может быть объяснено только продвижением в бассейн Оки особой группы населения, имевшей другие традиции в керамическом производстве, чем местные балтские племена.

Изучение памятников мощинской культуры в бассейне Оки началось сравнительно давно: уже в конце XIX века Н.И. Булычевым были собраны и опубли-

кованы значительные материалы [Булычев, 1899]. Впервые само понятие «Мощинская культура» было сформулировано и использовано в археологической литературе в 1941 году П.Н. Третьяковым. Им тогда же произведен анализ материалов из курганов у д.д. Шаньково и Почепок, которые были датированы VI-VII вв. н.э. и увязаны с поселениями типа мощинского городища IV-VII вв. н.э. [Третьяков, 1941, с. 47 и сл.]. В дальнейшем изучением памятников мощинской культуры занималась Т.Н. Никольская. К сожалению, в ее первой сводной работе древности мощинской культуры еще не были детально разработаны. Основные материалы, в том числе и керамика даются суммарно для большого отрезка времени I тысячелетия н.э., а не по отдельным периодам. В тех случаях, когда выделяются некоторые типы керамики, хронологические рамки их бытования не определены. Все это мешает составить полное представление о собственно мощинских древностях Верхней Оки в IV-VII веках н.э. [Никольская, 1959].

У исследователей 50-60-х годов не было еще общего установившегося мнения об этнической принадлежности и происхождении мощинской культуры. П.Н. Третьяков считает, «что верхнеокская мощинская культура оставлена местными балтами, уже испытавшими на себе длительное славянское воздействие и давно продвинувшимися на пути ассимиляции», видя источник этих изменений в переселении зарубинецких племен из Подесенья [Третьяков, 1966, с. 296; 1970, с. 60-64]. Такого же мнения об этнической принадлежности населения Верхней Оки в IV-VII вв. придерживалась и Т.Н. Никольская в монографической работе по этнической истории бассейна Верхней Оки [Никольская, 1966, с. 16]. Е.И. Горюнова относила древности всего Волго-Окского междуречья середины I тысячелетия н.э. местным племенам, обитавшим еще до расселения славян [Горюнова, 1961, с. 70, 82 и др.]. В.В. Седов рассматривал образование мощинской культуры как результат слияния двух групп балтских племен — восточных окских балтов и западных балтов-зарубинцев, пришедших на Верхнюю Оку из Поднепровья [Седов, 1967, с. 309-310; 1970, с. 43 и ел.]. В последних работах внесены некоторые уточнения в вопросе о группе племен, переселившихся в Поочье. По его мнению, это было население позднечерняховской культуры [Седов, 1994, с.308].

Остаются невыясненными и многие другие вопросы. В частности, признавая проникновение на Оку новых племен с юго-запада, исследователи не дают объяснения тех заметных отличий, которые наблюдаются на Оке по сравнению с другими областями балтов, частично заселенными зарубинецким и послезарубинецким населением после II века н.э. Так в Подесенье и в других районах Поднепровья позднезарубинецкое население обитало на открытых поселениях-селищах, при которых были грунтовые могильники с трупосожжениями, что увязывалось с более высокой общественной организацией населения (со-

седская община, союзы племен), т.е. с заменой родовых общин территориальными. Такой характер позднезарубинецких поселений не изменялся даже в периоды внешней опасности: в такие моменты возводились особые убежища, расположенные поблизости от селищ, но они не становились постоянными местами жительства населения. На Верхней Оке население мощинской культуры проживало преимущественно на укрепленных поселениях-городищах, хотя известны и открытые поселения-селища, а погребальные памятники этой культуры представлены не грунтовыми могильниками, а курганами с остатками трупосожжений. Такой характер типа поселений можно рассматривать только как определенный регресс, как бы возврат к предшествующему состоянию зарубинецких племен, которое они имели до II века н.э., хотя во всем остальном регресса не наблюдается. Причины изменения погребального обряда, заключавшегося в переходе от грунтовых могильников к погребению в курганах, также пока не имеют достаточно обоснованных объяснений. Разрешение многих неясных вопросов в истории мощинских племен требует дальнейших исследований в верхнеокском бассейне и на смежных территориях.

В течение нескольких лет автор настоящей работы проводил раскопки на городище у д. Наквасино в бассейне Днепра и на городище у д. Федотково в бассейне р. Угры - приток Оки. На этих городищах имеются слои, относящиеся к мощинской культуре. Во время раскопок культурные напластования на этих памятниках удалось расчленить на отдельные горизонты, выделив древности только мощинского времени. Некоторые результаты этих работ опубликованы [Шмидт, 1996, с. 24-49]. Кроме того, в результате археологических разведок в бассейнах рек Днепр и Угра выявлено значительное количество памятников, имеющих культурный слой с мощинскими древностями [Шмидт, 1958, с. 95-143; 1968, с. 42-43]. Сопоставление полученного материала с публикациями других исследователей и с неопубликованными материалами, хранящимися в Государственном Историческом музее в Москве, происходящими из Калужской, Московской и Тульской областей, дают основание для некоторых общих замечаний.

Как уже было сказано ранее, в первых веках н.э. в бассейн Верхней Оки продвинулись группы, вероятно, балтского населения из Верхнего Подесенья, которые оказали определенное влияние на развитие всей материальной культуры местных племен Поочья. В первую очередь, эти изменения отразились на керамике - сформировался новый тип профилированной посуды, общий для восточных балтов (типа таб. 39:5,6,10 и 49:1-4). Кроме того, получили распространение и другие глиняные изделия (грузила, блоки, рогатые кирпичи и пр.), имеющие истоки в изделиях юхновской культуры. В результате последующего прилива населения из Поднепровья, сохранявшего некоторые зарубинецкие элементы в своей культуре, был дан толчок к дальнейшему своеобразному развитию керамического

комплекса. Это была вторая волна переселенцев с юго-запада, относящаяся к III-IV вв. н.э. В результате чего на Верхней Оке получила более широкое распространение лощеная посуда, а в ее наборе появились некоторые формы мисок, аналогичные мискам, известным по находкам в Подесенье и на самом Днепре. Эти формы посуды, увязывающиеся с поднепровскими, привлекли к себе особое внимание исследователей. Усиленные поиски и специальное выделение их без статистического учета их удельного веса среди всего керамического материала привели к тому, что другие основные формы, которые возникли и закрепились как характерные и далее распространились на всей территории мощинской культуры, остались как бы вне поля зрения, тем самым была снивелирована самобытность мощинской керамики [Никольская, 1959, с. 42-48].

В период формирования мощинской культуры на Верхней Оке распространяется как грубая лепная, так и лощеная глиняная посуда особой формы. Такая посуда имеет сравнительно высокое и прямое горло, венчик которого может быть либо слегка отогнутым наружу, либо прямым. Горло сосудов резко, иногда почти под прямым углом, переходит в округлое плечико, при этом образуется как бы уступ в месте перехода, а тулово сосуда постепенно сужается к плоскому дну (типа таб. 29:15 и 57:3). Такой тип профиля имеют как горшки, так и миски. Горшки отличаются сравнительно большей высотой, которая часто превышает величину максимального диаметра, приходящегося на округлое плечико в верхней части тулова, тогда как миски выглядят более приземистыми и диаметр у них превосходит общую высоту. Грубая лепная посуда этого типа только изредка несет орнаментальные украшения, которые представлены нарезками или отпечатками ногтя, нанесенными наискось по краю венчика (таб. 63,65). Горло и тулово сосудов обычно не орнаментировались. Изготавливалась грубая посуда из хорошо промешанной глины, к которой добавлено значительное количество дресвы, иногда сравнительно крупной, зерна которой выступают на поверхности. Изготавливалась посуда методом кольцевого налепа глиняных лент. Поверхность сосудов снаружи грубо приглаживалась чем-то шероховатым, поэтому на ней видна мелкая исчерченность, которая, как правило, по венчику и горлу имеет вертикальное направление, тогда как на тулове строго определенное направление при заглаживании не соблюдалось. Обжиг посуды окислительный и сравнительно хороший. Цвет поверхности сосудов от светло-палевого до коричневато- или буровато-палевого, иногда поверхность бывает пятнистой. На изломе черепок чаще одноцветный, реже - двуцветный: снаружи светлее, чем внутри.

Лощеная посуда изготавливалась из глины, к которой добавлялась очень мелкая дресва со слюдой или же мелкий слюдистый песок. Наружная поверхность сосудов тщательно залощена, а внутри сосудов лощение не такое тщательное. Цвет лощеных сосудов преимущественно черный, но иногда встречаются

лощеные фрагменты темно-коричневого или серовато-палевого цвета. На лощеной посуде орнаментальных украшений вообще не встречено.

Анализируя всю подвергшуюся определению керамику, связанную со слоем мощинской культуры на городище у д. Наквасино (5243 фрагмента), установлено, что она состоит из 97,8% (5127 фрагментов) собственно мощинской керамики описанного выше типа и только 2,2% (116 фрагментов) керамики других типов, увязываемых с зарубинецким влиянием. Однако распределяются эти 116 фрагментов в культурном слое неравномерно: в нижней толще они составляют 15,6% от общего числа учтенных фрагментов, тогда как в верхней толще - только 0,8%. Часть этой керамики, видимо, относится к профилированной посуде восточнобалтийских типов, характерных для местных племен. В керамике собственно мощинского типа в целом на долю грубой, лепной посуды приходится 92,2% (4729 фрагментов), а на долю лощеной - 7,8% (398 фрагментов). Анализ керамики из слоя, относящегося к мощинской культуре, на городище у д. Федотково дал близкую картину. Здесь из 1961 фрагмента 91% (1786 фрагментов) принадлежал грубой лепной посуде и 9% (175 фрагментов) - лощеным сосудам. При этом на городище у д. Федотково была также профилированная керамика, количество которой от нижних слоев к верхним уменьшалось, но сделать точные подсчеты здесь не удалось, так как, помимо профилированной керамики восточнобалтского типа, в нижних горизонтах мощинского культурного слоя была керамика позднедьяковская первых веков н.э., имевшая у венчиков также профилировку, неорнаментированные стенки которой по своей фактуре неотличимы от других типов профилированной керамики.

Лощеная посуда мощинской культуры на городищах, исследованных в пределах Смоленщины, по своим формам дает два основных типа. Первый тип представлен ребристыми мисками (таб. 64:1), имевшими цилиндрическую верхнюю часть, резко переходящую в усеченноконическую нижнюю часть; в месте перехода от верхней части к нижней образовывалось острое ребро. Такие миски были более широко распространены в бассейне Оки [Никольская, 1959, с. 46, рис. 15:8], включая городище у д. Федотково на р. Угре [Шмидт, 1994, с. 32, рис. 4:1,2]. С нашей точки зрения, этот тип мисок ведет свое начало от мисок более раннего периода и, возможно, происходит от форм, имевших распространение у зарубинецких племен. Если принять это предположение, то можно признать, что исходные формы ребристых мисок являлись составным элементом керамического комплекса, включавшего в основной массе профилированную посуду в виде сравнительно высоких зарубинецких горшков. В первой четверти I тысячелетия н.э. на Десне закрепляются и получают дальнейшее развитие как лощеные ребристые миски, так и профилированная лепная посуда. Однако в это же время происходит распространение профилированной керамики на больших

пространствах в бассейнах Верхней Оки, Верхнего Днепра и Верхней Зап. Двины, т.е. возникает керамика профилированная восточнобалтского типа. Одновременно на этих же пространствах появляется и лощеная посуда, в том числе иногда повторяющая формы профилированных высоких горшков.

Во второй четверти I тысячелетия н.э. в окском бассейне распространяются лощеные миски с ребром, сходные по форме с деснинскими, которые бытуют одновременно 6 лепной профилированной керамикой (городища: Мощинское, Дешовки, Николо-Ленивец и др.), но формы лепной керамики здесь все-таки ближе к восточнобалтским типам сосудов, чем к сосудам зарубинецким первых веков н.э. или деснинским III-IV вв. н.э. Поэтому при современном состоянии источников очень трудно решить вопрос, что окская профилированная керамика является элементом приносным или местным, закономерно эволюционно возникшим, как и у остальных восточных балтов.

Как уже было сказано, профилированная лепная керамика восточнобалтского типа в бассейне Верхней Оки на памятниках мощинской культуры исчезает, а вместо нее выступают высокогорлые сосуды (таб. 63) и широко распространяются такого же типа лощеные миски (таб. 66). Эта глиняная посуда не имеет аналогий в синхронных культурах Восточной Европы, она здесь самобытна, а следовательно, ее развитие не будет повторять развитие основных керамических форм ее соседей в Поднепровье, где шло развитие керамики тушемлинских типов.

Мощинская культура, кроме вышеописанной керамики, характеризуется специфическим комплексом вещей, хорошо известным по имеющимся публикациям [Булычев, 1899, таб. VI-XXI, с. 5 и ел.; Никольская, 1959, с.37-57 и рис. 53]. Он включает разнообразные предметы, изготовленные из бронзы, железа, глины и других материалов. На верхнеднепровских городищах в слоях, содержащих мощинскую керамику, наиболее часто встречаемыми вещами являлись глиняные пряслица (таб. 67:7,8,11-13). Они имеют биконическую форму, и чаще всего их поверхность бывает лощеной черного или серого цвета. Изготавливались пряслица из глины такого же состава, как и миски, подвергавшиеся лощению. От пряслиц, распространенных на памятниках тушемлинской культуры, они отличаются не формой, а более значительными размерами. Так, например, в обычных пряслицах тушемлинской культуры отверстие имеет размер в поперечнике около 1 см, тогда как у мощинских пряслиц диаметр отверстия составляет 1,8-2,8 см. Лощеные пряслица с большим диаметром отверстия являются обычными находками на поселениях в бассейне Верхней Оки [Булычев, 1899, таб. XV:27 и XXI: 15; Никольская, 1959, с. 41,93,104,116,127], в том числе и на р. Угре. В Поднепровье они пока встречены на городищах у д.д. Наквасино, Перстенки и Городок.

Выделить специфическое в металлическом инвентаре мощинских племен Поочья пока затруднительно, так как еще недостаточно археологически изучена культура IV-VII вв. н.э. других племен, соседних с мощинскими. Он представлен значительным количеством железных и бронзовых изделий. Среди них много предметов украшений (фибулы, подвески, пряжки и пр.), часть этих предметов, сделанных из бронзы, инкрустирована выемчатыми эмалями [Булычев, 1899, таб. IX, X, XI, XII]. Железные ножи и кресала (таб. 67:1-4) практически не отличаются от таковых, обнаруженных на поселениях тушемлинской культуры. Ножи, как правило, имеют прямую спинку, переходящую без уступа к черену, тогда как со стороны лезвия при переходе к черену бывает уступ (таб. 67:4). Железные кресала пластинчатые, при этом пластина на одном конце несколько сужается и завернута в кольцо (таб. 67:5). Железная шпора с плоской дужкой, приклепанным шипом и с зацепами наружу (таб. 67:10). Все эти железные изделия имеют аналогии в материалах из поселений тушемлинской культуры [Шмидт, 1996, с. 110-111, рис. 1] и датируются IV-VII вв.

Пока еще нет возможности хронологически точно определить момент начала экспансии мощинских племен в западном направлении в земли днепродвинских племен. Но совершенно несомненно, что появление их в бассейне Днепра относится не к начальному периоду становления этой культуры в бассейне Оки, а произошло несколько позднее. Доказательством более позднего появления мощинских племен в Поднепровье является очень редкая встречаемость в соответствующих слоях городищ ранних форм лощеной ребристой посуды, восходящих к зарубинецким типам. Кроме того, в III-IV вв. н.э. в бассейне р. Угры (приток Оки) и на соседних участках Поднепровья, выше г. Дорогобужа, еще была распространена позднедьяковская культура [Шмидт, 1958, с. 109-110; 1996, с. 34-36].

Уже к середине I тысячелетия н.э. мощинские племена заселили бассейн р. Угры и использовали укрепления старых городищ у д.д. Федотково, Кобелево и Василевщина, воздвигнув на них свои постройки и оборонительные сооружения. На этих поселениях ранние формы мисок лощеных с ребром встречаются чаще, чем в Поднепровье. Далее было заселено мощинскими племенами междуречье Угры и Днепра, и возникли поселения на р. Осьме и ее притоках на старых городищах у д.д. Никола, Новый Городок, Мясники и др. Затем мощинское население расселилось по верховьям Днепра на городищах у д.д. Перстенки, Мартынково, Наквасино и др. и по его притокам, заходя ниже г. Дорогобужа на р. Ужу, где возникли такие поселения на городищах у д.д. Городок и Болотово.

Если эти наблюдения о постепенном распространении мощинской культуры из бассейна Верхней Оки в бассейн верховьев Днепра являются правильными и будут подтверждены новыми материалами, то отсутствие ребристых мисок на городище у д. Наквасино и на близлежащих памятниках объясняется только

хронологическими факторами, т.е. в момент заселения Поднепровья в районе г. Дорогобужа и ниже по течению Днепра, который падает на вторую половину периода существования мощинской культуры, ребристые миски, видимо, уже не были характерны для керамического комплекса, а поэтому попасть на Днепр не могли. В таком случае профилированная керамика, найденная в небольшом количестве на городище у д. Наквасино и на других поселениях, имеет отношение не к мощинской культуре, а к позднему этапу развития днепро-двинских племен в первых веках н.э. и является керамикой восточнобалтского типа. Некоторым подтверждением сказанному, насколько можно судить по кратким публикациям, будет факт преобладания на отдельных городищах мощинской культуры в бассейне Верхней Оки в V-VII вв. н.э. керамики с высоким прямым горлом при сохранении некоторого количества сосудов других форм [Фролов, 1970, с. 82, рис. 2].

К настоящему времени еще окончательно не определена граница между мощинской и тушемлинской культурами. Однако обследованные в бассейне верховьев Днепра и его притоков памятники показывают, что поселения мощинских племен не распространялись по Днепру ниже устья р. Вопи, что далее вниз по течению Днепра к Смоленску располагаются поселения племен тушемлинской культуры. Таким образом, здесь в Поднепровье в третьей четверти I тысячелетия н.э. установилась граница между двумя культурами, что определило в дальнейшем размещение племен в последней четверти I тысячелетия н.э., т.е. расселение племен культуры смоленских длинных курганов. Эту границу условно можно назвать динамичной, так как практически пространство по Днепру выше и ниже устья р. Вопи составляло широкую зону, где происходило взаимоперемешивание двух групп населения и где, несомненно, будут выявлены памятники со смешанным характером культуры, которые, в зависимости от соотношения компонентов в разные периоды времени, могут быть отнесены то к одной, то к другой культуре.

Таким образом, установлено, что территория, занимаемая преемниками днепро-двинской культуры - племенами тушемлинской культуры в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э., еще более сократилась, особенно на востоке, за счет заселения пространств по Днепру и его притокам мощинскими племенами.

Есть достаточно оснований говорить о влиянии проникшей в Поднепровье мощинской культуры на культуру населения тушемлинских племен. Если на некоторых поселениях тушемлинской культуры (Тушемля, Демидовка, Акатово и др.) не обнаружено фрагментов лепных или лощеных сосудов, аналогичных мощинским; то на других памятниках (Близнаки, Ямполье, Третьякове, Шугайлово и пр.) в культурном слое среди массы тушемлинской керамики обнаружены фрагменты сосудов, типичных для мощинской культуры (таб. 29:15,16). В частности, на городище-убежище Близнаки в слое пожарища вместе с Тушемлинской кера-

микой и другими вещами найдена глиняная ребристая чернолощеная миска (таб. 57:3), имевшая размеры и форму, совершенно аналогичные находкам из поселений мощинской культуры у д.д. Наквасино и Федотково на р. Угре и Днепре и таковым из верхнего Поочья [Никольская, 1959, с. 46, рис. 18:2, 3]. Фрагмент грубого лепного сосуда с высоким горлом и округлым плечом найден на селище у д. Третьякове в бассейне р. Хмости (правый приток Днепра). Фрагменты такой же лепной посуды обнаружены на остатках городища у д. Ямполье (бассейн р. Сож). На селище у д. Шугайлово (бассейн Зап. Двины) найдены фрагменты лощеной миски, по своей форме очень близкой мискам из Наквасино. Эти находки говорят о проникновении и распространении в тушемлинской среде отдельных форм сосудов мощинских типов. Кроме того, среди тушемлинской керамики есть некоторые сосуды, отличающиеся профилированной верхней частью (таб. 56:1). Такие формы, видимо, сформировались под влиянием керамики (сосудов и мисок) мощинской культуры. Этого типа сосуды найдены целиком и в фрагментах на городищах-убежищах у д.д. Близнаки, Городок и на Тушемле. Однако в некотором количестве подобная керамика встречается и на селищах тушемлинской культуры у д.д. Шугайлово, Кислые, Преображенское и в других местах.

С другой стороны, на памятниках мощинской культуры на Днепре и Угре есть отдельные формы сосудов, весьма близкие тушемлинским. Таковы, например, фрагменты сосудов из городища у д. Федотково (таб. 64).

Даже этот сравнительно ограниченный материал, который собран нами, дает основание видеть в керамическом комплексе тушемлинской культуры в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья некоторое влияние мощинских племен. Обратное влияние тушемлинских племен на мощинскую культуру проявляется в меньшем объеме. Говорить о взаимовлиянии этих двух групп на основании других вещественных находок пока затруднительно из-за скудости материала, но все же нужно отметить наличие в инвентаре сходных вещей: бронзовые украшения, инкрустированные цветными эмалями — подвески-лунницы (Мощино и Демидовка), бронзовые браслеты с поперечными выступами (Мощино и Заозерье), железные шпоры (Наквасино, Демидовка, Близнаки и др.), пластинчатые кресала (Наквасино, Демидовка, Заозерье и др.), железные ножи с прямой спинкой. Подобные изделия из железа были широко распространены в средней полосе Восточной Европы, включая поселения банцеровской культуры на территории Белоруссии. Это отражает не только связи между различными группами населения, но и примерно одинаковый уровень их развития и, возможно, этническую близость.

Тушемлинская культура и позднедьяковские племена. Как уже отмечалось, позднедьяковская культура москворецких городищ распространилась в бас-

сейне Угры и на левобережье верховьев Днепра, и междуречье Угры и Днепра. Далее к северо-востоку позднедьяковские поселения занимали бассейн р. Москвы и бассейн р. Вазузы на правобережье Волги. Родственность и связь позднедьяковской культуры с днепро-двинской в первых веках н.э. отмечалась исследователями [Третьяков, 1966, с. 231,234; Дубынин, 1970, с. 96; Седов, 1971, с. 110 и сл.]. Конкретно эта близость проявляется в общей тенденции развития керамики, в распространении одинаковых форм глиняных грузиков, которые предлагают называть даже не дьяковскими, а балтийскими [Третьяков, 1962, с. 263], в бытовании форм булавок и некоторых других украшений, в использовании одинаковых конструкций в оборонительных и жилых сооружениях и т.п. В бассейне Угры и в верховьях Днепра культура москворецких позднедьяковских городищ была около середины I тысячелетия н.э. вытеснена мощинской культурой, но в бассейне р. Вазузы (городища у д.д. Совяки, Котиково) и в верховьях р. Москвы (например, городище Троицкое) культура москворецких городищ сохранялась и в V-VI вв. н.э. В это время позднедьяковское население москворецких городищ не граничит с потомками днепро-двинских племен - тушемлинским населением. Их разделяет полоса поселений мощинской культуры. Видимо, и сами позднедьяковские поселения в V-VI вв. не составляли сплошного единого массива, так как в их среду происходила инфильтрация мощинских групп населения, достигшая на севере правобережья Волги.

Если посмотреть материалы позднего периода, происходящие из Троицкого городища на р. Москве, относящиеся к V-VI вв. н.э. [Дубынин, 1970, с. 5-98; Розенфельдт, 1982], то здесь заметно влияние мощинской культуры, в том числе и в керамическом комплексе, и совсем не ощущается влияние тушемлинских керамических форм. Объясняется это широкими контактами обитателей москворецких городищ с мощинскими племенами и слабыми связями, а иногда и полным отсутствием таковых, с тушемлинскими племенами. Такое предположение делается преимущественно на основе анализа лощеной посуды. Близость же с тушемлинскими в формах некоторых лепных грубых сосудов объясняется, по-видимому, не связями и заимствованием, а общими тенденциями в развитии керамических форм от профилированных сосудов восточнобалтских типов первых веков н.э. к слабопрофилированным сосудам середины I тысячелетия н.э. Общность тенденции развития была обусловлена родственностью населения позднедьяковской и днепро-двинской культур первых веков н.э. и общностью их судеб в последующее время, когда они подверглись экспансии со стороны мощинских племен, хотя и родственных им по языку, но заметно отличавшихся по своей культуре.

Племена бассейна реки Десны и тушемлинская культура. Как уже отмечалось, в первых веках н.э. отдельные группы зарубинецких племен проникли

в бассейн р. Десны, что вызвало, в свою очередь, перемещение в среде местного юхновского населения, часть которого продвинулась к северо-востоку, преимущественно в бассейн Верхней Оки. Оставшаяся часть юхновского населения первоначально еще сохраняла некоторые элементы своей культуры, одновременно воспринимая от зарубинецких племен многое в хозяйстве и культуре, а затем постепенно сливалась с ними. Однако этот процесс (сосуществования и слияния) оказал, в свою очередь, влияние и на культуру пришельцев - зарубинецкие племена. Этим, видимо, объясняются некоторые изменения и огрубение керамики, наблюдаемые на деснинских поселениях по сравнению с аналогичными формами керамики на собственно зарубинецких поселениях на Среднем Днепре. Дальнейшее развитие этих племен на Десне, начиная с середины II в. н.э., приводит к формированию своеобразной «почепской культуры», в которой еще проявляются зарубинецкие традиции, хотя и в несколько деформированном виде [Амброз, 1964, с. 56-71; Заверняев, 1969, с. 179-185]. Изучение памятников середины и третьей четверти I тысячелетия н.э. в бассейне верхнего течения р. Десны показало, что намечается определенная преемственность в развитии от почепской культуры к памятникам последующего периода [Третьяков, 1966, с. 254 и ел.; 1970, с. 52 и сл.]. Так, на поселениях у д. Посудичи, Макча, Кветунь, Смольянь и др. открыты остатки несколько углубленных в землю прямоугольных в плане жилых построек, имевших в одном из углов очаг или печь. Рядом с жилищами располагались ямы-погреба кол околовидной формы. Погребальные памятники здесь представлены могильниками или курганами с трупосожжениями. Все эти особенности имеют истоки в древностях зарубинецких племен. Несколько сложнее обстоит дело с другими элементами материальной культуры. П.Н. Третьяков, изучавший деснинские памятники, отмечает: «Менее устойчивыми оказались формы и характер глиняной посуды, предметов убора, украшений и другого бытового инвентаря, хотя преемственность (от зарубинецкой культуры - Е. Ш.) и здесь видна совершенно отчетливо» [Третьяков, 1970, с. 57]. Необходимо отметить наличие в керамическом комплексе, наряду с лощеными ребристыми мисками, ведущими свое начало от зарубинецкой посуды, сосудов баночных или слабопрофилированных форм, которые имеют своими истоками местные восточнобалтские традиции, т.е. традиции тех групп населения, которые либо не ушли из Подесенья, либо обитали на периферии распространения почепской культуры. Эти особенности являются проявлением общих тенденций в развитии некоторых форм керамики и других элементов культуры как у деснинских племен середины и третьей четверти I тысячелетия н.э., так и у более северных восточнобалтских групп населения Поднепровья, в том числе и тушемлинских.

Как уже было отмечено, профилированная посуда восточнобалтских типов была исходной формой в развитии керамики тушемлинской культуры, но пред-

шествующие длительные традиции в изготовлении слабопрофилированной посуды раннего железного века дали себя знать. Поэтому новые формы в тушемлинской керамике были как бы синтезом всего предшествующего развития керамики, т.е. включили в себя элементы профилированной керамики восточнобалтского типа - массивность и высокие пропорции, а с другой стороны, усвоили отсутствие орнамента и слабую профилированность, характерные для днепро-двинских племен раннего железного века. Такими формами тушемлинской посуды следует считать сосуды I-III типов (см. с. 46). Ребристость как особенность отдельных форм лепных и лощеных сосудов, видимо, появилась в тушемлинской культуре под влиянием более южных днепровских культур, в том числе и деснинских. Сами формы ребристых сосудов в тушемлинской культуре достаточно самобытны и не являются простым подражанием формам деснинским или других мест южной части Верхнего Поднепровья, включая черняховскую культуру.

Еще одна особенность, связанная с технологией изготовления керамики, появившаяся в тушемлинской культуре, имеет, несомненно, более южное происхождение. Речь идет об изменении состава отощающих добавок к глине при изготовлении посуды. Если в период существования днепро-двинской культуры при изготовлении слабопрофилированной посуды в эпоху раннего железного века, как и при изготовлении профилированных сосудов восточнобалтских типов в первых веках н.э., всегда в качестве отощающей добавки к глине использовалась дресва (толченый гранит) и очень редко - крупный кварцевой песок; то в период существования тушемлинской культуры начинают использовать, наряду с дресвой, охру и шамот. Применение охры и шамота в керамическом производстве еще в первых веках н.э., до образования тушемлинской культуры, отмечено для районов Подесенья, где была распространена почепская культура [Амброз, 1964, с. 60-62]. Скорее всего, использование охры в качестве отощающей добавки было заимствовано тушемлинскими племенами от своих южных соседей в связи с необходимостью использовать для керамического производства различные сорта местных глин. Примесь охры к дресве в керамике на памятниках тушемлинской культуры встречается не только в бассейне Днепра, но и в бассейне Западной Двины. Использование шамота в качестве отощающей добавки к жирным глинам в керамическом производстве также было заимствовано, скорее всего, от деснинских племен и их соседей. Но керамика, включающая шамот и дресву в разных пропорциях, такого широкого распространения у тушемлинских племен не получила. На поселениях V-VII вв. н.э. она встречается преимущественно южнее г. Смоленска в бассейне р. Сож, т.е. в районах, непосредственно примыкающих к верхнему Подесенью и нижнему течению р.р. Ипуть и Сож. Установить влияние деснинских племен на производство тушемлинским населением металлических орудий труда и других предметов, а также на сооружение хозяйственных и жилых

построек и т.п. пока не представляется возможным из-за слабой изученности памятников IV-VII вв. н.э. на Верхней Десне и на смежных территориях Поднепровья,

Тушемлинская культура и племена бассейна Верхней Западной Двины. В первых веках н.э. в результате значительных перемещений племен на пространствах Верхнего Поднепровья часть населения днепро-двинской культуры из Поднепровья проникла на Верхнюю Западную Двину даже выше устья р. Межи, занятую до этого западной группой дьяковской культуры. В это время в Полоцко-Витебском течении Зап. Двины обитали племена западнодвинского варианта днепро-двинской культуры. В их среде расселяются также небольшие группы населения культуры штрихованной керамики, пришедшие с территории Белорусского Поднепровья. Сложные этногенические процессы, происходившие в результате взаимодействия этих групп населения, приводят к доминированию балтской культуры над позднедьяковской (финской), в результате чего формируется новая археологическая культура, входящая в круг тушемлинских древностей. В ее формировании частично могли принимать участие и некоторые другие группы населения, проникшие сюда в III-IV вв. Материалы из исследованных памятников Верхней Западной Двины не столь многочисленны. Более широко представлена керамика, анализ которой в сопоставлении с другими элементами культуры дает основание для некоторых предварительных общих выводов. Рассмотрим эти материалы.

Уже в первых веках н.э. на Верхней Западной Двине происходят значительные изменения керамического материала. К примеру, около III в. н.э. на городище против с. Михайловского у оз. Жижицкого появляется профилированная керамика восточнобалтского типа, влияние которой на местную керамику становится заметным, хотя последняя еще сохраняет свои более древние слабопрофилированные формы. У этих сосудов старых форм появляется отогнутый наружу венчик, орнаментированный защипами по краю [Станкевич, 1960, с. 70-74, рис. 53:3, 4; с. 205, таб. XXIV, XXV]. Вместе с этой керамикой найдены глиняные грузики «дьякова типа» и некоторые другие вещи, что аналогично находкам из городищ днепро-двинской культуры в верховьях Днепра. Видимо, профилированная керамика здесь не смогла целиком вытеснить предшествующие формы сосудов, особенно простые баночные или усеченноконические, характерные для всего северо-востока, заселенного в это время дьяковскими племенами. Эти племена финно-угорской группы еще оказывали сильное влияние на районы Верхней Западной Двины, которые были заняты или осваивались восточными балтами. Вполне возможно, что на территории балтов еще оставались островки коренного населения, ассимиляция которого приводила также к наличию дьяковских элементов в восточнобалтской культуре.

Эти сложные взаимоотношения различных культур привели к тому, что если, в целом, развитие керамики шло аналогично развитию таковой в Поднепровье, то, в частности, в этих районах Подвинья дьяковский элемент сыграл заметную роль и привел к тому, что слабопрофилированная керамика V-VII вв. н.э. получила здесь свои особенности, отличающие ее несколько от тушемлинской из Поднепровья. Судя по материалам из городищ у д.д. Занюстье и Золотилово, уже в первой половине I тыс. н.э. вырабатываются формы керамики с прямым венчиком, которые могут быть либо со слегка подштрихованной поверхностью, либо — с заглаженной, а также появляются сосуды ребристые [Станкевич, 1960, с. 73, рис. 59, таб. XIII]. К середине I тыс. н.э. штриховка поверхности сосудов исчезает. Все сосуды изготавливаются гладко стенными. Некоторые формы ее, судя по материалам из городища и селища у д. Жабино, совершенно аналогичны сосудам тушемлинской культуры из Поднепровья (тип I), но, наряду с этим, есть сосуды, форма которых, несомненно, происходит от древней посуды дьяковского времени. Вместе с тем, встречаются сосуды, включающие в себя и те, и другие признаки [Станкевич, 1960, с. 114, рис. 72:2-4; 73:1; 74:1, 2], т.е. и дьяковские, и тушемлинские.

На верхнедвинских памятниках найдено некоторое количество сосудов, имеющих ярко выраженное ребро. Форма одних, с ребром примерно на середине высоты сосуда, близка сосудам из городищ-убежищ Лахтеево, Демидовка, Близнаки в Поднепровье. Такие сосуды по форме как бы яйцевидны и могут иметь ребро в виде налепного валика. Часто у сосудов из Подвинья ребро смещено в верхнюю треть, ближе к горлу, но и эти формы сосудов берут свое начало и развивались под влиянием днепровских групп населения тушемлинской культуры. Другая форма сосудов отличается резким переходом от усеченноконического тулова к невысокому прямому горлу, в результате чего образуется ребристое плечико [Станкевич, 1960, с. 108, рис. 68:1]. Такую форму сосудов можно считать самобытной для Верхнего Подвинья, возникшей в местной среде из уже упомянутых ребристых сосудов предшествующего периода [Станкевич, 1960, с. 78, 108, рис. 59, 68:1].

Вся керамика V-VII вв. н.э., как правило, не имеет орнаментации. Но в конце III-IV вв. н.э. имело место нанесение гребенчатым штампом специальных «расчесов» на поверхности сосудов. Такая украшенная керамика встречается сравнительно редко и большого распространения не получила, а после IV века н.э. выходит из употребления. Находки на Верхней Западной Двине и в междуречье Зап. Двины и Ловати керамики с «расчесами» и ребристой, а также сосудов с сильно суженной горловиной и некоторых изделий из металла (браслет с утолщенными концами, бритвы и пр.) стали основанием для вывода не только о южном их происхождении, но и о перемещении населения из области киевской культу-

ры с Украины на эти пространства Подвинья [Лопатин, 1991, с. 53; Фурасьев, 1997, с. 35]. Как уже нами отмечалось, основой формирования населения тушемлинской культуры в Поднепровье и Подвинье являлись местные племена III-IV вв. н.э. Не исключается приток в Подвинье некоторых групп населения из Поднепровья, но с нашей точки зрения, не прямо с территории киевской культуры, а с территории белорусского и смоленского течения Днепра, т.е. с тех пространств, где в III-начале IV вв. н.э. начался процесс формирования новой общности, включавшей племена местных культур (типа среднего слоя городища Тушемля, штрихованной керамики). Эта общность в процессе своего формирования испытала влияние более южных культур, включая зарубинецкую и позднезарубинецкие. Сформировавшаяся общность (ранний период тушемлинско-банцеровской культуры) в IV веке н.э. испытала определенное давление начавшегося переселения племен. Часть этого населения была вынуждена уйти из Поднепровья на север. Они-то и принесли с собой вышеуказанные новые элементы культуры в Подвинье к этнически близким им племенам. В свою очередь, киевская культура на территории Украины, если она и имела зарубинецкую подоснову, то подвергалась сильному влиянию со стороны северных соседей из Белорусского Поднепровья, откуда ведут свое происхождение некоторые элементы культуры, в том числе прием украшения сосудов «расчесами», зародившийся вообще на основе обработки поверхности горшков племенами штрихованной керамики.

Таким образом, керамический и другой материал из Верхнего Подвинья и междуречья верхнего течения Зап. Двины и Ловати показывает, что находившиеся здесь племена в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э. по своей культуре были частью тушемлинской общности и были ближе всего к тушемлинским племенам Смоленского Поднепровья, несмотря на некоторое влияние позднедьяковской культуры, проявлявшееся в наличии в керамическом комплексе отдельных своеобразных форм сосудов, т.е. их культура, в целом, не выходила из круга восточнобалтских древностей. Это подтверждается не только керамическими материалами и находками отдельных вещей, но и характером поселений и конструкцией оборонительных сооружений, и типами наземных построек, и особенностями устройства очагов, и пр.

Тушемлинская культура и племена Средней Белоруссии. В V-VII вв. н.э. на территории Средней Белоруссии, ранее бывшей областью распространения племен штрихованной керамики, сформировалась и существовала «весьма своеобразная культура, которая в археологической литературе еще не имеет своего названия», но условно относится к памятникам типа верхнего слоя городища Банцеровщина [Очерки... 1970, с. 241]. Так считали белорусские археологи в 1970-х годах. В настоящее время в литературе используются термины: «банце-

ровская культура» или «тушемлинско-банцеровская культура». При этом белорусские археологи ранее были склонны считать, что в это время образовалась единая культура, охватывавшая области не только бывших племен штрихованной керамики, но и все пространства бывшей днепро-двинской культуры и даже, возможно, районы Подмосковья [Очерки... 1970, с. 242]. Известные к тому времени материалы не позволяли объединять все эти области. Если даже условно объединить культуру памятников типа верхнего слоя Банцеровского городища с тушемлинской культурой, то и тогда, как уже было показано выше, памятники этих культур, например, не занимали даже всей территории предшествующей днепро-двинской культуры раннего железного века, так как ее восточные районы на р. Угре и в верховьях Днепра около рубежа н.э. попали в сферу экспансии других племен, и там возникли новые образования, весьма отличные от культуры смоленского течения Днепра и витебско-полоцкого течения Зап. Двины.

Есть достаточно оснований разделять точку зрения, что в железном веке основные процессы в Восточной Европе шли в направлении интеграции племен и возникновения больших общностей [Третьяков, 1968, с. 13 и сл.]. Однако, если в целом это правильно и приложимо к большим этническим массивам, то в данном случае, в связи с небольшим объемом раскопочных работ и отсутствием достаточных и сопоставимых материалов, особенно по территории Средней Белоруссии, нет твердых оснований для объединения этих областей и двух указанных групп памятников в единое целое. Они возникли на основе разных предшествующих культур, хотя и относились к одному этническому массиву. Несомненно, сближение культур в то время происходило. Это выразилось в выработке некоторых общих признаков в керамике (гладкостенность, слабопрофилированность, некоторая вытянутость форм, отсутствие орнамента и т.п.). Но, судя по имеющимся данным, такие признаки вырабатывались на очень широких пространствах и были общей тенденцией, не всегда зависящей от этнической близости или родственности отдельных групп племен. Изучая керамические комплексы археологических памятников Тушемли, Колочина, Банцеровщины, Н.В. Лопатин выделил для них типы, как общие для всех трех памятников, так и специфические для каждого в отдельности, и пришел к выводу, что можно говорить «о некотором культурном единстве группы, а с другой - о невозможности на современном уровне объединить ее» [Лопатин, 1991, с. 52-53].

Нельзя абсолютно исключать, что в дальнейшем не появится возможность подтвердить предположение белорусских археологов о единстве культуры на территории Средней Белоруссии, Верхнего Подвинья и Смоленского Поднепровья. Попытаемся рассмотреть данные, имеющиеся на сегодняшний день. На памятниках в Белоруссии типа Банцеровского городища есть формы слабопрофилированной посуды, весьма близкие к посуде тушемлинской культуры; но, наряду с

этим, есть формы сосудов весьма самобытные, пока совсем не встреченные в Смоленском Поднепровье среди материалов тушемлинской культуры; они как бы воспроизводят формы сосудов предшествующего времени культуры штрихованной керамики [Митрофанов, 1967, с. 257, 258, рис. 3:11, 12, 4, 7; 1966, с. 228, рис. 6:2, 5, 14]. Наблюдается также некоторое различие в характере жилых построек и в расположении и конструкции очагов в них. Так, например, в Средней Белоруссии на селище Замковая Гора у д. Дедиловичи (бассейн р. Березины) жилые постройки были срубными четырехугольными домами небольших размеров (2,7 х 3-4 м), а нижний венец опускался в специально вырытое углубление. В большинстве жилищ были печи-каменки, расположенные в углу [Митрофанов, 1967, с. 221 и сл.]. На селищах смоленского течения Днепра и в междуречье Днепра и Зап. Двины жилища характеризуются другими признаками. Они были наземными столбовой конструкции. Очаги в них были овальной формы и представляли собой неглубокие блюдообразные выемки в земляном полу, располагавшиеся примерно в средней части жилища. Реже встречаются очаги, выложенные камнями, а еще реже — фрагментами керамики, обмазанные глиной. Вещевой материал из памятников банцеровской культуры V-VII вв. н.э. не так велик количественно, что затрудняет сопоставление его с тушемлинскими материалами, но все же указывает на одинаковые типы железных ножей, кресал, шпор, глиняных пряслиц и пр., но в то же время наблюдаются различия и совершенно несхожие формы железных серпов, ножей и других предметов [Очерки..., 1970, с. 248, 249, рис. 84:1, 7; Митрофанов, 1978, с. 106-114, рис. 49-58]. Рассмотренный нами материал заставляет весьма осторожно подходить к объединению всех памятников Средней Белоруссии, с одной стороны, и Смоленского Поднепровья и Верхнего Подвинья, с другой стороны, в одну археологическую культуру. Об этом можно будет говорить только после получения и анализа более обширных материалов, если проявится их значительное единство во многих элементах. Однако, независимо от того, как решится этот вопрос в будущем и будут ли объединены эти территории и их памятники в одну археологическую культуру, этническая их родственность уже сейчас бесспорна.

Помимо уже отмеченных различий и сходства в формах глиняных сосудов, замеченных между тушемлинской культурой и другими культурами Поднепровья, нужно отметить некоторые особенности, охватившие почти всю территорию тушемлинской культуры и бывшие характерными для многих районов, в том числе и для всего Верхнего Поднепровья. Видимо, где-то в самом начале складывания тушемлинской культуры, начиная с конца III в. н.э., в Смоленском Поднепровье и Подвинье появляется в незначительном количестве глиняная посуда, украшенная «расчесами», т.е. сосуды, имеющие на поверхности ряды параллельных прочерчиваний, очень напоминающие ряды бороздок на глине, полученные при

проведении по ней гребнем или гребенчатым штампом. Как уже было указано выше, по своим формам эта керамика не выделяется в какие-то новые типы, совершенно отличные от типов тушемлинской гладкостенной слабопрофилированной и неорнаментированной посуды. Это дает пока основание считать, что такой прием украшения поверхности сосудов распространился у местных племен под влиянием своих юго-западных соседей. В пределах Смоленского Поднепровья керамика с «расчесами» встречена только на тех пространствах, где формировалась тушемлинская культура. В восточных районах, где были распространены поселения мощинской культуры, такая керамика пока не обнаружена. В других районах Верхнего Поднепровья, за пределами смоленского региона, керамика с «расчесами» известна в Южной Белоруссии в бассейне самого Днепра [Поболь, 1971, с. 46], в среднем Подесенье [Заверняев, 1960, с. 185], на р. Сож в районе Славгорода [Будько, Вергей, 1970, с. 298] и в некоторых других местах. Есть она и в бассейне Зап. Двины [Миносян, 1972, с. 113] и даже в бассейне р. Немана [Митрофанов, 1966, с. 231, рис. 6:10-13]. Распространение такой керамики, без сомнения, отражает определенные связи между различными группами племен, расположенными на значительных расстояниях друг от друга в Поднепровье и Подвинье.

Тушемлинская культура и племена Южной Белоруссии. По Днепру и Сожу южнее Могилева и Славгорода в V-VII вв. н.э. располагались поселения, относимые к колочинской культуре. Отношение ее к тушемлинской культуре пока не определено, и имеются различные точки зрения. Так, И.П. Русанова и другие считают колочинские и тушемлинские памятники не более как вариантами одной восточнобалтской археологической культуры [Русанова, 1976, с. 81-85]. Другие видят в этих памятниках две разные археологические культуры и считают, что памятники колочинского типа распространились даже на часть Смоленского Поднепровья [Колосовский, 1997, с. 39; Левко, Колосовский, 1994, с. 139]. На данном этапе изучения древностей V-VII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье нет единого мнения и об этнической принадлежности населения колочинской культуры. Опубликованные материалы указывают на значительное сходство колочинских и тушемлиских древностей. Обе культуры содержат несколько одинаковых типов керамики, одинаковые глиняные пряслица и железные серпы. Близки по своему характеру оборонительные сооружения на убежищах и т.д. Наряду с этим, есть и отличия: часть лощеных ребристых сосудов на колочинских памятниках иной формы по сравнению с тушемлинскими, отличается характер устройства жилищ и очагов. Наличие сходных форм керамики и вещей объясняется либо переселением носителей колочинской культуры вверх по Днепру на север в пределы расселения тушемлинского населения, либо культурными связями и заимствованиями, но достаточного обоснования ни одна, ни другая точка зрения пока не имеет. Ко-

нечно, колочинские племена, обитая южнее по Днепру в Поднепровье и Посожье, занимали те пространства, через которые осуществлялись связи населения Смоленского Поднепровья и Подвинья с югом Восточной Европы и дунайскими областями, т.е. через территории колочинских племен к тушемлинскому населению поступали предметы импорта и культурные импульсы, а появление чего-то нового не всегда было связано с миграциями населения колочинской культуры на север. Несомненно, к предметам импорта из южных областей относятся уже описанные бронзовые фибулы, глиняный гончарный серолощеный кубок, серебряная пряжка с нарезным орнаментом, целые портупейные пояса с гарнитурой и пр. Все это фиксирует связи с населением, расположенным южнее и юго-западнее колочинских племен, и прохождение вещей через их земли, а этим подтверждаются тесные контакты с колочинскими племенами.

Из всего вышесказанного видно, что тушемлинские племена находились в весьма тесных взаимоотношениях со своими соседями. В их культуре, особенно в окраинных, пограничных районах с другими культурами, прослеживается влияние соседних культур. Уже имеющиеся данные показывают, что группа тушемлинских племен была связана и с более отдаленными территориями и другими племенами, не соседствующими с ней. Трудно представить, в какой форме в каждом отдельном случае проявлялись эти связи, и что способствовало внедрению в тушемлинскую культуру отдельных элементов, пришедших издалека от других племен.

Обмен имел важное значение для тушемлинских племен, способствуя усвоению и распространению технических усовершенствований и заимствованию новых форм изделий. Такие контакты сближали тушемлинское население с обитателями соседних территорий как родственными по этническому признаку, так и с неродственными. «Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена» [Маркс, Энгельс, Соч. т. 23, с. 981]. В этом плане местная металлургия и бронзолитейное дело по сравнению с другими домашними производствами имели особо важное значение для дальнейшего развития обмена и перерастания его в последующем в торговлю. Производство предметов из цветных металлов (медь, бронза, серебро) предполагало постоянный импорт сырья, что могло осуществляться как в слитках, так и в виде готовых изделий. Слитков цветных металлов на поселениях тушемлинской культуры пока не найдено, но импортных изделий обнаружено значительное количество в разных местах. Так, только на городище-убежище Демидовка найдены: серебряная пряжка с нарезным орнаментом (таб. 1:13), выполненная в гунском стиле, происходящая, скорее всего, из южных районов Поднепровья, и серебряный набор гарнитуры с овальной серебряной пряжкой от пояса

с портупеей кочевнического облика (таб. 1:19), происходящий из южнорусских степей. Южное происхождение имела бронзовая фибула (таб. 23:2), обнаруженная в обломках. Большое количество серебряных и бронзовых височных колец было в кладах, спрятанных на Демидовке и Близнаках. Прогнутые пластинчатые составные фибулы из селищ у д.д. Заозерье и Шугайлово также неместного изготовления. При этом, из южных областей поступали не только изделия из цветных металлов, но и стеклянные и золотостеклянные бусы и даже отдельные изделия из глины, как, например, гончарный серолощеный кубок (таб. 26:6). Некоторую роль в обмене играл и западнодвинский водный путь. Среди материалов из памятников тушемлинской культуры есть изделия из янтаря (бусы, таб. 24:21,22), поступившие с побережья Балтийского моря. По этому же пути из Прибалтики поступали и некоторые предметы из цветных металлов, чему подтверждением может служить находка на селище у д. Шугайлово фрагмента шейной гривны с ложковидным концом (таб. 20:17), подобные гривны были широко распространены среди балтских древностей этого времени. Бронзовый браслет из Заозерья (таб. 20:21) также являлся предметом импорта из Прибалтики, как и браслеты отдельных форм из Никодимово. Видимо, некоторые типы железных наконечников копий (таб. 2 и 3) заимствованы из литовских древностей. Отмечается также некоторое влияние провинциальноримской культуры, достигавшее тушемлинских племен через области Повисленья и Понеманья, что объясняет распространение в Смоленском Поднепровье и Подвинье железных шпор, бритв, кресал, пинцетов и пр. Конечно, эти примеры далеко не исчерпывают те связи, которые существовали в IV-VII вв. н.э. между племенами тушемлинской культуры и другими племенами Поднепровья и Прибалтики. Связи с более отдаленными областями, лежащими севернее и восточное вплоть до Урала, пока не прослежены из-за скудости материала, но это не означает, что они не имели место в IV-VII вв. н.э.

ФОРМИРОВАНИЕ ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Городища днепро-двинской культуры типа среднего слоя Тушемли были оставлены местным населением, видимо, в конце III - середине IV вв. н.э. С переходом на новые поселения (селища) начинает формироваться новая археологическая культура, получившая название «Тушемлинская культура IV-VII вв. н.э.». По вопросу ее формирования есть различные гипотезы, но их можно свести к двум основным точкам зрения: одни считают, что тушемлинская археологическая культура сформировалась в результате миграции нового населения в верховье Днепра и в Подвинье, определившего весь характер новой культуры; другие же считают, что формирование происходило на основе местных днепро-двинских племен с сохранением их этнокультурных особенностей.

Среди сторонников образования тушемлинской культуры за счет расселения в верховьях Днепра и в Подвиньи нового населения нет единого мнения ни о путях миграции, ни о времени этого процесса. Некоторые исследователи считают, что миграция нового населения вверх по Днепру произошла в I-II вв. н.э., и осуществлялась она зарубинецкими племенами [Поболь, 1969, 1970, 1973. Сымонович, 1966,1972], а соответственно - тушемлинская культура является прямым дальнейшим развитием зарубинецкой культуры. В качестве доказательств приводятся находки профилированной керамики на городищах в районе г. Орши на Днепре и в некоторых других местах. При этом не учитывается, что вся материальная культура на этих поселениях входит в круг днепро-двинских древностей, а балтская принадлежность этих городищ I-III вв. н.э. бесспорна. Нужно также отметить, что профилированная керамика - основной и единственный аргумент, по их мнению, зарубинецкой принадлежности местных племен - была распространена и бытовала не только у днепро-двинского населения на городищах типа среднего слоя Тушемли, но была распространена на обширных территориях Верхней Оки и в отдельных областях в бассейне Верхней Волги (рис. 15), т.е. на территориях, материальная культура которых ничего общего с зарубинецкой культурой не имеет. Выдвинутая гипотеза о вытеснении и ассимиляции днепро-двинских племен непосредственно зарубинецкими племенами в процессе их расселения вплоть до верховьев Днепра и Зап. Двины была проанализирована автором настоящей работы, и показано, что, возможно, отдельные небольшие группы зарубинецкого населения в I-II вв. н.э. и проникали в Смоленское Поднепровье, но они в среде местного населения не сохранили своей культуры и были ассимилированы, хотя некоторые элементы их культуры могли быть восприняты местным населением [Шмидт, 1992, с. 134-140; 1996, с. 34-35]. При этом было бы неправильно исключать возможность появления новых элементов в культуре племен Смоленского Поднепровья и Подвинья разными путями (культурные связи, заимствования, обмен), а не рассматривать их как результат массовых миграций иноплеменного населения. Другие исследователи считают, что образование тушемлинской культуры произошло несколько позднее за счет расселения позднезарубинецких, в том числе и киевских, племен в III-IV вв. н.э., которые и определили характер всей новообразовавшейся культуры, а местные племена были либо вытеснены к северу, либо ассимилированы. Таким образом, тушемлинская культура включалась в круг древностей более южного происхождения, привнесенных из Среднего и южной части Верхнего Поднепровья [Терпиловский, 1991, с, 36-39. Терпиловский, Абашина, 1992, с. 95-97]. Как будет показано дальше, некоторые традиции керамического производства, свойственные более южным культурам Поднепровья III-IV вв. н.э., в период формирования тушемлинской культуры проникают в местную среду, но не они стали определяющими в общем раз-

витии. Так, например, появившиеся в производстве керамики округлобокие сосуды с суженной горловиной и венчиком, диаметр которого всегда меньше наиболее расширенной части тулова, в тушемлинской культуре не приживаются и быстро выходят из употребления. В производстве утверждаются формы сосудов с венчиком, слегка отогнутым наружу, диаметр которого либо равен наибольшему расширению тулова, либо превышает его, что отражает тенденции, возникшие у местных днепро-двинских племен еще в первых веках н.э.

Существует мнение о расселении в Смоленском Поднепровье позднезарубенецкого населения среди балтских тушемлинских племен и о длительном их сосуществовании в V-VII вв. н.э., когда параллельно были две культуры: славянская (типа Лахтеево, Демидовка) и балтская (типа Тушемля, Городок), каждая из которых формировалась самостоятельно на основе предшествующих субстратных культур разных территорий, а в ходе исторического развития славянская культура не только распространилась, но и окончательно утвердилась, а балтская - прекратила свое существование [Третьяков, 1966, с. 280:1970, с. 63-64]. С нашей точки зрения, в этой концепции не учитывается тот факт, что Лахтеево и Демидовка, с одной стороны, и Тушемля, Городок, с другой стороны, - памятники разновременные. Первые отражают период формирования тушемлинской культуры, а вторые относятся к культуре, сложившейся и бытовавшей после V в. н.э., и гибель их в пожарах не была одновременной.

Есть и особая точка зрения о формировании тушемлинской культуры за счет расселения пришлых племен, начиная с V в. н.э., но не с юга из Поднепровья, а с запада из Повисленья и Малопольши. Эти переселившиеся славянские племена определили и формирование, и все дальнейшее развитие тушемлинской культуры как славянской [Седов, 1995, с. 218-223].

Сторонники взгляда о формировании тушемлинской культуры на основе местных племен раннего железного века считают, что развитие археологических культур в I тыс. н.э. происходило преемственно до последней четверти I тыс. н.э. Так, И.П. Русанова детально проанализировала древности племен Верхнего Поднепровья и на основе тщательного изучения керамики и других материалов третьей четверти I тыс. н.э. пришла к обоснованному выводу, что к северу от Припяти по Днепру существовали племена, в число которых входили и племена тушемлинской культуры, имевшие много общего в материальной культуре. «Сформировались эти племена на основе местных балтских культур раннего железного века» [Русанова, 1976, с. 82-84]. Выводы И.П. Русановой о происхождении раннесредневековых культур типа Тушемля-Банцеровщина разделял А.Г. Митрофанов. В монографии о железном веке Средней Белоруссии, проанализировав многочисленные материалы, он пишет: «... мы с полным основанием можем полагать, что культура типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлинско-

го городищ окончательно сложилась на базе местных культур» - днепро-двинской и штрихованной керамики [Митрофанов, 1978, с. 118]. В целом, этой концепции придерживается А.М. Медведев. Рассматривая историю Белоруссии в железном веке, он приходит к выводу о формировании тушемлинской культуры, как и других синхронных культур Верхнего Поднепровья и Подвинья, на основе местных балтских культур предшествующего времени, и после их сложения на протяжении третьей четверти I тыс. н.э. сохранялись их этнокультурные особенности [Медведев, 1994, с. 33-37]. В.И. Шадыро, изучающий раннесредневековые древности Белорусского Подвинья, пришел к выводу о формировании тушемлинской культуры в результате синтеза местной доминирующей подосновы с позднезарубинецкими элементами, и до IX в. н.э. эта общность оставалась в своей основе балтской, т.е. в ней сохранялись традиции предшествующих местных культур [Шадыро, 1996, с. 76-77; 1996а, с. 81-82]. Автор настоящей работы также считает, что формирование тушемлинской культуры происходило на местной основе позднего этапа развития днепро-двинской культуры (типа среднего слоя городища Тушемля), и в V в. н.э. процесс сложения культуры закончился. Влияние внешних факторов на местную культуру, имевшее место в конце III-IV вв. н.э. не играло существенную роль в процессе сложения тушемлинской культуры [Шмидт, 1994, с. 107-108].

Таким образом, по вопросу формирования тушемлинской культуры и ее этнокультурной принадлежности взгляды исследователей значительно расходятся. Некоторые из вышеприведенных гипотез не подтверждены достаточным количеством фактических материалов или же обоснованы специально подобранными артефактами с использованием иллюстративного метода без всестороннего анализа всей суммы источников. Конечно, использование таких методов приводит к разбросу мнений и появлению гипотез, взаимоисключающих друг друга.

При рассмотрении особенностей формирования как тушемлинской культуры, так и других раннесредневековых культур Верхнего Поднепровья (банцеровской, колочинской), и определении времени этих процессов возникают значительные трудности. Это обусловлено наличием в распоряжении исследователей лишь небольшого количества хорошо датированных вещей, происходящих из ограниченного числа памятников и зачастую отсутствием точно датируемых комплексов для каждого этапа существования культур, что затрудняет определение времени возникновения и существования как отдельных памятников, так и этапов формирования культур в целом. Но, опираясь суммарно на весь имеющийся материал, предварительно можно выделить три периода в существовании тушемлинской культуры: 1. формирование культуры - конец III-IV вв. н.э.; 2. развитие и стабильное существование культуры - V-VI вв. н.э.; 3. угасание культуры - VII в. н.э., а на рубеже VII и VIII вв. н.э. тушемлинская культура прекратила свое существование.

Материалы, полученные в результате многолетних работ ряда исследователей, дают основание для обсуждения проблемы формирования тушемлинской культуры в целом. Известно, что на рассматриваемых пространствах верховьев Днепра и Верхней Западной Двины в предшествующее время обитали племена позднего этапа днепро-двинской культуры раннего железного века, но эта культура не была абсолютно однородной на всей территории. Исходя из некоторых отличий в материальной культуре, еще в раннем железном веке выделялось два варианта этой культуры: на северо-западе - западнодвинский вариант, на юго-востоке - днепровский вариант [Шмидт, 1992, с. 21-22. Шадыро, 1985, с. 109-111]. Граница между вариантами днепро-двинской культуры проходила несколько северо-западнее линии водораздела уже в бассейне Зап. Двины. Общее развитие этих двух вариантов культуры в первой половине I тыс. н.э. происходило не совсем одинаково, хотя единство в значительной степени сохранялось. В первых веках н.э. зарубинецкие племена расширяют занятую ими территорию вверх по Днепру не только за счет северной части земель милоградской культуры, но и частично за счет южных окраин земель днепро-двинских племен (бассейн могилевского течения Днепра и его притоков). Определенные импульсы, исходящие из этих областей, ощущались на значительных территориях левобережья Смоленско-Оршанского Поднепровья, включая верховья Сожа, заселенные днепро-двинскими племенами. Конкретно это проявилось в распространении приема лощения части глиняных мисок и в некотором изменении форм верхней части глиняных грубых лепных сосудов, т.е. привело к образованию профилированных форм. Часть таких сосудов орнаментировалась по краю венчика и по плечику насечками или защипами (типа среднего слоя городища Тушемля) [Третьяков, 1963, с. 54, рис. 19]. Появились некоторые новые изделия из металлов (фибулы, серпы с крючком на черене и др.). Но это не привело ни к утрате основных элементов культуры, ни к смене этноса, так как сохранились традиционные места поселений - городища с наземными жилыми и хозяйственными постройками столбовой конструкции, в которых были овальные очаги на поверхности земляного пола. На городищах возводились святилища в виде круглых столбовых сооружений. Не менялся, а сохранялся погребальный обряд в таком виде, в каком он был в предшествующий период после середины I тыс. до н.э. у днепро-двинского населения. Сохранялось использование грузиков «дьякова типа», орнаментация которых одинакова с орнаментацией глиняных профилированных сосудов [Третьяков, 1963, с. 54-59, рис. 19-22. Шмидт, 1992, с. 135-138, 206; таб. 34:12, 13; таб. 36:11, 12]. На правобережье смоленского течения Днепра профилированная керамика встречается значительно реже и не на всех городищах, где были найдены глиняные грузики «дьякова типа» таких же форм и с такой же орнаментацией, как на левобережье Днепра. Все эти особенности сохраняются в верховьях Днепра до

конца периода использования городищ в качестве постоянных мест поселений, видимо, до конца III в. н.э.

На городищах западнодвинского варианта днепро-двинской культуры находки профилированной керамики очень редки и обнаружены в бассейне Зап. Двины в ее велижском течении [Шмидт, 1992, с. 206]. В течение первых веков н.э. в Подвинье традиционно сохраняется слабопрофилированная керамика, но некоторая часть сосудов стала украшаться рядом округлых отверстий ниже края венчика по шейке [Шадыро, 1985, с. 73, рис. 45:3 и 46:2. Шмидт, 1992, таб. 40:8, 12, 13]. В верхнем течении Зап. Двины на городищах, существовавших после рубежа н.э., бытовали грузики «дьякова типа». Таковые найдены на городище Староселье на юге Псковской области [Миносян, 1972, с. 135-137, рис. 3], на городищах Курево, Подгай, Михайловское в Тверской области [Станкевич, 1960, с. 38-95, рис. 21, 32, 55] и в пределах Белоруссии на городище Кострица [Шадыро, 1985, с. 85, рис.60]. Вместе с тем, и другие особенности, отмеченные нами для днепровского варианта культуры, сохранялись на Зап. Двине до IV в. н.э., а может быть, в отдельных местах и до V в. н.э.

В конце III-IV вв. н.э. днепро-двинское население покинуло городища и переселилось в неукрепленные поселения (селища), что было обусловлено рядом причин. Однако с процессом самого перехода на новый тип поселений не связано изменение ряда признаков материальной культуры.

Поселения, возникшие в конце III - первой половине IV в. н.э.: Заозерье, Микулино, Шугайлово, Куприно и др., содержали первоначально керамический комплекс днепро-двинской культуры, и только к V в. н.э. он претерпел изменения. Наиболее четко это прослежено на материалах из селища у с. Микулино. При этом в Микулине получен закрытый комплекс из заполнения одной постройки [Шмидт, 1983, с. 103-104; 1984, с. 102-103]. Селище Микулино находится на северо-восточном пологом склоне берега оз. Глыбай на западной окраине с. Микулино Руднянского района Смоленской области. Озеро Глыбай расположено па водоразделе между бассейнами Днепра и Зап. Двины и небольшой протокой соединяется с озером Рутавечь, входящим в систему рек Зап. Двины. Такое местоположение селища в значительной степени определило характер его материальной культуры. К сожалению, в пределах селища в XIII-XIV вв. н.э. было устроено кладбище, и значительная его часть испорчена могилами, что ограничивало возможности раскопок. На исследованном участке селища, кроме погребений XIII-XIV вв., обнаружены остатки постройки периода формирования тушемлинской культуры. Для ее возведения на склоне берега была выровнена площадка, при этом ее северо-восточный край был врезан в материк на глубину до 0,8 м, тогда как юго-западный выходил на поверхность материка и даже на одном участке был подсыпан песчаным грунтом. Выровненный участок имел ширину около

4 м при длине до 14м. Наземная столбовая постройка, видимо, занимала не весь снивелированный участок, а располагалась на его большей части на западной стороне. Она была в плане прямоугольной при ширине 3,2 м и длине около 10 м. Постройка использовалась сравнительно длительное время, и по мере нарастания в ней культурного слоя ее пол нивелировался, а очаг разрушался, и растрескавшиеся камни из него встречались в культурном слое. В последний период существования постройки очаг размещался на выровненном полу выше уровня материка на 0,25 м. Очаг был в плане овальной формы при размерах 2,3 м х 1,1 м при максимальной толщине до 0,18 м. Его заполнение состояло из дресвы гранита.

В культурном слое заполнения постройки обнаружено большое количество фрагментов глиняных лепных сосудов нескольких типов и отдельные вещи из железа: серповидный нож (типа таб. 15:4), шило, плоский нож (таб. 9:4), вероятно, использованный для нарезания глиняных лент и заглаживания стенок сосудов, изделия из глины: усеченнобиконические пряслица и грузик «дьякова типа» (таб. 17:6). Керамика представлена несколькими типами: 1. Слабопрофилированные лепные сосуды с грубой поверхностью, имеющие ниже края венчика, как бы по горлу, ряд отверстий (таб. 39:1,2). Такого типа керамика была распространена в бассейне Зап. Двины на территории Белоруссии и известна из поселений на городищах западнодвинского варианта днепро-двинской культуры [Шадыро, 1985, с. 73, рис. 45:3 и 46:2]. 2. Профилированные лепные сосуды с грубой поверхностью, украшенные по краю венчика защипами (таб. 39:5, 6, 10). Такая керамика была распространена преимущественно в бассейне Днепра, и она характерна для днепровского варианта днепро-двинской культуры и бытовала в последний период существования поселений на городищах типа среднего слоя Тушемли [Третьяков, 1963, с. 54, рис. 19,22; Шмидт, 1992,с.96,135,рис. 18:1]. Такого типа керамика бытовала и на некоторых городищах в междуречье Днепра и Зап. Двины (Акатово, Боталово, Холм, Ковали) [Шмидт, 1992, с. 206]. В керамике из постройки на селище Микулино проявляется как бы соединение традиций днепровского и западнодвинского вариантов днепро-двинской культуры: на сосудах, профилированных по горлу, нанесен ряд отверстий или единичные отверстия (таб. 39: 1, 2), а на сосудах западнодвинского варианта на шейке бывают отпечатки веревочки (таб. 39:7), что имело широкое распространение на сосудах днепровского варианта в течение длительного времени [Шмидт, 1992, рис. 17:1 и таб. 43:20], есть сочетание отпечатков веревочки и отверстий (таб. 39:9). 3. Слабопрофилированные сосуды, по форме и общему характеру напоминающие керамику типа 1 с рядом отверстий на шейке, но орнаментированные рядами прочерченных линий, нанесенных гребнем или гребенчатым штампом - «расчесы» (таб. 40). Керамика, украшенная «расчесами», известна на значительных про-

странствах Верхнего Поднепровья и Подвинья, но нигде она не доминирует, а составляет небольшой процент при слабопрофилированной и неорнаментированной посуде такого же облика. Датируется керамика с «расчесами» III-IV вв. н.э. [Поболь, 1967, с. 236-238. Терпиловский, Абашина, 1992, с. 52, 84-85]. 4. Слабопрофилированная и неорнаментированная керамика, отдельные сосуды которой различаются по своим пропорциям (таб. 41-43). Такая керамика доминировала в материалах из культурного слоя постройки на селище у с. Микулино. Среди этой керамики есть сосуды сравнительно округлобокие с ярко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком (таб. 43:1), но есть сосуды с менее выраженной профилировкой в верхней части (таб. 42:1-3) и со слегка отогнутым ровным верхним краем (таб. 43:4). Почти вся посуда типа 4 имеет в той или иной степени отогнутый наружу венчик. Подобного облика керамика обнаружена на всех изученных поселениях в междуречье Днепра и Зап. Двины, как и вообще на всей территории тушемлинской культуры. 5. Лощеные ребристые миски, венчики которых отогнуты наружу (таб. 43:2, 3). Лощеные миски с подобным оформлением их верхней части зафиксированы на рассматриваемой территории на селищах: Шугайлово, Дроково, Заозерье, Близнаки, Соколья Гора. По своей форме они несколько напоминают миски из поселений мощинской культуры, как, например, Федотково на р. Угре и Наквасино на Днепре [Шмидт, 1996, с. 31-33, рис. 5].

Рассмотренные материалы из Микулино отражают процесс формирования собственно тушемлинских типов керамики, которые станут господствующими в V-VII вв. и определят весь облик культуры. Развитие форм керамики шло по линии изживания профилированных типов, характерных для Поднепровья, и утверждения слабопрофилированных типов, как бы продолжающих традиции керамики западнодвинского варианта днепро-двинской культуры с постепенной утратой орнаментации дырочками на шейках сосудов и кратковременным использованием «расчесов» на наружной поверхности. Последний прием орнаментации, скорее всего, отражает какие-то взаимоотношения с группами населения, формировавшимися южнее в Поднепровье при участии традиций, восходящих к культуре племен штрихованной керамики. Все это отражает определенную интеграцию традиций разных регионов восточнобалтских культур.

Материалы, полученные в результате изучения ряда поселений тушемлинской культуры в бассейнах Днепра и Зап. Двины, подтверждают общую закономерность развития керамического комплекса, отмеченную нами на примере селища у д. Микулино. Так, например, селище Заозерье дало керамический комплекс, включающий и профилированную посуду (таб. 46:3,4), и слабопрофилированную всех типов и вариантов (таб. 48:1-7, 16-26), и слабопрофилированную, украшенную «расчесами» в разных сочетаниях (таб. 47:1-10), и лощеные ребристые миски (типа таб. 48:8-15). На этом поселении были наземные постройки стол-

бовой конструкции с овальными наземными очагами, в пределах которых и были скопления керамических материалов. Все это и вещественные находки: глиняного грузика «дьякова» типа, бронзовых фибул и браслета, височных колец с утолщенными концами и пр. (таб. 19-23), с одной стороны, датирует ранний период функционирования поселения у д. Заозерье второй половиной III-IV вв. н.э., а с другой стороны, подтверждает закономерное развитие тушемлинской культуры на местной основе. Такая же картина получена при изучении селища у д. Шугайлово, где был выявлен аналогичный спектр керамики: от профилированной и орнаментированной защипами по краю венчика до слабопрофилированной гладкостенной, иногда украшенной «расчесами», и лощеной с разными профилями стенок (таб. 29 и 30). Древнейший период существования селища Шугайлово определяется, кроме ранних форм керамики, находками: фрагмента бронзовой шейной гривны с ложковидным концом, бронзовой фибулой, височными кольцами с утолщенными концами и пр. (таб. 20, 22, 23) как вторая половина III-IV вв. н.э. Такие же типы грубой лепной керамики, как в Заозерье и Шугайлово, вместе с грузиком «дьякова типа» найдены на селище Куприне (таб. 17:15 и таб. 38) и в других местах.

Приведенные материалы из разных поселений в бассейнах Днепра и Зап. Двины дают основание считать, что в основе керамического комплекса при его формировании в конце III-IV вв. н.э. были обычные формы глиняных сосудов позднего периода днепро-двинской культуры. Местное население со своей материальной культурой и составило основу формирования новой тушемлинской культуры, и их традиции определили все дальнейшее развитие в V-VII вв. н.э.

Время формирования и существования тушемлинской культуры приходится на период Великого переселения племен и народов, когда в Европе пришли в движение большие массы и отдельные группы населения. Этот процесс в какой-то степени охватил также Верхнее Поднепровье и Подвинье. Не исключено проникновение отдельных групп населения из Среднего и южной части Верхнего Поднепровья вверх по Днепру в пределы территории тушемлинских племен в период ее формирования и развития. Пришельцы могли оказать некоторое влияние на местное население и на их культуру, в том числе, и на керамическое производство. Этим объясняется наличие некоторых одинаковых форм сосудов как в колочинской, так и тушемлинской культурах. Несомненно, существовали какие-то связи и с более южными областями, что подтверждается находками на городищах-убежищах Демидовка и Никодимово портупейных поясов с серебряной гарнитурой, серебряной пряжки, орнаментированной в гунском стиле, и даже находкой глиняного кубка, изготовленного на гончарном круге [Шмидт, 1970, с. 68-69, рис. 3, 4. Седин, 1994, с. 16-19, рис. 1]. Существовали связи с Прибалтикой и со Средней Европой, что подтверждается находками некоторых форм браслетов,

В-образных пряжек, наконечников копий с пламеобразной формой пера, шпор с крючкообразными зацепами, ножей с волютообразными завершениями рукоятей и пр. Эти связи не только способствовали обогащению местной культуры, но и влияли на изменение существовавших традиций. Появление некоторых типов керамики неместных традиций и включение их в тушемлинский керамический комплекс не обязательно было связано с массовым переселением или приходом больших групп нового населения. Новое могло появиться в тушемлинской культуре в результате и торговых, и культурных связей, и, возможно, заимствовано во время военных походов тушемлинцев за пределы Верхнего Поднепровья и Подвинья. Отдельные вещи, как, например, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, найденные в остатках пожарищ на городищах-убежищах, видимо, были оружием грабительских дружин, проникавших с юга. По этим образцам местные мастера стали изготавливать аналогичные наконечники, что подтверждают находки на селище Куприне. Проникновение извне и затем широкое использование разных вещей не определяли общее развитие культуры тушемлинских племен, формирование и развитие которых происходило на основе внутренних закономерностей и традиций, определявшихся, с одной стороны, субстратом, а с другой стороны, изменениями природных условий и достижениями в земледелии и домашних ремеслах. Некоторую роль в изменении и развитии тушемлинской культуры сыграла общая обстановка в жизни всех племен Верхнего Поднепровья и Подвинья в то бурное время. В процессе формирования и дальнейшего развития, несмотря на все инновации, этнокультурная принадлежность населения не менялась.

Не только в Смоленском Поднепровье и Подвинье, но и на значительных пространствах всего Верхнего Поднепровья, в процессе формирования тушемлинской, банцеровской и колочинской культур, происходивших на основе разных, по некоторым признакам, предшествующих культур (днепро-двинской, штрихованной керамики и типа Адаменки), но составлявших одну этнокультурную общность, была общая закономерность развития, проявившаяся в конвергенции признаков, особо заметных в характере хозяйственной деятельности и, в том числе в производстве керамики. Это, без сомнения, дает основание считать, что три вышеуказанные раннесредневековые культуры в процессе формирования сохранили свою этнокультурную общность.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПЛЕМЕН ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

До конца 30-х годов XX века сведения о памятниках IV-VII вв. н.э. на рассматриваемой территории были весьма ограниченными. Из раскопок

А.Н. Лявданского и некоторых белорусских археологов было известно о находках специфической керамики, происходившей либо из неукрепленных поселений (селищ), на которых иногда были насыпаны курганы последней четверти I тысячелетия н.э. [Лявданский, 1930, с. 93-104], либо из городищ [Дубинский, 1930, с. 71-79, таб. IX: 1-5,7]. Исследование верхнего слоя Банцеровского городища дало более обширный материал по этому периоду, но он не был в то время полностью обработан и введен в научный оборот [Дубинский, 1928, с. 275-282]. Открытие погребальных памятников - грунтовых могильников - в БССР не привлекло должного внимания. В целом, весь этот материал остался как-то вне поля зрения тогдашних специалистов при решении больших исторических проблем древнейшей истории Восточной Европы и не был полностью оценен. Поэтому неудивительно, что в обобщающих трудах 40-х годов по истории племен Восточной Европы период IV-VII вв. н.э. в пределах Верхнего Поднепровья и смежных районов Подвинья рассматривался как период славянский. В частности П.Н. Третьяков писал: «многие из летописных племен просматриваются по археологическим данным, начиная с IV-V вв. ... поляне, северяне, кривичи», и далее «если еще недавно временем их распространения считались VI-VII вв. н.э., то теперь есть все основания спустить эту дату до первых веков н.э., а может быть, и последних веков до н.э.» [Третьяков, 1953, с. 126, 227]. Тем самым существование неславянских племен в Верхнем Поднепровье в I тысячелетии н.э. исключалось. Такой же точки зрения о славянской этнической принадлежности археологических памятников середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье придерживались и некоторые другие археологи [Станкевич, 1960, с. 86, 90, 95, 97 и сл. Гуревич, 1962, с. 75].

Специальное изучение памятников археологии IV-VII вв. н.э. в Смоленском Поднепровье и на смежных территориях Подвинья началось в середине 1950-х гг. Верхнеднепровским отрядом Славянской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством П.Н. Третьякова. В результате уже первых исследований были выявлены весьма своеобразные укрепленные поселения-убежища третьей четверти I тыс. н.э. и получены комплексы вещей этого времени. Поскольку на ряде убежищ были еще сооружения особых святилищ, П.Н. Третьяков назвал их городищами-святилищами тушемлинского типа по первому наиболее изученному объекту, и высказана точка зрения об их восточнобалтской этнической принадлежности [Третьяков, 1958, с. 170-186].

Подводя итоги изучению древностей I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье, П.Н.Третьяков приходит к выводу: «В рамках конца VII-VIII вв. над обитателями этого края нависла серьезная опасность. Повсюду стали сооружаться многочисленные городища-убежища... В конце I тысячелетия н.э. все эти городи-

ща-убежища погибли от пожара... Гибель городищ-убежищ, по нашему мнению, следует поставить в прямую связь с появлением в области Смоленского Поднепровья многочисленного нового, вероятно, кривичского населения...» [Третьяков, 1963, с. 41]. Таким образом, после окончания раскопок и изучения древностей верховьев Днепра в 1963 году П.Н. Третьяков считал, что до VIII в., в период существования тушемлинской культуры, местные племена были балтами, а расселение славян-кривичей среди балтского населения приходится на период конца VII-VIII вв., и с этого момента начался процесс ассимиляции балтов славянами, длившийся до периода Древней Руси. Эти положения конкретизированы в другой работе П.Н. Третьякова 1963 года, где указано: «...процесс ассимиляции восточных балтов был весьма длительным, он завершился лишь в условиях Древней Руси» [Третьяков, 1963а, с. 297]. Однако в последующих работах П.Н. Третьяков меняет свою точку зрения о времени заселения славянами Смоленского Поднепровья и полагает, что проникновение славян на эти территории началось значительно раньше, и фиксируется на материалах таких памятников как городища Лахтеевское и Демидовка и могильник у дер. Акатово, относя их «к славянской или смешанной балто-славянской культуре» [Третьяков, 1966, с. 270,278]. Он также полагал, что в середине и второй половине I тысячелетия н.э. «целостность территории верхнеднепровских балтов повсеместно была нарушена. В третьей четверти I тыс. н.э. балтийское население в северных областях Верхнего Поднепровья сохранялось в виде отдельных, в большинстве случаев изолированных друг от друга, «островов» [Третьяков, 1966, с. 280]. Это же, но в несколько в иной форме, было подтверждено им в работе, вышедшей в свет в 1970 году, где говорится: «в области Верхнего Поднепровья известно немало и таких археологических памятников - городищ, поселений и могильников середины и второй половины I тыс. н.э., этническое определение которых не представляется возможным. Они сочетают в себе славянские и балтийские элементы, являются убедительными свидетельствами процессов, приведших в конце концов к ассимиляции днепровских балтов более сильными и передовыми группировками славян» [Третьяков, 1970, с. 63-64]. В качестве примеров приведены те же городища Лахтеево, Демидовка и могильник Акатово. Положение о невозможности точно определить границы расселения славян и балтов в северной части Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тыс. н.э. П.Н. Третьяков высказал и в последней своей работе [Третьяков, 1982, с. 91].

Таким образом, если суммировать все написанное П.Н. Третьяковым после середины 1960-х годов по вопросу этнической принадлежности населения середины и третьей четверти I тыс. н.э. в верховьях Днепра и на смежных территориях, т.е. на основных пространствах распространения тушемлинской культуры, то создается сложная картина. С одной стороны, существуют памятни-

ки с самобытной культурой восточных балтов, а с другой стороны, одновременно есть памятники с культурой славян. Но фактически материальная культура и тех, и других в VI-VII вв. н.э. практически неотличима, если сопоставлять древности из синхронных слоев, полученных как на памятниках Тушемля, Городок, Прудки, Устье и др. с таковыми из памятников Лахтеево, Демидовка, Акатово. Такое сопоставление не дает основания для утверждения о существовании двух этносов, каждого с особой культурой.

По его мнению, в этот период территория расселения балтов сократилась до небольших «островов», а местами славяне и балты жили уже чересполосно и даже образуя смешанные поселения, включавшие балтов и славян, а собственно балтская тушемлинская культура в рассматриваемое время была присуща только части населения Смоленского Поднепровья и Подвинья. Фактически же это не подтверждается археологическими материалами. Здесь нужно отметить, что положения, высказанные П.Н. Третьяковым об этнической принадлежности тушемлинских племен, точнее - всего населения рассматриваемой территории, можно рассматривать только как предварительные гипотезы, поскольку обоснования или развернутой системы доказательств в его работах не приведено, и имеющийся материал пока их не подтверждает.

Точку зрения П.Н. Третьякова о том, что в середине I тыс. н.э. восточнобалтские племена еще сохранились в северной части Верхнего Поднепровья и в смежных областях Подвинья, воспринимали и другие исследователи. Так, А.Г. Митрофанов, изучавший древности IV-VII вв. н.э. на территории Белоруссии в пределах бассейнов Зап. Двины и Правобережного Днепра, после раскопок селищ «Замковая гора», Городище и Некасецк, относящихся к VI-VIII вв. н.э., в 1960-х годах высказал предположение: «...если признать, что эта культура является восточнобалтской, то нельзя, вместе с тем, отрицать и очевидный факт, что ее носители находились под большим влиянием славян» [Митрофанов, 1966, с. 233]. Основанием для такого предположения служили обнаруженные во время раскопок некоторые особенности жилых построек в виде наземных деревянных домов столбовой конструкции, четырехугольных в плане, частично врезанных в материк на склонах, имевших в одном из углов печь-каменку. Кроме того, керамический комплекс, обычный для памятников тушемлинско-банцеровской культуры, обнаруженный в культурном слое некоторых вышеупомянутых памятников, содержал фрагменты сосудов иных форм с более профилированной верхней третью сосудов. В целом, по его мнению, «в период VI-VIII вв. на территорию Белоруссии проникали славянские племена, постепенно ассимилируя балтоязычное население. ...Вероятно, на территории центральных и северных районов Белоруссии во второй половине I тысячелетия обитало смешанное население балтов и славян [Очерки, 1970, с. 254]. В последующих работах А.Г. Митрофанов еще более уд-

ревняет время начала проникновения южных групп племен на север и северо-восток, перенеся эти передвижения, как и ассимиляцию местных восточнобалтских племен, на период III-IV вв. н.э. В область этих ассимиляционных процессов он включил: восточную половину территории племен штрихованной керамики в Поднепровье, а также отдельные районы территории племен днепро-двинской культуры в Поднепровье и Подвинье [Митрофанов, 1972, с. 154-155]. Достаточного обоснования такой точке зрения приведено не было. В дальнейшем, во второй половине 1970-х гг., в большой монографической работе о железном веке средней Белоруссии А.Г. Митрофанов отходит от своих высказанных ранее взглядов на этническую принадлежность памятников типа Тушемля-Банцеровщина середины и третьей четверти I тыс. н.э. Он пишет: «Если исходить из чисто археологического материала, то с уверенностью можно утверждать, что памятники банцеровско-тушемлинской культуры в пределах всего ареала принадлежат балтоязычным племенам» [Митрофанов, 1978, с. 123], т.е. он не поддерживает концепцию П.Н. Третьякова, высказанную в конце 1970-х гг., а присоединяется к мнению И.П. Русановой и считает, что все население Верхнего Поднепровья, включая его северные и южные области, а также верховья Немана и среднее и верхнее течение Зап. Двины, имело весьма близкую материальную культуру и было этнически родственным, т.е. восточнобалтским [Митрофанов, 1978, с. 122-123].

В.В. Седов в результате анализа древностей Верхнего Поднепровья второй половины I тысячелетия н.э. в 1970 году высказывает мнение, что памятники и самых северных областей Поднепровья типа Тушемля принадлежали восточным балтам, и что в это время балты занимали не только смоленское течение Днепра, но и все Верхнее Поднепровье до устья р. Припяти и нижнего течения р. Десны. Эту точку зрения он обосновывает не только археологическими материалами, но и данными изучения топонимики [Седов, 1970, с. 44-53]. Рассматривая вопрос о зарубинецких племенах в Поднепровье и их влиянии на так называемые позднезарубинецкие племена II-V вв н.э., В.В. Седов указывает, что зарубинецкое население, проникая в более северные области Поднепровья, не изменило этнический состав местного населения. Этим самым он подтверждает точку зрения, высказанную ранее, в 1970 году, и формулирует общий вывод: «.. .позднезарубинецкие древности и эволюционирующие из них древности третьей четверти I тысячелетия н.э. типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина не обнаруживают преемственности с верхнеднепровскими, достоверно славянскими памятниками VIII-X вв. Отсюда следует, что позднезарубинецкие древности Верхнего Поднепровья на основе археологии нужно считать дославянскими, а согласно материалам гидронимики - балтскими» [Седов, 1979, с. 77].

В последующем В.В. Седов пересмотрел вопрос об этнической принадлежности тушемлинских племен и пришел к выводу: «... ничто не мешает при-

знать носителей тушемлинско-банцеровской культуры одной из диалектно-племенных группировок раннесредневекового славянства» [Седов, 1994, с.61]. Основным археологическим обоснованием этому, по его мнению, могут быть находки на памятниках тушемлинской культуры височных колец, о чем в его другой работе 1994 г. сказано: «... появление браслетообразных височных колец на поселениях и могильниках середины I тыс. н.э. в средней полосе Русской равнины следует рассматривать как явное свидетельство расселения славянского этноса» [Седов, 1994а, с. 303]. Затем в большой монографии «Славяне в раннем средневековье», опубликованной в 1995 г., В.В. Седов несколько иначе трактует вопрос об этнической принадлежности тушемлинской культуры в связи с находками браслетообразных височных колец: «Эти находки браслетообразных сомкнутых височных колец еще не могут быть основанием для славянской атрибуции тушемлинско-банцеровской культуры, но, очевидно, определяют присутствие в V-VII вв. в среде днепровских балтов славянского этнического компонента» [Седов, 1995, с. 222].

В.В. Седов в связи с этим отмечает, что определить регион, где проживали предки носителей височных колец, расселившихся на пространствах средней полосы Восточной Европы, пока не удается, но «фрагментарные находки бронзовых проволочных колец большого диаметра, которые могли бы послужить основой для браслетообразных височных украшений рассматриваемого здесь типа, обнаружены в отдельных памятниках III-IV вв. бассейна Вислы» [Седов, 1995, с. 229][3].

При рассмотрении основной концепции и системы доказательств ее правомерности, изложенных В.В. Седовым в вышеуказанных работах последних лет, возникает ряд вопросов. Во-первых, не совсем ясно, для какой группы славян в первых веках н.э. были характерны браслетообразные сомкнутые височные кольца. Если считать славянами зарубинецкие и позднезарубинецкие племена, то для них височные кольца не были характерными украшениями, а соответственно, из области их расселения таковые распространиться не могли. То же самое можно сказать и о пшеворских племенах. Весьма показательно, что в середине и третьей четверти I тыс. н.э. височные кольца подобного типа не были характерными украшениями и для некоторых славянских племен, существовавших одновременно с тушемлинскими и обитавшими южнее и юго-западнее в Поднепровье, т.е. для корчакских и пеньковских. Если продвижение славянских племен в середине I тыс. н.э. происходило из бассейна Вислы, то конкретно какие их группы ушли оттуда, при этом столь многочисленные, что могли распространиться на огромных пространствах средней полосы Восточной Европы среди днепровских балтов и финно-угорских племен, и они при этом сумели сохранить свою самобытность?

---

[3] *Ссылка под № 99 на работу Ю.В. Кухаренко, но в этой работе на с. 20 нет сведений о височных кольцах, а также вообще нет рис. 53а, поэтому сопоставить фрагменты колец, указанные в сноске с таковыми из тушемлинских памятников не представилось возможным.*

Распространение отдельных металлических вещей в V-VII вв. н.э. из Средней Европы в Восточную Европу не может однозначно рассматриваться в качестве доказательств миграции славянского населения. Так, например, подобное распространение вещей имело место и в предшествующие римскую и латенскую эпохи, но это не свидетельствовало о расселении кельтов или римлян в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

Во-вторых, являлись ли височные кольца вообще и, в том числе, браслетообразные сомкнутые или с заходящими концами, в первой половине I тыс. н.э. украшениями только славян? Этот вопрос требует специального рассмотрения. Однако современное состояние источников дает некоторое основание для его обсуждения. Обширные территории от юго-восточной части Литвы и до восточного края расселения днепро-двинских племен в верховьях Днепра, т.е. пространства средней полосы Восточной Европы были заселены во второй четверти I тыс. н.э. балтскими племенами (культуры: восточнолитовских курганов, банцеровская, тушемлинская). В западной части этого ареала, на юго-востоке Литвы, височные кольца известны еще до эпохи великого переселения народов - с самого начала I тыс. н.э. Таковыми являются плоские височные кольца I-II вв. н.э., бывшие частью женского головного убора, который в целом характерен для балтских племен того времени [Lietuviu laudies menas, 1958, 343, рис. 61-65]. Кстати, такое же височное кольцо найдено и в восточной части этого ареала на городище Холмец в верховьях р. Десны в пределах расселения днепро-двинских племен [Третьяков, 1963, с. 132, рис. 69:1]. Во II в. н.э. опять-таки в западной части ареала вошли в моду проволочные в 3-5 оборотов спиральные височные кольца [Lietuviu laudies menas, 1958, с. 343, рис. 66, 67, 134, 135]. В IV-V вв. н.э. в пределах всего вышеуказанного пространства были распространены круглопроволочные браслетообразные сомкнутые височные кольца, включая юго-восточную Литву, где бытовали браслетообразные височные кольца разных типов (с заходящими концами, сомкнутые и иногда со спиральным завитком на одном конце [Указ, соч., 1958, с. 349, рис. 251-254, 256, 257]. Исследователи литовских древностей А.З. Таутавичюс, М.М. Михельбертас и другие считают, что «Височные кольца в Литве характерны для II-V вв. н.э.», где они являются обычными женскими украшениями головы наряду с головными венчиками и булавками. Представлены они тремя типами: 1. круглопроволочные спиральные, датируются I-III вв.; 2. пластинчатые, бытовавшие преимущественно во II в. н.э.; 3. проволочные сомкнутые, иногда с заходящими концами или со спиральным завитком на одном из концов, использовавшиеся, главным образом, в IV-V вв. [Lietuvos JSR archeologijes atlasas, IV, Vilnius, 1978, с. 144, карты 1 и 2]. Не исключено также, что в этом регионе височные кольца третьего типа использовались как украшения и в VI в. н.э., например, находки на городище Аукштадварис [Указ, соч., 1958, с. 249]. Таким образом, у части балтских племен, совершавших погребение умерших по обряду ингума-

ции, на территории Литвы височные кольца были характерным элементом головного убора в течение более 500 лет с I по VI вв. н.э. Заимствованы ли височные кольца в I в. н.э. у других племен или они самостоятельно возникли в местной среде как украшения головы - пока не установлено. С течением времени форма колец закономерно изменялась. Все это дает основание предполагать, что височные кольца в западной части рассматриваемого нами ареала могли войти в состав головного убора самостоятельно в силу закономерного внутреннего развития системы украшения женского головного убора, но нельзя совершенно исключать появление их в местной среде в результате культурных связей и заимствований. Это совсем не означает расселения на этой территории в первых веках н.э. славянского населения. Вообще, возведение курганов с использованием каменных выкладок при обряде как ингумации, так и кремации умерших и некоторые элементы погребального инвентаря в них распространились в восточной части Литвы из более западных районов, заселенных в то время западнобалтскими племенами ятвягов [Таутавичюс, 1959, с. 135]. С этим согласен и В.В. Седов, отмечая, что «курганный обряд в Юго-Восточную Литву был привнесен, по всей вероятности, из ятвяжского региона» [Седов, 1994а, с. 65-66]. С нашей точки зрения, это и другие элементы культуры дают основание считать население, оставившее восточнолитовские курганы, балтами.

Исходя из вышерассмотренных работ В.В. Седова, опубликованных в последние годы, его точка зрения на этническую принадлежность населения тушемлинской культуры состоит в том, что в середине I тыс. н.э. произошло расселение славян в Смоленском Поднепровье и Подвинье, и что славяне стали определяющим этническим элементом среди местного балтского населения и определили характер всей культуры. При этом он полагает, что с расселением славян началась ассимиляция балтов славянами, и процесс этот был длительным «и не всегда прямолинейным и завершился только в период древнерусской государственности» [Седов, 1994, с. 304]. По нашему мнению, отнесение времени расселения славян в Смоленское Поднепровье и Подвинье к середине I тыс. н.э. пока не имеет должного обоснования и, видимо, это происходило значительно позднее рубежа VII и VIII вв. н.э.

И.П. Русанова, изучая славянские древности Верхнего Поднепровья, на основе анализа керамического материала середины и третьей четверти I тыс. н.э. и некоторых других данных в 1960-х гг. пришла к выводу, что к северу от Припяти на Верхнем Днепре и Десне существовала группа родственных племен, имевшая свои особенности в материальной культуре, весьма отличная от культуры славянских корчакских племен, и что все племена Верхнего Поднепровья в этот период принадлежали балтскому этническому массиву [Русанова, 1966, с. 186-189]. Затем в большой сводной работе о славянских древностях VI-VII вв. И.П. Русанова дает одновременно общую характеристику археологических культур того време-

ни для всего верхнего Поднепровья и Подвинья. На основе детального анализа керамики как основного и самого многочисленного археологического источника она выделяет семь типов глиняных сосудов, характерных в комплексе только древностям тушемлинской культуры, тогда как отдельные сосуды могут иметь некоторые признаки, сопоставимые с таковыми из других культур. При этом отмечено, что в пределах всего Верхнего Поднепровья и на смежных территориях Подвинья «общность керамического материала по всей территории представляется несомненной» [Русанова, 1976, с. 72]. Сопоставляется керамика Верхнего Поднепровья по всем параметрам с синхронной керамикой типа Корчак и формулируется вывод, что одновременно существовали «две обособленные группы и два определенных ареала, внутри каждой из которых господствует посуда со своими характерными особенностями» [Русанова, 1976, с. 68], т.е. между славянской керамикой корчакского типа и верхнеднепровской керамикой нет ничего общего. Различия в культуре этих двух областей фиксируются и при рассмотрении характера поселений и типа жилищ и пр. [Русанова, 1976, с. 75 и ел.]. «Различие этих культур подчеркивается еще их разным происхождением и совсем несхожей дальнейшей судьбой» [Там же, с. 84]. Детальное изучение археологического материала, проделанное И.П. Русановой, показало, что нет достаточных оснований для разграничения на основе керамического материала и других признаков всей территории Верхнего Поднепровья на отдельные самостоятельные и весьма отличные друг от друга культуры (Тушемля, Банцеровщина, Колочин), что все они входят в один круг древностей, т.е. представляют одну культуру. Однако «внутри этой культуры можно отметить лишь некоторые локальные особенности, связанные с традициями предшествующих балтских культур раннего железного века и пришлой зарубинецкой культуры, с разными условиями жизни и социального развития... На основе этих особенностей можно наметить три района - Подесенье, Смоленщину и Белоруссию. Но эти районы настолько близки между собой, и общие черты материальной культуры выступают в них настолько рельефно, что население их следует считать этнически родственным» [Там же, с. 81]. Таким образом, в Верхнем Поднепровье в 3-й четверти I тыс. н.э., по мнению И.П. Русановой, существовала самобытная культура, имевшая свои археологические признаки: состав керамики, тип конструкций жилищ, особые детали погребального обряда и пр., относящиеся к балтским культурам, и эта этническая принадлежность верхнеднепровских древностей бесспорна. Распространение славян в верховья Днепра приходится на последнюю четверть I тыс. н.э. и связывается с культурой длинных курганов [Русанова, 1976, с. 82-84].

И.И. Ляпушкин детально проанализировал древности Восточной Европы до образования Древнерусского государства лесостепной и лесной зоны. Он, в частности, считал, что «до VIII-IX вв. вся область Верхнего Поднепровья и при-

легающих к ней районов до верховьев Оки на востоке и до Немана на западе, от границы с лесостепью на юге и до бассейна Западной Двины на севере, была занята балтийскими племенами» [Ляпушкин, 1968, с. 89].

В.Б. Перхавко, изучавший древности типа Тушемля-Банцеровщина [Перхавко, 1978,1979,1992], считает, что территория Верхнего Поднепровья и Подвинья до VIII в. н.э. была заселена восточными или днепровскими балтами и предполагает, что только в начале или в пределах первой половины VIII в. н.э. произошло перемещение небольших западнославянских групп населения из Великополыпи и Малополыпи через Мазовию в Верхнее Понеманье, Подвинье и Смоленское Поднепровье. Такой вывод обосновывается распространением в пределах расселения тушемлинско-банцеровских племен железных ножей с волютообразными завершениями рукоятий, железных втульчатых двушипных наконечников стрел, железных шпор с зацепами вовнутрь, славянской керамики и пр. Появление этих элементов в материальной культуре, по его мнению, не могло произойти «только в результате военных походов и торгового обмена», а связано с переселением носителей новой культуры, т.е. с первой волной расселения славян на землях восточных балтов [Перхавко, 1992, с. 86-88].

В северной части Белоруссии, преимущественно в бассейне Зап. Двины, древности I тыс. н.э. и, соответственно, вопросы этногенеза местных племен изучает В.И. Шадыро [Шадыро, 1992,1993,1996,1996а, 1997, 1999]. Он считает, что в пределах Белорусского Подвинья и Верхнего Поднепровья, в границах распространения днепро-двинских племен, до середины I тыс. н.э. обитали восточные балты, численность которых составляла приблизительно 15-20 тысяч человек [Шадыро, 1996, с. 76; 1996а, с. 81]. Если в Полоцком Подвинье до IV в. н.э. особых этнокультурных изменений не прослеживается, то в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье засвидетельствовано распространение постзарубинецких элементов культуры: лощение керамики, украшение ее расчесами. Проникновение этих элементов происходило через Посожье и Смоленское Поднепровье и далее «в Днепре-Двинско-Ловатский коридор», что повело к формированию памятников типа Заозерье, что было как бы в III-IV вв. н.э. 1 -ым этапом формирования культуры типа Банцеровщина-Тушемля. Выделение вариантов этой культуры связано с разницей в субстратных древностях и «с разным уровнем воздействия постзарубинецкого компонента» [Шадыро, 1996, с. 76-77]. По его мнению, с V-VI вв. н.э. территорию Белоруссии с юга и запада начинают заселять носители со славянскими этноопределяющими признаками «в керамическом производстве, домостроительстве, в материальной и духовной культуре». Синтез балтской подосновы с позднезарубинецкими и с новыми славянскими элементами создали новую культуру тушемлинского типа. Развитие этнокультурных процессов в V-VIII вв. привело к замене культуры, но не этноса. Славянизации населения на

этом этапе, по его мнению, не произошло. До IX в. н.э. днепро-двинская общность оставалась в своей основе балтской [Шадыро, 1996а, с. 81-82]. Эти же положения с некоторой детализацией изложены им и в последующих работах [Шадыро, 1997, 1999]. Некоторые положения, высказанные В.И. Шадыро, требуют уточнения. Так, например, распространение в Смоленском Поднепровье лощения керамики произошло не в постзарубинецкое время, а на рубеже эр и зафиксировано на городищах, содержащих древности типа среднего слоя городища Тушемля. О наличии некоторых изменений в домостроительстве действительно указано для поселений банцеровской культуры, но для поселений тушемлинской культуры этого пока не отмечено.

А.М. Медведев, рассматривая историю Белоруссии в железном веке, отмечает, что формирование тушемлинской культуры происходило на основе днепро-двинской культуры предшествующего времени, и после ее сложения на протяжении третьей четверти I тысячелетия н.э. ее балтская принадлежность не вызывает сомнений [Медведев, 1994, с. 33-37]. Расселение славян в Северной Белоруссии, по его мнению, произошло не ранее IX в. н.э. Эти же положения он отстаивает и в последующей работе [Медведев, 1996, с. 57-59].

Фурасьев А.Г. в результате анализа имеющихся материалов культуры Тушемля-Банцеровщина и псковских длинных курганов приходит к выводу: «Скорее всего, культуры псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины представляют собой единый круг древностей, возникших в результате единых культурных процессов, происходивших в среде балтских племен в середине I тыс. н.э. [Фурасьев, 1992, с. 106-107].

Г.В. Штыхов, изучавший в течение многих лет древности полоцких кривичей, считает, что славяне имеют отношение к банцеровско-тушемлинской культуре. В подтверждение этого он приводит 8 факторов, часть из них имеет спорное обоснование, а часть не имеет отношения к проблеме этнической интерпретации древностей V-VII вв. н.э. (фактор 7). Его общие выводы: в V-VII вв. на территории Белоруссии имел место балто-славянский симбиоз, археологическая культура была полиэтничной, и происходили ассимиляционные процессы [Штыхов, 1992, с. 106-107]. Г.В. Штыхов смещает процесс ассимиляции балтов славянами на период середины и третьей четверти I тыс. н.э., но достаточного обоснования этому археологическими материалами не приводит. Опубликованные им материалы из полоцких длинных курганов последней четверти I тыс. н.э. противоречат этому и свидетельствуют о балтских элементах в их материальной культуре, см. Вышадки, Борки, Баскатово и даже Глинище [Штыхов, 1992а, с. 21-40]. С нашей точки зрения, эти и другие материалы свидетельствуют об исчезновении балтских элементов только в самом конце I тыс. н.э., и процесс ассимиляции балтов славянами заканчивается уже в условиях существования Древнерусского государства.

В целях решения вопроса о разграничении древностей IV-VII вв. н.э. Верхнего Поднепровья на отдельные самостоятельные культуры Н.В. Лопатин провел систематизацию и анализ керамического материала. Изучение некоторых особенностей технологии производства керамики на вышеуказанных памятниках (Колочин, Тушемля, Демидовка) привели его к выводу о сходстве по ряду признаков Колочина и Демидовки, но между ними есть и отличия: на Колочине не использовалось лощение сосудов. Ряд признаков сближают Демидовку и Тушемлю, а в целом «...Керамический комплекс Демидовки занимает промежуточное положение между комплексами Колочина и Тушемли, но его связи с колочинским гораздо более существенны» [Лопатин, 1987, с. 89-90]. Среди керамических сосудов Н.В. Лопатин выделил 5 самостоятельных видов и один переходный вид (3-4), из которых 4 вида характерны для Колочина, все 6 видов - для Демидовки и 3 вида - для Тушемли. Указывается по этим признакам на значительное сходство керамики Демидовки и Колочина, но, с нашей точки зрения, необходимо указать и на отличия. На Колочине отсутствуют 4-й и 5-й виды, что сближает Демидовку и Тушемлю. Отсутствие на Тушемле 1,2,3-го видов дает основание Н.В. Лопатину предполагать наличие «двух разных традиций» на Демидовке и Тушемле и считать их жителей разноэтничными, тем самым присоединяясь к мнению П.Н. Третьякова о разделении этих памятников на славянские - Демидовка и балтские - Тушемля [Лопатин, 1989, с. 13-14]. В работе Н.В. Лопатина не учтены особенности этих двух памятников, и керамика рассмотрена суммарно, тогда как Демидовка использовалась как убежище неоднократно (IV и VI вв.), а Тушемля - один раз (не ранее VII в.). Есть основание считать оба памятника балтскими, а некоторые различия в составе их керамического комплекса все-таки объясняются разновременностью их гибели в пожарах, хотя с этим Н.В. Лопатин не согласен. Однако, если даже поставить под сомнение дату по радиокарбонному анализу (960 ± 150), то вещевой материал, без сомнения, выходит за рамки VII в. Серп, найденный на Тушемле, имеет сильно изогнутый клинок, что отличает его от серпов типа 1Д, бытовавших в IV-VII. вв., и вообще, на изученных памятниках тушемлинской культуры в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья пока серпы этого типа не засвидетельствованы, а широко встречаются серпы типа II [см. Миносян, 1978, с. 76-80]. Находка жернова на Тушемле также подтверждает самый поздний период существования тушемлинской культуры, так как на Демидовке, Близнаках и других поселениях использовались только простые зернотерки.

Э.А. Сымонович исследовал городище Колочин-1 на Днепре в южной части Белоруссии, где получил значительные материалы к характеристике племен в VI-VII вв. н.э. В публикации результатов раскопок городища Колочин-1 этническая принадлежность этого памятника не определяется, хотя указывается на

отсутствие преемственности между древностями VI-VII вв. и славянскими - роменско-боршевскими и высказывается сомнение, что этот памятник относится к древностям антов [Сымонович, 1963, с. 135 и сл.]. В последующих работах он выдвигает положение, что памятники типа Колочин - Банцеровщина - Акатово «... не могут быть включены в пределы балтской общности», а, исходя из аналогий отдельных сосудов с керамикой типа Корчак и материалами из других культур юга Европейской части СССР, их также следует считать славянскими [Сымонович, 1966, с. 42 и сл.; 1972, с. 95]. Использованный Э.А. Сымоновичем иллюстративный метод сопоставления одиночных форм сосудов, а не всего керамического комплекса, не дал его выводам необходимого обоснования. Полный анализ керамических комплексов типа Тушемля - Банцеровщина - Колочин и типа Кочак и их сопоставление были проделаны И.П. Русановой, и ею показана несостоятельность выводов Э.А. Сымоновича [Русанова, 1976, с. 62-63].

Л.Д. Поболь изучал древности I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье на территории Белоруссии. Он считает зарубинецкие племена славянами, а расселение их на всей территории Верхнего Поднепровья, включая район юго-западной Смоленщины вплоть до г. Смоленска, относит к I-II вв. н.э. [Поболь, 1973, с. 5, 8, 18, рис. 1]. Во II-V вв. эти пространства рассматриваются как область расселения только славянских позднезарубинецких племен, при этом их территория еще более расширяется к северу [Поболь, 1969, с. 105-111; 1970, с. 168-170]. Эти выводы противоречат фактическому материалу, так как ссылка на отдельные находки фрагментов профилированной керамики на городищах в верховьях Днепра не может быть убедительным аргументам славяноязычности днепро-двинских племен в I-II вв. н.э., поскольку на этих пространствах преемственно сохраняются места поселений - городища с прежней конструкцией наземных жилищ и овальных очагов, со старым комплексом вещей, включающих грузики «дьякова типа» и пр., и одновременно, видимо, сохраняется старая традиция в погребальном обряде, поскольку не появились могильники, характерные для зарубинецких племен. Культура тушемлинских племен формируется на основе местных днепро-двинских племен в III-IV вв. н.э.

В связи с изучением киевской культуры в Среднем Поднепровье и введением в научный оборот полученных материалов III-V вв. н.э., высказано предположение о ее славянской принадлежности, а соответственно, формирование культуры типа Колочин определяется как результат дальнейшего развития киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992, с 90-97]. Р.В. Терпиловский расширяет область распространения киевской культуры на верховья Днепра и Подвинье, обосновывая это находками на поселениях в этих районах фрагментов сосудов с расчесами гребнем. Он утверждает: «Памятники Верхнего Поднепровья и Подвинья представляли собой северную периферию киевской культуры, контакт-

ную зону с культурами восточных балтов» [Терпиловский, 1991, с. 38]. Фактически он считает тушемлинскую культуру, начиная с IV в. н.э., славянской и определяет Верхнее Поднепровье и Подвинье контактной зоной с восточными балтами. Это по сути не имеет смысла, так как за пределами указанной им территории на севере и северо-востоке восточных или днепровских балтов не было, а там в IV-VII вв. обитало население другой этнической группы.

Предположение о славянской принадлежности племен киевской культуры и о переселении их в верховья Днепра, в Подвинье и далее на р. Ловать разделяется и некоторыми другими археологами [Лопатин, Фурасьев, 1995, с. 137, 138]. Одним из аргументов сторонников славянской атрибуции тушемлинской культуры, как и киевской, является наличие на глиняных сосудах прочерчиваний, нанесенных гребенчатым штампом («расчесы»). Этот обычай якобы распространился на север Поднепровья в результате расселения носителей киевской культуры. Однако нанесение «расчесов» на сосуды киевской культуры не имело массового характера, и такая керамика встречается на поселениях в редких случаях. Этот прием не возник первоначально в среде населения киевской культуры, а был заимствован. Он также не был присущ и населению собственно зарубинецкой культуры. Скорее всего, «расчесы» как прием оформления поверхности сосудов имел истоки и получил более широкое распространение на южной окраине расселения племен культуры штрихованной керамики. У киевских племен «расчесы» появились либо в результате культурных заимствований, либо в результате проникновения носителей культуры штрихованной керамики, использующих «расчесы», на юг в пограничные области расселения племен-носителей киевской культуры, которыми и был заимствован, но как чужеродный элемент культуры в их среде не прижился. У населения тушемлинской культуры «расчесы» распространились в результате прямых контактов с окраинными группами населения культуры штрихованной керамики.

Существует также мнение, что расселение славян в верховьях Днепра происходило за счет переселения племен колочинской культуры, являвшихся наследниками киевской культуры, в V-VII вв. [Колосовский, 1997, с. 37-39]. Совершенно не исключается, что в ту бурную эпоху небольшие группы населения как киевской, так и колочинской культур могли продвигаться по Днепру в пределы территории тушемлинских племен. С другой стороны, нельзя также исключать и движение населения тушемлинской культуры к югу вниз по Днепру. Но в течение почти всего периода V-VII вв. основная масса населения в верховьях Днепра и на смежных территориях Подвинья оставалась в местах своего обитания, что подтверждается материалами из исследованных селищ. Появление на этой территории небольших групп инородного населения не могло изменить этнокультурную принадлежность аборигенов.

Автор настоящей работы в течение ряда лет проводил изучение памятников

тушемлинской культуры в Смоленском Поднепровье и Подвинье [Шмидт, 1963, 1974, 1976, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986, 1996, 1999]. Полученные материалы дали некоторое основание для решения вопроса об их этнической принадлежности. Это определялось уже, в первую очередь, решением вопроса формирования тушемлинской культуры в III-IV вв., что рассмотрено более подробно в предыдущей главе. Установлено, что формирование происходило на основе древностей предшествующей днепро-двинской культуры в последний период ее существования в процессе перемещения населения с укрепленных поселений-городищ на неукрепленные поселения-селища. Этот переход связан как с изменением природных условий, так и с успехами в экономическом развитии и переменами в общественно-социальных отношениях. Доказательством этому были материалы из раскопанных поселений Микулино, Заозерье, Куприно, Яново, Березинка, Кислые и др., на которых древнейший комплекс керамики III-IV вв. был одинаков с таковым на днепро-двинских городищах I-III вв. Это подтверждено также находками одинаковых типов серпов, ножей и других металлических изделий и находками глиняных грузиков «дьякова типа» [Шмидт, 1999, с. 37-46]. В процессе формирования тушемлинской культуры в ее состав были включены некоторые инородные элементы от племен, обитавших южнее в Поднепровье и с запада от прибалтийских племен. Не исключено проникновение небольших групп населения с юго-запада, с окраинных территорий племен штрихованной керамики. Происходило также перемещение племен балтских внутри своего ареала, в частности перемещение ятвяжских племен в пределы Восточной Литвы, а затем оттуда в V в. н.э. в восточном направлении - по северной окраине восточных балтов, через Подвинье в Смоленское Поднепровье, т.е. в пределы территории тушемлинской культуры. С этими перемещениями племен, видимо, связано распространение височных колец, браслетов с расширенными концами, шпор, пинцетов, кресал и пр. Однако отмеченные перемещения населения и включение в местную культуру новых привнесенных элементов не привели к изменению этноса, а способствовали ускорению процесса формирования новой культуры и придания ей некоторых специфических черт. В V-VII вв. сохранялись основные доминирующие элементы местной тушемлинской культуры, балтская принадлежность которой очевидна [Шмидт, 1996, с. 33-37].

Из вышесказанного вытекает, что среди исследователей, занимавшихся изучением древностей Верхнего Поднепровья и Подвинья, нет единства взглядов на этническую атрибуцию памятников IV-VII вв. н.э. типа Тушемля - Банцеровщина - Колочин. Особенно это относится к южным и средним областям Верхнего Поднепровья. Что же касается самой северной части Верхнего Поднепровья (смоленское течение Днепра) и среднего и верхнего течения Зап. Двины, то большинство исследователей все-таки считают, что эта группа памятников (тушемлинская культура) входит в круг древностей восточных балтов, а высказанные мнения

Э.А. Сымоновича, Л.Д. Поболя и др. пока еще нельзя считать ни в коей степени подкрепленными фактами. Кроме того, все исследователи сходятся во мнении, что керамический комплекс этих культур Поднепровья (Тушемля, Банцеровщина, Колочин) имеет много общего. Но поскольку степень изученности этих памятников неодинакова и, кроме керамического материала, зачастую нет никаких других материалов, постольку всесторонний анализ и сопоставление этих памятников затруднены, что не дает оснований для объективных выводов. Однако уже сейчас одно очевидно, что все эти памятники составляют одно этнокультурное единство.

Несколько иную картину мы имеем для Смоленского Поднепровья и Подвинья. Здесь материалы, полученные в результате исследований памятников тушемлинской культуры, значительно полнее, и они позволяют более обстоятельно решать многие вопросы, в том числе и вопросы этнической атрибуции. Как уже нами показано [Шмидт, 1992, с. 131-141], значительные изменения в культуре днепро-двинских племен произошли еще в первых веках н.э., когда все местное население обитало в укрепленных поселениях-городищах. В то время складывается особый тип профилированных сосудов, часто украшенных орнаментом в виде отпечатков ногтя или насечек, названный нами общевосточнобалтским. Одновременно закрепляется прием лощения некоторых форм сосудов, хотя он и не получает особо широкого распространения. Во многих местах появляются особые сооружения - святилища в виде круговых столбовых сооружений и вырабатываются особого облика наземные жилые дома столбовой конструкции с овальными наземными очагами, широко бытуют грузики «дьякова типа», особой формы железные серпы, топоры и другие предметы.

Переход из городищ на открытые поселения-селища в III-IV вв. н.э., т.е. начало нового периода, не сопровождался какими-либо резкими изменениями в материальной культуре. На многих селищах, исследованных нами в последние годы, в древнейших слоях, относящихся к периоду возникновения этих неукрепленных поселений, найдено то же самое, что было в наиболее поздних слоях днепро-двинских городищ. Так, например, на селищах у д.д. Шугайлово, Кислые, Заозерье, Куприно и др. найдены фрагменты профилированной посуды общевосточнобалтского типа. При этом совпадает не только форма сосудов, но и характер орнаментации (насечки и ногтевые вдавливания). В дальнейшем, начиная с IV века, на основе сосудов общевосточнобалтского типа формируется слабопрофилированная посуда нового облика, наиболее характерная для памятников тушемлинской культуры. Есть достаточно оснований считать, что некоторое время оба эти типа посуды сосуществуют. На селищах у д.д. Шугайлово, Куприно, Заозерье и Микулино вместе с профилированной керамикой указанного типа и слабопрофилированной керамикой тушемлинских типов найдены глиняные грузики «дьякова типа» (таб. 17:14-16 и таб. 19:5), совершенно аналогичные глиняным грузикам, в большом количестве найденным на днепро-двинских городищах

[Шмидт, 1992, таб. 33-38]. Совершенно идентична форма некоторых важнейших орудий труда: железных серпов с крючком на черене, проушных узколезвийных топоров, глиняных пряслиц и пр. Аналогичны формы и таких украшений, как посоховидные булавки. Несмотря на то, что исследование тушемлинских поселений началось сравнительно недавно, полученные вещественные материалы дают основание говорить о многих чертах преемственности между днепро-двинскими племенами первых веков н.э. и тушемлинскими племенами эпохи переселения народов. Эта преемственность выступает весьма отчетливо в разных элементах культуры. Повсеместно сохраняются наземные жилые дома столбовой конструкции, в которых устраиваются совершенно идентичные очаги овальной формы, углубленные в земляной пол жилищ до 0,1 м, имевшие сильно прокаленное основание оранжево-красного цвета, заполненное золой. Сохраняются традиции устройства глиняных кругов, имевших вид больших блюд, назначение которых в раннем железном веке у днепро-двинских племен пока точно не определено, но, без сомнения, выполнявших роль оснований горнов в эпоху тушемлинской культуры. Совершенно идентичны сооружения, связанные с религиозными культами. Как на городищах первых веков н.э., так и на городищах-убежищах тушемлинской культуры третьей четверти I тыс. н.э. были одинаковые святилища, представлявшие собою круглые наземные столбовые сооружения с большим столбом в центре, являвшимся, видимо, основанием изображения какого-то божества.

Все перечисленное, с одной стороны, подтверждает как прямое происхождение тушемлинской культуры от днепро-двинской, так и их этническое единство, а с другой стороны, показывает нам многие такие элементы культуры, которые не свойственны славянским племенам как этого, так и последующего периодов. Необходимо отметить значительное совпадение в Поднепровье территорий распространения и днепро-двинских племен первых веков н.э., и тушемлинских племен эпохи переселения народов.

Конечно, тушемлинская культура не была чем-то застывшим, за время ее существования происходило дальнейшее развитие ее отдельных элементов, и наступали некоторые соответствующие изменения в целом. В этом отношении весьма показательным примером будет использование некоторых технологических приемов в изготовлении глиняной посуды и изменение ее типов. На городищах днепро-двинской культуры в первых веках н.э. лощение посуды было известно местным племенам, но оно, в отличие от зарубинецких племен, не получило здесь широкого распространения, да и формы сосудов были иными. Так, например, в среднем слое городища Тушемля вместе с профилированной посудой первых веков н.э. найдены буквально считанные фрагменты лощеной посуды [Третьяков, 1963, с. 54]. Такая же картина была и на городище у д. Демидовка, и на городище у д. Близнаки, а на некоторых других ее пока вообще не найдено. Сначала, в период возникновения открытых поселений-селищ тушемлинской культуры (по материалам

селищ у д.д. Шугайлово, Куприне и др.), лощеные фрагменты сосудов встречаются редко. Но затем лощение получает более широкое распространение. Лощению подвергались как крупные сосуды, так и небольшие, особенно миски. Формы лощеной посуды - типичные тушемлинские, совершенно не похожие на зарубинецкие. Лощеная посуда в слоях сгоревших убежищ составляет в отдельных случаях до 25% от всех обнаруженных фрагментов. В конце периода существования тушемлинской культуры лощение посуды, видимо, прекращается и меняется также несколько форма самих сосудов. Установлено, что на поселениях тушемлинской культуры в смоленском междуречье Днепра и Зап. Двины к концу периода происходит становление нового типа горшка с ребром, помещенным в верхней части сосуда как бы на плечике (таб.27:7).

За время существования тушемлинской культуры у ее носителей происходит становление особых типов украшений - женских височных колец со слегка утолщенными концами (таб.21 и 22), отдельные формы которых за пределами рассматриваемой территории не встречаются (таб. 25:1-3).

Происходят изменения и в области верований. К примеру, если обряд трупосожжения в целом сохранялся, то возникает новый особый тип погребальных памятников - грунтовые могильники с помещением остатков сожжения в округлых ямках, иногда с использованием глиняных сосудов в качестве урн. В эпоху, предшествующую тушемлинской культуре, подобных могильников в Смоленском Поднепровье и Подвинье не засвидетельствовано.

Исследование тушемлинских селищ в Поднепровье при детальном анализе культурного слоя говорит о длительном заселении многих из них в период с III-IV и до рубежа VII-VIII вв. н.э. Какие-либо следы больших пожаров или разрушений на них пока не обнаружены. При этом весьма показательно, что в большинстве случаев жизнь на селищах тушемлинской культуры к началу VIII века н.э. прекращается. Это происходит до появления в их культурном слое керамики, характерной для культуры длинных курганов, либо же с появлением таковой. Но в последних случаях эта керамика содержится в культурном слое в весьма незначительном количестве, а на основной территории тушемлинского селища возводились погребальные памятники другого типа - длинные курганы. Но, как правило, на селищах тушемлинской культуры нет древнерусских слоев X-XIII вв.

Во второй половине периода существования тушемлинской культуры, в связи с возникшей внешней опасностью, повсеместно на более древних городищах сооружаются особые убежища (городища-убежища). На значительных пространствах эти убежища погибли в огне, т.е. были уничтожены в результате нападения либо грабительских дружин, проникавших с юга, либо в связи с переселением в Смоленское Поднепровье нового населения. С этими событиями связаны не только разрушение убежищ, но и запустение неукрепленных поселений-селищ.

Наряду с тем своеобразием, которое отличает тушемлинскую культуру от других синхронных культур Восточной Европы, в ее вещевом комплексе имеются вещи, по своему характеру ближе всего стоящие к прибалтийским. Это - предметы украшений: браслеты (типа таб.20:21 и таб.24:1), шейные гривны (типа таб.20:17) и предметы вооружения, например, железные наконечники копий (типа таб.2:1-4) и пр. Эта близость в вещевом комплексе говорит не столько об обмене и связях, сколько о некоторой общности культуры племен, населявших эти территории, которые предъявляли одинаковые требования к ряду вещей, как правило, являвшихся этноопределяющими.

Тушемлинские племена существовали в период переселения племен и народов, что не исключало передвижения, в том числе и по Днепру, не только грабительских дружин, но и отдельных групп населения, не сумевших защитить свои поселения и вынужденных переселяться в более безопасные районы. Как родственное, так и неродственное тушемлинским племенам население южных районов Верхнего Поднепровья испытывало давление степных кочевников, что вынуждало отдельные группы уходить вверх по Днепру и далее на север в лесную зону. Среди этих групп были и носители киевской культуры. Этот процесс переселения наиболее интенсивно происходил в конце III и IV вв. н.э., а с V века наступил сравнительно стабильный период, в течение которого закончилось формирование тушемлинской культуры, включившей некоторые привнесенные инородные элементы. Нужно иметь также в виду, что, судя по территории, первоначально занятой киевскими племенами в III в. н.э., эти племена не были многочисленными, и их культура в значительной степени подпитывалась импульсами, исходящими из черняховской и провинциальноримских культур. Часть носителей киевской культуры, ушедших в огромный мир балтских племен Верхнего Поднепровья и Подвинья, не могла быть там доминантной, к V в. н.э. утратила все свои культурные особенности и вошла в местный этнокультурный мир, т.е. была ассимилирована. Еще нужно иметь в виду, что этническая принадлежность носителей киевской культуры не определена однозначно. Нет доказательств ее прямой связи с достоверно славянскими группами населения пражско-корчакской культуры юга лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Вопрос о расселении славян из территории Польши или Средней Европы в середине I тыс. н.э. на пространства Смоленского Поднепровья и Подвинья дискутируется в археологической литературе, но как таковой не имеет достаточного обоснования. Действительно, у тушемлинского населения в IV-V вв. н.э. появляются некоторые предметы, бытовавшие в Средней Европе в это время: железные шпоры, пряжки, кресала и др. Но распространение таких предметов в эпоху переселения племен и народов, как и в другие периоды I тыс. н.э., не всегда связано с переселением их носителей. Походы дружин в соседние и дальние области имели результатом добычу (трофеи) и угон рабов (в том числе - ремесленников) и спо-

собствовали появлению новых типов изделий в местной культуре. Имел место и обмен, так как, к примеру, у тушемлинских племен засвидетельствовано широкое распространение бронзолитейного производства и использование цветных металлов в виде изделий типичных для тушемлинской культуры форм, т.е. все это могло осуществляться благодаря обмену - импорту извне, так как на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья нет месторождений руд цветных металлов. Несомненно, часть вещей поступала в виде импорта (В-образные пряжки, фибулы, вещи с эмалями и др.). Но металл мог поступать и в виде слитков. Что касается височных колец, о чем уже говорилось ранее, которые рассматриваются некоторыми исследователями как этноопределяющие славянские украшения IV-VI вв. н.э., то наиболее ранние находки их засвидетельствованы на территории Восточной Литвы, т.е. в землях балтов, где они использовались в качестве украшений в первой половине I тыс. н.э., а оттуда постепенно распространились через Подвинье в Северное Поднепровье. Здесь у тушемлинских племен они стали неотъемлемой частью головного убора, закрепившись в форме круглопроволочных колец со слегка утолщенными концами. За пределами балтского региона на соседних территориях в середине I тыс. н.э. для славянского населения, включая и пражско-корчакские племена третьей четверти I тыс. н.э., круглопроволочные височные кольца характерными украшениями не были.

Таким образом, рассмотренные материалы дают основание видеть в племенах тушемлинской культуры дальнейшее развитие племен днепро-двинской культуры. Вопрос лишь в том, что, несмотря на появление в их культуре новых элементов извне, сохранили ли они в эпоху переселения народов свое этническое лицо, в том числе восточнобалтский язык? Для решения этого вопроса важные сведения дают сообщения древних авторов. Так, например, историк готов Иордан, написавший свой труд в середине VI в. н.э. и хорошо знакомый с расселением племен в Восточной Европе, сообщает, что на больших пространствах от Балтийского моря и до акациров, живших, видимо, в бассейне р. Дон, находились эстии (аисты) [Иордан, 1960, с. 72], т.е. восточнобалтские племена. Этот же автор дает и прямые указания о местах расселения славян: «...начиная от мест рождения Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север - до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же - сильнейшие из обоих (племен) - распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину» [Иордан, 1960, с. 71-72]. Картина расселения основных групп племен Восточной Европы, обрисованная Иорданом (карта на рис. 16), показывает, что этому древнему автору еще в VI веке н.э. неизвестны славянские племена в рассматриваемом нами Верхнем Поднепровье. Если

они даже и проникали в южную часть Верхнего Поднепровья, то, во всяком случае, они там не доминировали и не составляли объединений, игравших какую-либо роль в исторических событиях Восточной Европы IV-VI вв. н.э.

В какой-то степени сведения, сообщаемые Иорданом о славянах в целом, что они в эпоху переселения народов заселяли районы, прилегающие к Дунаю и Днестру, и еще не заселяли Верхнего Поднепровья, особенно его северных районов, подтверждаются данными древнерусских летописей, занесенных туда на основе устной традиции. Нестор в летописи прямо говорит: «...сели славяне на Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте... сели на Двине и назвались полочанами по реке, которая впадает в Двину и носит название Полота...» [Повесть временных лет, 1950, с. 207]. Таким образом, можно считать, что расселение древнерусских племен происходило незадолго до образования Киевской Руси. Представления Нестора о первоначальном обитании славян и их расселении в Восточной Европе в то время не вызывали каких-либо сомнений.

Особого рода источниками, помогающими решению вопроса этнической атрибуции тушемлинских племен, являются данные языкознания. Детальный анализ, проделанный языковедами при изучении гидронимии Верхнего Поднепровья, дал им полное основание сделать выводы, что «...Территория Верхнего Поднепровья в I тыс. - первых веках II тыс. н.э. была заселена племенами балтийского происхождения ... что балтийские население Верхнего Поднепровья в основной своей массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними» [Топоров, Трубачев, 1962, с. 236]. О том, что эти процессы ассимиляции балтов славянами происходили после эпохи великого переселения народов, подтверждаются данными из другой области языкознания. Исследователи русского языка отмечают, что выделение восточных славян из славянской общности и, вообще, видимо, расселение их в Восточной Европе происходило в VIII и последующих веках н.э., когда и произошло образование языка восточного славянства [Филин, 1962, с. 291].

Рассмотренные археологические данные о преемственном развитии племен Смоленского Поднепровья и Подвинья в середине и третьей четверти I тыс. н.э., т.е. в период становления и развития тушемлинской культуры, показывают, что в это время не происходила смена этноса, что потомки днепро-двинских племен продолжали обитать в местах своего первоначального расселения. Принадлежность их к балтоязычным группам населения подтверждается не только археологическими данными, свидетельствующими о происхождении их от балтоязычных местных племен, но и свидетельствами древних авторов и данными языкознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья играли значительную роль в формировании археологических культур железного века и раннего средневековья как на пространствах северной части бассейна могилевского течения Днепра, так и на смежных территориях Подвинья в Беларуси, и на прилегающих районах Псковских и Тверских земель. В раннем железном веке на основе северобелорусской культуры эпохи бронзы в Подвинье и сосницкой культуры в Поднепровье при их взаимоперемещении сформировалась днепро-двинская культура раннего железного века, которая, соответственно, в каждом их своих районов сохранила некоторые особенности. Таким образом, образовались два варианта днепро-двинской культуры (западнодвинский и днепровский). Днепро-двинская культура в целом входила в большую общность племен раннего железного века, включавшую еще верхнеокскую, юхновскую, милоградскую культуры и культуру штрихованной керамики. Эта общность составляла массив восточнобалтских племен, т.е. они были близкородственными между собой, что подтверждается и археологическими источниками, и данными топонимики (рис. 14). Археологические культуры этих племен составили субстрат в формировании культур последующего времени.

Около рубежа эр в Поднепровье началась смена археологических культур, что проявилось прежде всего в распространении керамики профилированных форм, часть которой по венчику и плечикам украшалась орнаментом в виде защипов или нарезок. Появляются фибулы позднелатенских типов и металлические изделия новых форм. Эти изменения охватили не только верхнюю часть собственно Поднепровья, но и Посожье, и Подесенье, а через Смоленское междуречье Днепра и Зап. Двины распространились в Подвинье, захватив значительные пространства. То же самое происходило и в Поочье. На пространствах более древней общности самого раннего железного века возникли новые образования, включившие некоторые новые элементы культуры, но и сохранившие многое из предшествующего времени. Так, в пределах днепро-двинской культуры сформировалась новая культура типа среднего слоя городища Тушемля (рис. 15). Причины, обусловившие смену культуры, пока не совсем ясны: с одной стороны, вполне возможны влияния внешних факторов, в том числе распространение какого-то количества населения из южных областей Беларуси - носителей археологической культуры типа Чечерск- Кистени; с другой стороны, внутреннее закономерное развитие хозяйства и культуры местных племен, без сомнения, приводило к эволюционным изменениям в археологической культуре. Какой из этих факторов был решающим в формировании этнокультурного характера населения, пока не решено, и вопрос остается дискуссионным.

Существование новой общности с археологической культурой типа среднего слоя городища Тушемля в Смоленском Поднепровье и Подвинье продолжалось еще и во II-III вв.н.э. Есть основание видеть в ней несомненную преемственность и дальнейшее развитие культуры днепро-двинских племен.

В III-IV вв. н.э., в период начавшегося Великого переселения народов, в пределах этнокультурной общности типа среднего слоя городища Тушемля происходили значительные изменения. На Верхней Оке расселяются пришельцы с юго-запада, и образуется весьма самобытная мощинская культура как часть балтской этнокультурной общности. В Белорусском Поднепровье формируется археологическая культура типа Абидня - Тайманово. Культура штрихованной керамики к V в.н.э. трансформируется в банцеровскую культуру. В Смоленском Поднепровье и Подвинье происходят сложные процессы изменений, приведшие к сложению тушемлинской культуры. Вполне возможно, что толчком к смене археологической культуры здесь послужило проникновение отдельных групп населения с юга, включавшего элементы из южнобелорусского Поднепровья (типа Адаменки-Тайманова) и из Подесенья с каким-то вариантом киевской культуры. В результате взаимодействия культур местного и пришлого населения к V в. н.э. сложилась окончательно собственно тушемлинская культура. В целом, на пространствах Верхнего Поднепровья и Подвинья сформировались и далее, в V-VII вв.н.э., существовали близкие по материальной культуре и, скорее всего, родственные в этническом отношении тушемлинские, банцеровские и колочинские племена. Они, несомненно, в той или иной степени были связаны с балтской этнокультурной общностью (рис. 17).

Впервые тушемлинская культура была выделена среди верхнеднепровских древностей в 1950-х годах П.Н.Третьяковым. В дальнейшем, в результате полувековых раскопок и исследований археологов, в том числе и автора этих строк, получен значительный материал, позволивший дать общую характеристику тушемлинской культуры, что и явилось содержанием настоящей работы. Насколько позволили имеющиеся материалы, дано описание топографии и локальных особенностей размещения неукрепленных и укрепленных поселений IV-VII вв.н.э. Для укрепленных поселений - городищ-убежищ на отдельных примерах описаны земляные и деревянные оборонительные сооружения и жилые постройки собственно убежищ, а также особые сооружения языческих капищ, возведенные на некоторых городищах-убежищах. Охарактеризованы жилые, хозяйственные и производственные постройки, обнаруженные на селищах. Проанализирован весь вещевой комплекс, и на этой основе стало возможным дать картину всех основных отраслей хозяйства: земледелия, животноводства, охоты, рыболовства, собирательства и ремесленной деятельности того времени: металлургии железа, кузнечного дела, бронзолитейного производства, изготовления керамики, прядения, ткачества, деревообработки и пр. Весьма важным событием было

открытие погребальных памятников тушемлинской культуры, поскольку для предшествующих культур, начиная с днепро-двинской середины I тыс. до н.э., таковые не были известны. Погребения V-VII вв.н.э. представлены грунтовыми могильниками (Акатово, Узмень). Захоронения остатков трупосожжения совершались в округлых неглубоких ямках. Остатки кремации, совершенной вне места погребения, включавшие кальцинированные кости, угли, золу и пр., либо предварительно собирались в глиняный сосуд-урну, а затем устанавливались в нормальном положении на дне выкопанной ямы, либо прямо ссыпалась в яму. В отдельных случаях урна перекрывалась другим сосудом, поставленным вверх дном. Яма с захоронением засыпалась землей до уровня окружающей поверхности. Большинство погребений безынвентарные, но в некоторых обнаружены женские украшения: височные кольца, спиральки от головных венчиков, пронизки. Решены некоторые вопросы верований и общественных отношений у населения того времени, а также взаимоотношений с соседними племенами - носителями других археологических культур IV-VII вв.н.э. Рассмотрена этническая принадлежность населения тушемлинской культуры в свете тех гипотез, которые рассматривались в археологической литературе.

К настоящему времени наименее разработаны вопросы о судьбах племен — носителей тушемлинской культуры. Установлено, что все городища-убежища прекратили функционировать в конце VII или самом начале VIII в. н.э. Большая часть их погибла в огне (Тушемля, Городок, Прудки, Слобода-Глушица, Близнаки и пр.), но некоторые были просто оставлены (Акатово, Васильеве). Фактически в это же время прекратилась жизнь и на тушемлинских селищах. В VIII веке места этих селищ были использованы уже другим населением - носителями культуры смоленских длинных курганов - как места сооружения курганных кладбищ. Наличие в остатках пожарищ на городищах-убежищах железных трехгранных черешковых наконечников стрел, а также большого количества обгоревшего зерна и разных вещей может свидетельствовать о набегах с юга грабительских дружин и полном разрушении убежищ, о гибели людей или их порабощении и уводе в неволю. Часть городищ и многие селища не несут следов пожаров, но жизнь на них на рубеже VII и VIII вв. прекратилась. Какова их судьба, не совсем ясно.

Нужно отметить, что решение ряда вопросов в данной работе носит предварительный характер, что обусловлено спецификой археологических источников, и отдельные положения и выводы, по мере введения в научный оборот новых материалов, будут уточняться или целиком пересматриваться. По разным причинам в данной работе не было возможности поместить полные материалы раскопок отдельных памятников тушемлинской культуры, но это будет восполнено в последующем и даст возможность исследователям более детально разработать отдельные вопросы, которые в этой работе даны обобщенно.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К., 1964 - К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // Советская археология, 1964, № I. С. 56-71.

Амброз А.К., 1966 - Фибулы юга Европейской части СССР. // САИ, вып. Д1-30. М, 1966.

Амброз А.К., 1993 - К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // Российская археология, 1993, № 2. С. 179-184.

Артишевская Д.В., 1957 - Разведки в верховьях Десны // Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 68, М, 1957. С. 84-89.

Археология УССР, т. 3,1986 - Археология Украинской ССР, т. 3. // Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986.

Березовец Д.Т., 1963 - Поселение уличей на р. Тясмин. // МИА, № 108, М., 1963. С. 145-208.

Березовец Д.Т., Петров В.П., 1960 - Лохвицкий могильник // Черняховская культура. М., 1960. С. 84-99.

Будько В.Д., Вергей В.С.... 1970 - Будько В.Д., Вергей В.С., Кочетков В.И., Шмидт Е. А. Археологические исследования на р. Сож // Археологические открытия 1969 года, М., 1970. С. 297-298.

Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Гавритухин И.О., 1997 - Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік, № 12, Мінск, 1997. С. 43-58.

Гайдуков П.Г., 1985 - Работы в Смоленской области // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 51.

Гайдуков П.Г., 1987 - Разведки в Смоленской области // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 62-63.

Гайдуков П.Г., Лопатин Н.В., Усачева О.Н., 1988 - Разведки в Смоленской области // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 56-57.

Горюнов Е.А., 1981 -Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Горюнова Е.И., 1961 - Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА №94. М., 1961.

Граков Б.Н., 1954 - Каменское городище на Днепре. // МИА № 36. М., 1954.

Гуревич Ф.Д., 1962 -Древности Белорусского Понеманья. М.-Л., 1962.

Даугудис В.В., 1962 - Укрепления и постройки городища Аукштадварис // Труды Академии наук Литовской ССР. Сер. А, 1962. № I. С. 43-70.

Деопик В.Б., 1959 - Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. // Советская археология, 1959, № 3. С. 48-65.

Дубінскі С.А., 1928 - Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчане, Магілеўшчыне і Меншчыне. // Працы, т. 1, Менск, 1928. С. 275-282.

Дубінскі С.А., 1930 - Чаркасоўскае гарадзішча пад Воршай // Працы археолёгічнай камісіі, т.ІІ. Менск, 1930. С. 71-79.

Дубінскі С.А., 1930а , - Гараздішча каля в. Германоў Аршанскай акругі // Працы археолегічнай камісіі, Т.ІІ. Менск, 1930. С. 81-88.

Дубицкая Н.Н., 1995 - Технологическая характеристика керамической посуды из селища Абидня // Гістарычна-археалагічны зборнік, № 7. Мінск, 1995. С. 101-119.

Дубицкая Н.Н., 1996 - Керамическое производство в Белорусском Поднепровье в эпоху железного века (по материалам поселений Чаплин и Абидня) // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародым кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 19-22.

Дубицкая Н.Н., 1996а - Технология изготовления керамической посуды у племен Верхнего Поднепровья во второй четверти I тыс. н.э. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 30-31.

Дубынин А.Ф., 1970 - Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970. С. 5-98.

Заверняев Ф.М., 1960 - Почепское селище первых веков нашей эры // Советская археология, 1960, № 4. С. 179-185.

Заверняев Ф.М., 1969 - Почепское селище // Материалы и исследования по археологии СССР, в. 160. М.-Л., 1969. С. 88-119.

Ильютик А.В.,1988 - Новые материалы из раскопок Дедневского поселения в Бобруйске // Старажытнасці Бабруйшчыны, в. 2, Минск -Бобруйск, 1988. С. 49-70.

Иордан, 1960 — О происхождении и деянии готов. М., 1960.

Казакявичюс В., 1988 - Оружие балтских племен II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Кирпичников А.Л., 1966 -Древнерусское оружие, вып. 2. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н., 1974 - Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973.

Коваленя А.З., 1930 - Археолегічныя разьведкі ў Магілёвскай, Бабруйскай і Менскай акругах. Працы, т. 2. Менск, 1930. С. 145-156.

Коваленя А.З., 1932 - Археолегічныя росшукі ў вярхоўях рек Друці, Усяж-Бук і Лукомкі. Працы. т. 3. Менск, 1932. С. 187-195.

Ковалевская В.Б., 1979 - Поясные наборы Евразии IV-IX вв. - Пряжки. М., 1979.

Колосовский Ю.В., 1996 - Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Мінск, 1997. С. 37-39.

Колосовский В.В., 1996 - Новые данные о памятниках 3-ей четверти I тыс. н.э. Верхнего Поднепровья Белоруссии // Тэзісы дакладау і паведамленняу Беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 43-44.

Корзухина Г.Ф., 1978 - Предметы убора с выемчатыми эмалями V - первой половины VI в.н.э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978.

Краснов Ю.А., 1971 - Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.

Кухаренко Ю.В., 1957 - Раскопки на городище и селище Хотомель // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, № 68. М., 1957. С. 90-97.

Левко О.Н., 1996 - Население днепро-двинского междуречья в VI-XI вв. (этнический состав, социальная и территориальная структура) // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 52-54.

Левко О.Н., Колосовский Ю.В., 1994 - К вопросу о культурной принадлежности городищ третьей четверти I тысячелетия н.э. Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёу, 1994. С. 133-141.

Липкинг Ю., 1966 - О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966.

Лопатин Н.В., 1984 - Разведки в Демидовском районе Смоленской области / / Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 65-66.

Лопатин Н.В., 1987 - К соотношению керамики верхних слоев Тушемли, Демидовки и Колочина (опыт привлечения некоторых данных о технологии) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987. С. 85-91.

Лопатин Н.В., 1989 - Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // Краткие сообщения, ИААНСССР, вып. 195. Славяно-русская археология. М., 1989. С. 9-15.

Лопатин Н.В., 1991 - Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в 1 половине I тыс.н.э.// Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991. С. 50-53.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 1994 - О роли памятников III-V вв. в формировании культуры псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1994. С. 136-141.

Лявданский А.Н., 1926 - Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926. С. 179-296.

Ляўданскі А.Н., 1930 - Археолегічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні // Працы археолегічнай камісіі, Т. II. Менск, 1930. С. 269-338.

Ляўданскі А.Н., 1930а - Археолегічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы археолегічнай камісіі, т.II, Менск, 1930. С. 93-104.

Ляўданскі А.Н., 1930б - Археолегічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы археолегічнай камісіі, т.II, Менск, 1930. С. 157-198.

Ляўданскі А.Н., 1932 - Археолегічныя досьледы ў Смаленшчыне (Археолегічныя досьледы С.М. Сакалоўскага ў былым Рослаўскім павеце) // Працы сэкцыі археолегіі, т.III, Менск, 1932. С. 5-68.

Ляўданскі А.Н., 1932а - Розныя знаходкі // Працы сэкцыі археолегіі, т.III, Менск, 1932. С. 244-245.

Ляпушкин И.И., 1958 - Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968.

Мажитов Н.А., 1968 - Бахмутинская культура. М., 1968.

Максимов Е.В., 1959 -Памятники зарубинецкого типа в с. Субботово // Краткие сообщения Института археологии АН УССР, вып. 9, Киев, 1959. С. 29-42.

Максимов Е.В., 1972 - Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.

Мальм В.А., 1956 — Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв., М., 1956. С. 106-129.

Медведев А.М., 1995 - Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік, № 7. Мінск, 1995. С. 172-201.

Медведев А.М., 1995а - Раскопки городища в Белыническом районе // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя, ч. 1. Магілёу, 1995. С. 110-120.

Медведев А.М., 1996 - О времени прихода славян на территорию Беларуси (характеристика источников) // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 57-59.

Мядзьведзеў А., 1994 - Насельніцтва Беларусі ў жалезным веку (VIII в. до н.э.-VIII в. н.э.) //Беларускі Гістарычны Агдяд. т.1. Мінск, 1994. С. 15-37.

Мельниковская О.Н., 1962 - Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в южной Белоруссии // Советская археология, № I, 1962. С. 163-172.

Мельниковская О.Н., 1967 - Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Микляев А.М., 1995 - Каменный - железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник, № 9, СПб., 1995. С. 7-39.

Минасян Р.С., 1972 - Селище Узмень // Археологический сборник Г Э, вып. 14, Л., 1972. С. 112-117.

Минасян Р.С., 1978 - Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии, вып.2, ЛГУ, 1978. С. 148-152.

Минасян Р.С., 1978а - Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник ГЭ. № 19. Л., 1978. С. 74-85.

Минасян Р.С., 1978б - Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // Сообщения Государственного Эрмитажа, № 43, Л., 1978. С. 35-37.

Минасян Р.С., 1978в - Классификация ручного жернового постава // Советская археология, 1978, № 3. С. 101-112.

Минасян Р.С., 1979 - Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды Государственного Эрмитажа, вып.20. Л., 1979. С. 169-185.

Митрофанов А.Г., 1966 - Новые данные о памятниках VI-VIII вв. Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 218-235.

Митрофанов А.Г., 1967 - Банцеровское городище // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 243-261.

Митрофанов А.Г., 1972 - О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V-VIII вв.) // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 150-163.

Митрофанов А.Г., 1978 - Железный век Средней Белоруссии (VII-VI вв. до н.э. - VIII в. н.э.). Минск, 1978.

Модестов Ф.Э.,1985 - Работы в районе Смоленска // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 70-71.

Модестов Ф.Э., 1986 - Исследования в Смоленском районе // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 63-64.

Модестов Ф.Э., 1987 - Исследования Смоленского музея-заповедника // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 85-86.

Модестов Ф.Э., 1988 - Исследования Смоленского музея-заповедника // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 78.

Модестов Ф.Э., 1997 - Исследования в Смоленском районе // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 147-148.

Недошивина Н.Г., 1967 - Перстни // Очерки по истории русской деревни. М., 1967. С. 253-274.

Никольская Т.Н., 1959 - Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. М., 1959.

Обломский А.М., 1992 - Племена лесной зоны и лесостепь в I-III вв. н.э. // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 83-86.

Очерки, 1970 - Очерки по археологии Белоруссии, ч. I, Минск, 1970.

Падин В. А., 1960 - Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска // Советская археология, 1960, № 3. С. 317-319.

Падин В.А., 1974 - Древности VI-VII вв. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 132-135.

Патрик Г.К., 1985 - Работы в Тульской и Смоленской областях // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 74-75.

Перхавко В.Б., 1978 - Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // Советская археология, 1978, № 3. С. 113-126.

Перхавко В.Б., 1979 - Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Советская археология, 1979, № 4. С. 40-55.

Перхавко В.Б., 1992 - Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Белоруссии // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 86-88.

Петров В.П., 1968 - Подсечное земледелие. Киев, 1968.

Поболь Л.Д., 1966 - Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 205-217.

Поболь Л.Д., 1967 - Поселение железного века около д. Щатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 182-242.

Поболь Л.Д., 1967а - Деревянное рало из торфянника у дер. Каплановичи // Acta Baltico-Slavica, t. V, Bialystok. С. 117-127.

Поболь Л .Д., 1969 - Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья//Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 89-117.

Поболь Л.Д., 1970 - Памятники Южной Белоруссии // Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1970. С. 138-150.

Поболь Л.Д., 1971 - Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971.

Поболь Л.Д., 1973 - Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973.

Поболь Л.Д., 1974 - Древности середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 159-180.

Повесть, 1950 - Повесть временных лет. Ч. 1. Под ред. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов В.Г., 1996 - Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 79-102.

Репников Н.И. 1906 - Некоторые могильники области крымских готов. Известия имп. археологической комиссии, вып. 19. СПб, 1906.

Розенфельдт И.Г., 1980 - Еще раз о Березняковском городище // Краткие сообщения ИА АНСССР. № 162. М, 1980. С. 52-60.

Розенфельдт И.Г., 1982 - Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М, 1982.

Русанова И.П., 1963 - Поселение у с. Корчака на р. Тетереве // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 39-50.

Русанова И.П., 1966 - Славянские памятники второй половины I тысячелетия н.э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 188-192.

Русанова И.П., 1976 - Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

Рыбаков Б.А., 1949 - Новый Суджанский клад антского времени // Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XXVII. М.-Л, 1949. С. 75-90.

Рыбаков Б.А., 1953,- Древние русы // Советская археология, в. XVII. М., 1953. С. 23-104.

Седин А. А., 1988 - Работы в Восточной Белоруссии // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 378.

Седин А.А., 1992 - Результаты исследования городища Никодимово в Восточной Белоруссии // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 97-100.

Седин А.А., 1992а - Некоторые сведения о памятниках третьей четверти I тысячелетия н.э. в окрестностях Могилева // Паведамленні 2-й абласной краязнаўчай канферэнцыі. Магілёў, 1992. С. 8-11.

Седин А.А., 1993 - Пряслица из городища Никодимово // Прыдняпроўе. Магілёў. 1993. С. 22-29.

Седин А. А., 1994 - Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. вып. V. Магілёў, 1994. С. 16-19.

Седин А. А., 1994а - Древнее земледелие и скотоводство по материалам раскопок городища Никодимово // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў, 1994. С. 114-127,

Седзін А.А., 1994б - Пальчатыя фібулы з Нікадзімава // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежых терыторый. Магілёў, 1994. С. 128-132.

Седин А. А.,1995 - Памятники третьей четверти I тысячелетия н.э. в междуречье Верхнего Сожа и Днепра // Гістарычныя лёсы Верхняга Подняпроўя, ч.1 (Археалогія): Магілёў, 1995. С. 131-152.

Седзін А.А., 1996 - Помнікі трэцяй чверці I тысячагодцзя н.э. у міжрэччы Верхняга Сажа і Дняпра // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 73-75.

Седов В.В., 1960 - Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.). М, 1960.

Седов В.В., 1967 - Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // Acta Baltico-Slavica, t. V, Bialystok, 1967. С. 129-146.

Седов В.В., 1967а- Рецензия на книгу П.Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» // Советская археология, 1967, I 3. С. 309-310.

Седов В.В., 1970 - Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов В.В., 1971 - Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. С. 89-114.

Седов В.В., 1979 - Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В., 1994 - Славяне в древности. М., 1994.

Седов В.В., 1994а - Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология, 1994, №2. С. 56-70.

Седов В.В., 1995 - Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов В.В., 1998 - Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // Российская археология. 1998. № 2. С. 54-67.

Седов В.В., 1999 -Древнерусская народность, историко-археологическое исследование. М., 1999.

Семенцов А.А., Долуханов П.М., Романова Е.М., 1972 - Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // Советская археология, 1972, № 3. С. 209-210.

Смирнов К.А., 1970 - Железные изделия Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970. С. 170-178.

Соловьева Г.Ф., 1967 - Славянские курганы близ с. Демьянки // Советская археология, 1967, № 1. С. 187-198.

Станкевич Я.В., 1960 - К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э.// Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э. М.-Л., 1960. С. 7-322.

Станкевич Я.В., 1962 - Курганы у дер. Полибино на реке Ловати // Краткие сообщения ИА АН СССР, вып. 67. М., 1962. С. 31-35.

Старостин П.П., 1967 - Памятники Именьковской культуры. М., 1867.

Сымонович Э.А., 1960 - Памятники черняховской культуры в с. Кринички //Черняховская культура, М., 1960. С. 239-252.

Сымонович Э.А., 1963 - Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 97-137.

Сымовович Э.А., 1966 - О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья. // Советская археология, 1966. № 3. С. 38-51.

Сымонович Э.А., 1972 - Опыт сопоставления керамики Белоруссии и балтских культур I тыс. н.э. // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 94-96,

Сымонович Э.А., 1974 - Поселение Воробьевка 2 в Курской области // Краткие сообщения ИА АН СССР. вып. 140, М., 1974. С. 76-63.

Тарасенко В.Р., 1947 - Раскопки на городище Барсучья Горка // Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 15, 1947. С. 102-105.

Таутавичюс А.З., 1959 - Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 128-153.

Таутавичюс А.З., 1980 - Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Из древнейшей истории балтских народов (По данным археологии и антропологии). Рига, 1960. С. 80-88.

Терпиловский Р.В., 1984 - Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984.

Терпиловский Р.В., 1991 - Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель, 1991. С. 36-38.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992 - Памятники киевской культуры. Киев. 1992.

Тиханова М.А., 1960 - Ласковский клад // Советская археология, 1960, № I. С. 196-204.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962 - Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Третьяков П.Н., 1941 - Северные восточнославянские племена // МИА № 6. Л., 1941.

Третьяков П.Н., 1953 - Восточнославянские племена. М., 1953.

Третьяков П.Н., 1958 - Городища-святилища левобережной Смоленщины // Советская археология. 1958. № 4. С. 170-186.

Третьяков П.П., 1959 — Чаплинское городище // Памятники зарубинецкой культуры. М.-Л., 1956. С. 119-153.

Третьяков П.П., 1963 - Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1968. С. 3-140.

Третьяков П.Н., 1963а - Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги // История, фольклор, искусство славянских народов. - Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С.3-33.

Третьяков П.Н., 1965 - О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья // Советская археология, 1965, №4. С. 63-77.

Третьяков П.Н., 1966 - Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.

Третьяков П.Н., 1962 - Этногенический процесс и археология // Советская археология. 1962, № 4. С. 3-16.

Третьяков П.Н., 1970 - У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Третьяков П.Н., 1974 - Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 40-118.

Третьяков П.Н., 1982 - По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Трубникова Н.В., 1964 - Раскопки на городище Ножа-Вар близ дер. Среево в 1958-1969 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Чебоксары, 1964, С. 117-156.

Усачева О.Н., 1979 - Работы Смоленского отряда // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 100.

Усачева О.Н., 1980 - Работы Смоленского отряда // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 84.

Усачева О.Н., 1985 - Работы Смоленского отряда // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 90.

Усачева О.Н., 1986 - Работы Смоленского отряда // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 78.

Федоров Г.Б., 1960 - Население Прутоко-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. М., 1960.

Филин Ф.П., 1962 - Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.

Фляксбэргэр К., 1932 - Зерны з Банцараускага гарадзішча пад Менскам // Працы сэкцыі археолёгіі. т. III. Менск, 1932. С. 163-166.

Фролов И.К., 1970 - Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 80-82.

Фролов И.К., 1980 - Работы Среднерусской экспедиции // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 87.

Фурасьев А.Г., 1992 - Современное состояние проблемы соотношения древностей типа Тушемли-Банцеровщины и псковских длинных курганов // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 104-107.

Фурасьев А.Г., 1996 - Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Беларусь у сістэме еурапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1996. С. 78-81.

Хавлюк П.И., 1962 - Славянские поселения VIII - начала IX века на Южном Буге // Археологический сборник ГЭ, вып. 4. Л., 1962. С. 116-126.

Ханенко Б.Н. и В.И., 1907 -Древности Поднепровья. вып. IV. Киев, 1907.

Хвойка В.В., 1901 - Поля погребений в среднем Поднепровье // Записки Русского археологического общества, т. 12, вып. 1-2, СПб, 1901. С. 172-190.

Шадыро В.И., 1985 - Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.

Шадыро В.И., 1992 - К истории населения Северной Белоруссии в I тыс. н.э. // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 107-109.

Шадыра В. І., 1993 - Селішча Пруднікі на беларуска-латышскім парубежжы (Матэрыяльная культура, датыровка) // Гістарычна-археалагічны зборнік, ч. 2. Мінск, 1993. С. 170-182.

Шадыро В.И., 1996 - Этнокультурные и социальные процессы на севере Белоруссии в раннем средневековье // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай далегацыі на VI Межнародным Кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 76-78.

Шадыра В.И., 1996а- Днепра-Дзвінская супольнасць у I тыс. н.э. (сацыяльны аспект і этнакультурныя працэсы) // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 80-82.

Шадыра В.І., 1997 - Вялікае пересяленне народаў і пачатак фарміравання беларускага народа // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Мінск, 1997. С. 60-71.

Шадыра В.І., 1999 - Банцараўская культура // Археалогія Беларусі, Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 359-375.

Шмидехельм М.Х., 1955 - Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. - V в.н.э.). Таллин, 1955.

Шмидт Е.А., 1958 -Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // Советская археология, 1958, № 3. С. 162-169.

Шмидт Е.А., 1962 - Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // Советская археология, 1962, № 4. С. 181-196.

Шмидт Е.А., 1963 - Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области, вып. V, Смол.книж.издат., 1963. С. 85-128.

Шмидт Е.А., 1963а - Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. // Славяне накануне образования Киевской Руси. М, 1963. С. 51-67.

Шмидт Е.А., 1963б -Длинные курганы у дер. Слобода-Глушица // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963. С. 177-192

Шмидт Е.А., 1963в - Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке (VIII в.до н.э.- III-IV вв. н.э.). М., 1963.

Шмидт Е. А., 1966 - Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н.э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 193-204.

Шмидт Е.А., 1967 - Раскопки в Днепро-Двинском междуречье на Смоленщине//Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 37-38.

Шмидт Е.А., 1968 - Исследования в Смоленском Поднепровье // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 40-43.

Шмидт Е.А., 1969 - Раскопки в Смоленской области // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 64-65.

Шмидт Е.А., 1970 — Изучение памятников I тысячелетия н.э. в Смоленском Подвинье // Археологические открытия 1969 года. М., 1970, С. 68-69.

Шмидт Е.А., 1971 - Раскопки памятников I тысячелетия н.э. в Смоленской области//Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 74-75.

Шмидт Е.А., 1972 - Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972. С. 3-46.

Шмидт Е.А., 1972б - Работы в Смоленской области // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 88-90.

Шмидт Е. А., 1972в - Некоторые данные о земледелии и скотоводстве на территории Смоленской области во второй половине I тысячелетия н.э. // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 64-78.

Шмидт Е.А., 1973 - Исследования в районе г. Смоленска и Смоленской области //Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 103-104.

Шмидт Е.А., 1974 - Исследование памятников в Смоленской области // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 89-90.

Шмидт Е.А., 1975 -Днепре-двинские племена в I тысячелетии н.э. (Автореферат докторской диссертации). М., 1975.

Шмидт Е.А., 1976 - Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н.э.). Смоленск, 1976.

Шмидт Е.А., 1976а - Новые данные о земледелии в V-VII вв. н.э. по материалам раскопок у дер. Близнаки // Сельское хозяйство и крестьянство нечерноземного центра РСФСР. Смоленск, 1976. С. 3-9.

Шмидт Е.А., 1980 - Раскопки на Смоленщине // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 89-90.

Шмидт Е.А., 1981 - Раскопки и разведки в Смоленской области // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 91-92.

Шмидт Е.А., 1982 — Древнерусские археологические памятники Смоленской области, ч I. «Московский рабочий», 1982.

Шмидт Е.А., 1983 -Древнерусские археологические памятники Смоленской области, ч. II. «Московский рабочий», 1983.

Шмидт Е.А., 1983а - Работы в Смоленской области // Археологические открытия 1981 года. М, 1983. С. 103-104.

Шмидт Е.А., 1984 - Исследования в междуречье Днепра и Западной Двины //Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 102-103.

Шмидт Е.А., 1985 - Исследования на северо-западе Смоленской области // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 102-103.

Шмидт Е.А., 1986 - Исследования на Смоленщине // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 85.

Шмидт Е.А., 1992 - Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепре-двинские племена (VIII в. до н.э.- III в. н.э.) М., 1992.

Шмидт Е.А., 1993 - Городище у дер. Буяново в бассейне р. Мерея // Дняпроўскі край. Магілёў, 1993. С. 36-41.

Шмидт Е. А., 1994 - Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў, 1994. С. 104-113.

Шмидт Е.А., 1995 - Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гістарычна-археалагічны зборнік, № 6. Мінск, 1995. С. 105-117.

Шмидт Е.А., 1996 - Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV-VII вв. в верховьях Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік, № 10. Мінск, 1996. С. 33-37.

Шмидт Е.А., 1999 - Племена верховьев Днепра во второй четверти I тыс. н.э. // Гісторыя Беларускага Падняпроўя. Магілёў, 1999. С. 37-46.

Шноре Э.Д., 1961 - Асотское городище. Рига, 1961.

Штыхов Г.В., 1971 -Археологическая карта Белоруссии. Вып.2. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971.

Штыхов Г.В., 1978 - Города Полоцкой земли. Минск, 1978.

Штыхов Г.В., 1991 - Курганы с кремацией VI-X вв. в северной Белоруссии // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель, 1991. С. 41-44.

Штыхов Г.В., 1992 - Об этнической интерпретации банцеровской культуры // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 116-117.

ШтыхауГ.В., 1992а-Крывічы. Мінск, 1992.

Шут К.П., 1966 - Памятники раннего железного века на севере Белоруссии //Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 163-182.

Шут К.П., 1969 - Городище Кубличи Ушачского района // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 262-289.

Якубовский А.С., 1964 - Новый тип подвески-лунницы с городища Ножа-Вар // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Чебоксары, 1964. С. 157-162.

Csallany D., 1961 - Archaologische Denkmaler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.z.). Budapest, 1961.

Jahn M., 1921 - Der Reitersporn, seine Entstehung und fruheste Entwicklung. Leipzig, 1921.

Kostrzewski J., 1948 - Od mezolitu do okresu wedrowok ludow. Prehistoria ziem Polskich. Krakow, 1938-48.

Kostrzewski J. ...., 1965 - Kostrzewski J., Chmielewski W., Jazdzewski K. Pradzieje Polski. Wroclaw - Warszawa - Krakow, 1965.

Kulicauskas P....., 1961 - Kulikauskas P.,Kulkauskene R., Tautavicius A. Lietuvos archeologijos bruozai. Vilnius, 1961.

Latvijas PSR..., 1974 - Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974.

Lietuviu liaudies menas. Senoves lietuviu papuosalai, k. I. Vilnius, 1958.

Lietuviu liaudies menas. Senoves lietuviu papuosalai, k. II. Vilnius, 1966.

Lietuvos PSR archeologijos atlas, t. IV. I-XIIIa. radiniai. Priedas (zemelapiai). Vilnius, 1978.

Moora H., 1932 - Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932.

Svoboda B., 1965 - Cechy v dobe stehovani narodie. Praha, 1965.

Tautavicius A., 1996 - Vidurinis gelezies amzius lietuvoje (V-IXa.). Vilnius, 1996.

Urbanavicius V, 1988 - Urbanavicius V. Urbanaviciene S. Archeologiniai tyrimai // Lietuvos archeologija. 6. Vilinus, 1988. S. 9-61.

Urtans V, 1977 - Senakie depoziti Latvija. Riga, 1977.

Werner J., 1956 - Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. Munchen, 1956. A. Texteil. B. Tafelteil.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

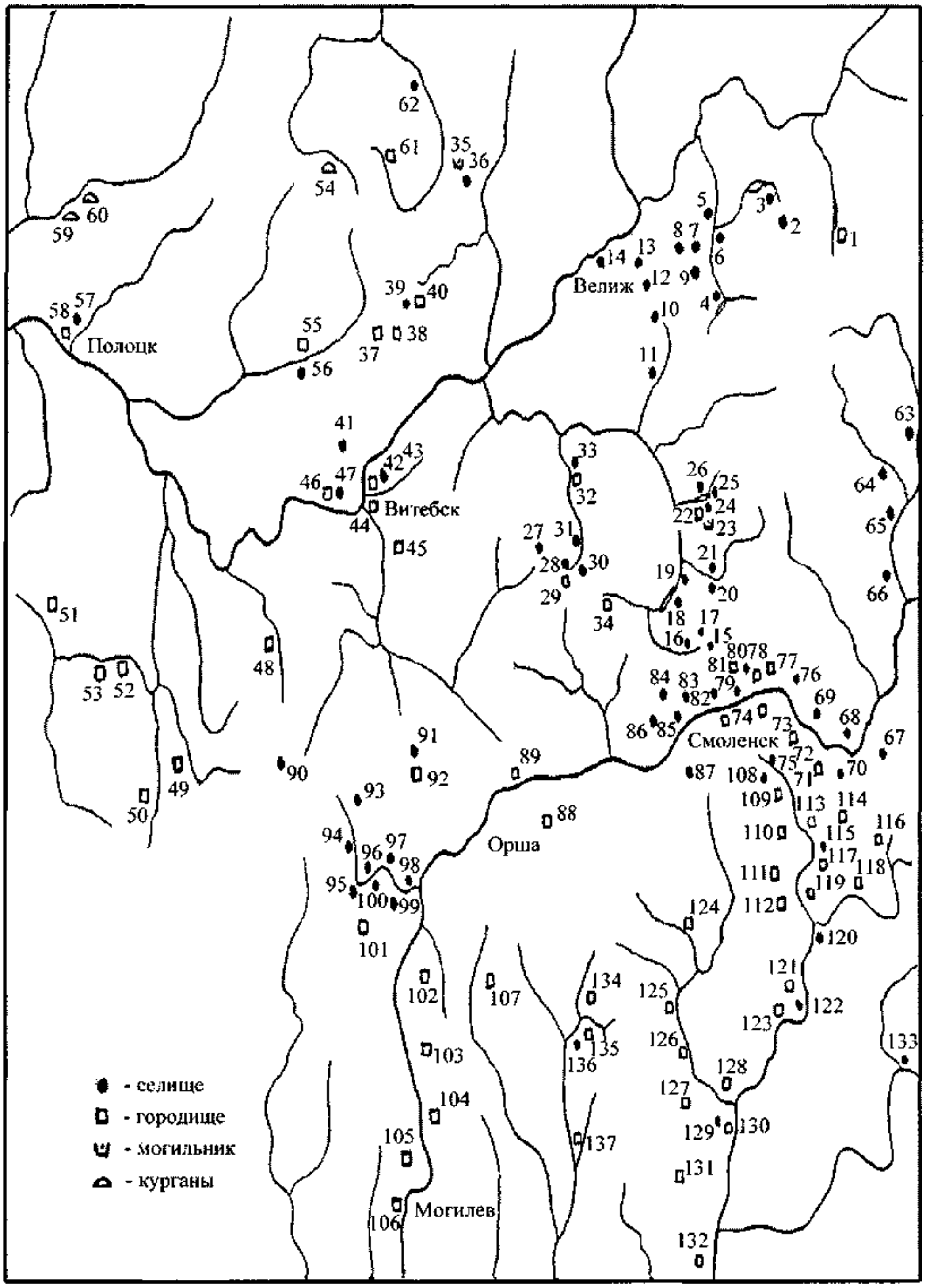

Рис.1. Схема размещения археологических памятников тушемлинской культуры в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

1-Сошно, 2 - Никольское, 3 - Берково, 4 - Пржевальское (Слобода), 5 - Подосинки, 6 - Ельша, 7 - Ярилово, 8 - Жуковщина, 9 - Аносинки, 10 - Сокорево, И - Никасицы, 12 -Шугайлово, 13 - Кисели, 14 - Велиж, 15 - Заборье, 16 - Пениснар, 17 - Дубровка, 18 -Каспля, 19 - Алфимово, 20 - Кислые, 21 - Кислые (Курлын), 22 - Акатово, 28 - Акатово (могильник), 24 - Акатово (селище), 25 - Холм, 26 - Дроково, 27 - Девино, 28 - Микулино (селище), 29 - Микулино (городище), 30 - Переволочье, 31 - Заозерье, 32 - Ковали (городище), 33 - Ковали (селище), 34 - Рокот, 35 - Узмень (могильник), 36 - Узмень (селище), 37 - Березна, 38 - Баскатова, 39 - Вышадки (селище), 40 - Вышадки (городище), 41 - Лужесна, 42 - Витебск (городище), 43 - Витебск (селище), 44 - Бароники, 45 - Ранина, 46 - Старое Село (городище), 47 - Старое Село (селище), 48 - Сенно, 49 - Лукомль, 50 - Клишино, 51 - Кострица, 52 - Камень, 53 - Баровна, 54 - Дорохи, 55 - Кисели, 56 - Казиново, 57 - Полоцк (селище), 58 - Полоцк (городище), 59 - Повалишино, 60 - Атоки, 61 - Лелевщина, 62 - Жабино, 63 - Рядынь, 64 - Третьяково, 65 - Сельцо, 66 - Мизиново, 67 - Арефино, 68 - Козичино, 69 - Соколья Гора, 70 - Березинка, 71 - Шапырево, 72 - Церковище, 73 - Смоленск (Круглый стол), 74 - Демидовка, 75 - Сож, 76 - Колодня, 77 - Вязовенька, 78 - Лестровка, 79 - Новоселки, 80 - Василевщина, 81 - Близнаки, 82 - Гнездово, 83 - Ладыжицы, 84 - Куприне, 85 - Катынь, 86 - Будково, 87 -Цурковка, 88 - Вежки, 89 - Германы, 90 - Городище, 91 - Черкасове (селище), 92 - Черкасове (городище), 93 - Пилькевичи, 94 - Репухово, 95 - Голошовка, 96 - Задровье, 97 - Зайцеве, 98 - Барань, 99 - Барань II, 100 - Ломачино, 101 - Дымокуры, 102 - Левки, 103 - Княжицы, 104 - Плешицы, 105 - Барсучья Горка, 106 - Змиевка, 107 - Городище, 108 - Кушлянщина, 109 - Лахтеево, НО - Ковшары, 111 - Троицкое, 112 - Тушемля, ИЗ - Колычеве, 114 - Боткине, 115 - Слобода-Глушица (селище), 116 - Городок, 117 - Слобода-Глушица (городище), 118 - Прудки, 119 - Акулинки, 120 - Устье, 121 - Васильеве, 122 - Еловцы (селище), 123 - Еловцы (городище), 124 - Кислое, 125 - Петрополье, 126 - Канарщина, 127 - Рай, 128 - Городец, 129 - Мстиславль, 130 - Митковщина, 131 - Залачево, 132 - Кричев, 133 - Печкуры, 134 - Горы, 135 - Никодимово (городище), 136 - Никодимово (селище), 137 - Затоны.

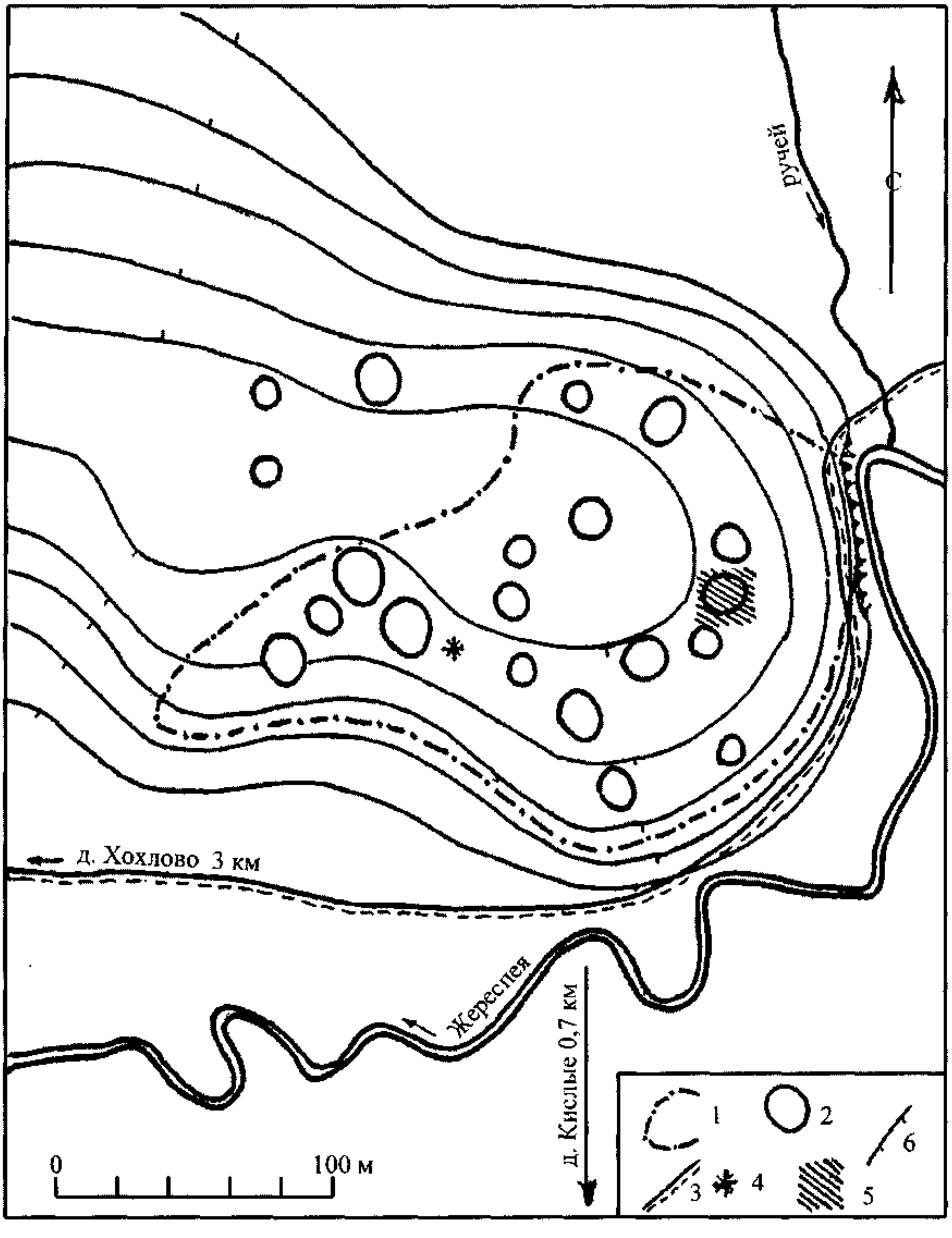

Рис. 2. Схематический план селища в урочище Курлын близ д. Кислые Смоленского района. 1 - граница селища, 2 - курганы, 3 - полевая дорога, 4 - бескурганное погребение, 5 - раскопанный участок, 6 - горизонтали, сечение горизонталей 1 м.

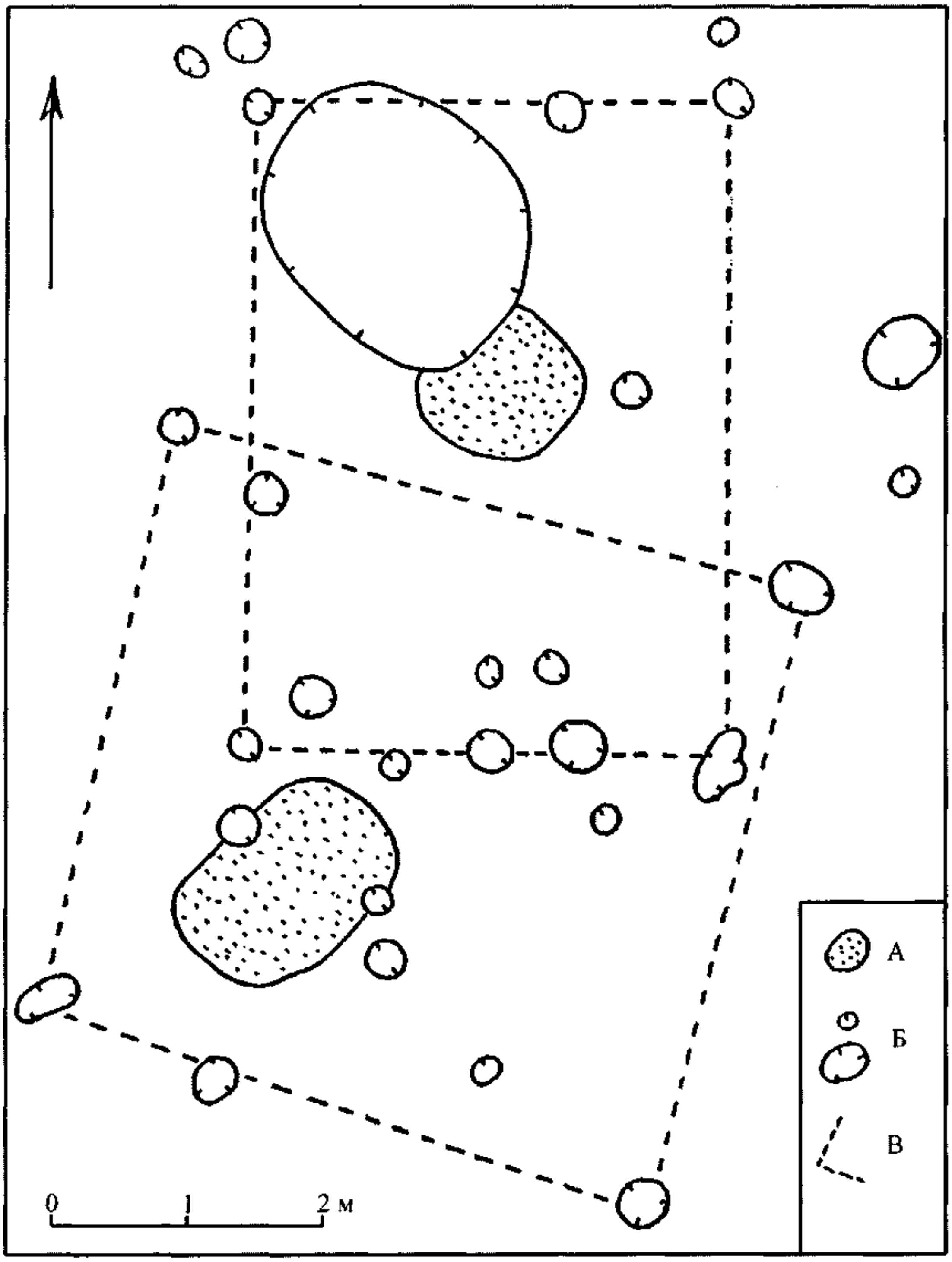

Рис. 3. План наземных жилых построек на селище Курлын у д. Кислые. А - заполнение очагов, Б - ямы в материке, В - вероятные контуры жилых построек.

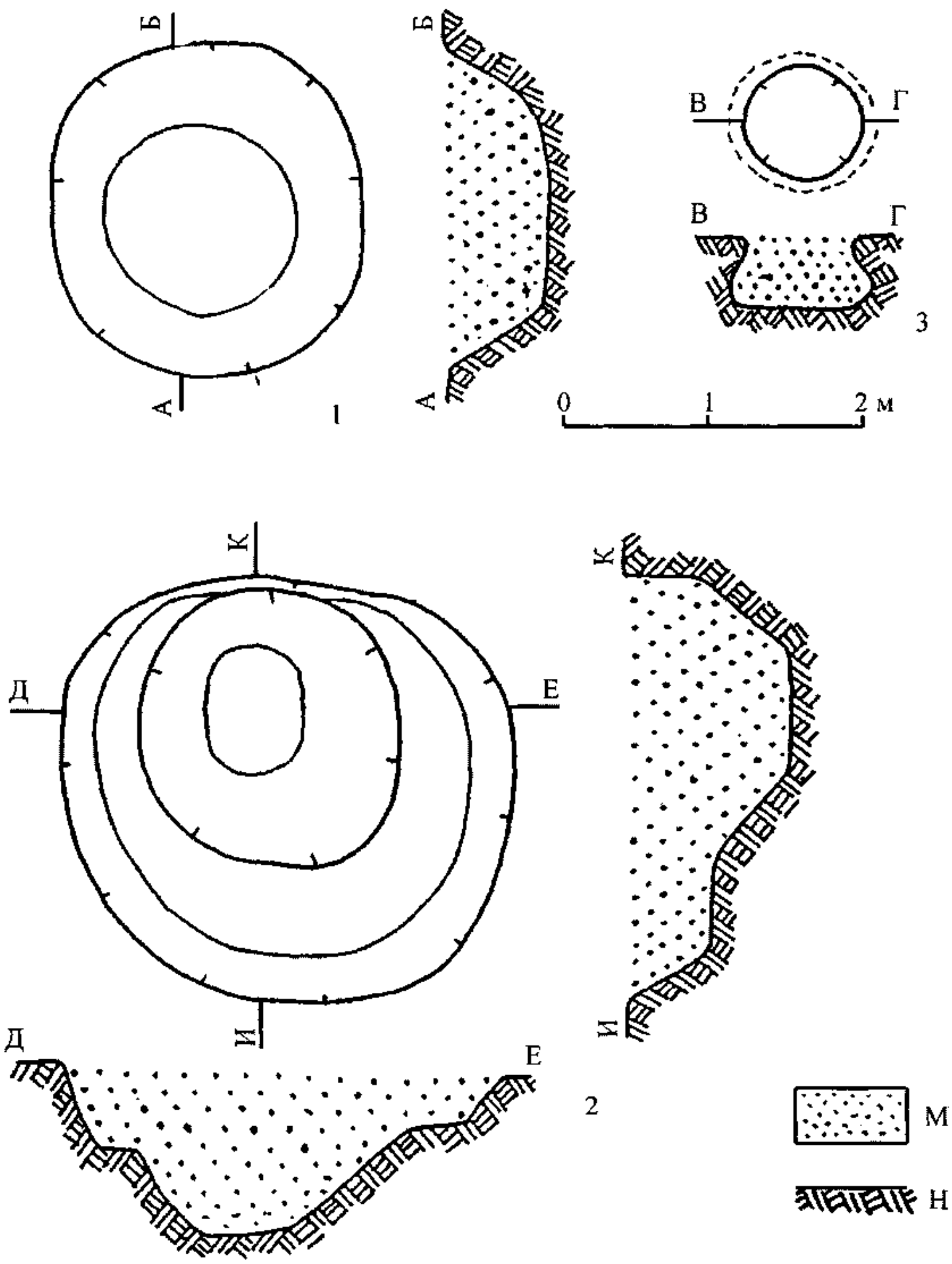

Рис. 4. Основные типы хозяйственных ям на селищах тушемлинской культуры. 1,2- селище Курлын у д.Кислые, 3 - селище северо-восточнее д. Кислые. М - песчаное заполнение ямы, Н - материковый грунт.

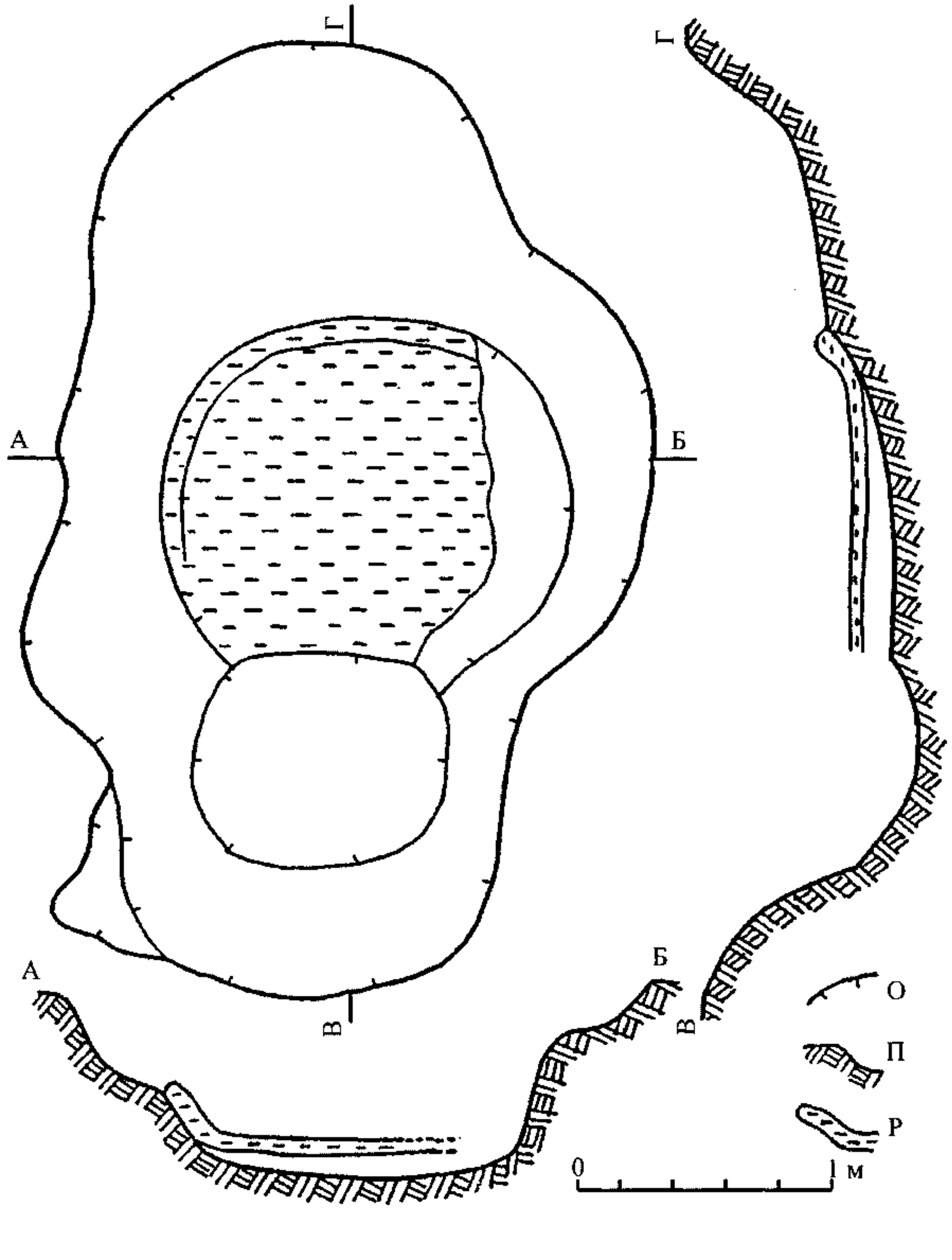

Рис. 5. Остатки производственного сооружения на селище северо-восточнее д. Кислые.
О - границы ям, П - материк на разрезах, Р - плотная обожженная глина.

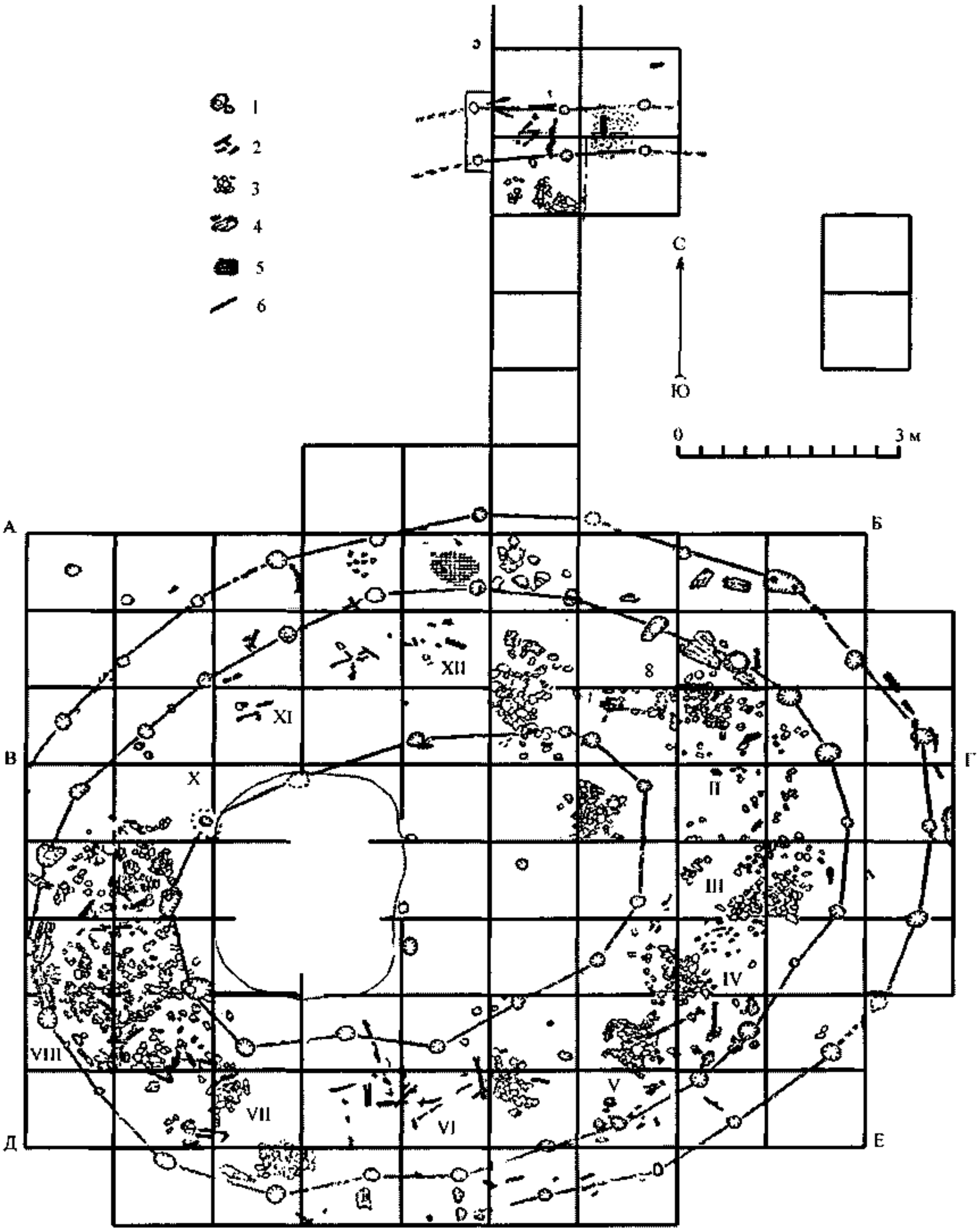

Рис. 6. План остатков сооружений на городище у д. Слобода-Глушица (по П.Н. Третьякову). 1 - ямы от столбов, 2 - сгоревшее дерево, 3 - камни, 4 - куски коры, 5 - следы огня на поверхности материка, 6 - направление стен деревянной постройки.

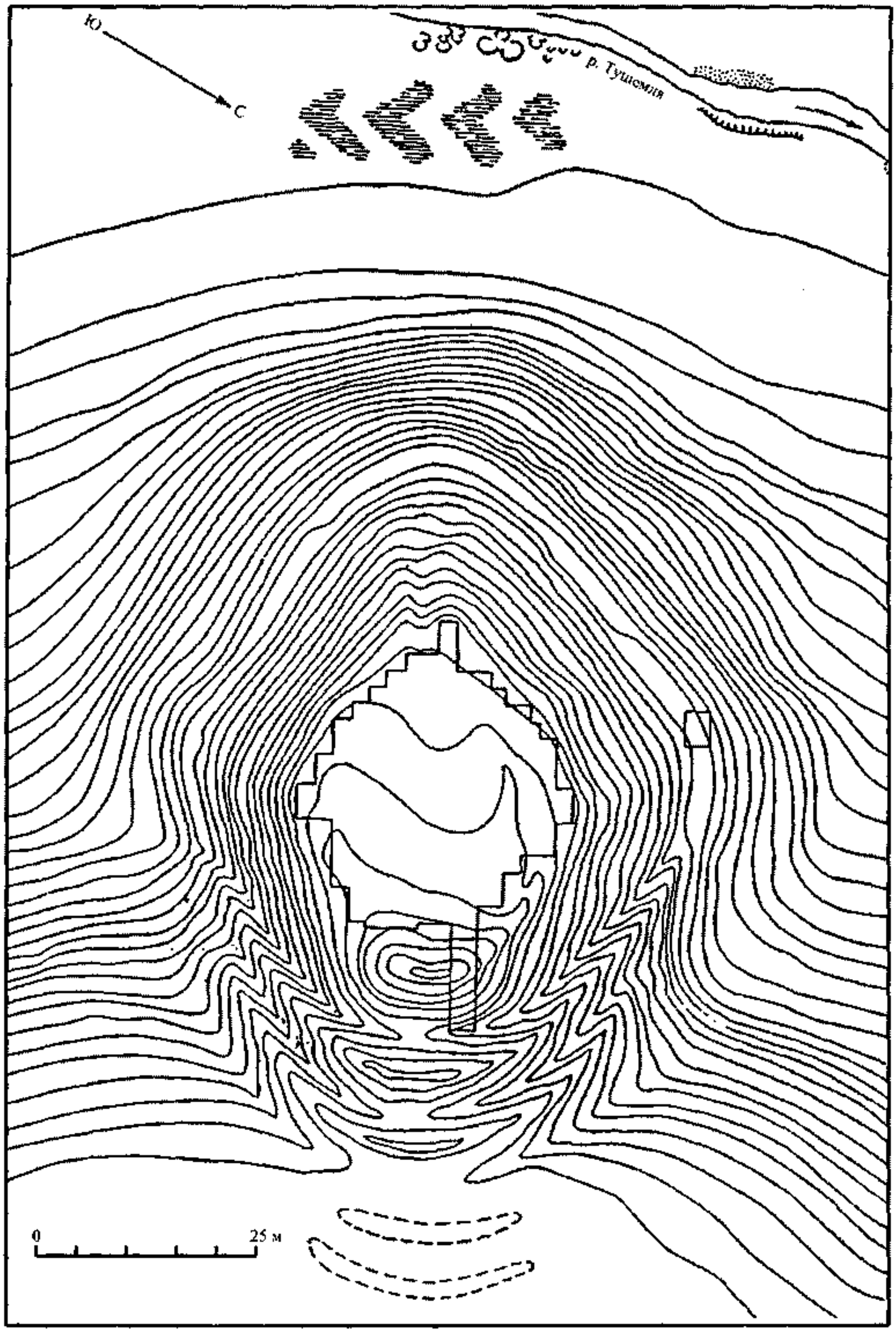

Рис.7. План городища Тушемля (по П.Н. Третьякову). Горизонтали проведены через 0,5 м.

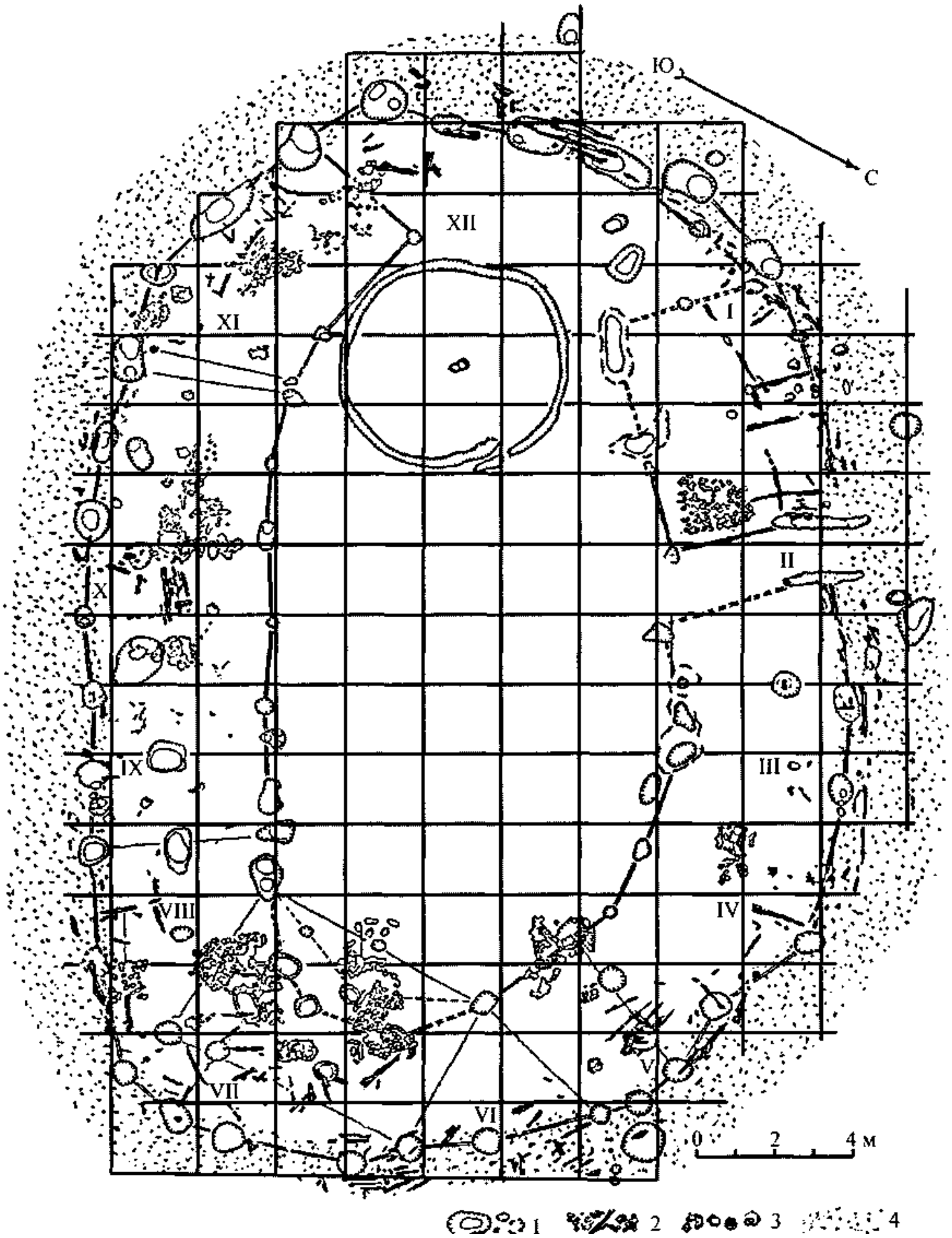

Рис. 8. План остатков сооружений верхнего слоя на городище Тушемля (по П.Н. Третьякову). 1 - ямы от столбов, 2 - камни от очагов, уголь, обгоревшие бревна, 3 - целые и разбитые сосуды, зернотерка, 4 - песчаная насыпь вала.

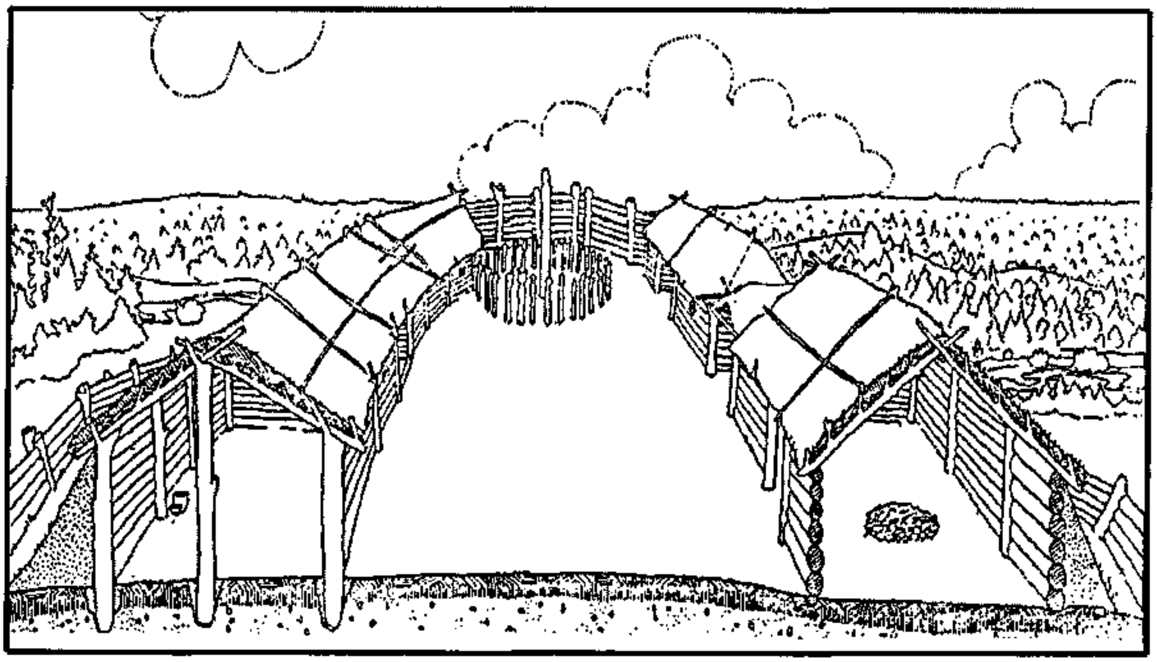

Рис. 9. Реконструкция общего вида городища Тушемля (по П.Н. Третьякову).

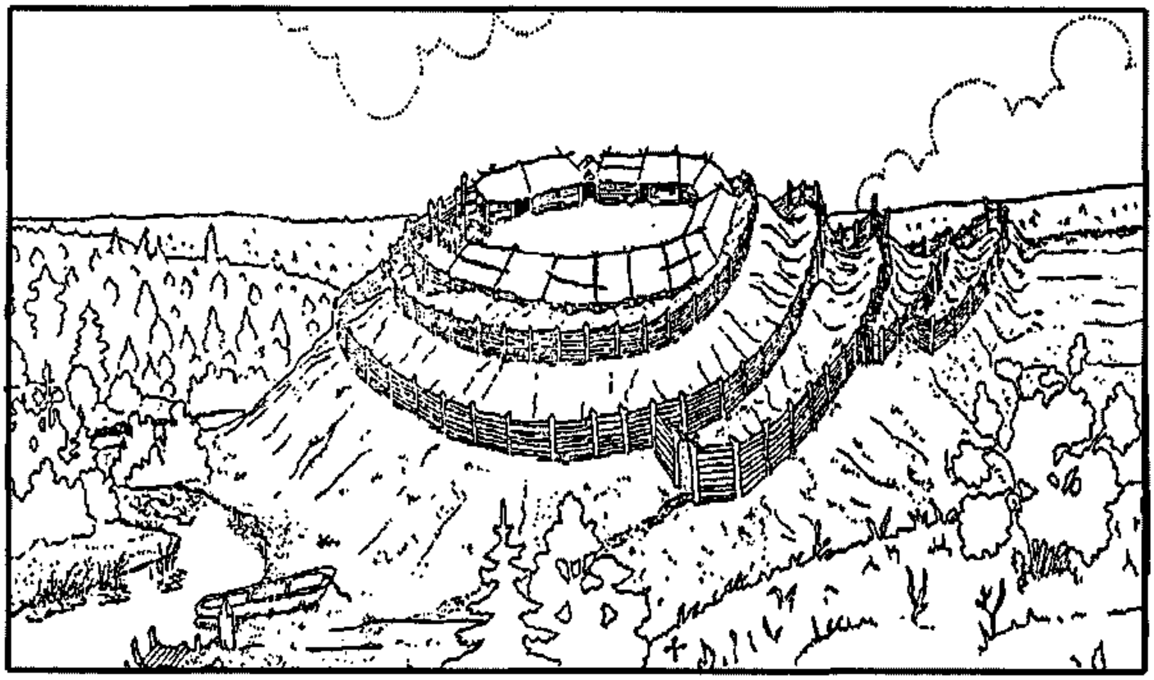

Рис. 10. Реконструкция помещений убежища и святилища (по П.Н. Третьякову).

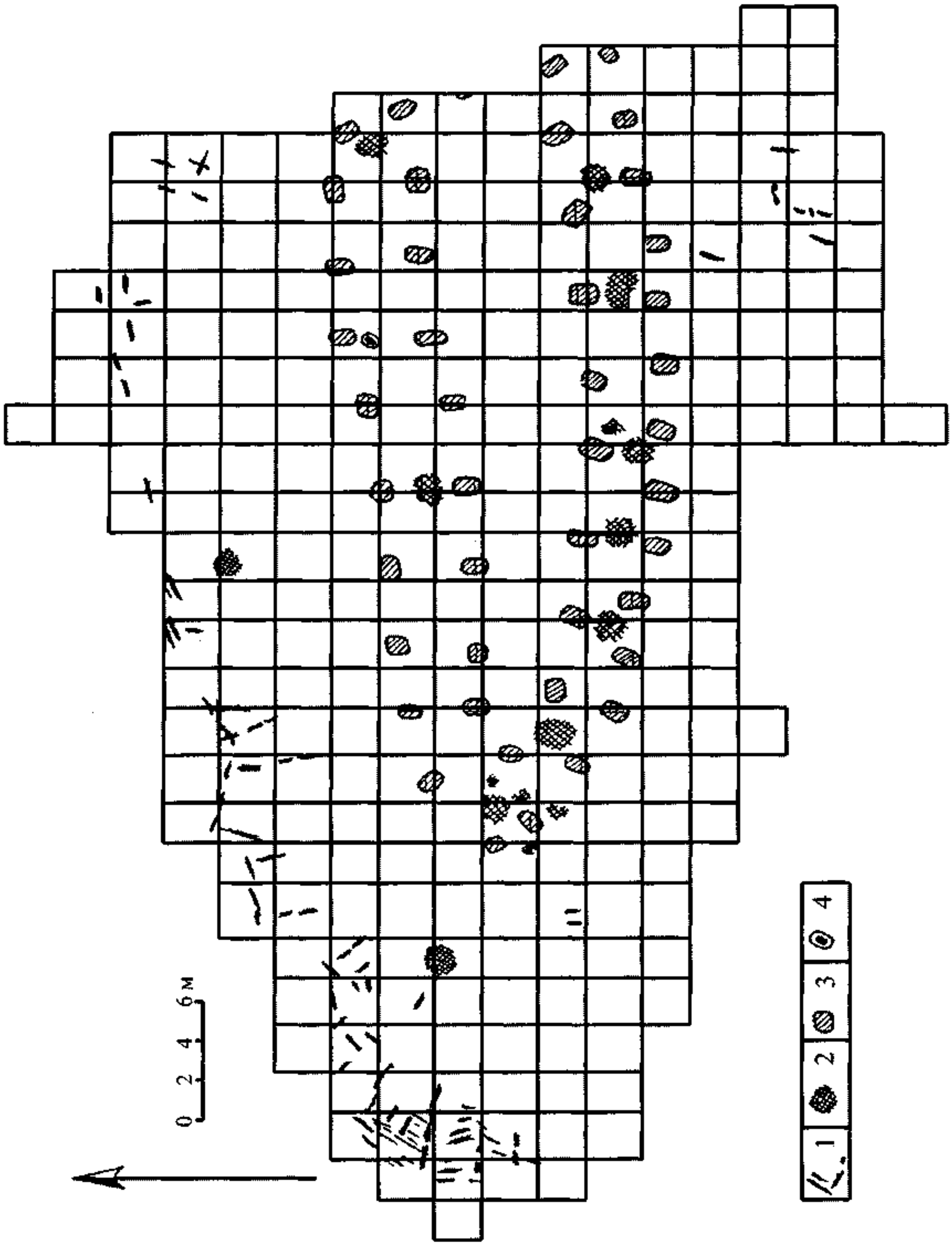

Рис. 11. Городище у д. Демидовка. Схематический план размещения остатков сооружений V-VII вв. 1 - обгоревшие бревна, 2 - скопление камней, 3 - ямы от столбов, 4 - большая зернотерка.

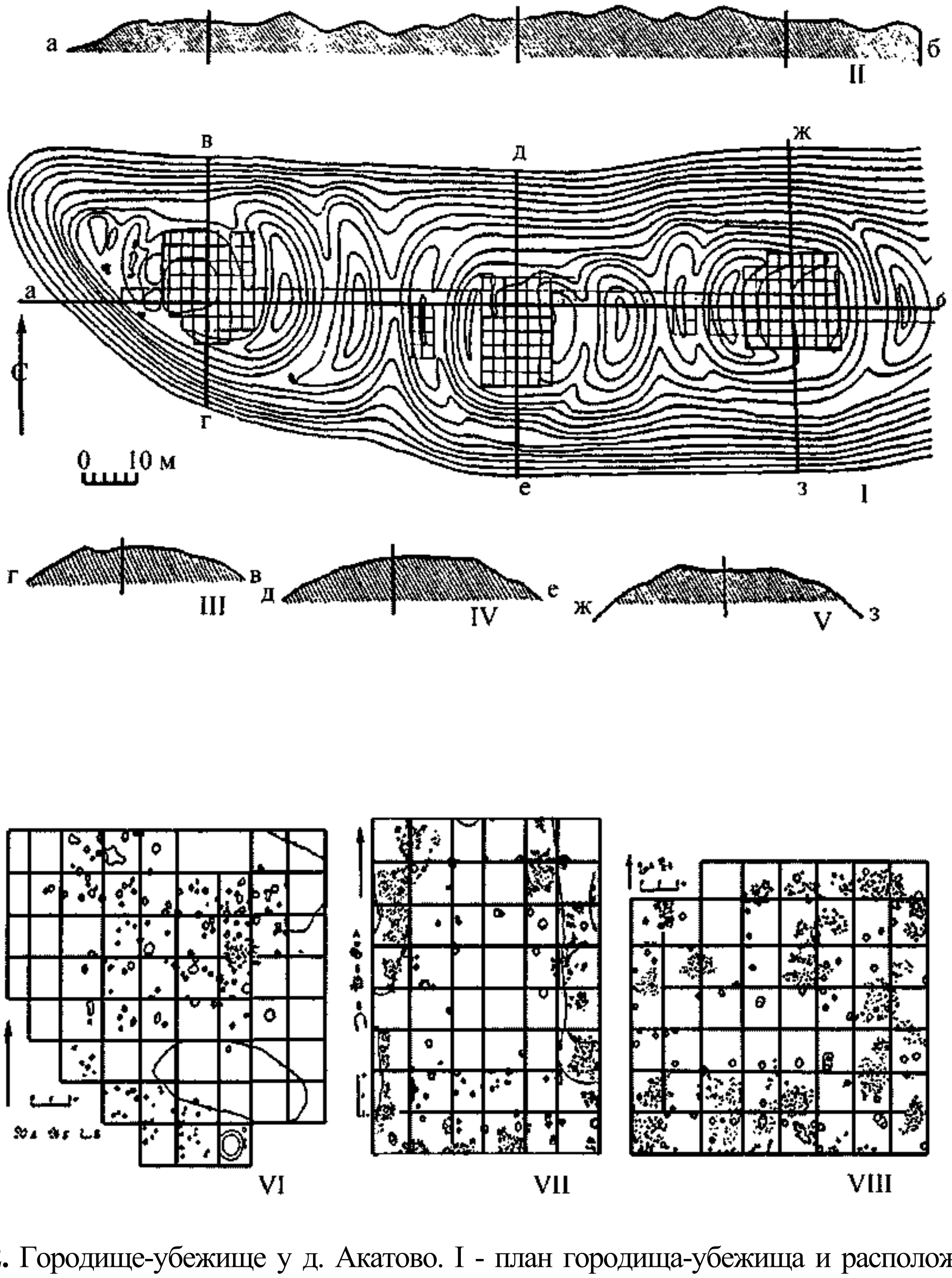

Рис. 12. Городище-убежище у д. Акатово. I - план городища-убежища и расположение раскопов. II - продольный профиль по линии А-Б. III - поперечный профиль В-Г через западную площадку. IV - поперечный профиль Д-Е через центральную площадку. V - поперечный профиль Ж-З через восточную площадку. VI - план раскопа на западной площадке. VII - план раскопа на центральной площадке. VIII - план раскопа на восточной площадке.

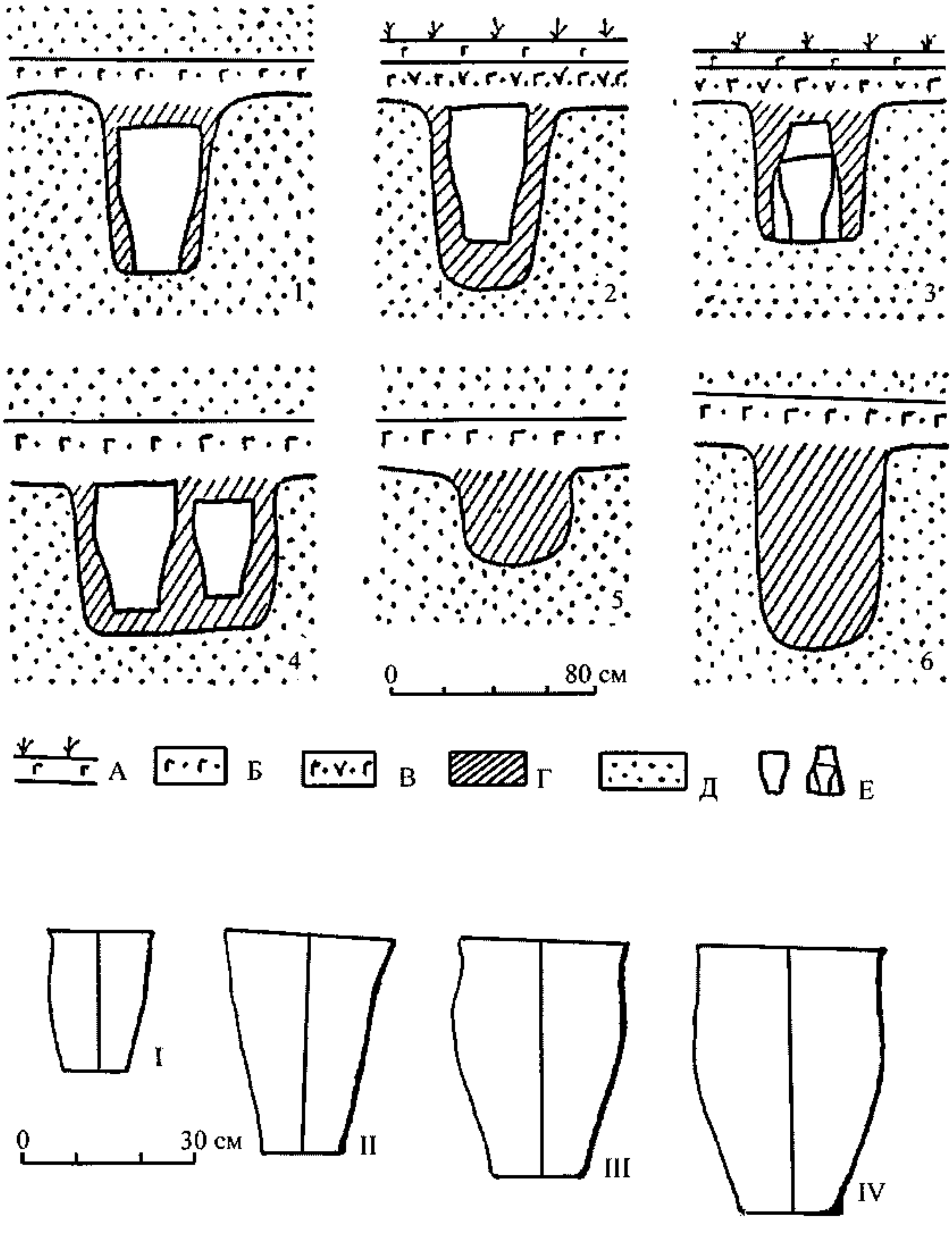

Рис. 13. Грунтовый могильник V-VII вв. н.э. у д. Акатово. 1-6 - разрезы погребений с урнами и без урн. А - современный дерн, Б - древний погребенный дерн, В - перепаханный грунт серого цвета, Г - остатки трупосожжения в грунтовых ямах, Д - светлый кварцевый песок, Е - глиняные сосуды-урны. I-IV - основные типы глиняных сосудов, использованных в качестве урн.

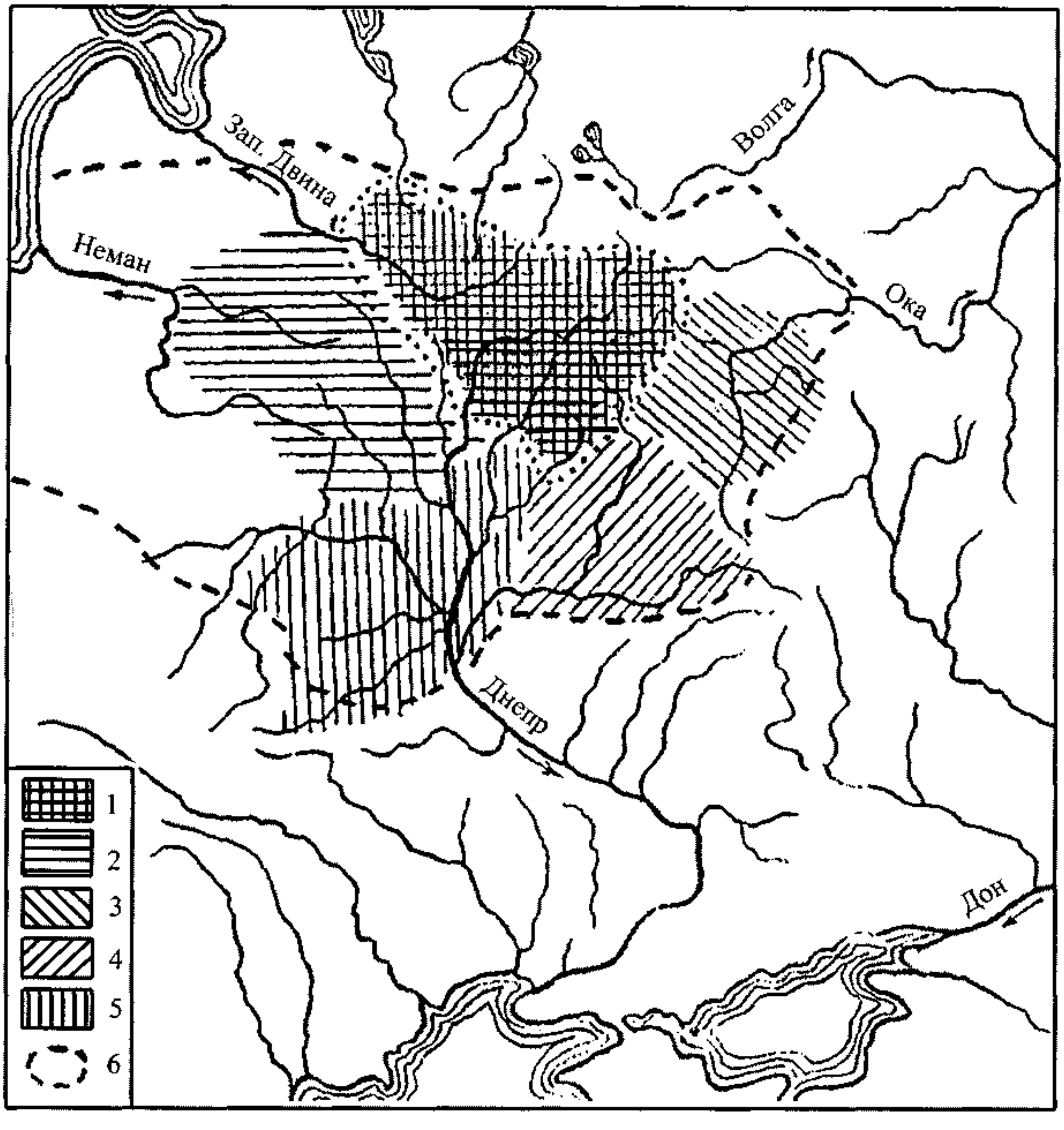

Рис.14. Археологические культуры Верхнего Поднепровья и Подвинья в середине I тыс. до н.э. 1 - днепро-двинская, 2 - штрихованной керамики, 3 - верхнеокская, 4 - юхновская, 5 - милоградская, 6 - граница распространения балтской топонимики.

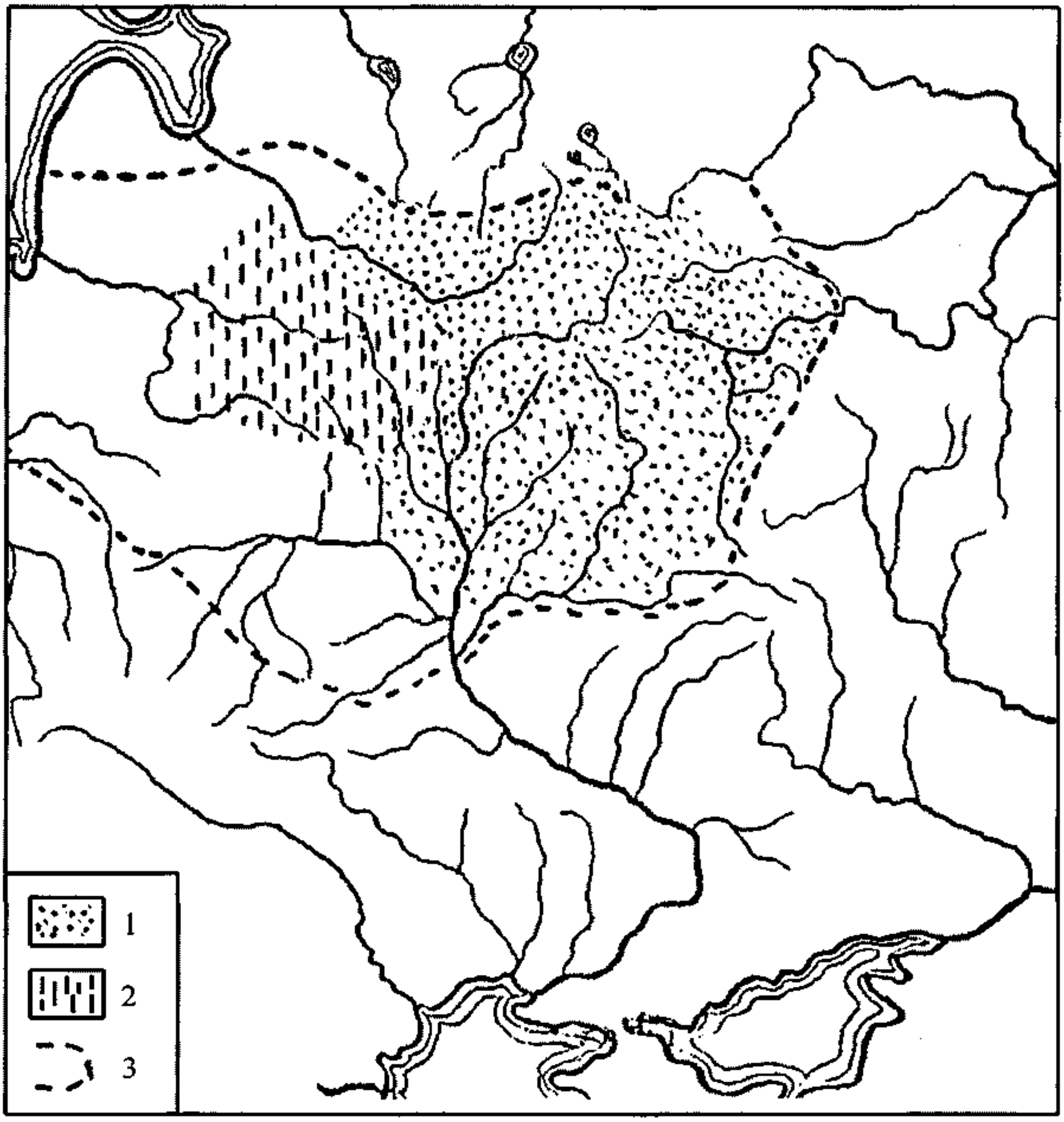

Рис. 15. Верхнее Поднепровье и Подвинье в начале н.э. 1- область распространения профилированной керамики типа среднего слоя городища Тушемля, 2 - область штрихованной керамики, 3 - граница распространения балтской топонимики.

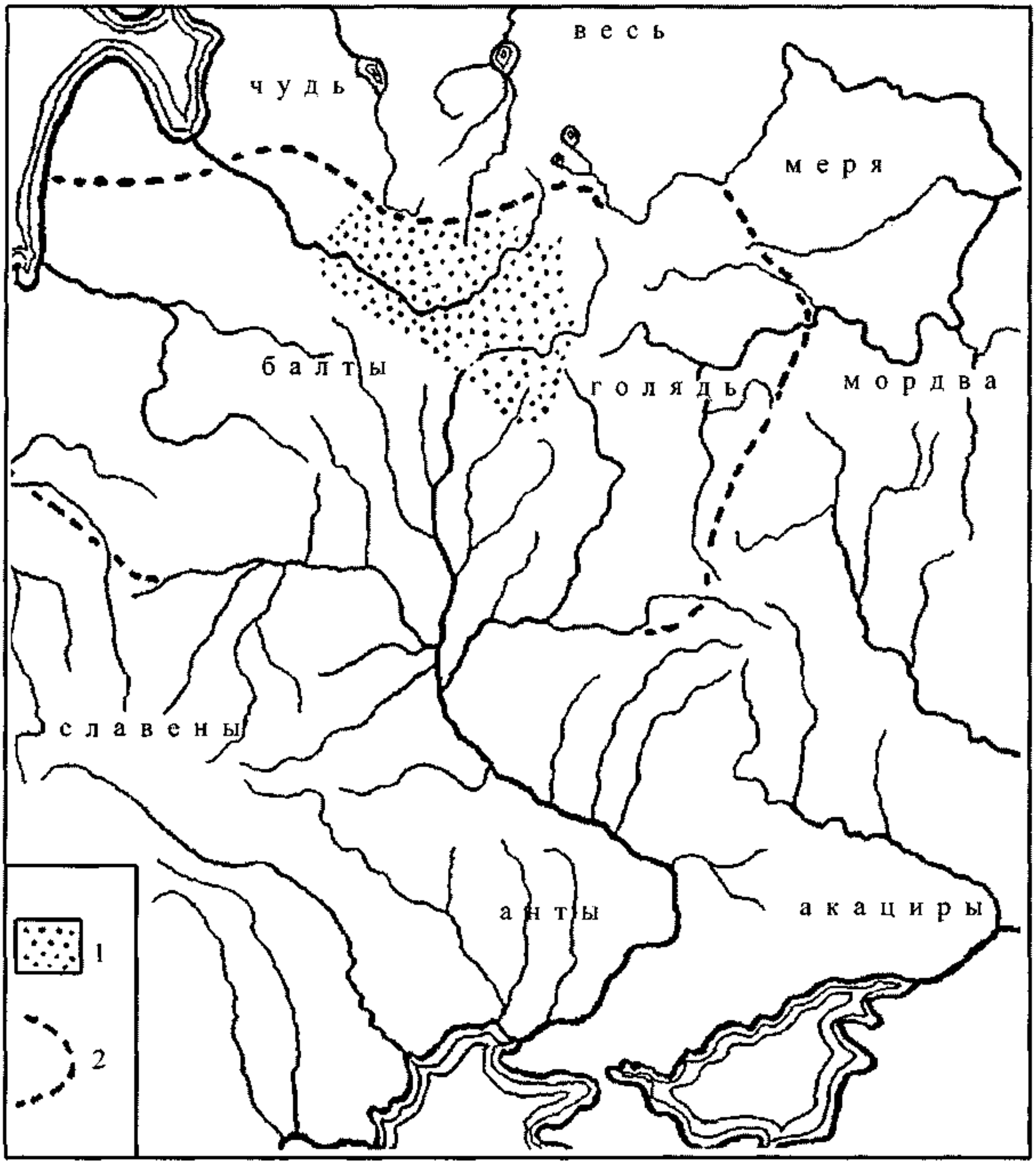

Рис.16. Племена Восточной Европы в VI веке н.э. 1 - племена тушемлинской культуры. 2 - граница распространения балтской топонимики. Племена, отмеченные на карте, упомянуты Иорданом (размещение дано по В.В. Седову).

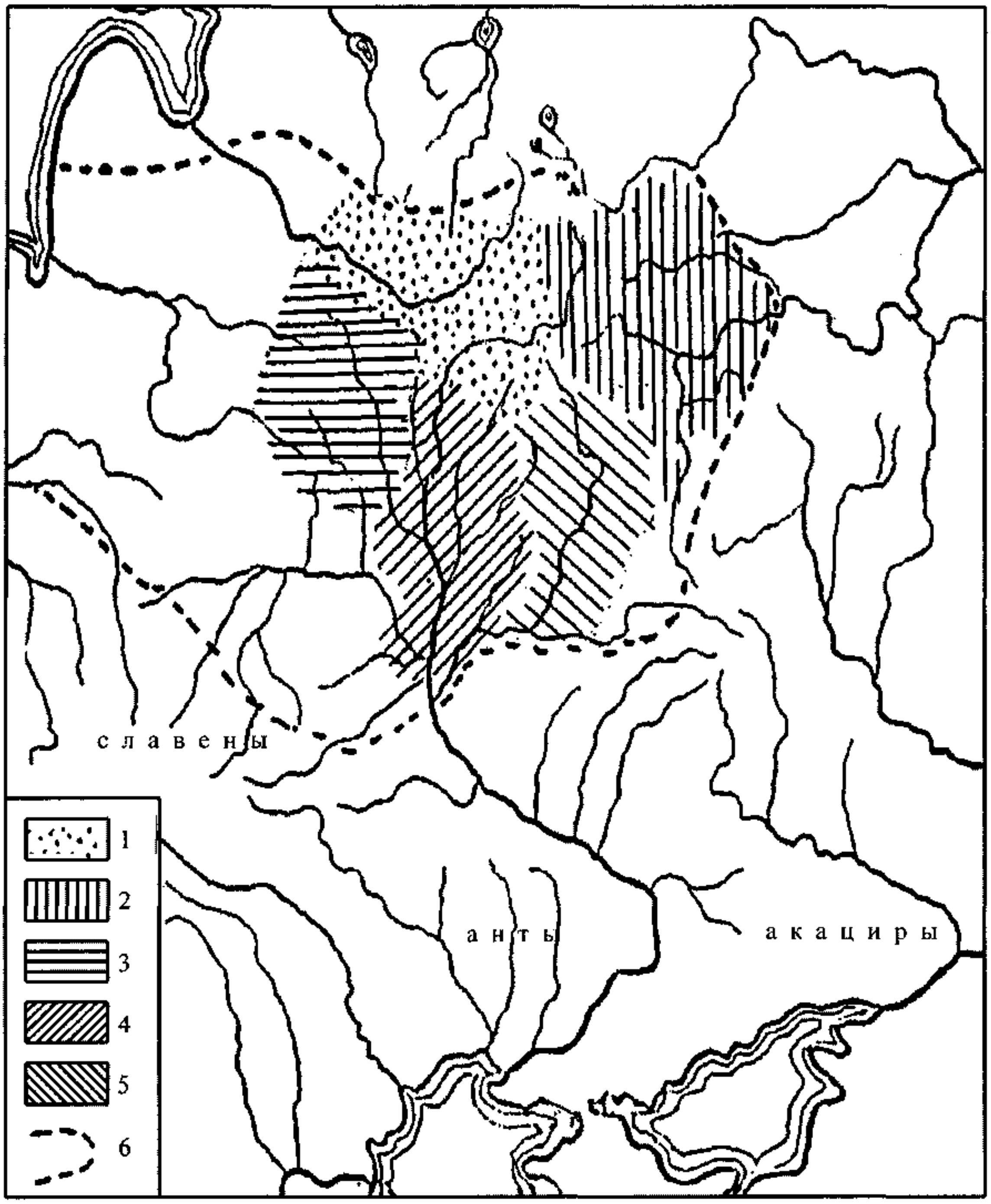

Рис.17. Археологические культуры Верхнего Поднепровья и Подвинья в середине I тыс.н.э. 1 - тушемлинская, 2 - мощинская, 3 - банцеровская, 4 - колочинская, 5 - деснинская, 6 - граница распространения балтской топонимики.

ТАБЛИЦЫ

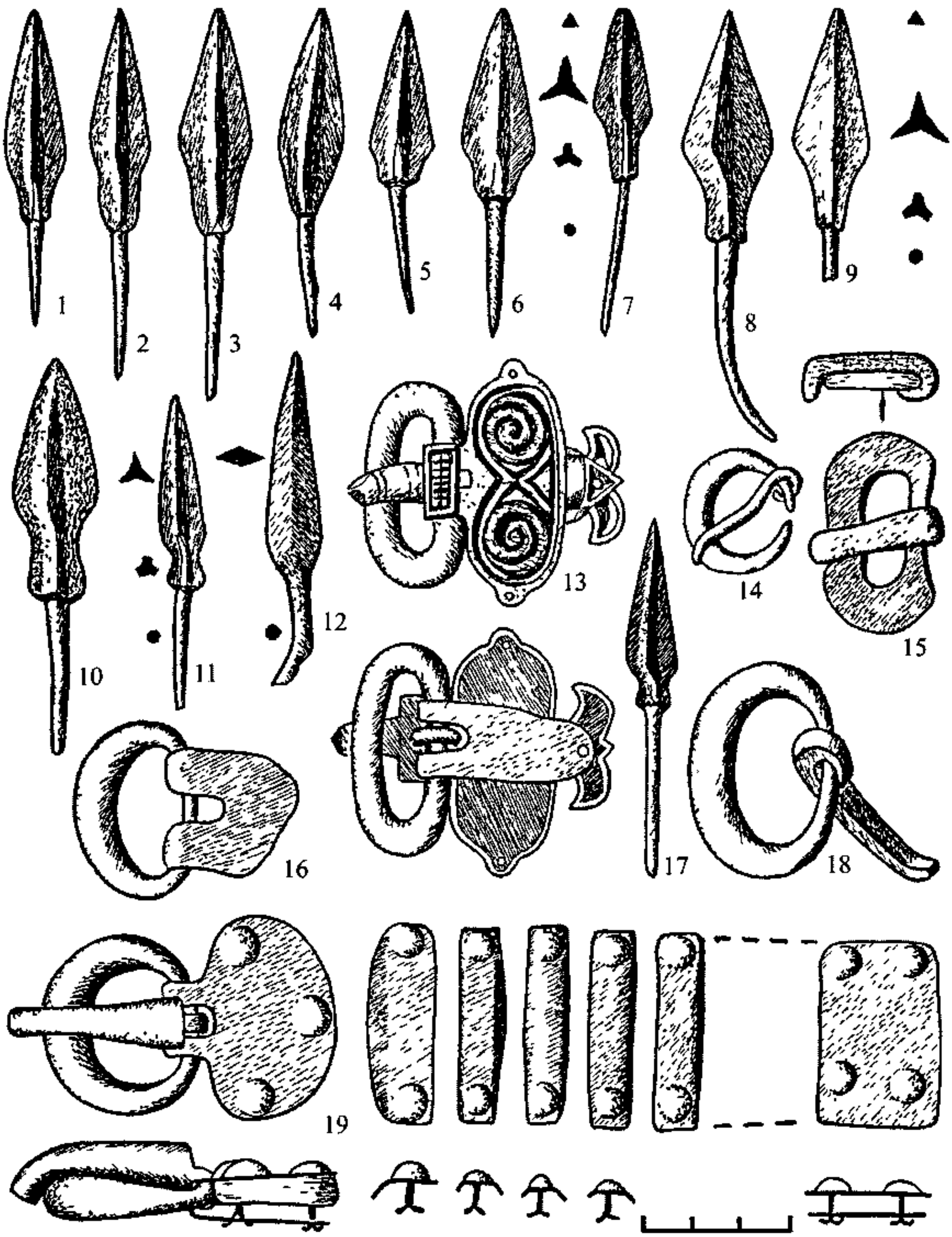

Таблица 1. 1-12, 17 - наконечники стрел; 13-16, 18 - пряжки; 19 - поясной набор. 1-9, 12, 13, 15, 19 - Демидовка; 10-Троицкое, 11 -Старое Куприно, 14, 17, 18-Близнаки. 1-12, 14-18-железо, 13, 19-серебро.

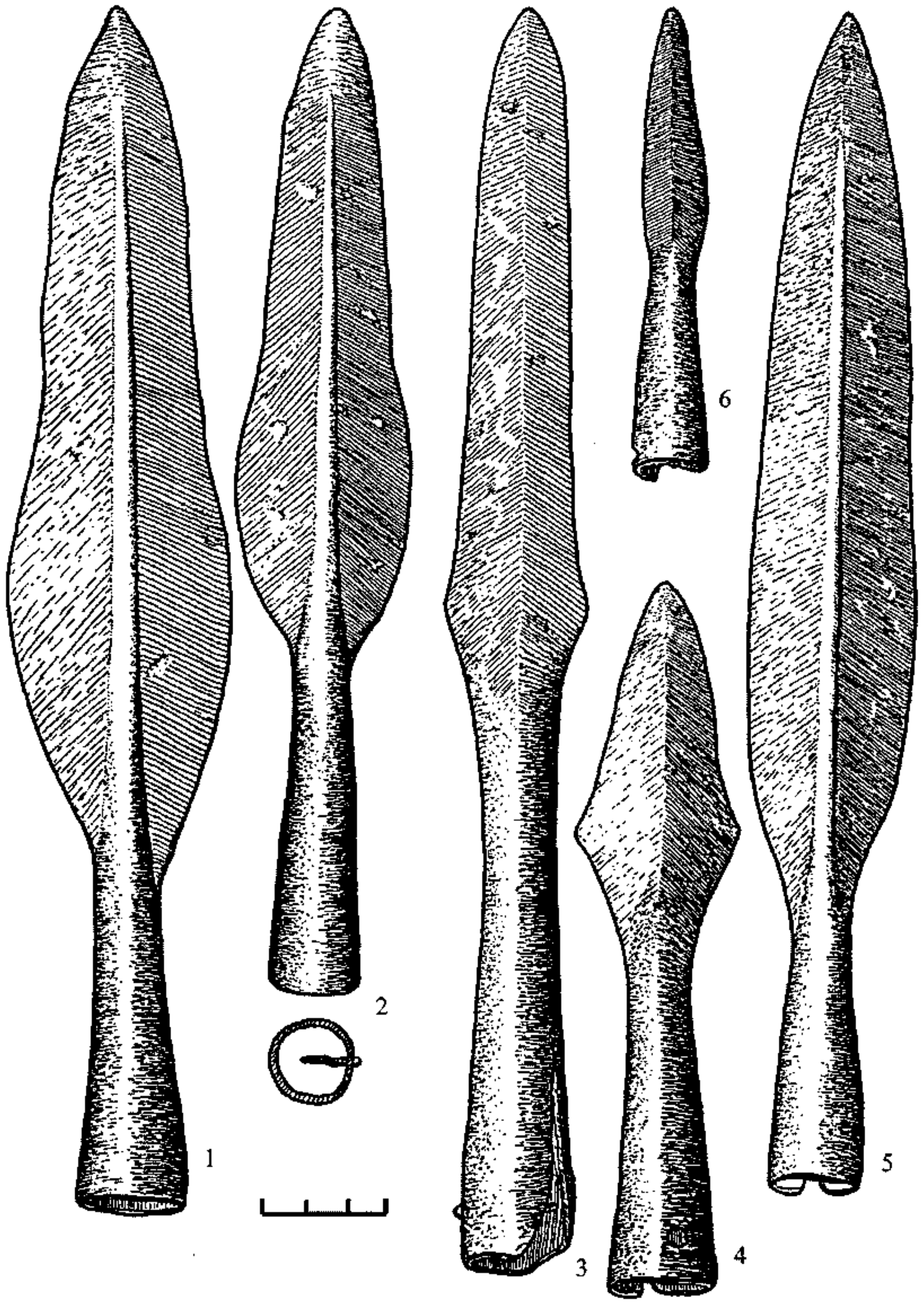

Таблица 2. Наконечники копий и дротиков. 1, 2, 5, 6 - Демидовка, 3 - Близнаки, 4 - Заозерье. 1-6 - железо.

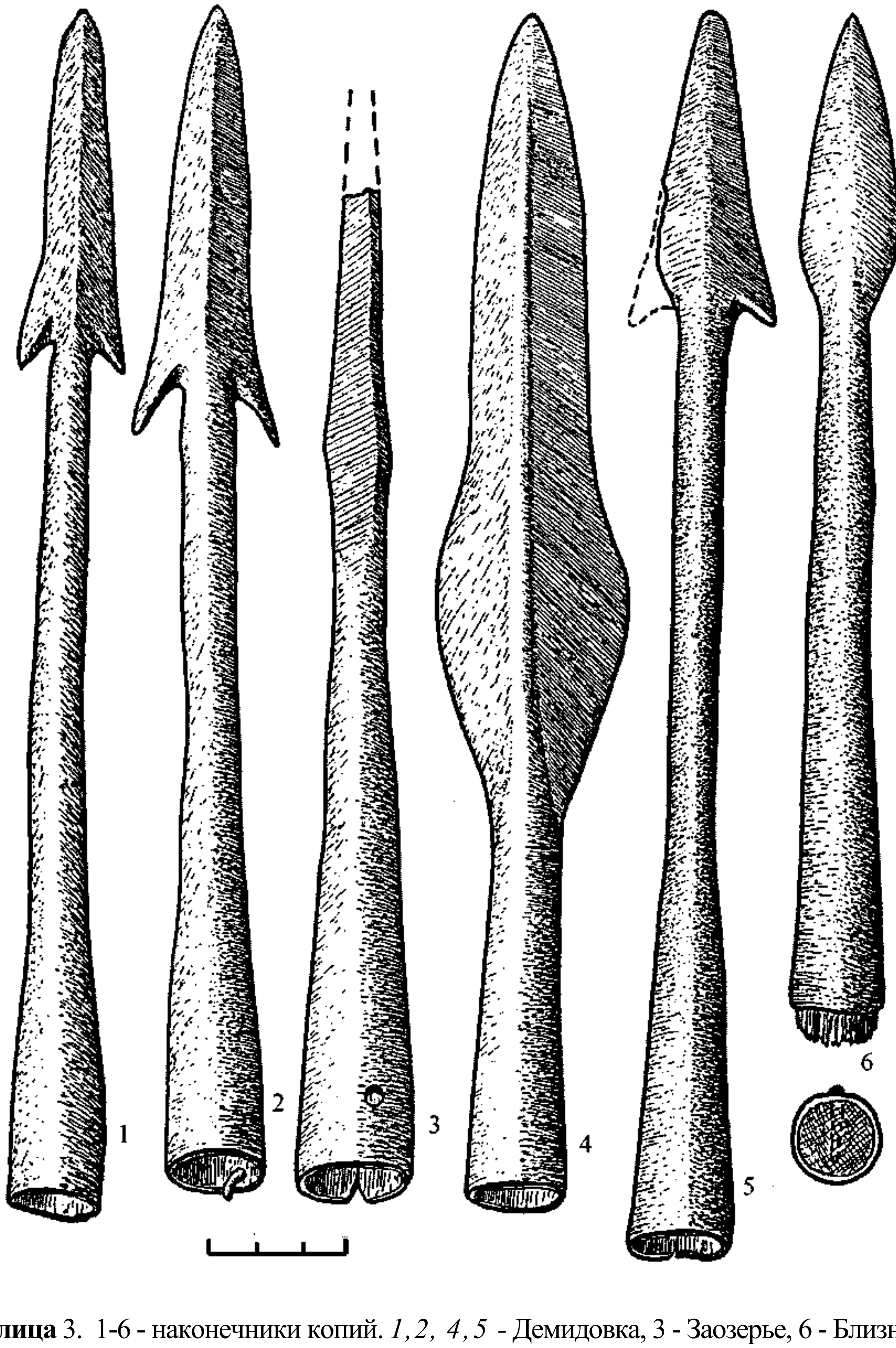

Таблица 3. 1-6 - наконечники копий. *1,2, 4,5* - Демидовка, 3 - Заозерье, 6 - Близнаки. 1-6-железо.

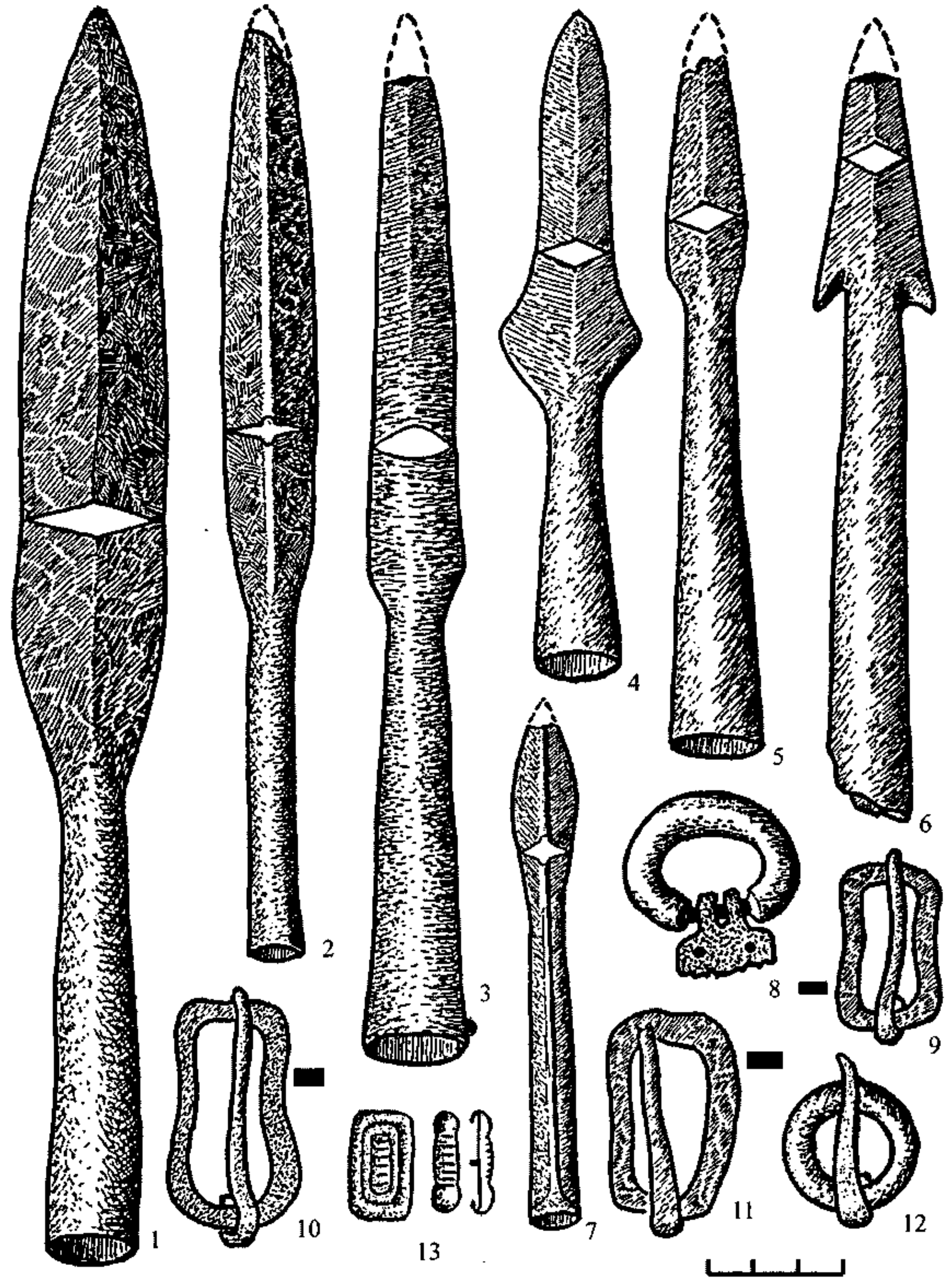

Таблица 4.1 -6 - наконечники копий, 7 - наконечник сулицы, 8-12- пряжки, 13 - ременные бляшки. 1-13 - Никодимово. 1-7, 8-12 - железо, 8,13 - бронза.

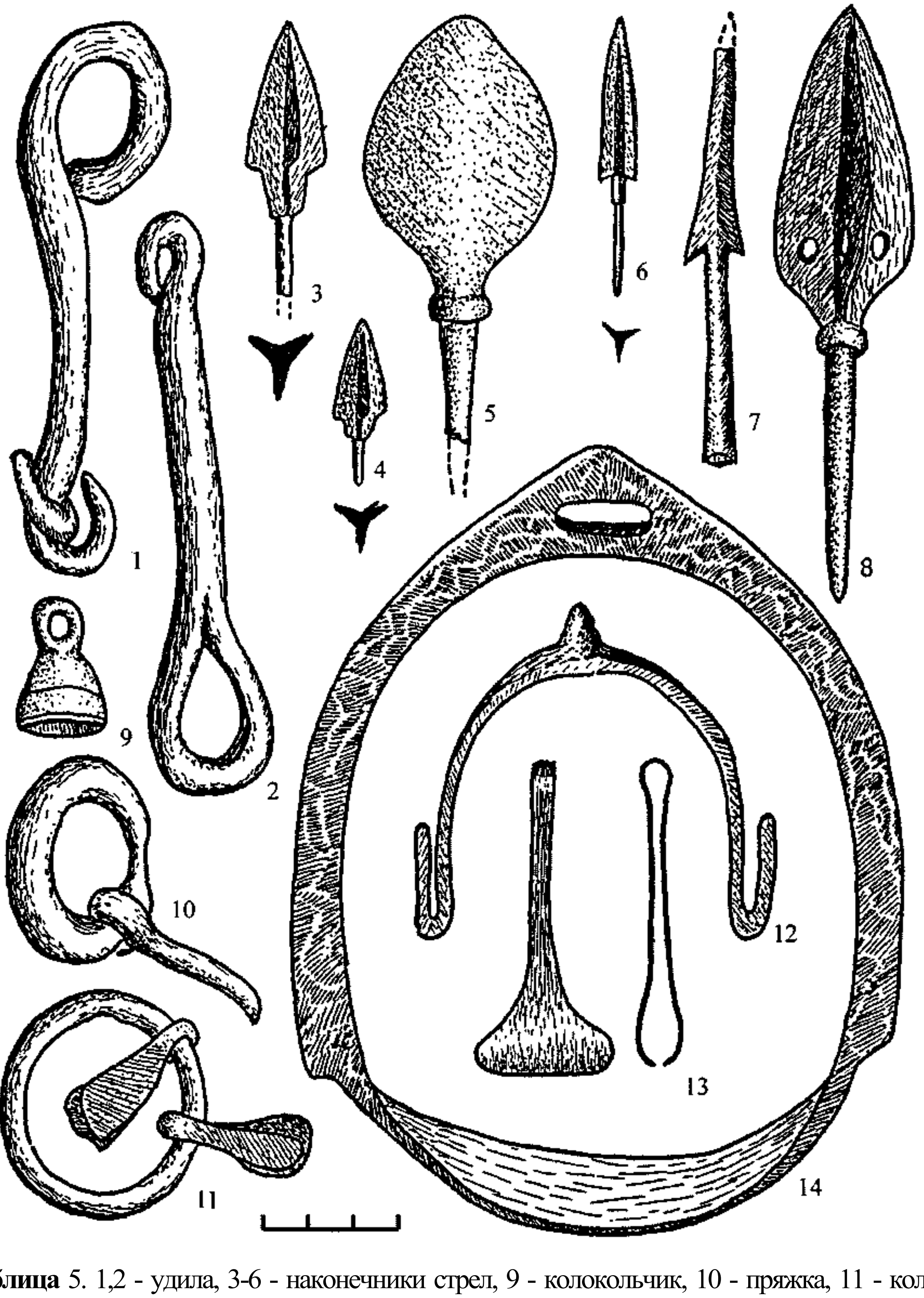

Таблица 5. 1,2 - удила, 3-6 - наконечники стрел, 9 - колокольчик, 10 - пряжка, 11 - кольцо от уздечки, 12 - шпора, 13 — пинцет, 14 - стремя. 1-13 - Никодимово, 14-Пениснар, 1-8, 10-14-железо, 9-бронза.

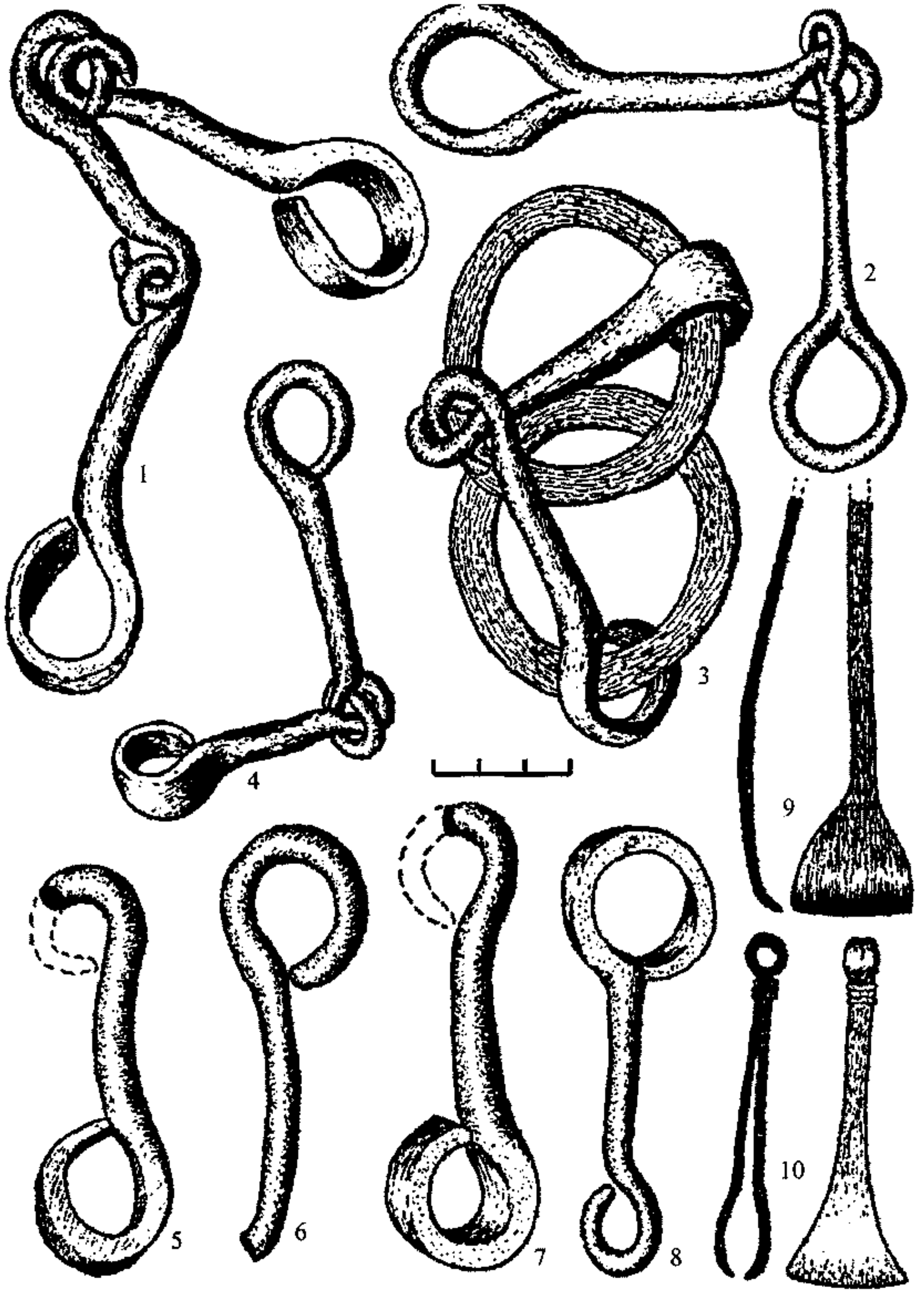

Таблица 6. 1-8 - удила, 9-10 - пинцеты. 1, 5, 6 - Близнаки, 2 - Еловцы, 3 - Петрополье, 4, 8-10 - Демидовка, 7 - Слобода-Глушица. 1-10 - железо.

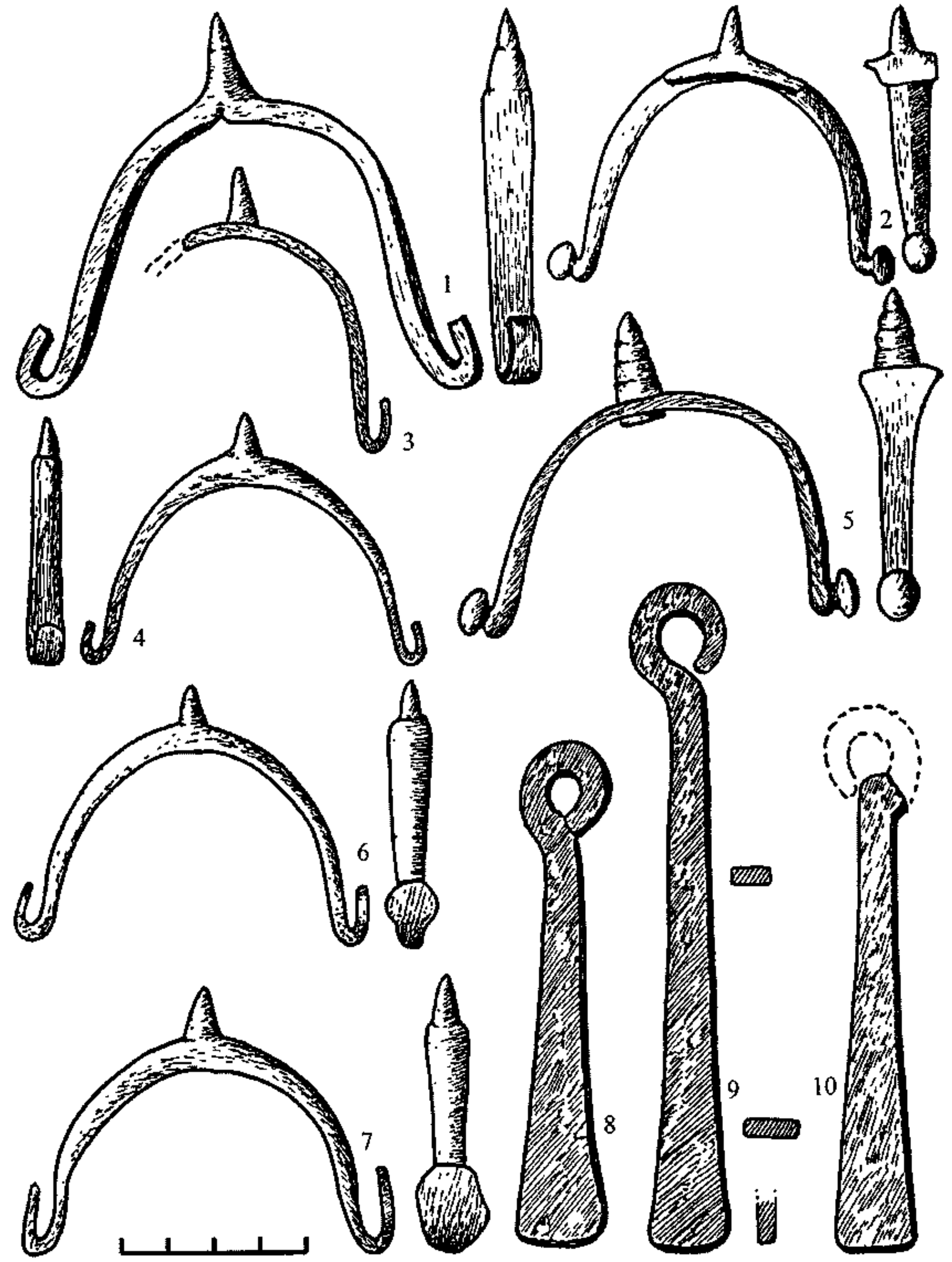

Таблица 7. 1-7 - шпоры, 8-10 - кресала. 1 - Шугайлово, 2 - Близнаки, 3 - Слобода-Глушица, 4, 6, 7, 10 - Демидовка, 5 - Цурковка, 9 - Заозерье. 1-10 - железо.

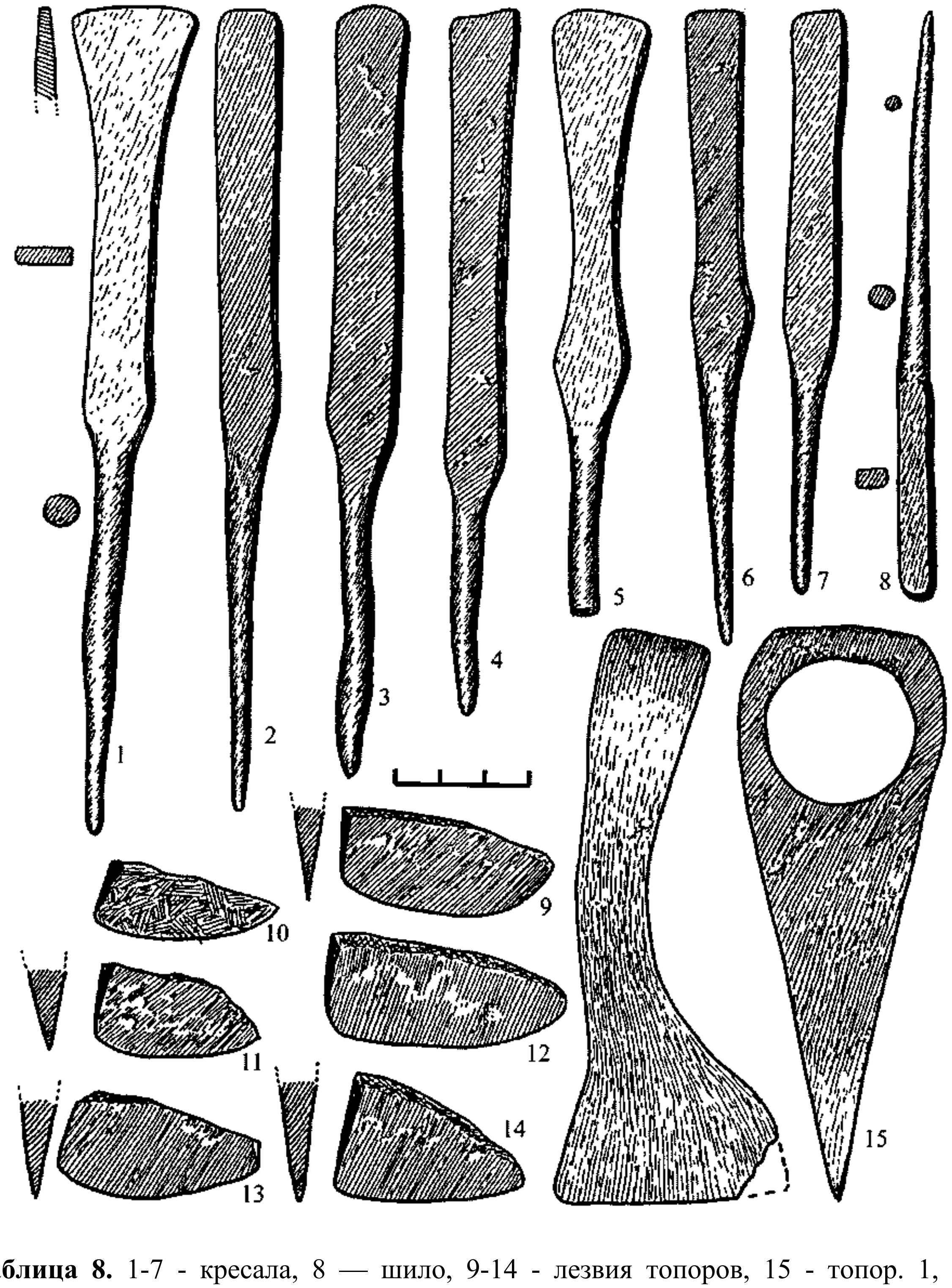

Таблица 8. 1-7 - кресала, 8 — шило, 9-14 - лезвия топоров, 15 - топор. 1, 5, 14 - Шугайлово, 2,10,11- Кислые, 3,7, 15 - Демидовка. 6 - Ст. Куприно, 8 - Близнаки, 9 - Ерилово, 12 - Заозерье, 13 - Колодня. 1-15 - железо.

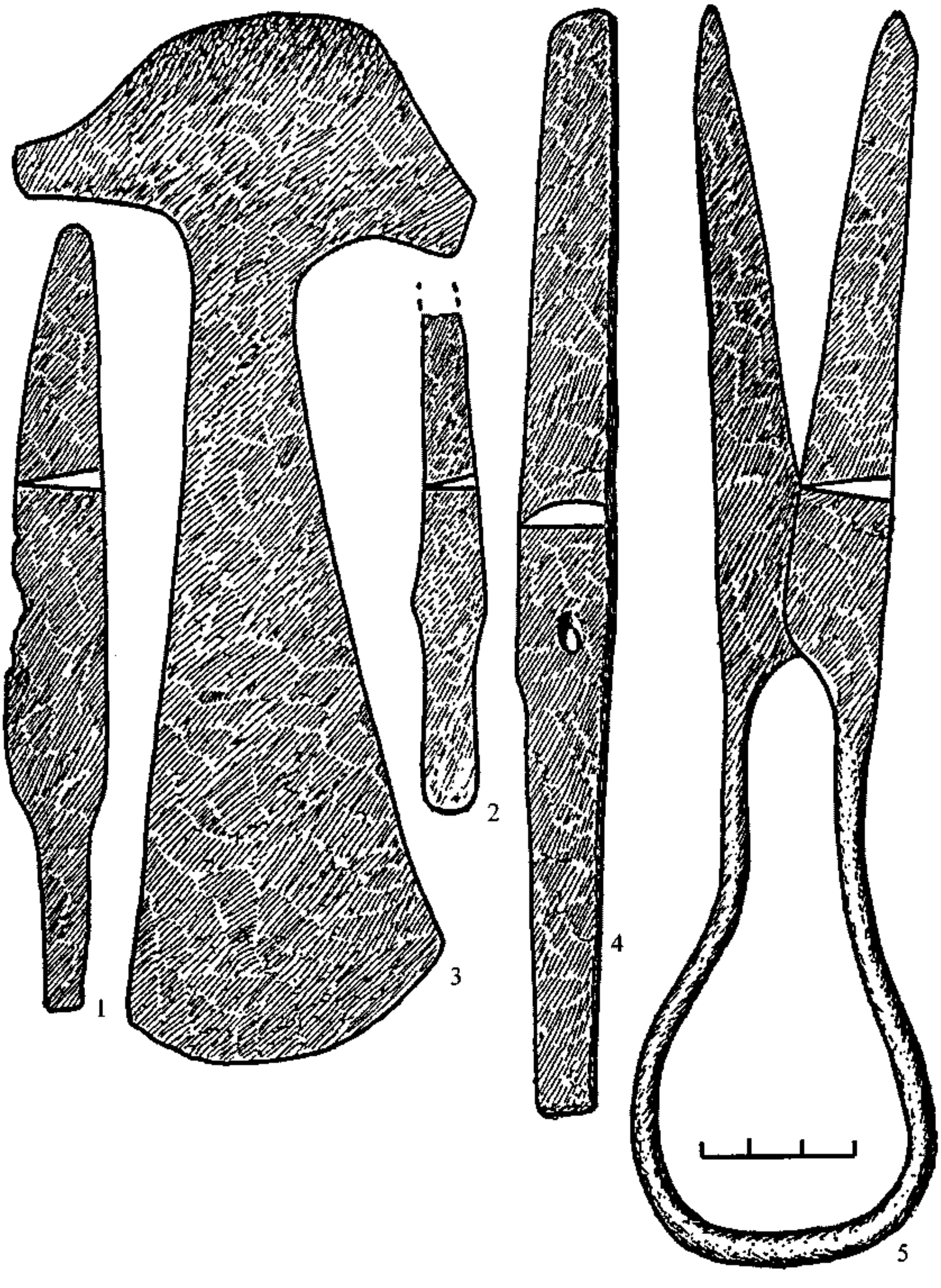

Таблица 9. 1-2 - ножи, 3 - топор, 4 - лощило, 5 - ножницы. 1-3 - Еловцы, 4 - Микулино, 5 - Никодимово. 1-5 - железо.

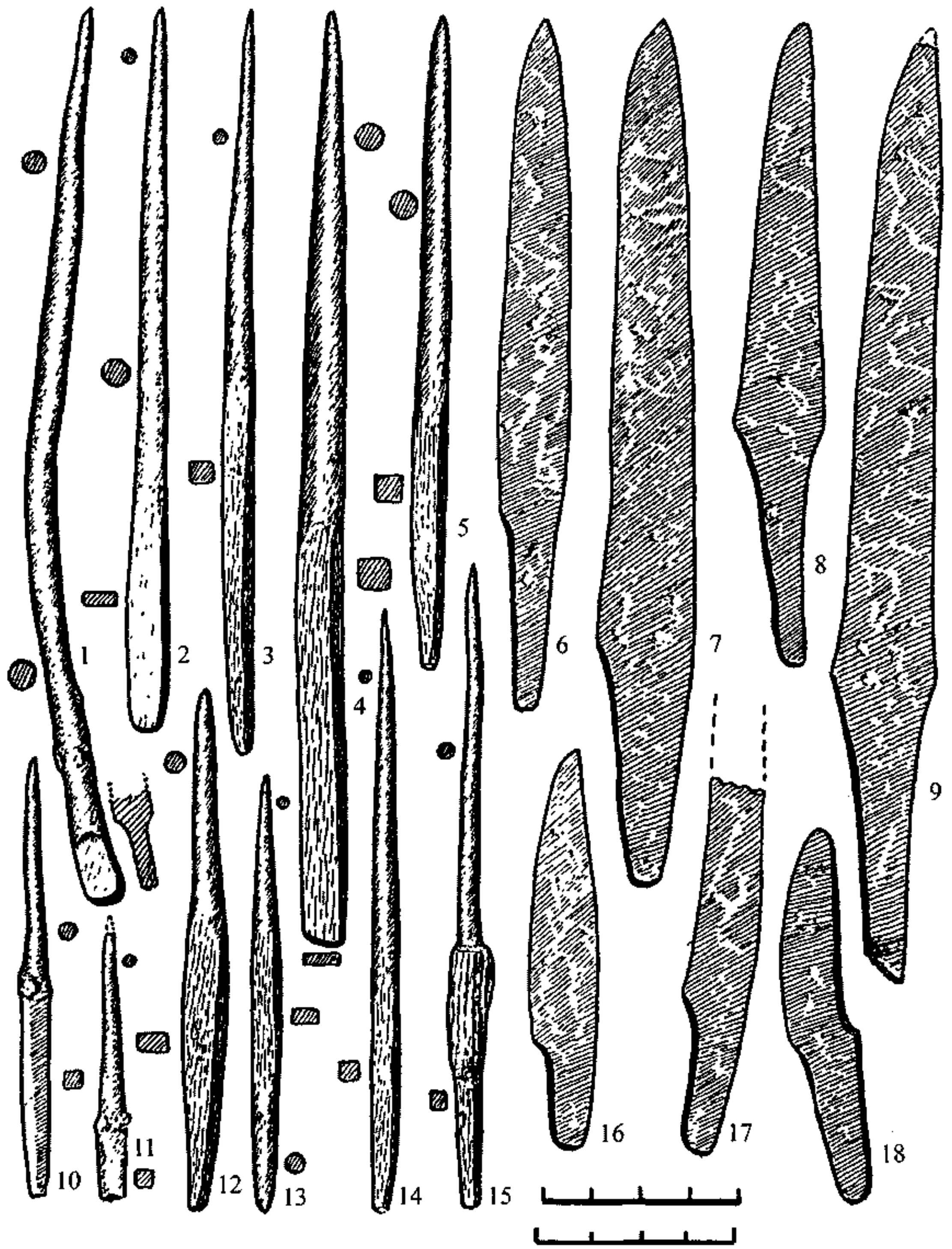

Таблица 10. 1-5, 10-15-шилья, 6-9,16-18-ножи. 1 -Близнаки,2-4,10-Заозерье, 5-9, 14-16, 18 - Демидовка, 11 - Старое Куприно, 12-13- Кислые (Курлын), 17 - Васильево, 1-18-железо.

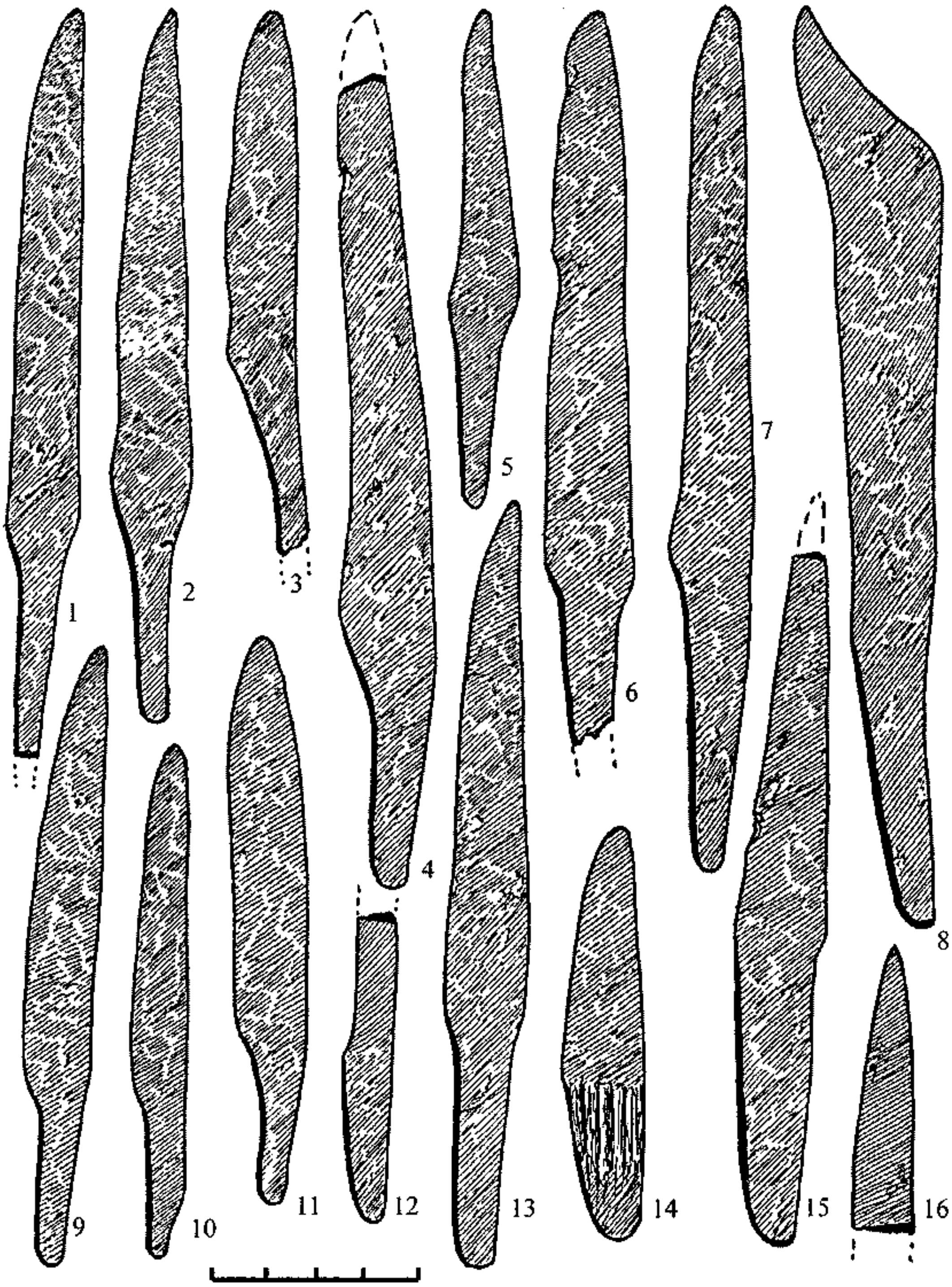

Таблица 11. 1-16 - ножи. 1,2- Демидовка. 3-6, 15, 16 - Шугайлово, 7, 11 - Слобода-Глушица, 8 - Ерилово, 9, 10 - Кислые (Курлын), 12, 13 - Еловцы, 14 - Близнаки. 1-16-железо.

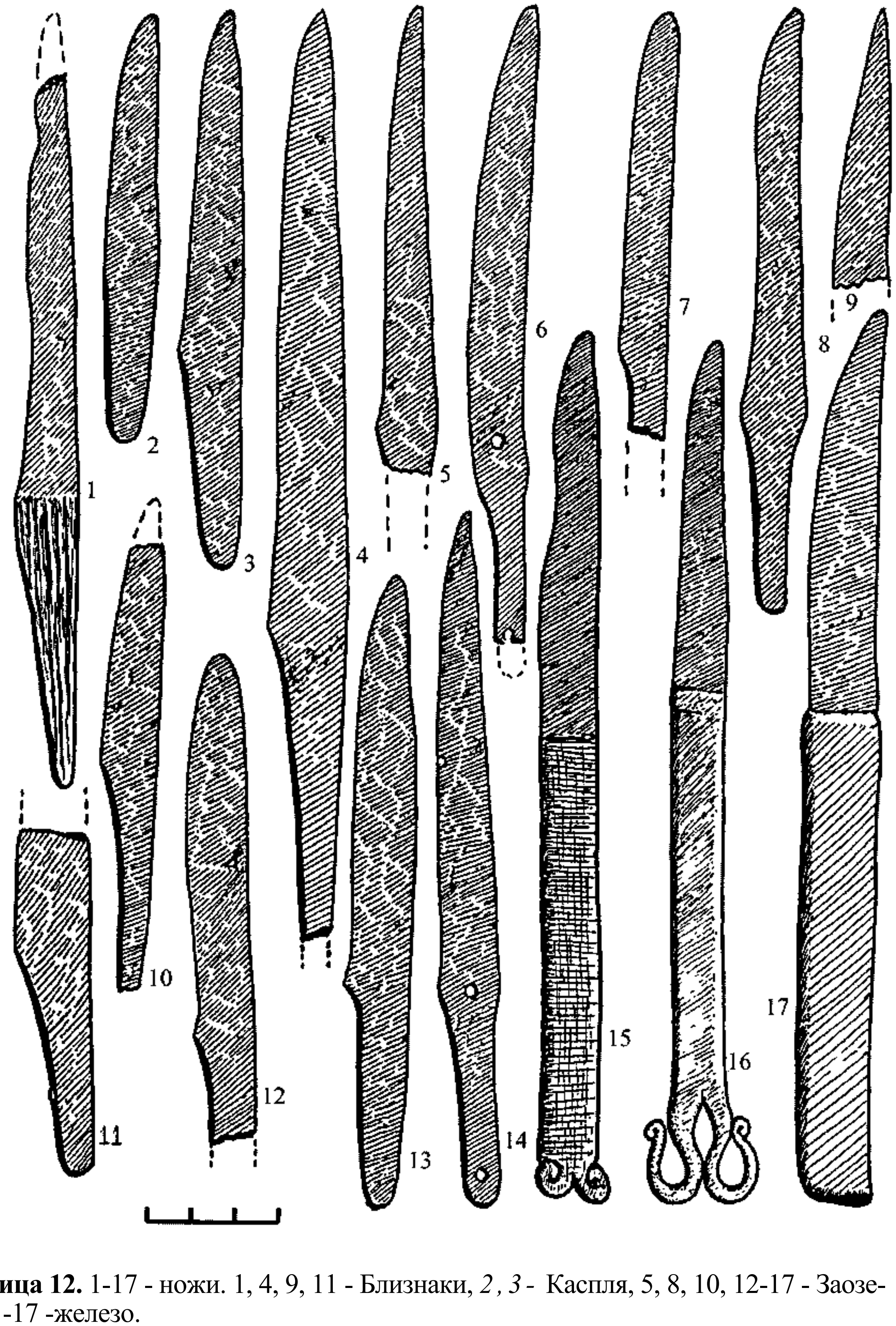

Таблица 12. 1-17 - ножи. 1, 4, 9, 11 - Близнаки, *2, 3* - Каспля, 5, 8, 10, 12-17 - Заозерье. 1-17 -железо.

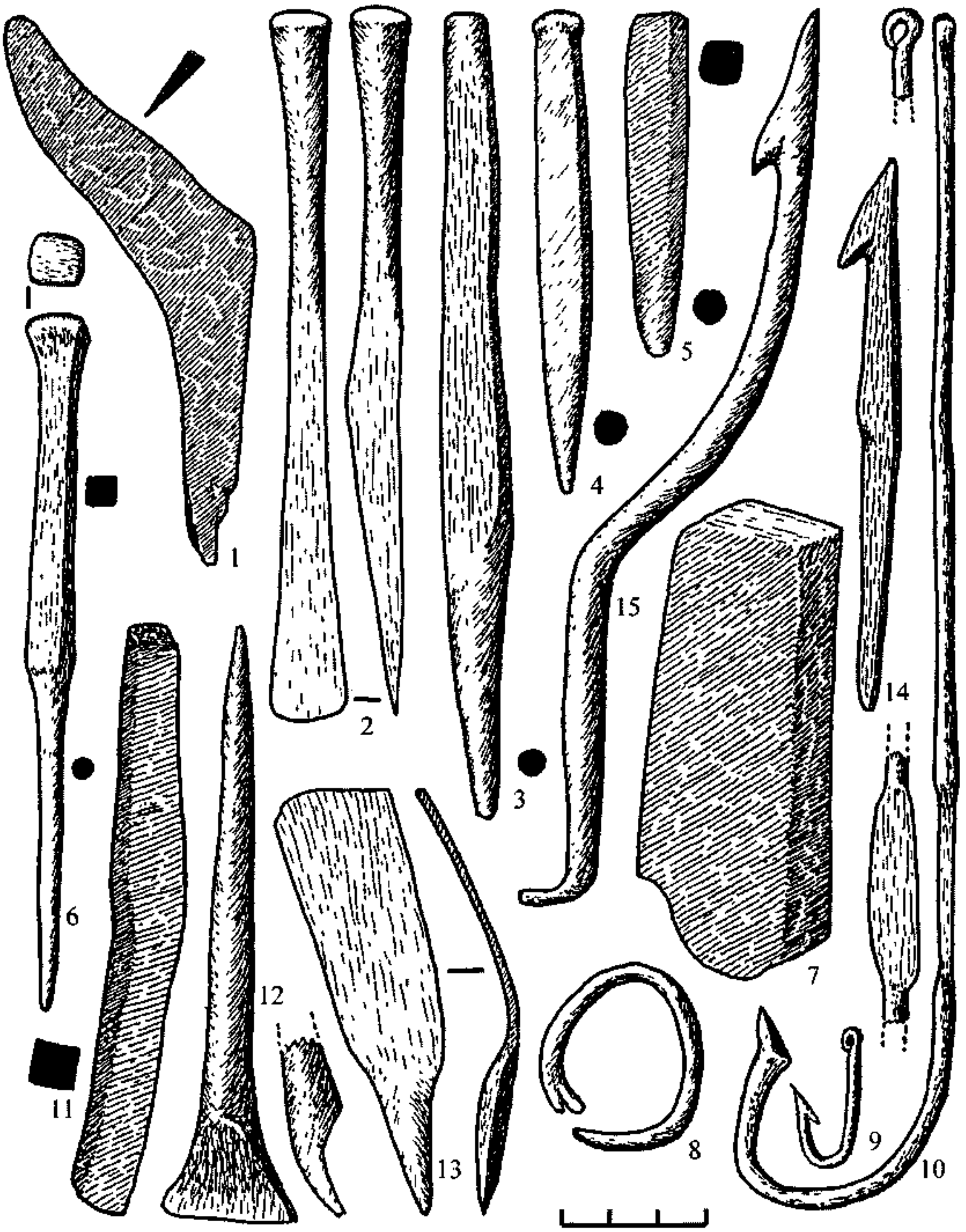

Таблица 13. 1 - серп, 2 - долото, 3-6 - керны, 7 - точильный брусок, 8 - кольцо, 9, 10 - рыболовные крючки, 11 - кузнечная заготовка, 12 - железный предмет, 13 - кочедыг, 14,15-остроги. 1 -Микулино,2,10-Слобода-Глушица, 3,4,11-13-Демидовка, 5, 7, 15 - Шугайлово, 6, 8 - Близнаки, 9 - Заозерье, 14 - Кислые. 1-6, 8-15 - железо, 7 - камень.

Таблица 14. 1-8 - серпы. 1, 2, 4-8 - Шугайлово, 3 - Заозерье. 1-8 - железо.

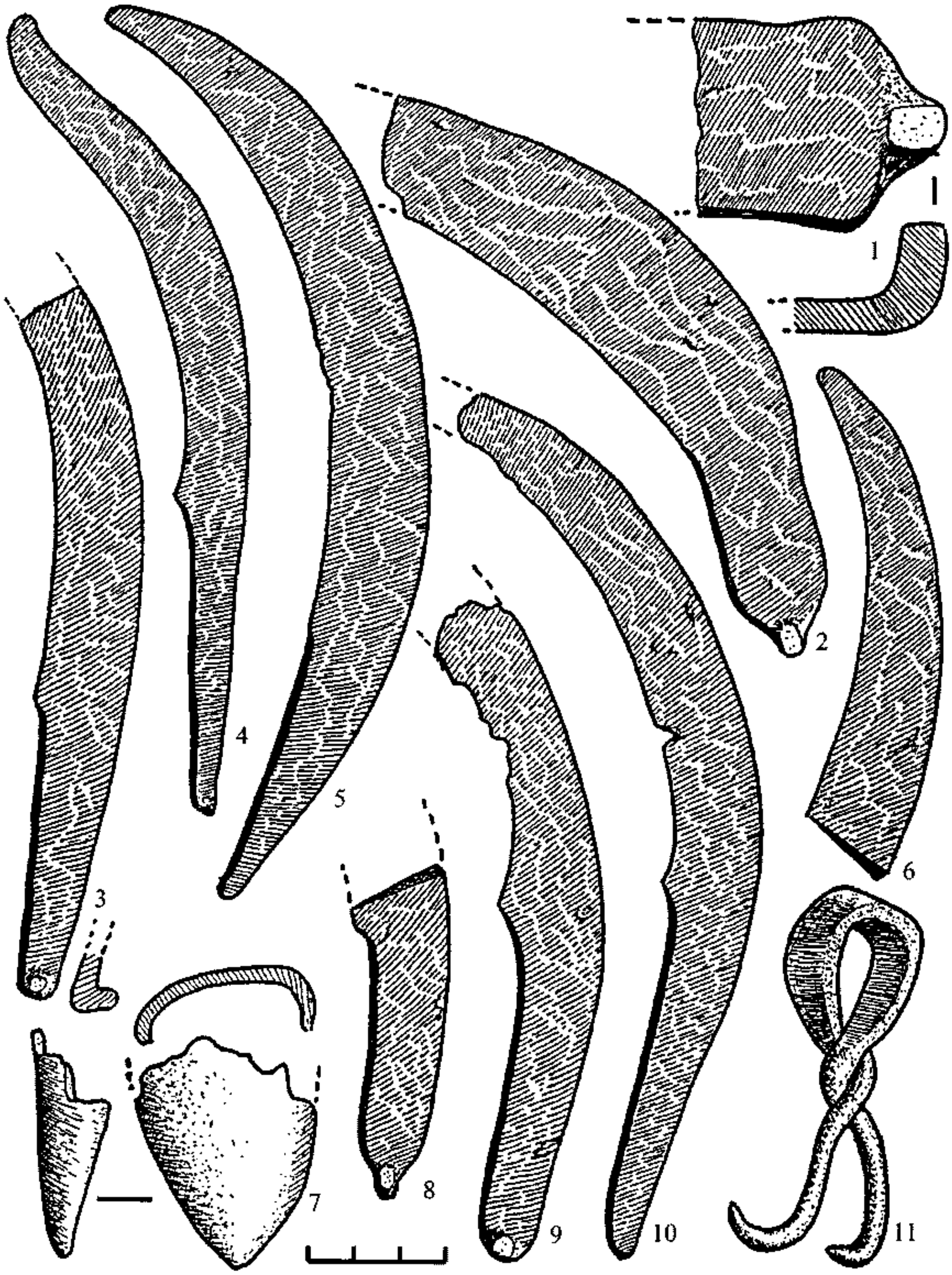

Таблица 15. 1, 2 - косы-горбуши, 3-6, 8-10 - серпы, 7 - наральник, 11 - кошка. 1, 2 - Слобода-Глушица, 3 - Ковали, 4 - Гнездово, 5 - Заозерье, 6, 8-10 - Кислые, 7 - Близнаки, 11 -Демидовка. 1-11 -железо.

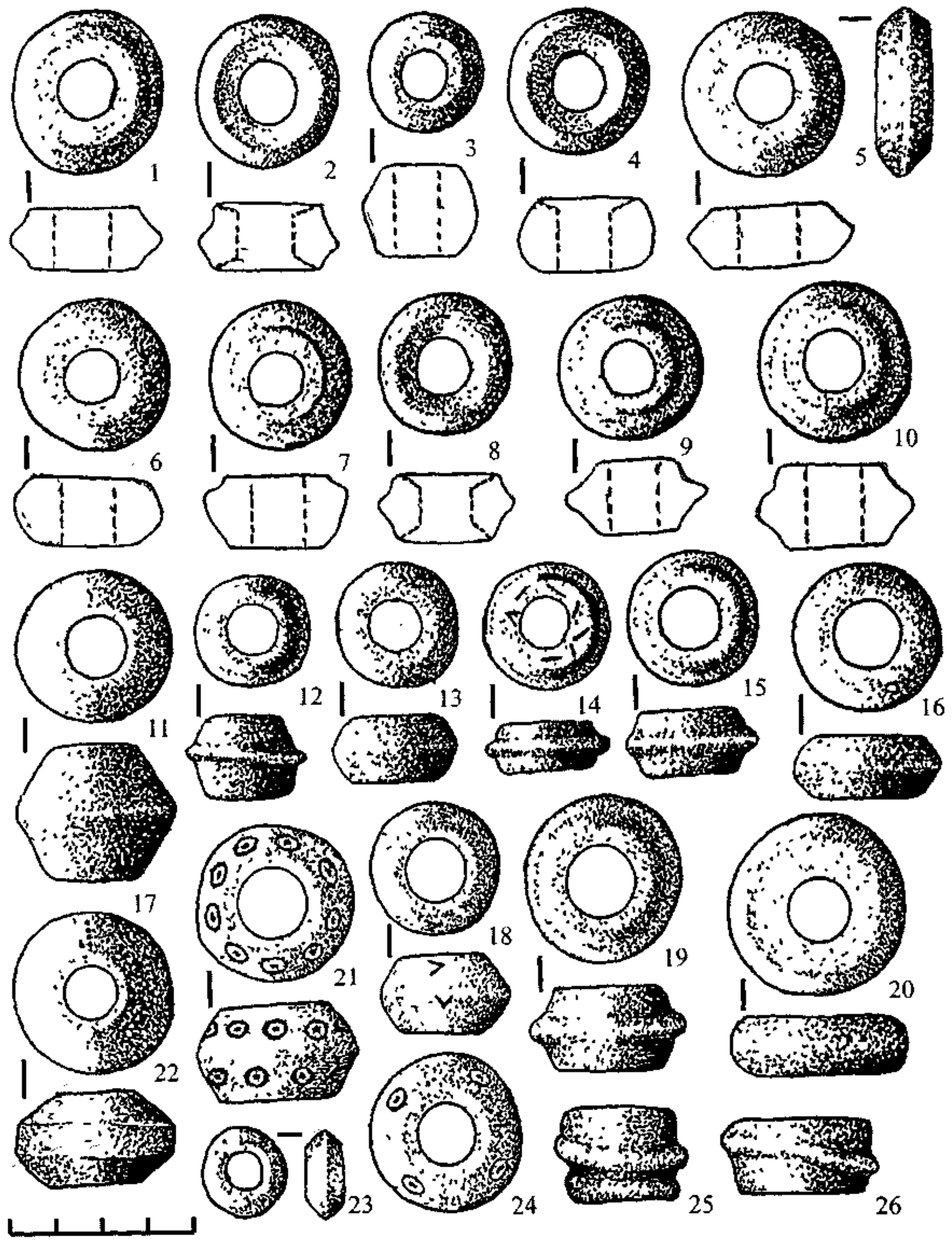

Таблица 16. 1-26 - глиняные пряслица. 1-10 - Демидовка, 11-13 - Близнаки, 14, 15 - Заозерье, 16 - Цурковка, 17,22 - Заборье, 18-21,24-26 - Шугайлово, 23 - Слобода-Глушица. 1 -26 - обожженая глина.

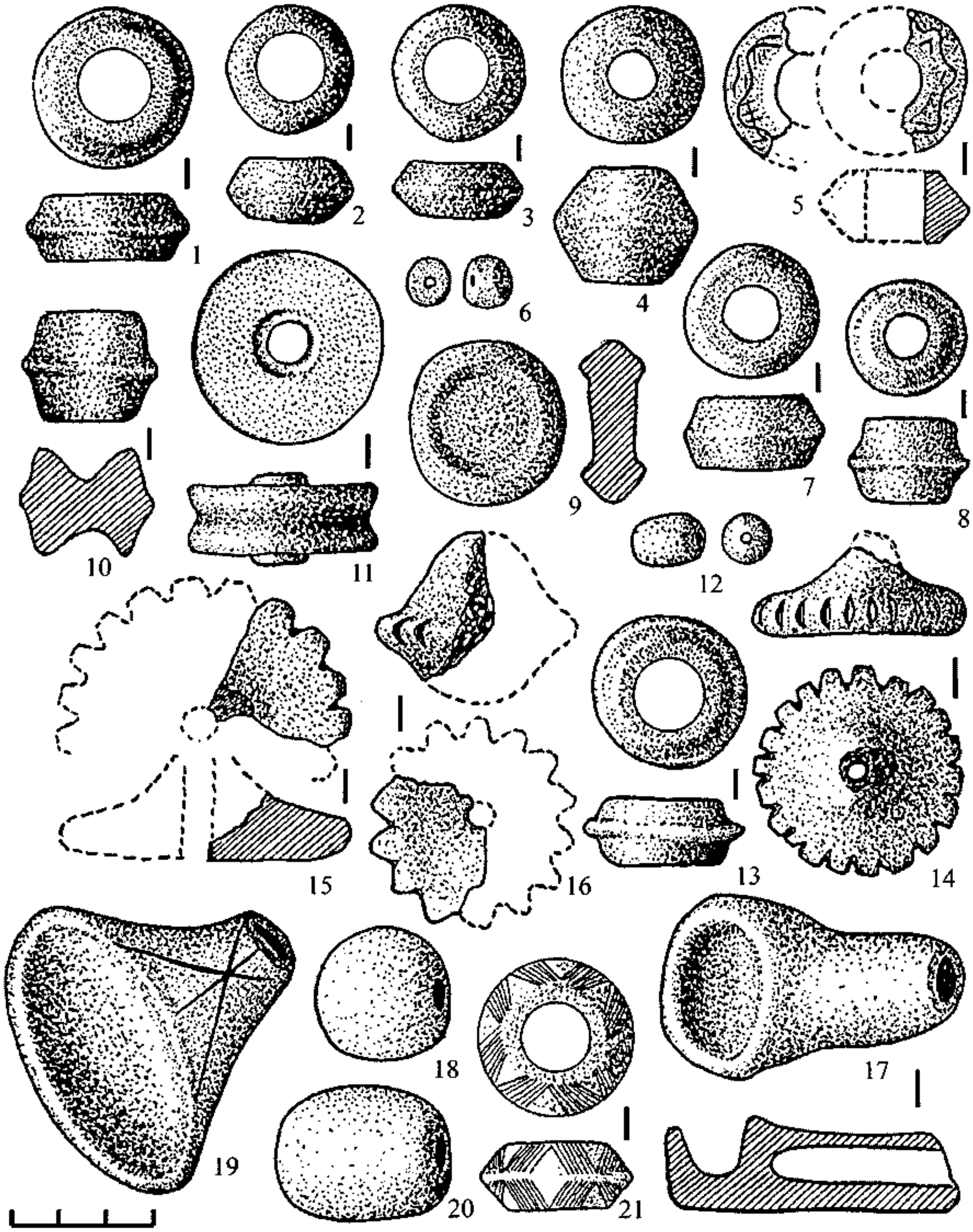

Таблица 17.1-5, 7, 8, 11, 13, 21 - пряслица, 6, 12 - бусы, 9,10 - предметы неизвестного назначения, 14-16 - грузики «дьякова типа», 17-19 - льячки, 18, 20 - рыболовные грузила. 1, 2 - Кислые (Курлын), 3-5, 18 - Кислые, 6, 10, 11, 14, 17, 19, 20 - Шугайлово, 7, 8, 15 - Старое Куприно, 9, 21 - Заозерье, 12, 13, 16 - Микулино. 1-21 - обожженная глина.

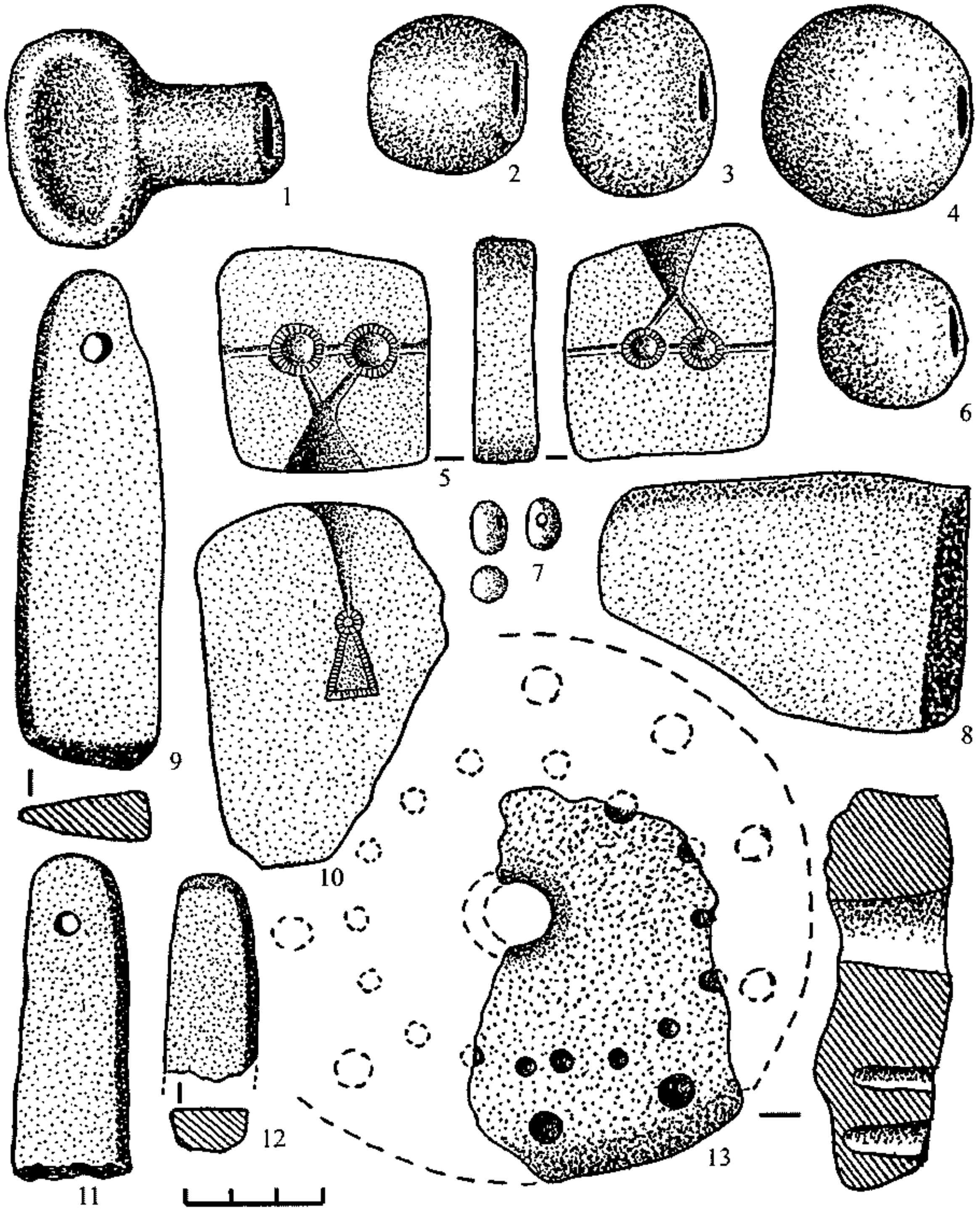

Таблица 18. 1 - льячка, 2-4, 6 - грузила, 5, 10 - литейные формы, 7 - бусы, *7,9,* 11, 12 -точильные бруски, 13 - фрагмент глиняного изделия; 1,2, 9, 11-13- Заозерье, 3-5, 8, 10 - Шугайлово, 6 - Пениснар, 7 - Демидовка. 1-4, 6, 7 - обожженная глина, 5-8-12 - камень, 13 - керамика.

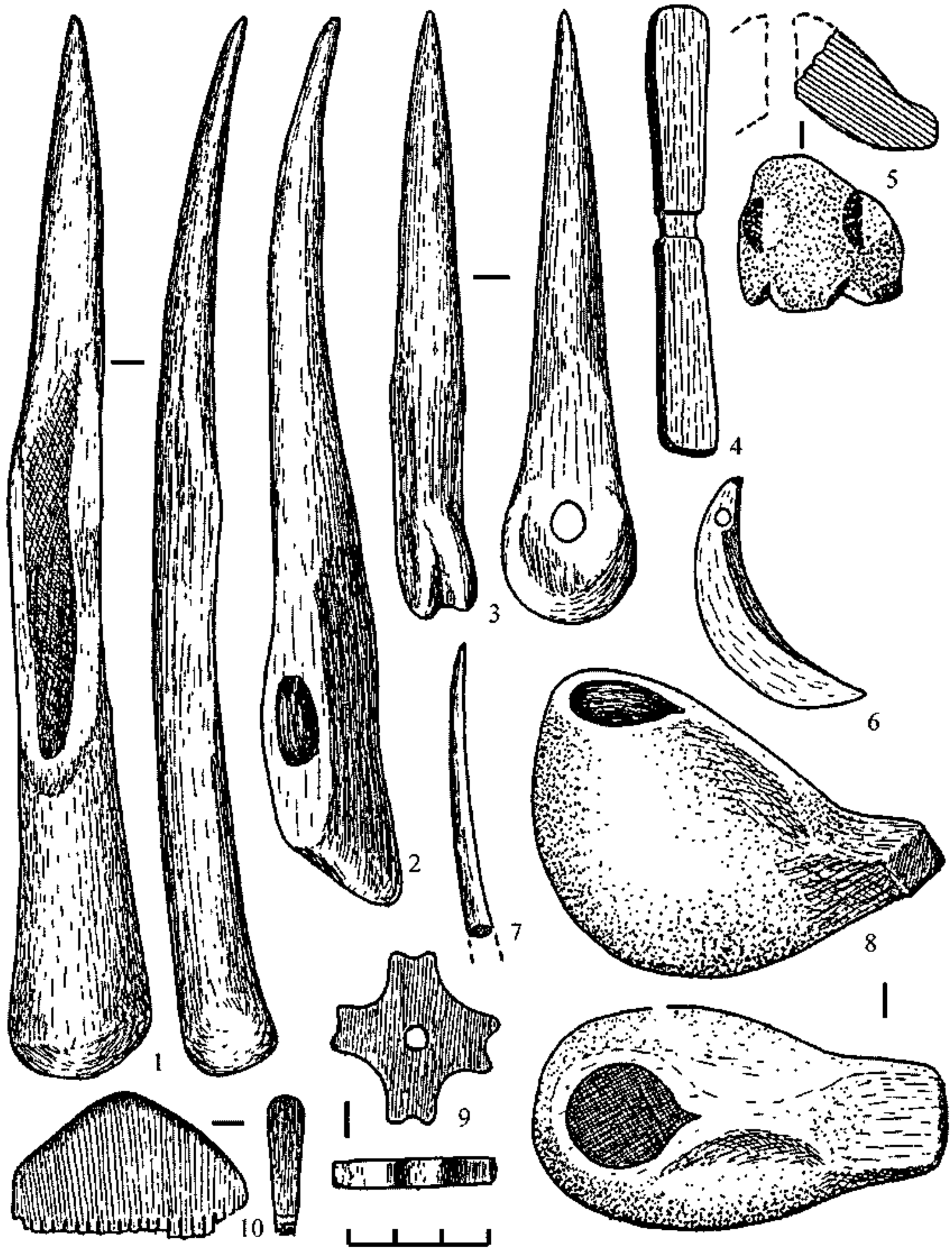

Таблица 19. 1-3,7- острия, 4, 9 - костяные предметы, 5 - фрагмент грузика, 6 - амулет, 8 - тигель, 10 — гребень. 1-3,6- Шугайлово, 4, 7, 9, 10 - Кислые (Курлын), 5 - Заозерье, 8 - Демидовка. 1-4, 6, 7, 9, 10 - кость, 5,8 - обожженная глина.

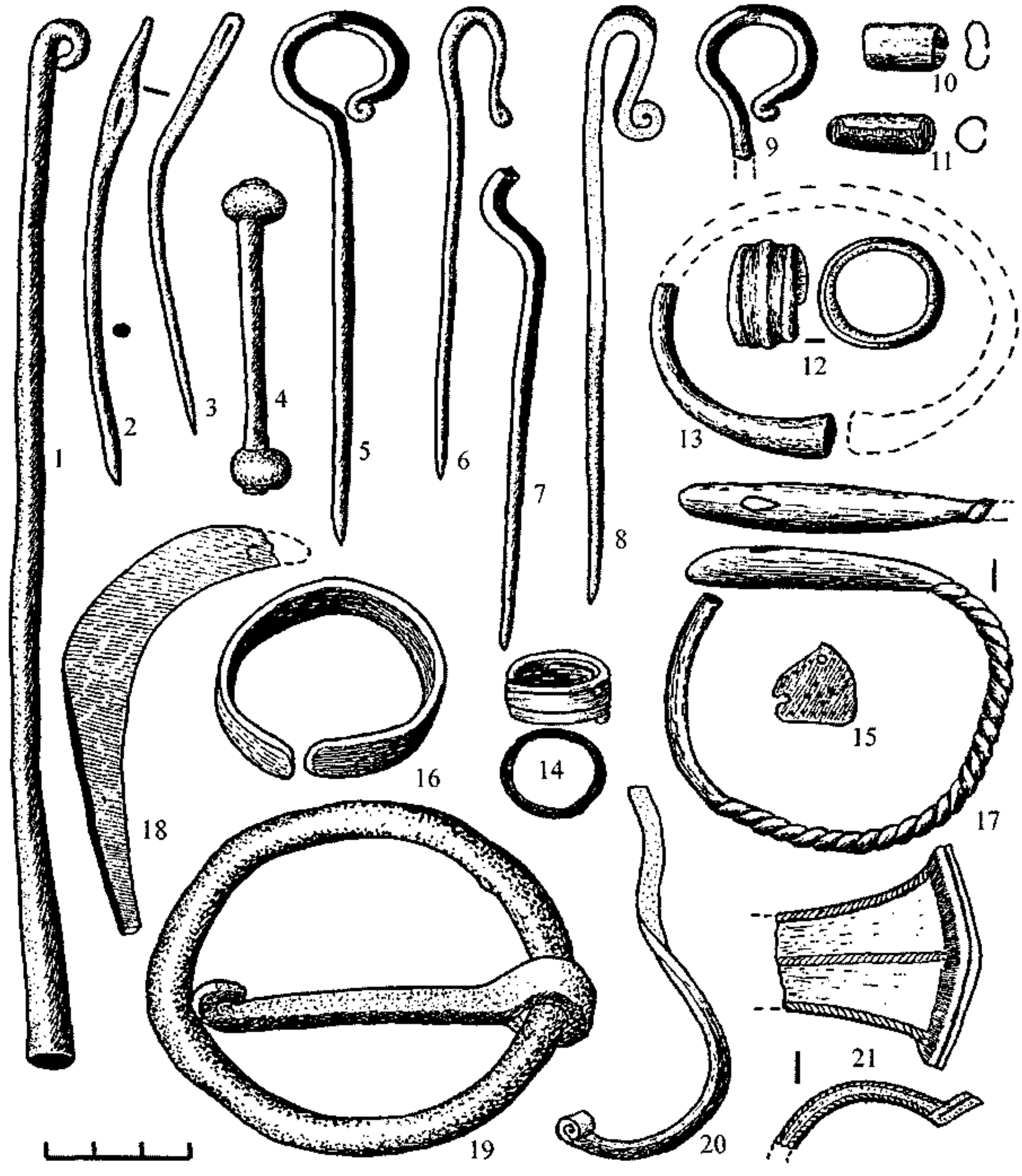

Таблица 20.1 - кресало, 2,3 - иглы, 4 - железный предмет, 5-9 - посоховидные булавки, 10, 11 -пронизки, 12, 14-перстни, 13, 16,21 -браслеты, 15-подвеска, 17 - фрагмент шейной гривны, 18-бритва, 19,20-фибулы. 1-4,7,12,18,21-Заозерье, 5,6-Демидовка, 8,11,13,16,19-Близнаки, 9,14,15,17-Шугайлово, 10 -Акатово, 20 -Кислые (Курлын). 1-9, 18, 19-железо, 10, 11, 14-17, 20, 21-бронза, 12, 13-серебро.

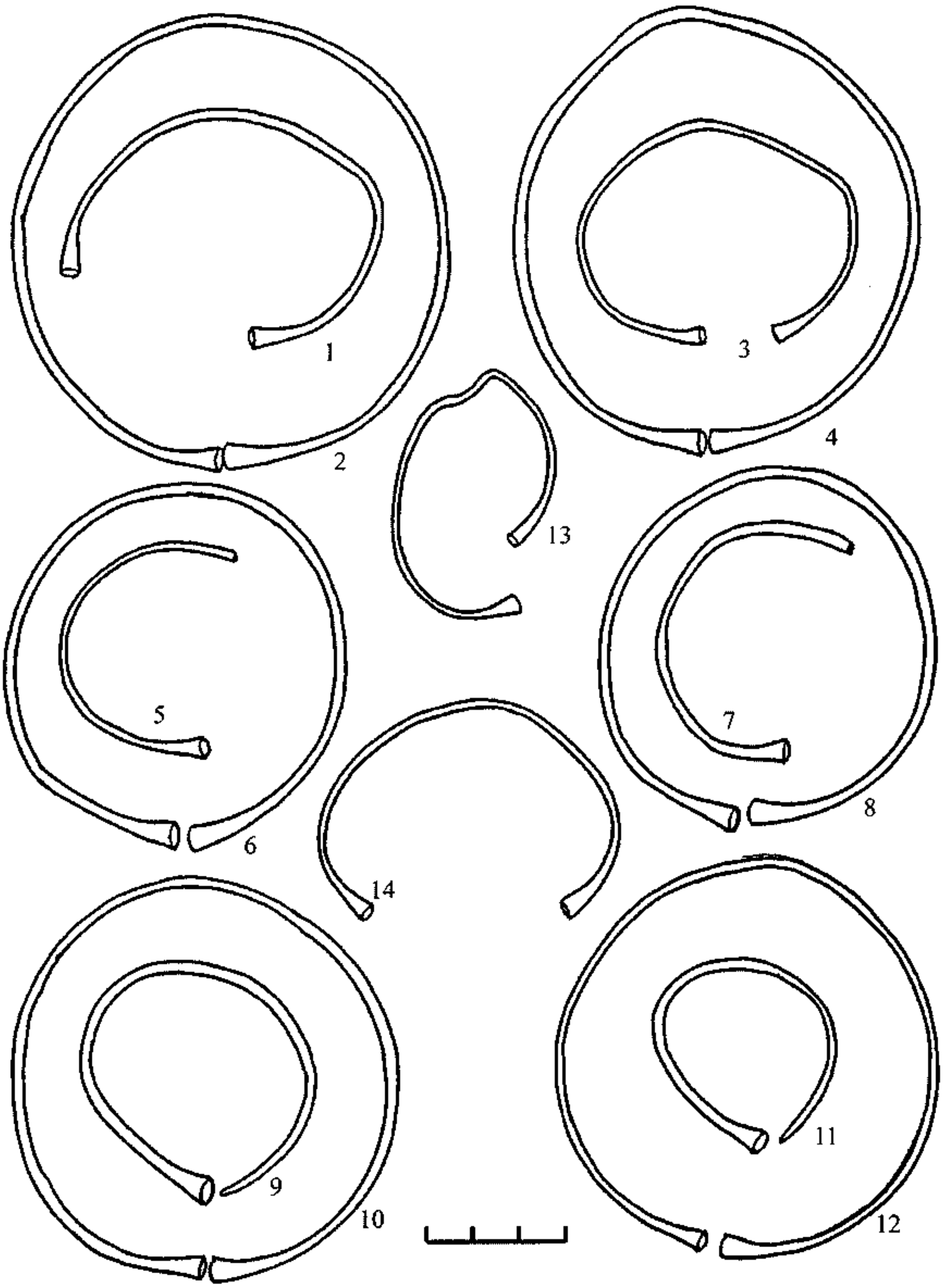

Таблица 21. 1-14 - височные кольца. 2, 4, 6, 8-12 - Демидовка, 1, 3, 5, 7 - Близнаки, 13, 14-Заозерье. 1,3,5,7, 13, 14-бронза, 2, 4, 6, 8-12-серебро.

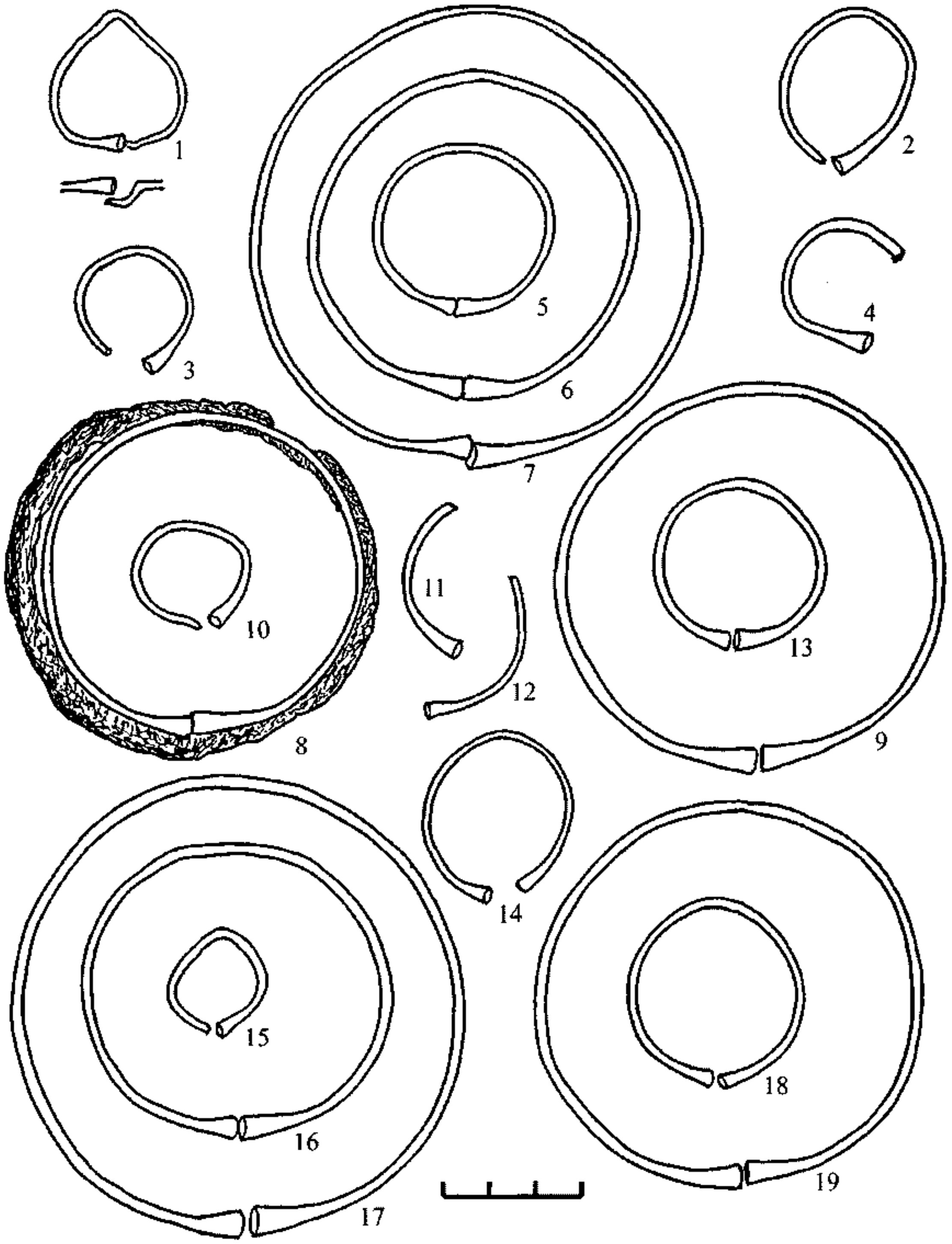

Таблица 22. 1-19 - височные кольца. 1-3, 5-9, 16, 17, 19 - Демидовка, 4, 10 - Шугайлово, 11-14,18-Акатово, 15-Ерилово. 1-4,10-12,14,15 - бронза, 5-7,9,13,16-19-серебро, 8 - серебро и железо.

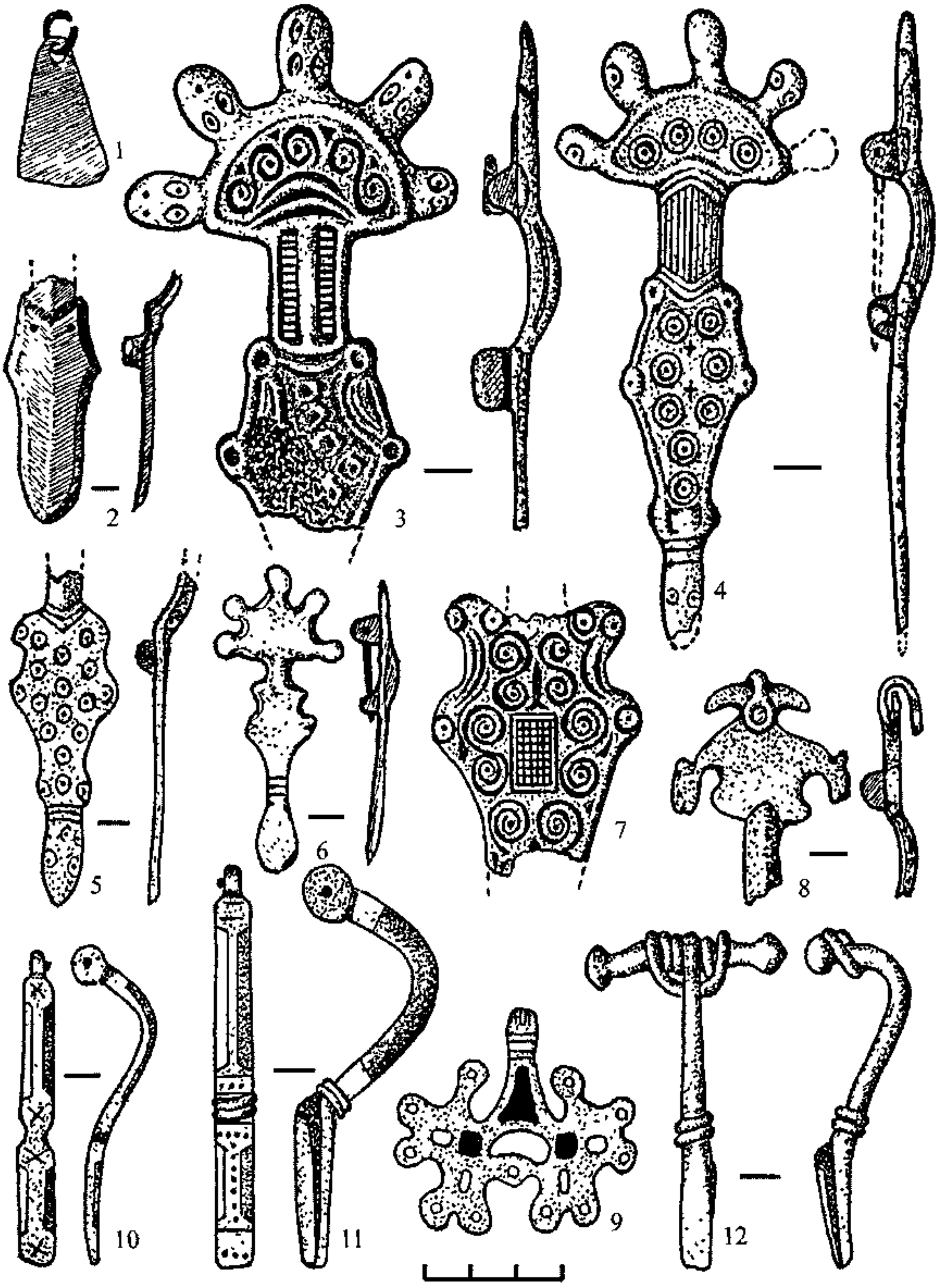

Таблица 23. 1,9 - подвески, 2-8, 10-12 - фибулы. 1 - Кислые (Курлын), *2, 9* - Демидовка, 3-8 - Никодимово, 10 - Шугайлово, 11, 12 - Заозерье. 1-12 - бронза.

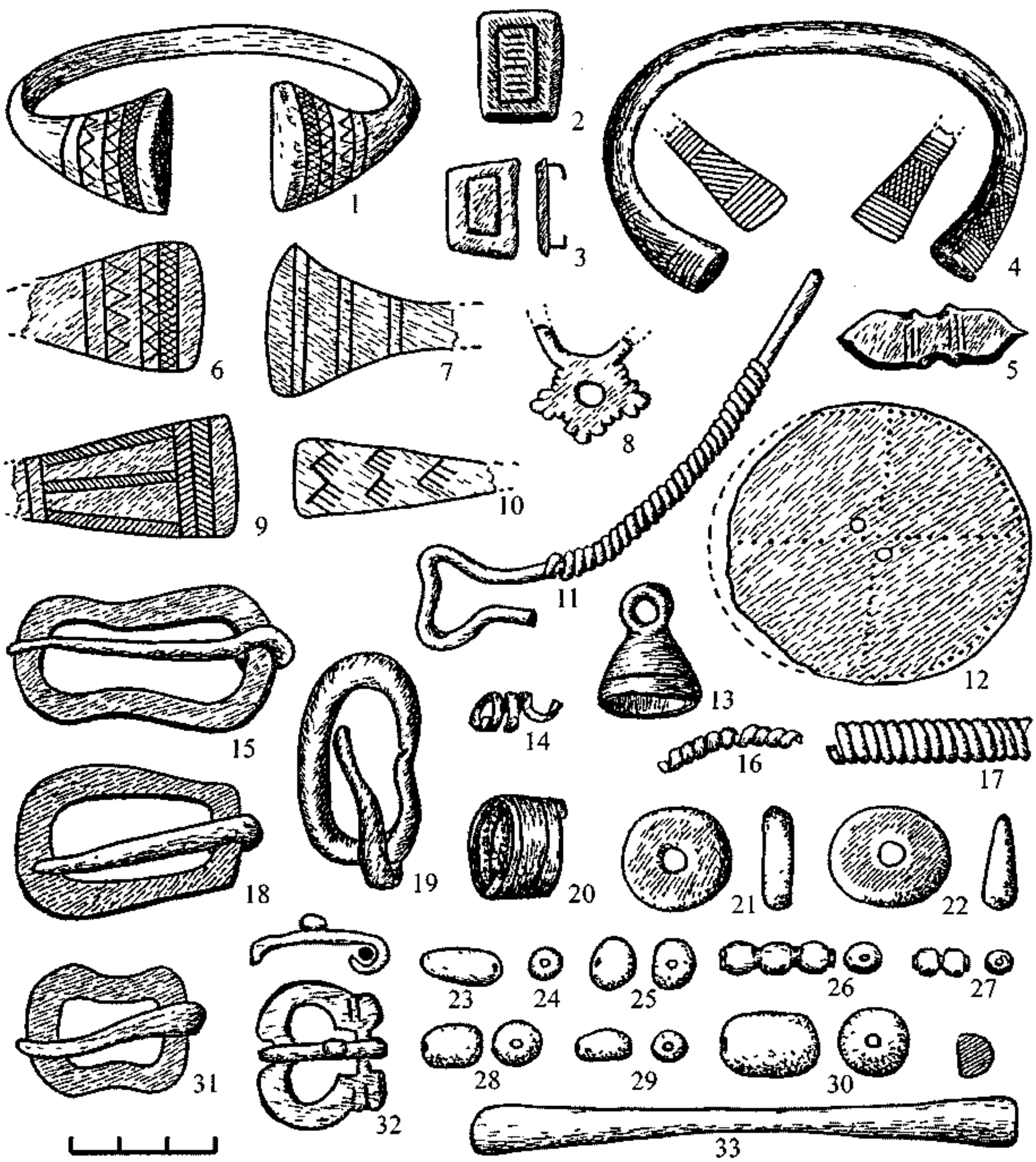

Таблица 24. 1, 2, 4, 6, 9, 10 - браслеты, 2, 3, 5 поясные бляшки, 8 - фрагмент шейной гривны, 12-бляшка, 13 - колокольчик, 14,16,17-спиральки, 15,18,19,31,32-пряжки, 20 - перстень, 21-30 - бусы, 33 - заготовка для браслета. 1-10, 12-15, 18, 19, 31, 32-Никодимово, 11 -Вязовенька, 16,17-Акатово, 20 - Шугайлово. 1-10,12-14,16,17, 20, 32 - бронза. 11, 33 - серебро, 15, 18, 19, 31 - железо, 21, 22 - янтарь, 23-25, 28-30 - обоженная глина, 26, 27 - стекло.

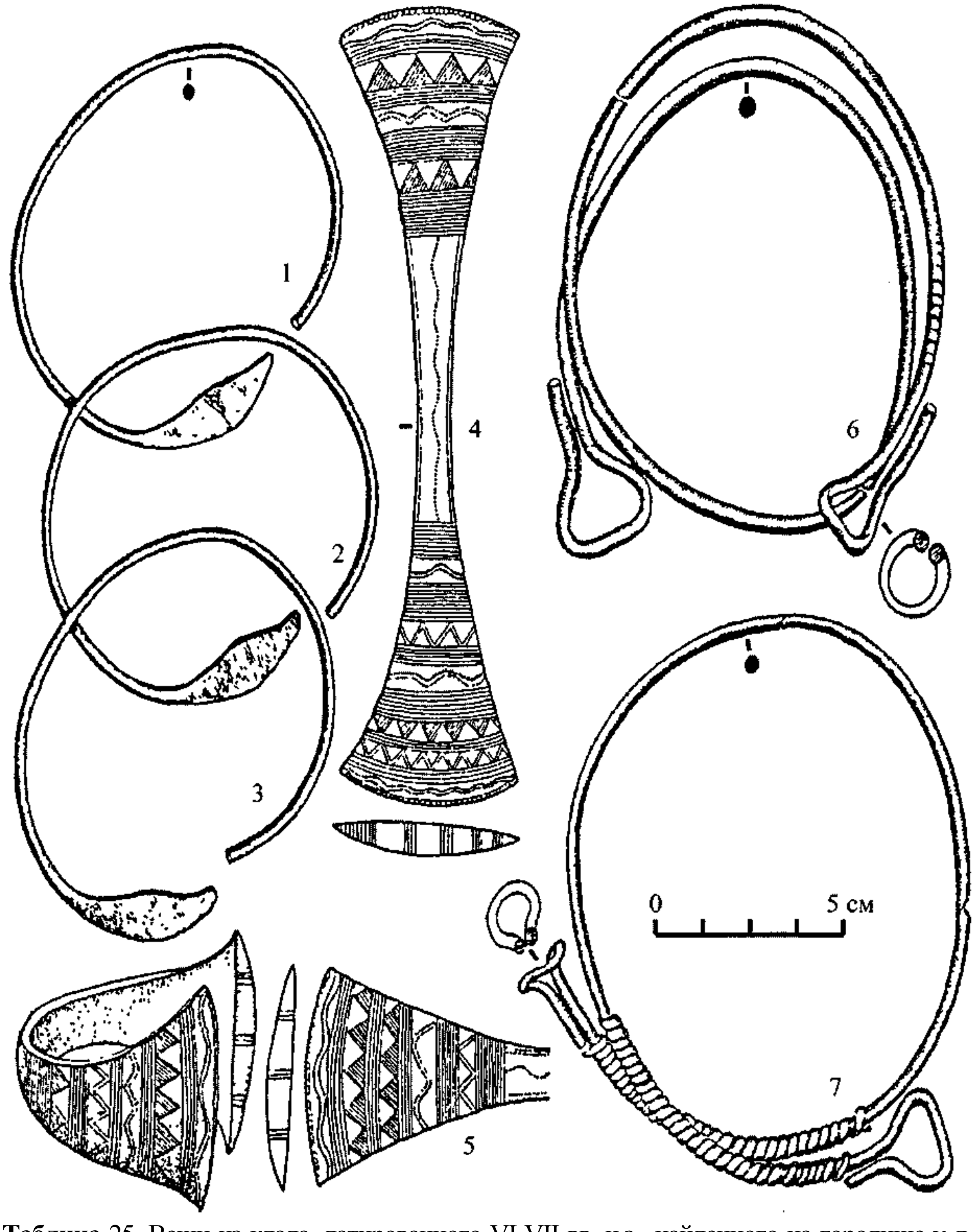

Таблица 25. Вещи из клада, датированного VI-VII вв. н.э., найденного на городище у д. Вежки, Дубровенского района Витебской области Белоруссии, 1-3 - височные кольца, 4, *5* - браслеты, 6, 7 - шейные гривны (рисунки из публикации Ю.В. Колосовского).

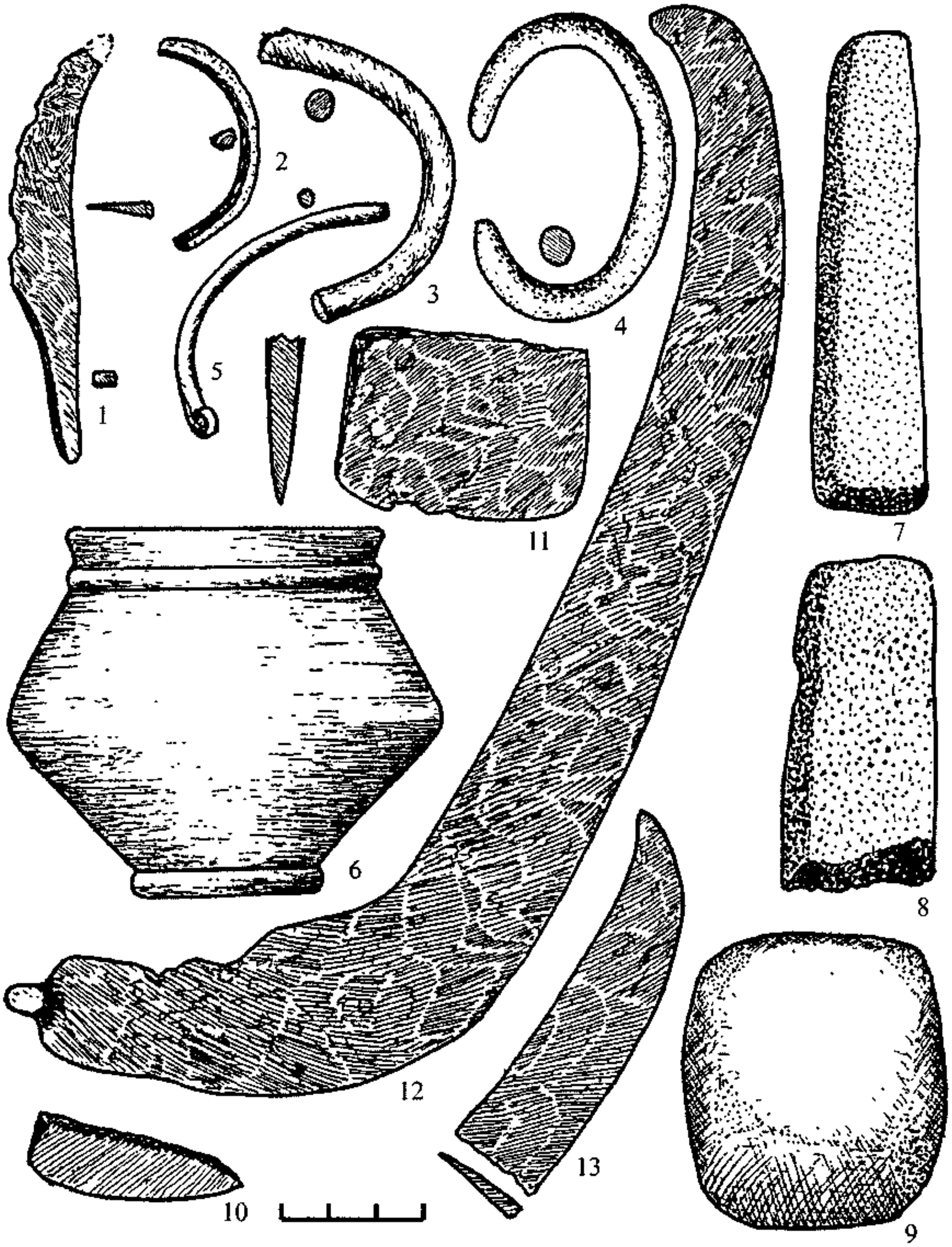

Таблица 26. 1 - бритва, 2-4 - браслеты, 5 - фибула, 6 - гончарный серолощеный кубок, 7, 8 - точильные бруски, 9 - пест-растиральник, 10, 11 - лезвия топоров, 12, 13 - серпы, 1 -10 - Демидовка, 11 -13 - Никодимово. 1-5, 10-13- железо, 6 - обожженная глина, 7-9 - камень.

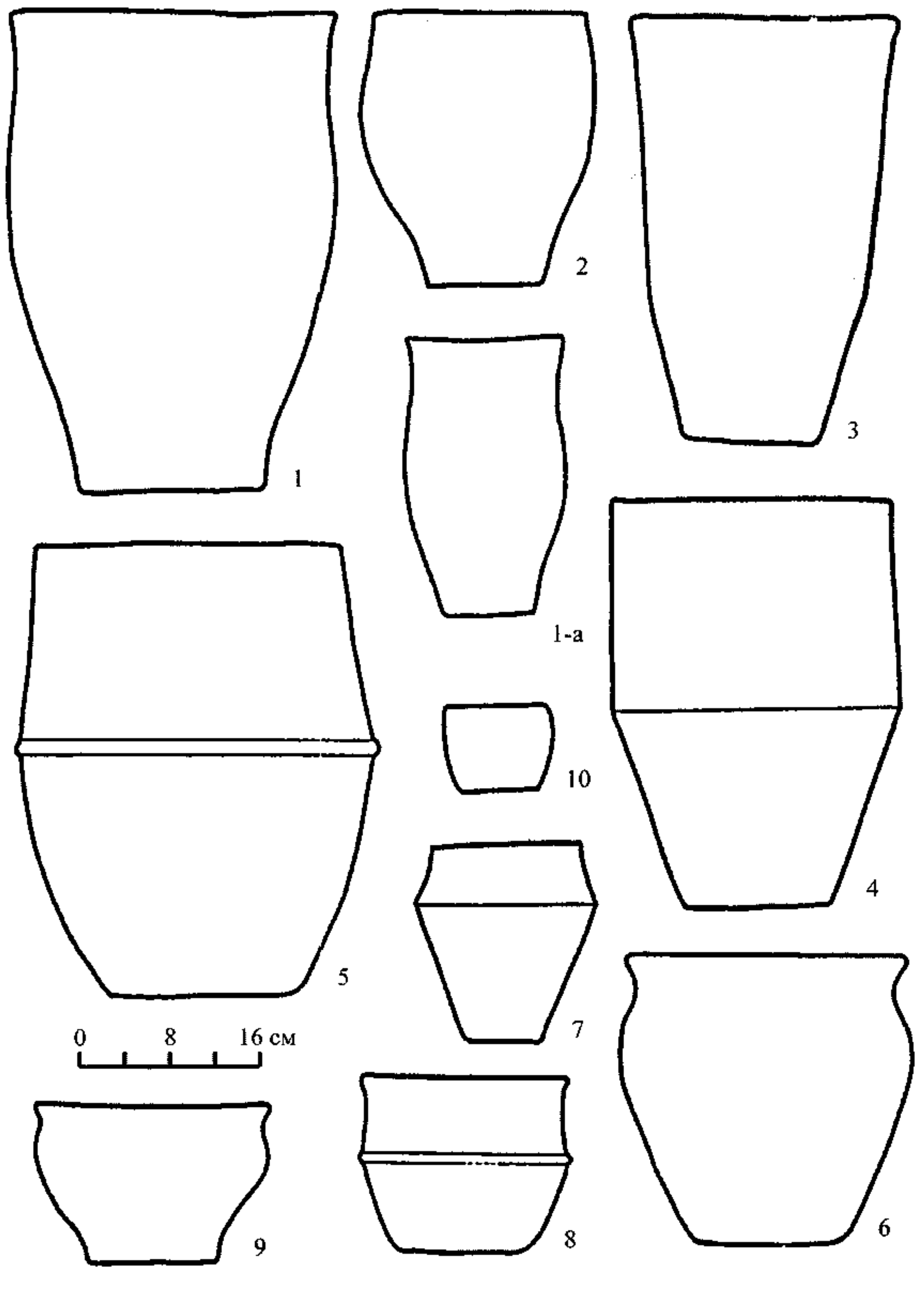

Таблица 27. Основные типы глиняных сосудов тушемлинской культуры.

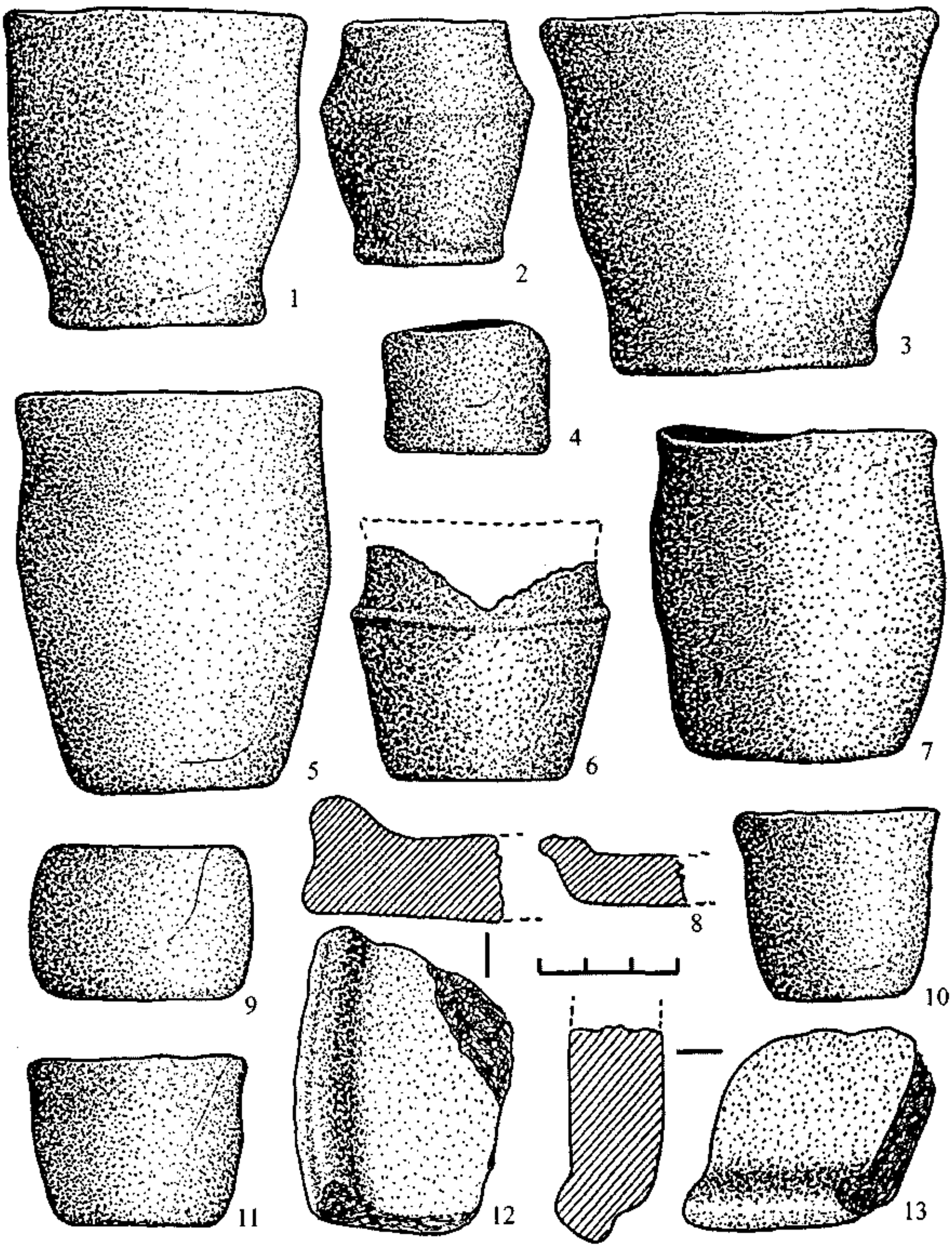

Таблица 28. Миниатюрные глиняные сосуды и фрагменты сковородок. 1 - Близнаки, 2, 9 - Кислые (Курлын), 3 - Березинка, 4-6, 12 - Демидовка, 7,8,10, 11- Шугайлово, 13-Заозерье.

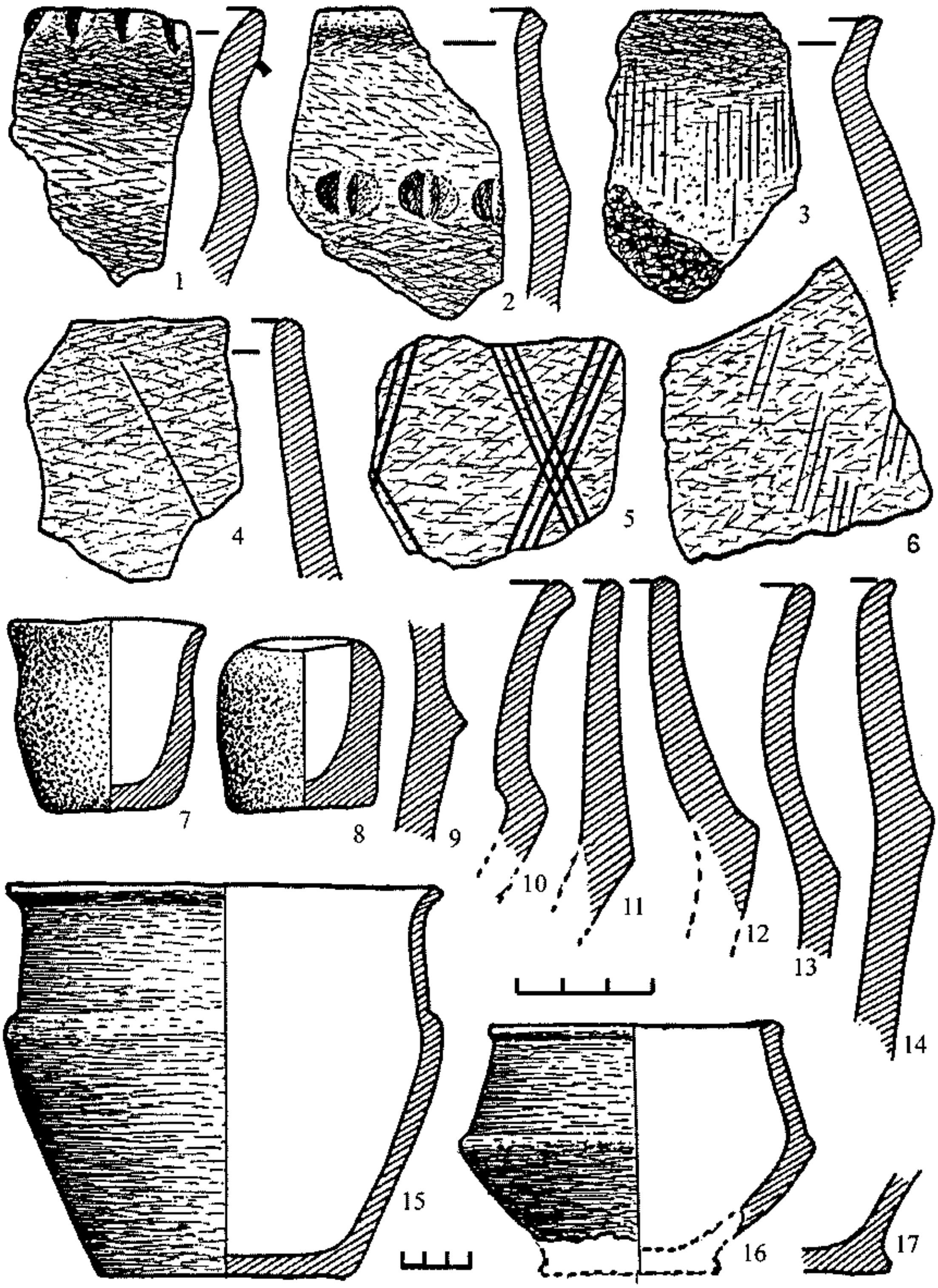

Таблица 29. Керамика из селища у дер. Шугайлово. 1-8 - грубая лепная, 9-17-лощеная и подлощеная, 9-14 - профили верхних частей лощеных сосудов.

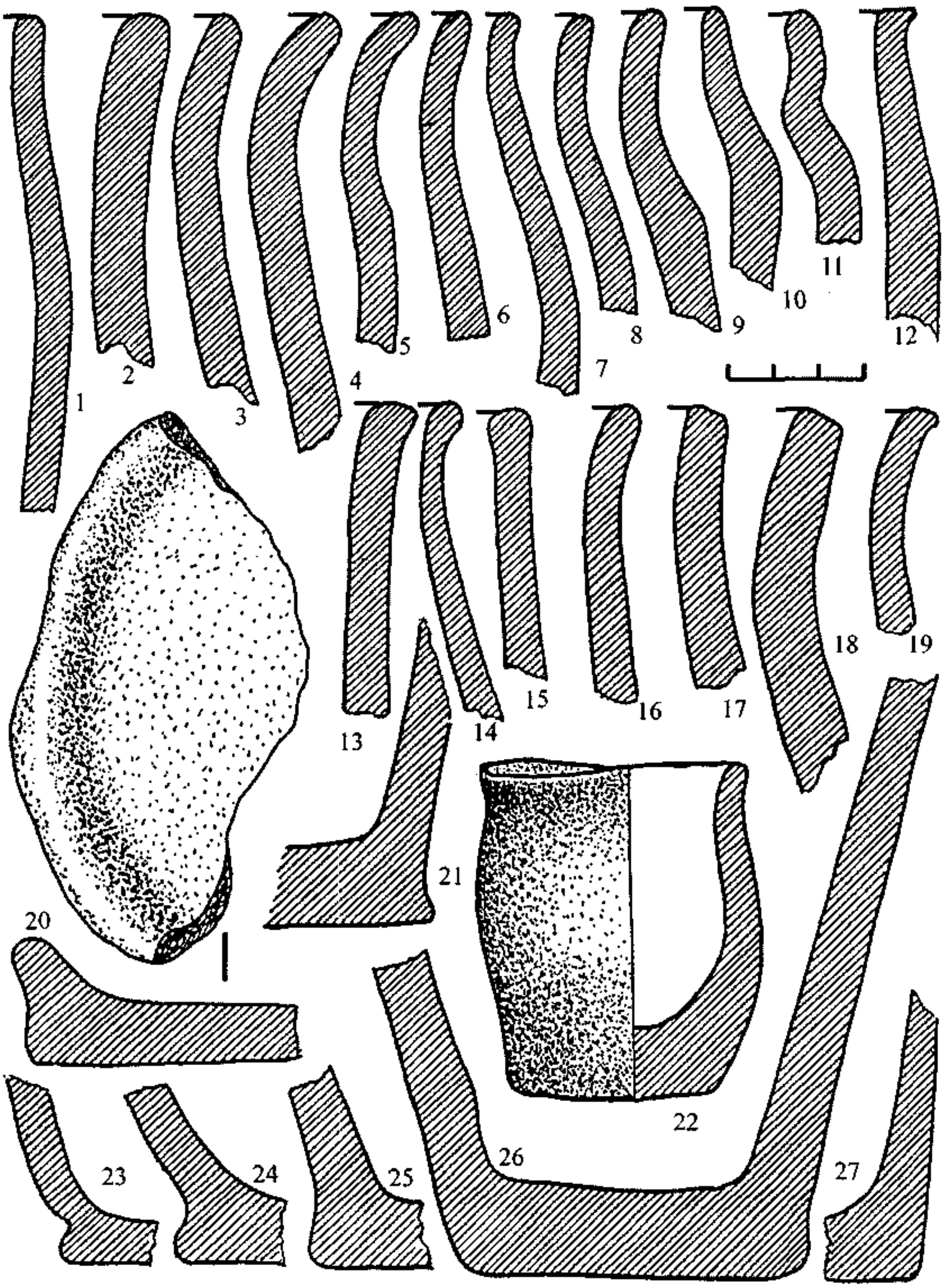

Таблица 30. Керамика из селища у дер. Шугайлово. 1-19 - профили венчиков грубых лепных сосудов, 20 - фрагмент глиняной сковородки, 21,23-27 - профили днищ лепных сосудов, 22 - миниатюрный сосуд.

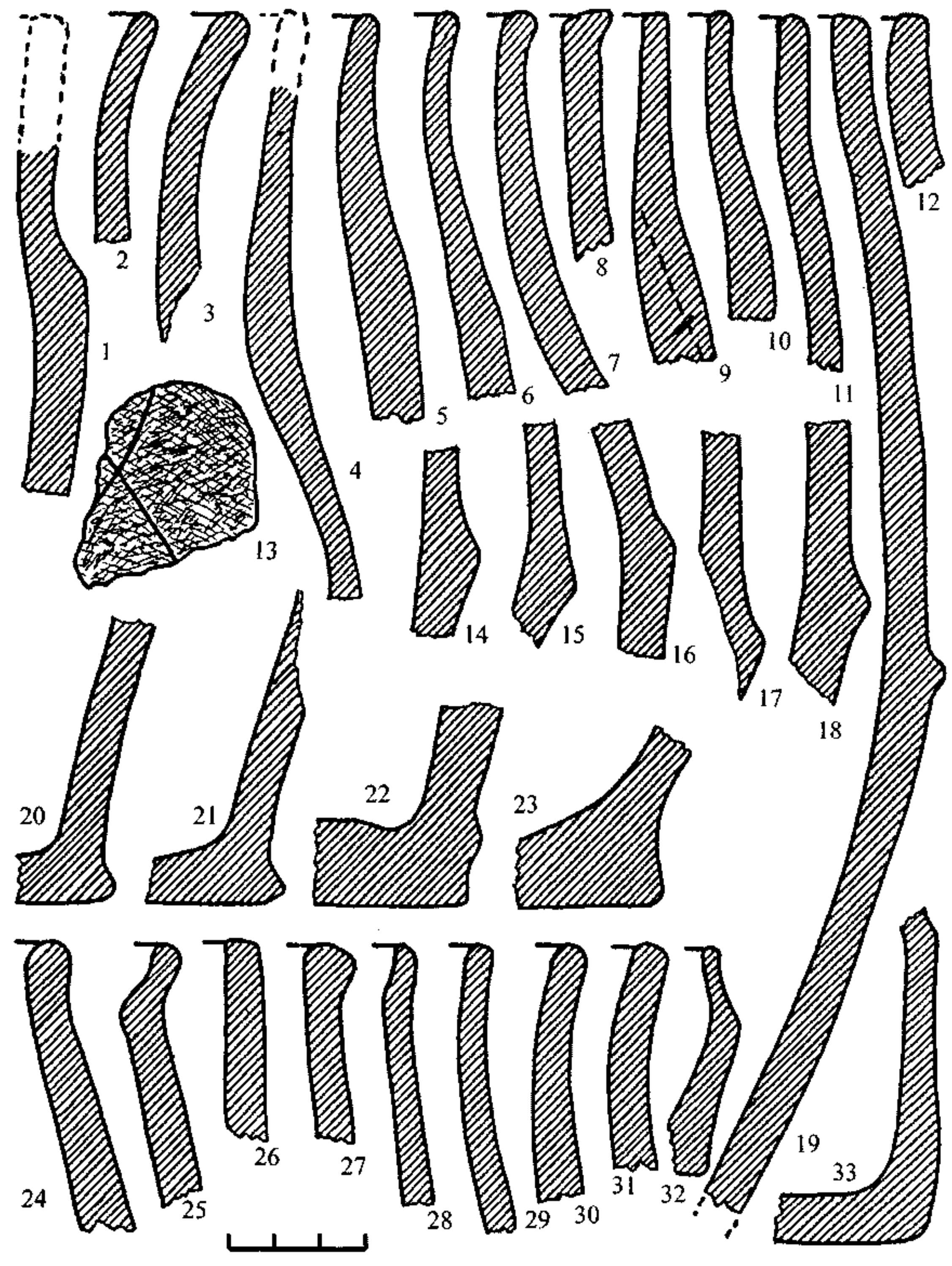

Таблица 31. Керамика из селища у дер. Кислые (Курлын). 1-12,14-33 - профили венчиков и днищ, 13 - фрагмент лепного сосуда с прочерченным орнаментом. 1-13, 20-33 - грубая лепная посуда, 14-19 - лощеная посуда.

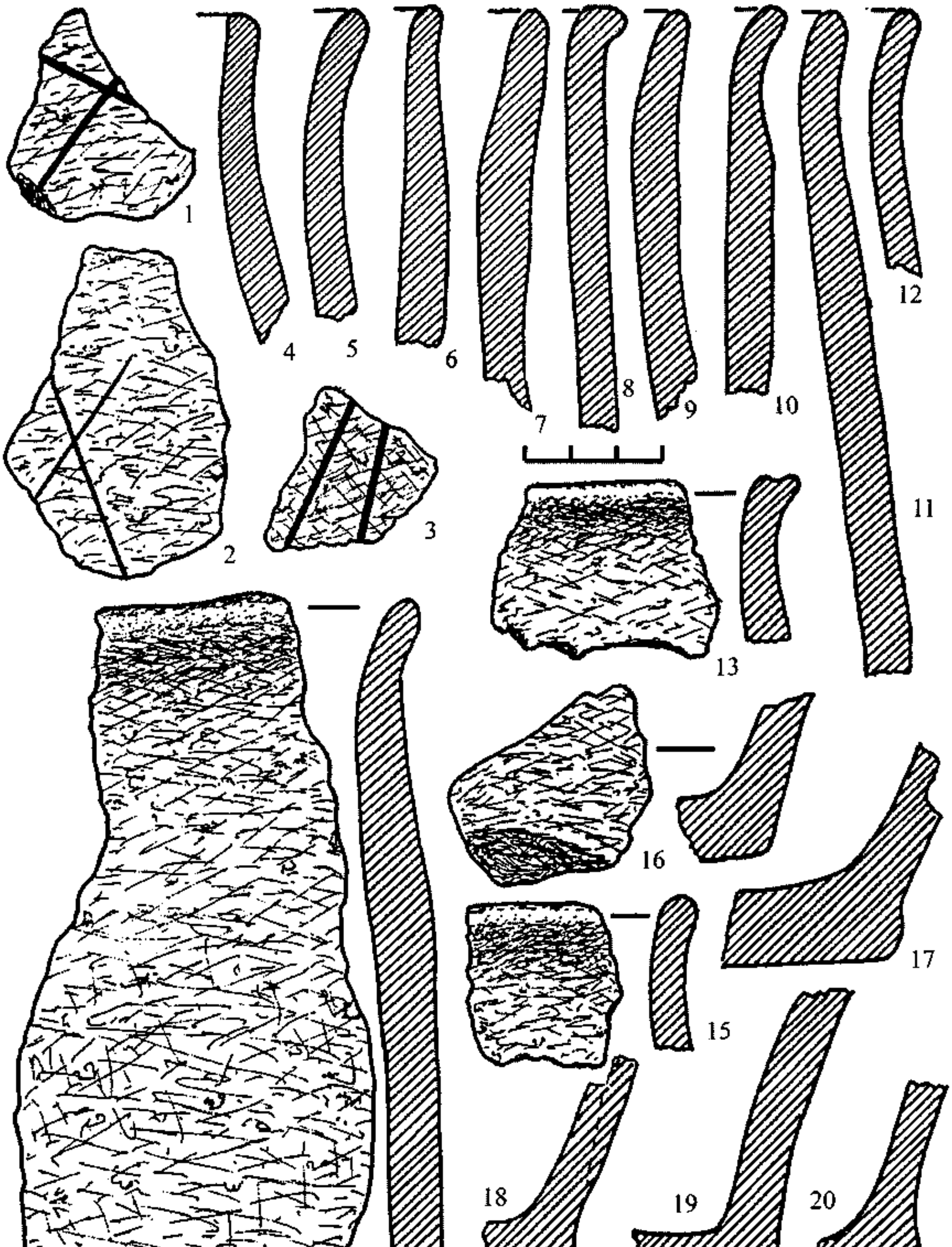

Таблица 32. Керамика из селища у дер. Кислые. 1-3,13-16 - фрагменты грубых лепных сосудов, 4-12, 17-20 - профили венчиков и днищ.

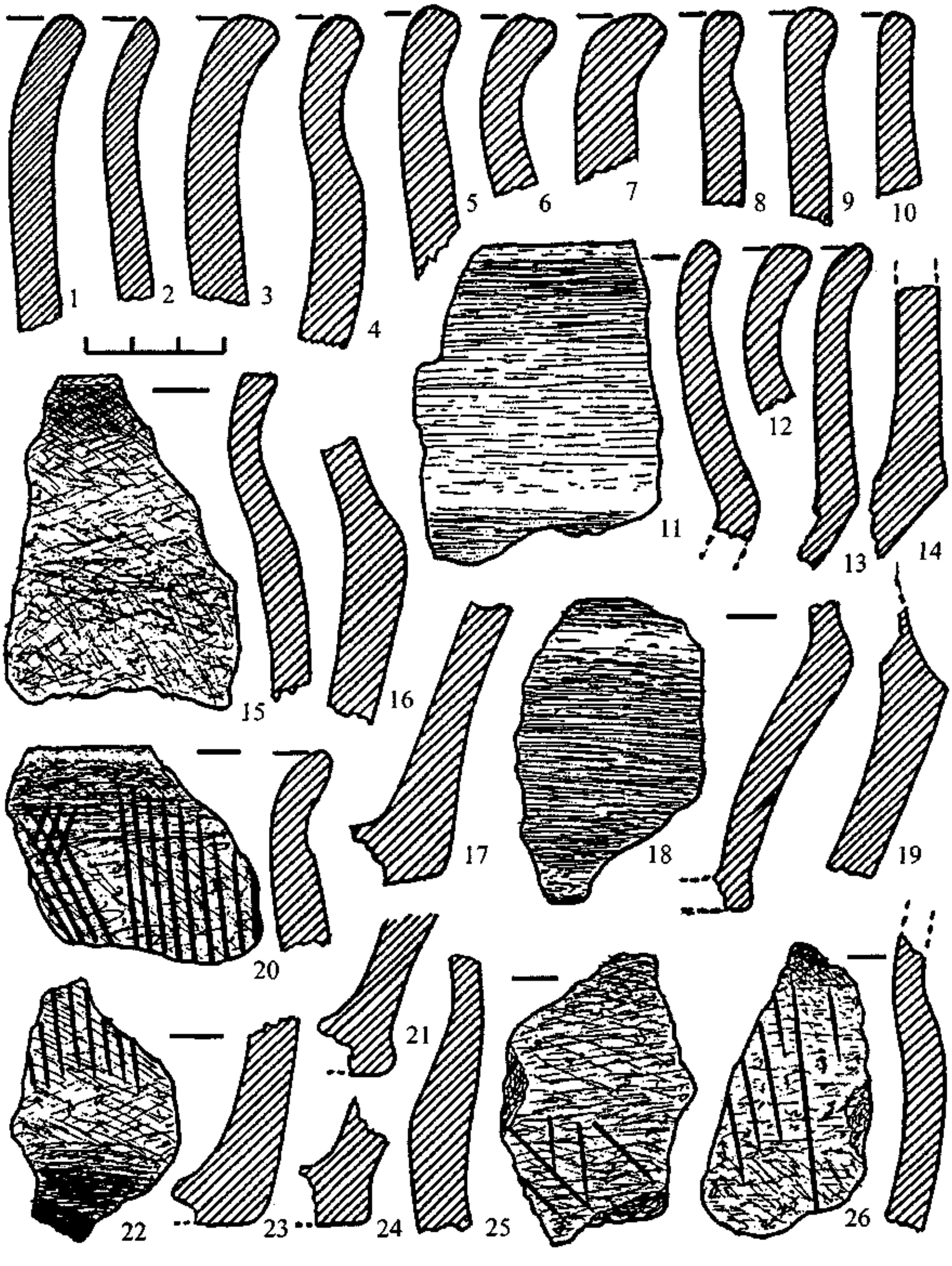

Таблица 33. Керамика из селища у дер. Дроково. Фрагменты стенок и профили венчиков и днищ. 1-10,15,20-26-грубые лепные сосуды, 11-14, 16-19-лощеные сосуды, 20, 22, 25, 26 - орнаментация: нарезы и «расчесы».

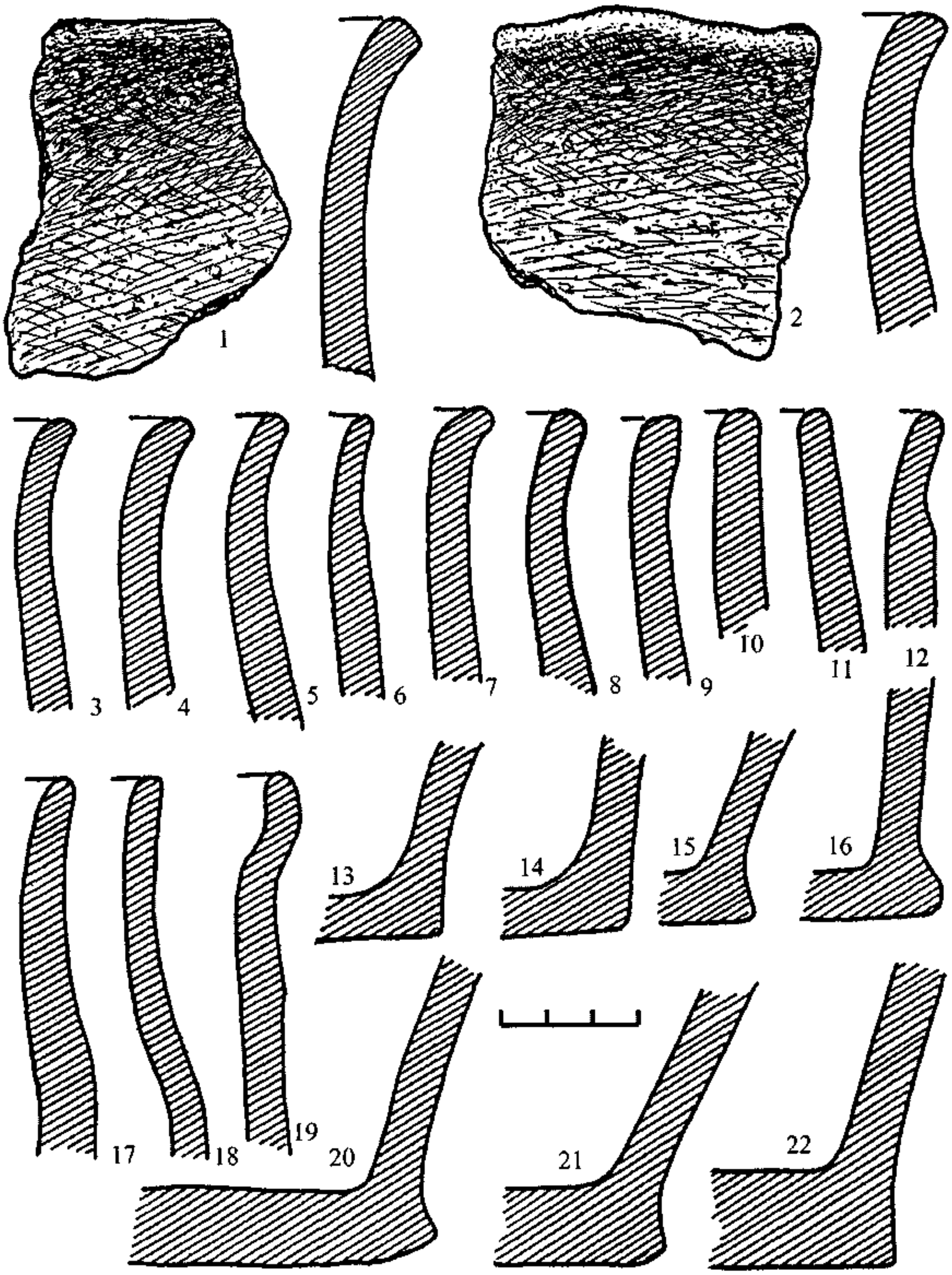

Таблица 34. Керамика из селища у бывш. дер. Слобода-Глушица. 1,2 - фрагменты верхних частей сосудов, 3-12,17-19 - профили венчиков, 13-16,20, 22 - профили днищ. Вся керамика грубая лепная.

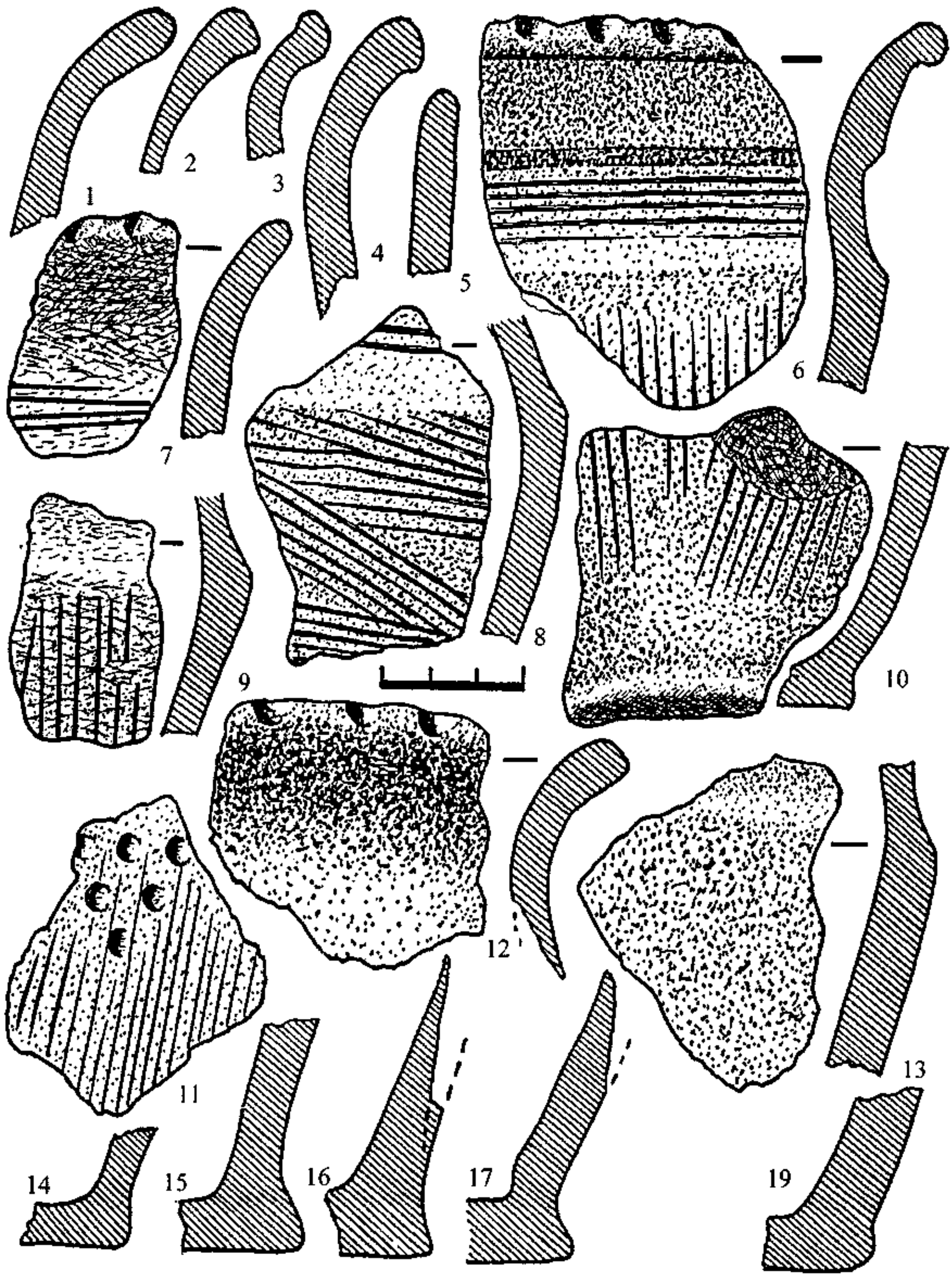

Таблица 35. Керамика из селища у дер. Березинка (раскопки В.В. Седова). Фрагменты профилированных и орнаментированных грубых лепных сосудов.

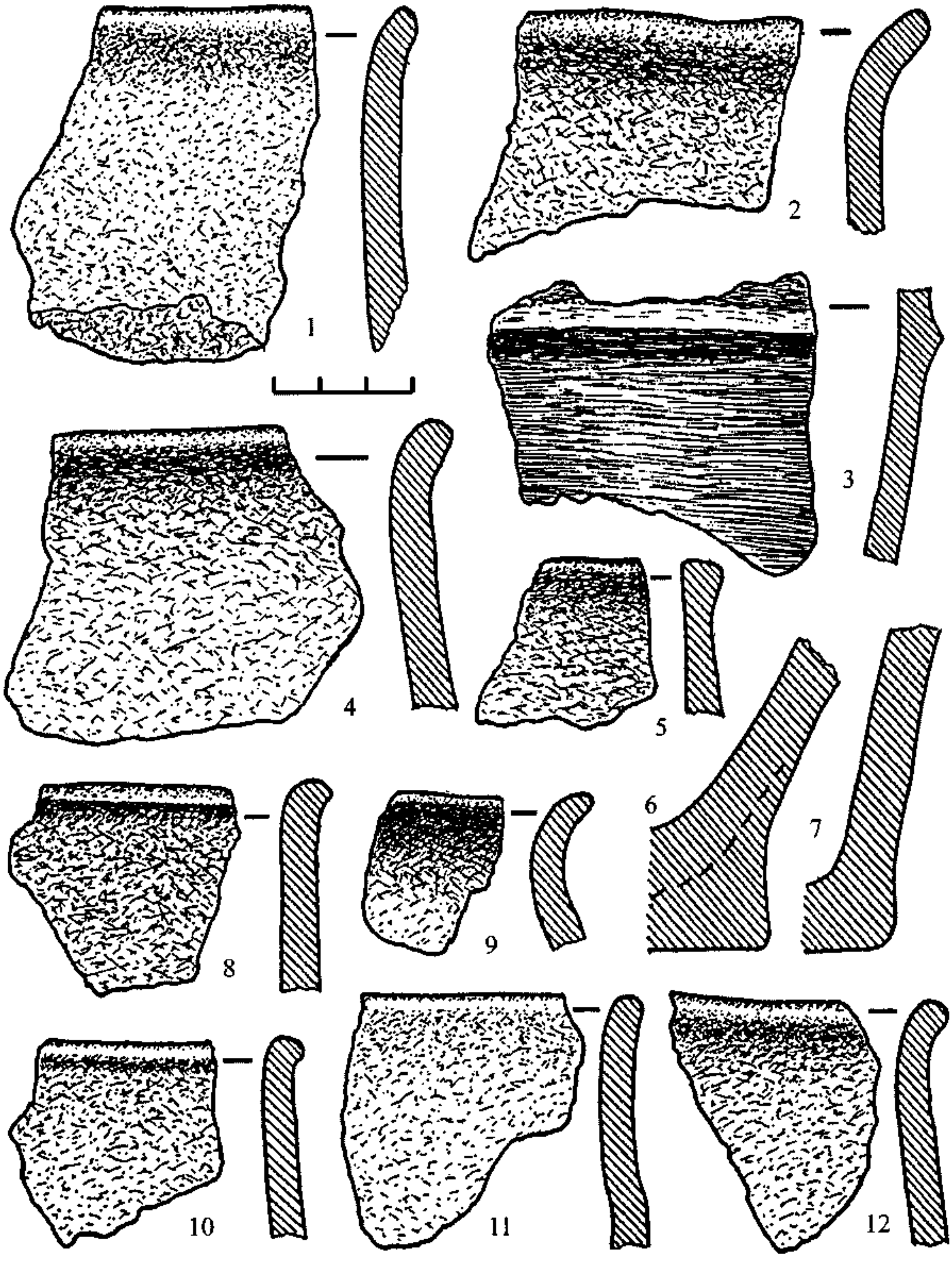

Таблица 36. Керамика из селища у дер. Дуброво. 1, 2,4-12 - фрагменты грубых лепных сосудов, 3 - фрагмент лощеной ребристой миски.

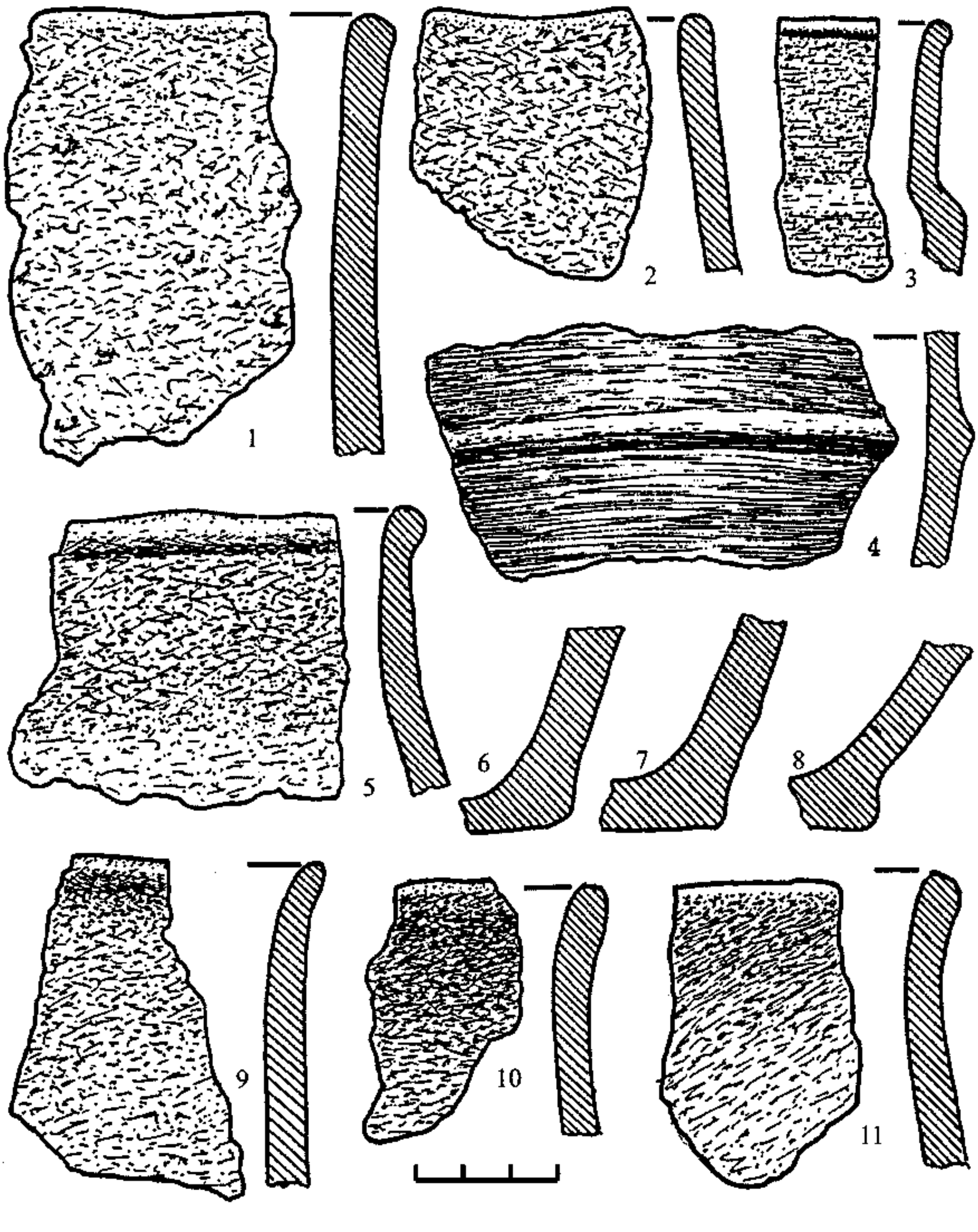

Таблица 37. Керамика из селища у дер. Заборье Смоленского района. 1-3, 5-11 - фрагменты грубых лепных сосудов, 4 - фрагмент лощеной ребристой миски.

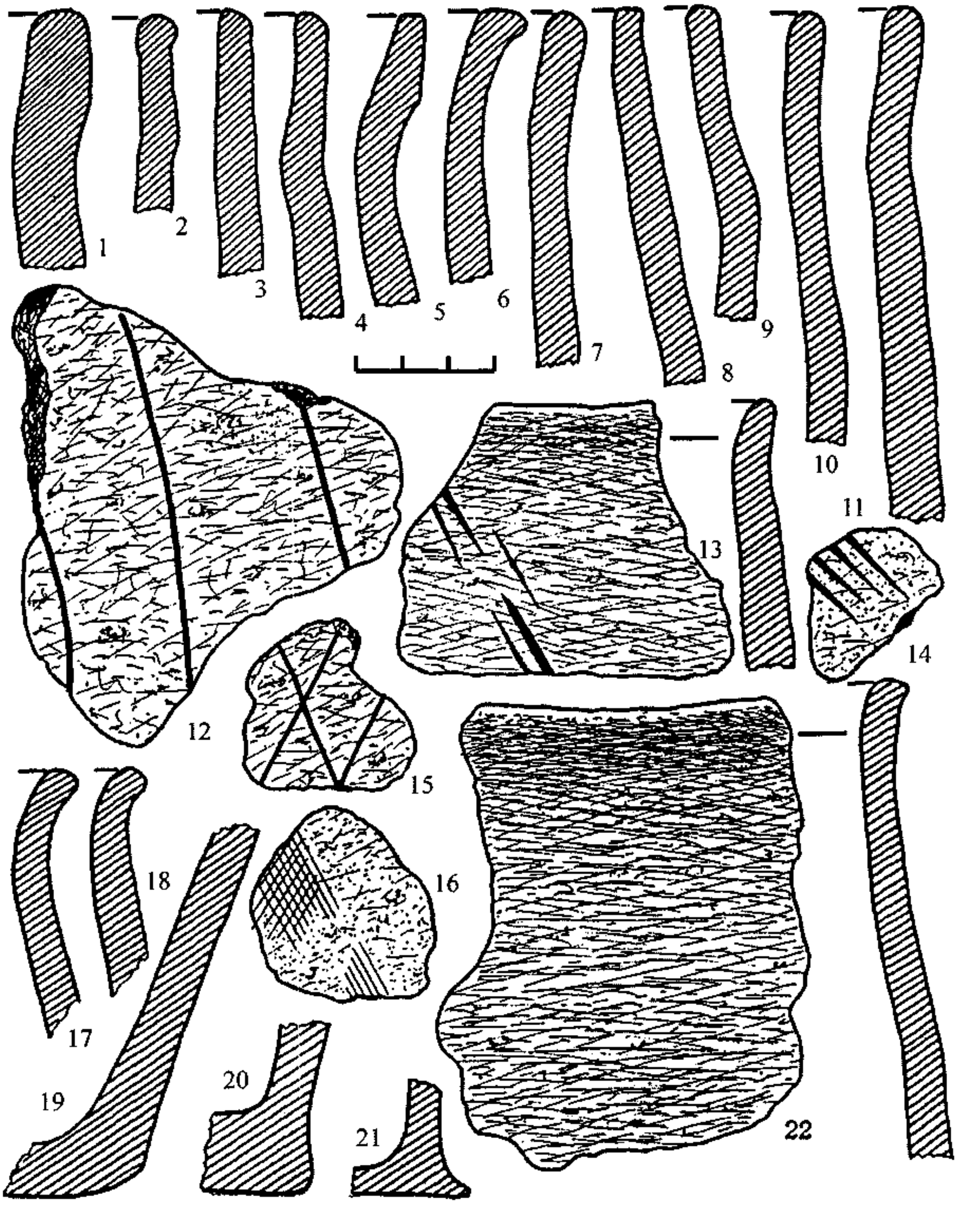

Таблица 38. Керамика из селища у дер. Старое Куприно. 1-11, 17-21 - профили венчиков и днищ грубых лепных сосудов, 12-16 - фрагменты лепных сосудов, украшенные нарезками и «расчесами», 22 - фрагмент верхней части сосуда тушемлинского типа.

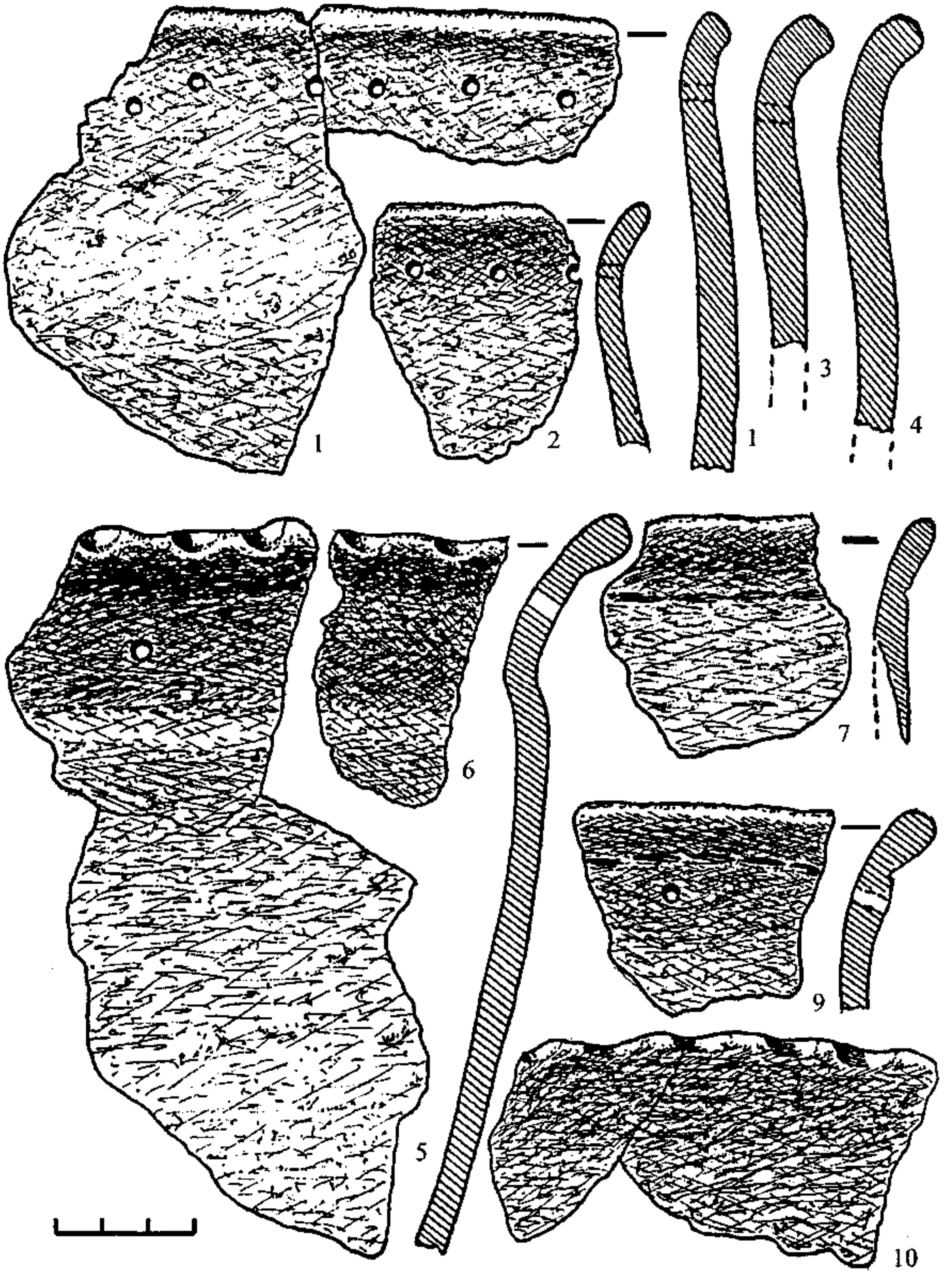

Таблица 39. Керамика из селища у села Микулино. Фрагменты орнаментированных про филированных и слабопрофилированных сосудов.

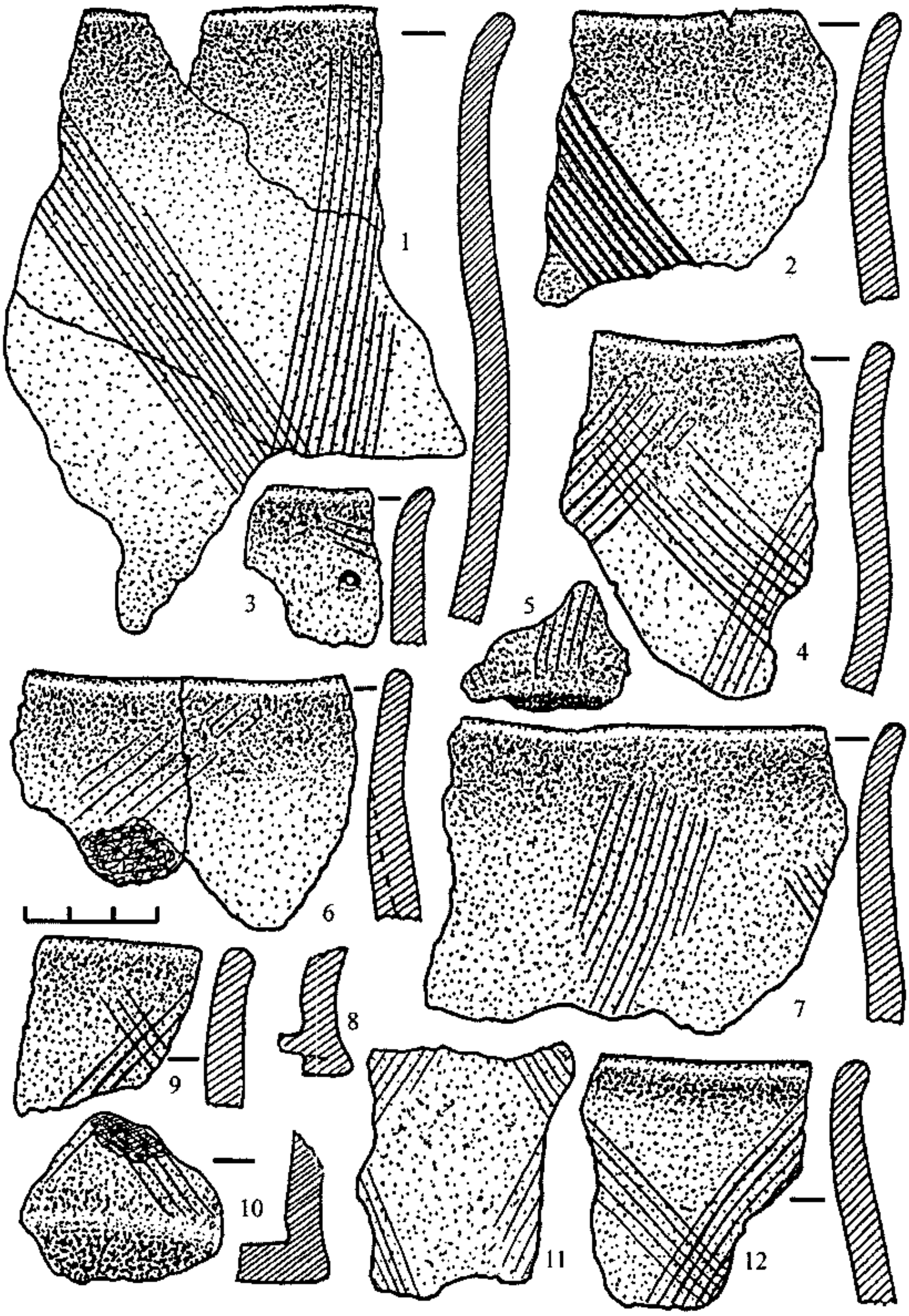

Таблица 40. Керамика из селища у села Микулино. Фрагменты слабопрофилированных сосудов, орнаментированных «расчесами».

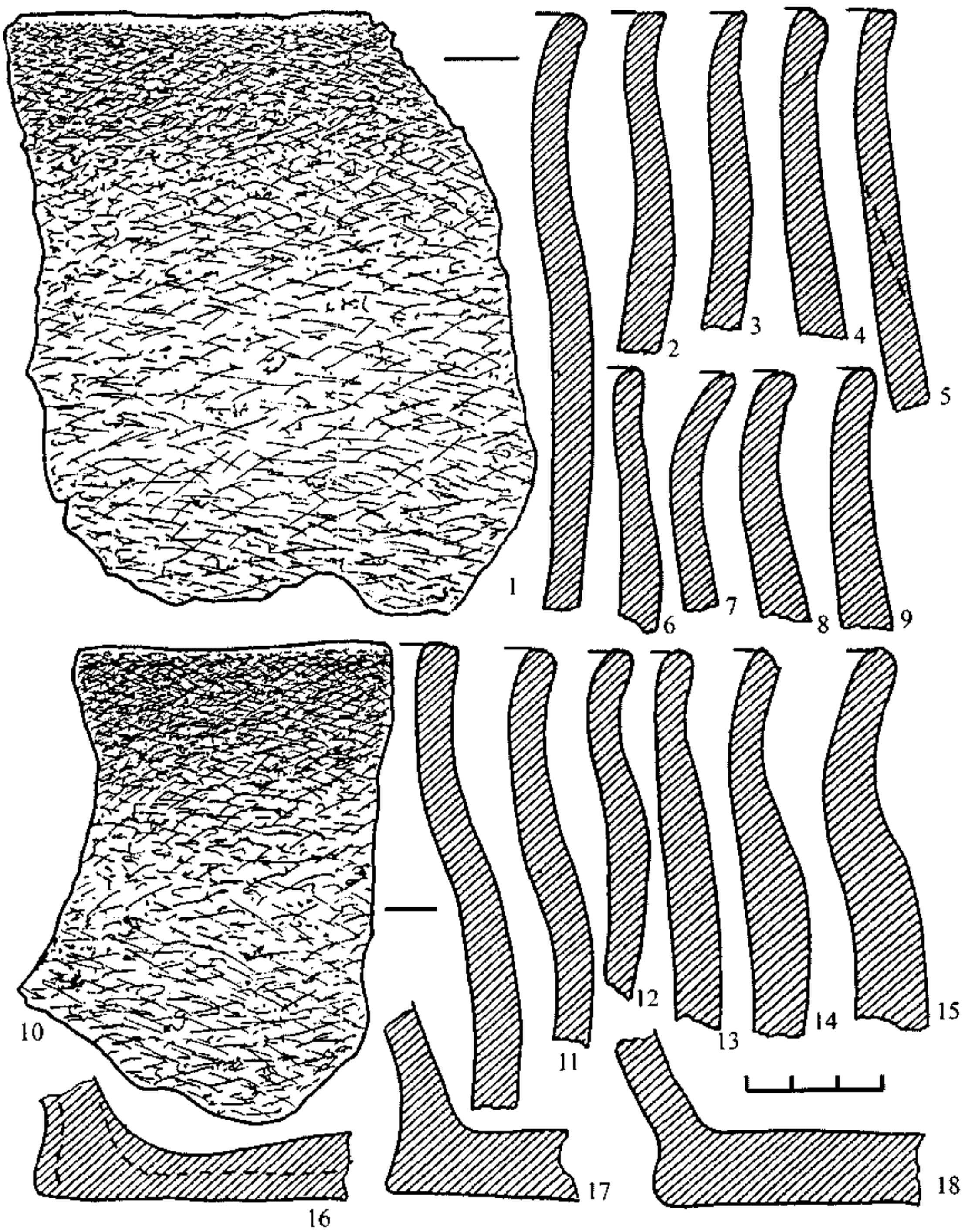

Таблица 41. Керамика из селища у села Микулино. Фрагменты и профили венчиков и днищ грубых лепных слабопрофилированных сосудов.

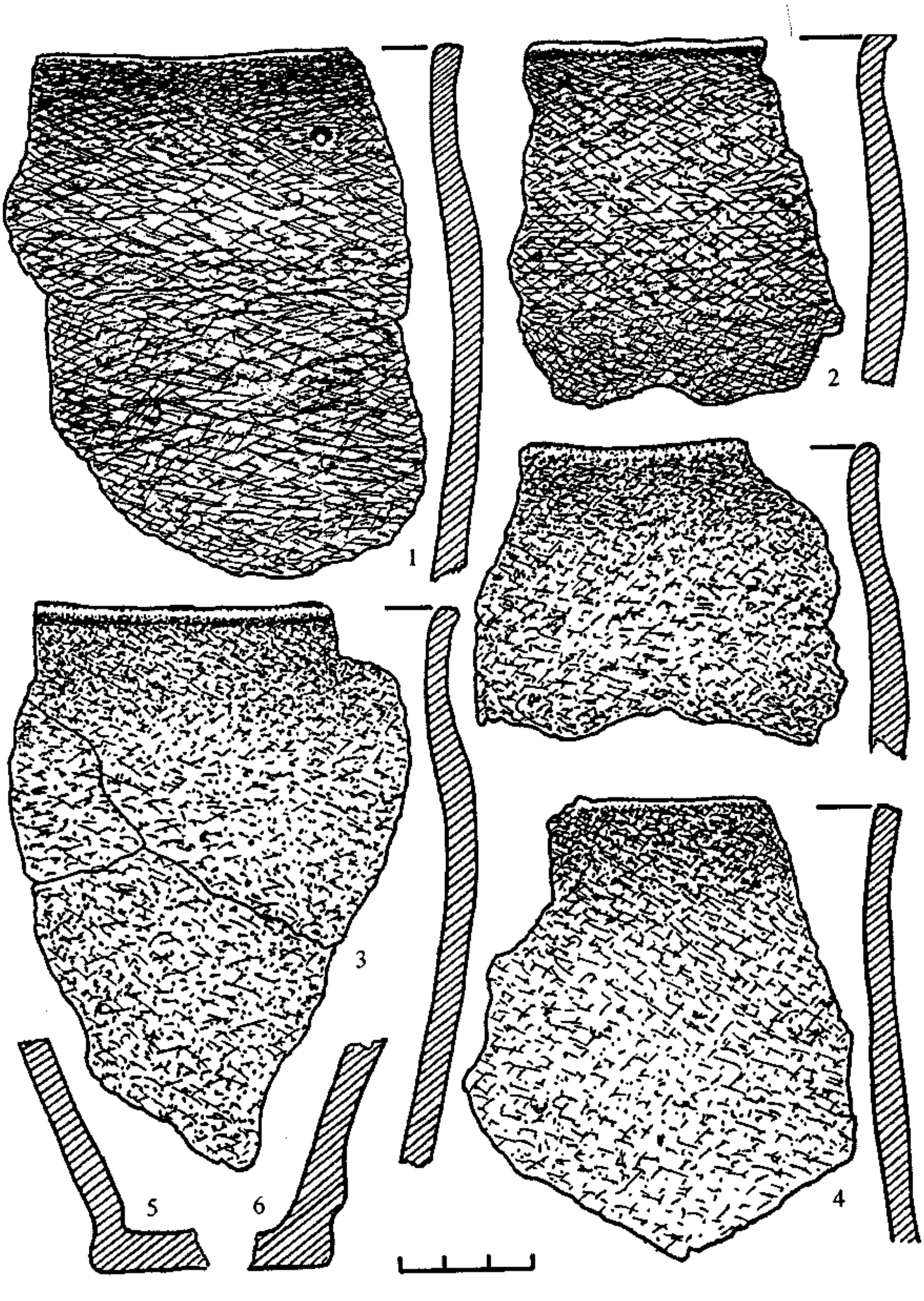

Таблица 42. Керамика из селища у села Микулино. Фрагменты грубых лепных слабопрофилированных сосудов.

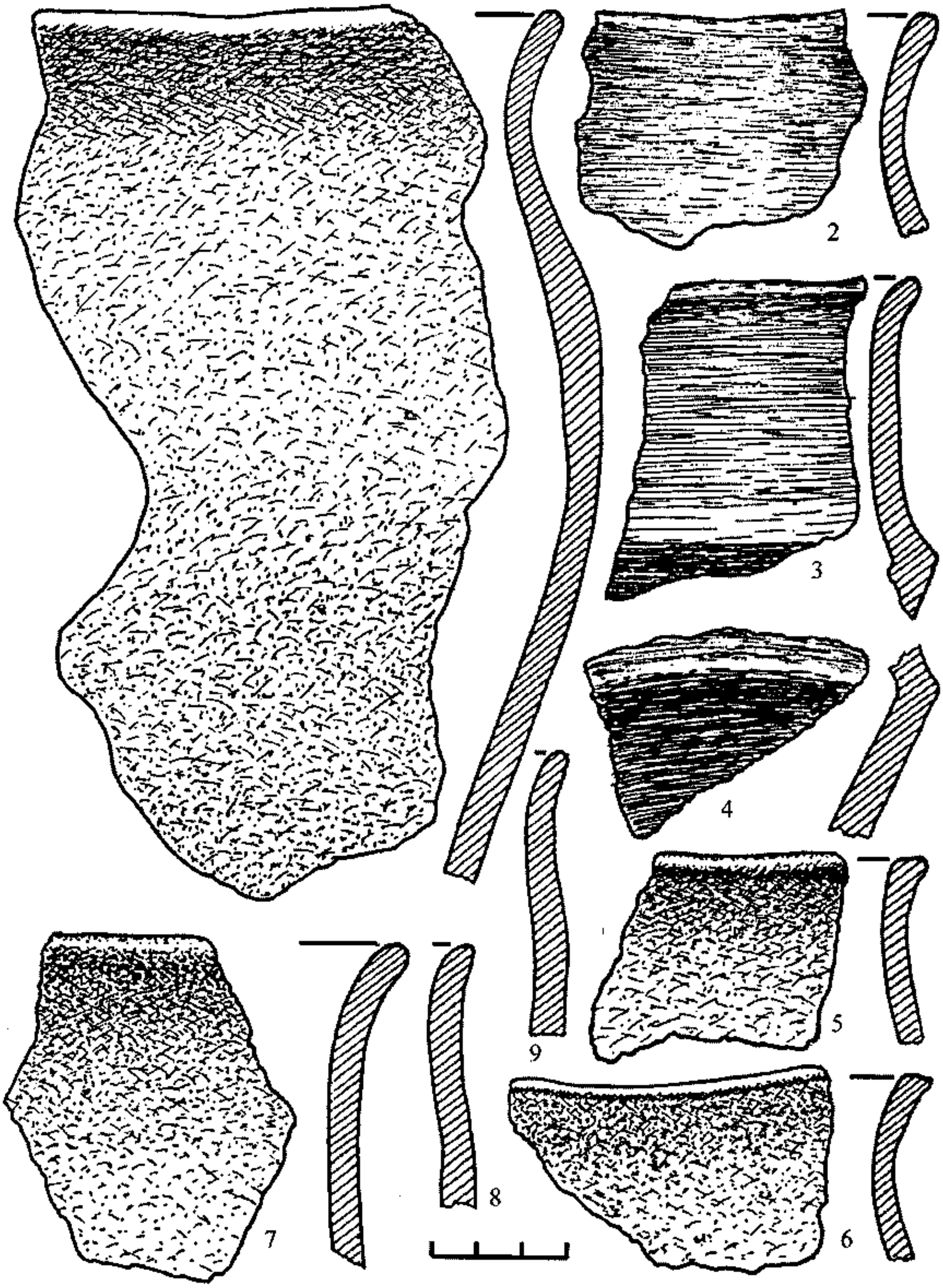

Таблица 43. Керамика из селища у села Микулино. 1,5-9- фрагменты и профили грубых лепных сосудов; 2-4 - фрагменты и профили лощеных сосудов.

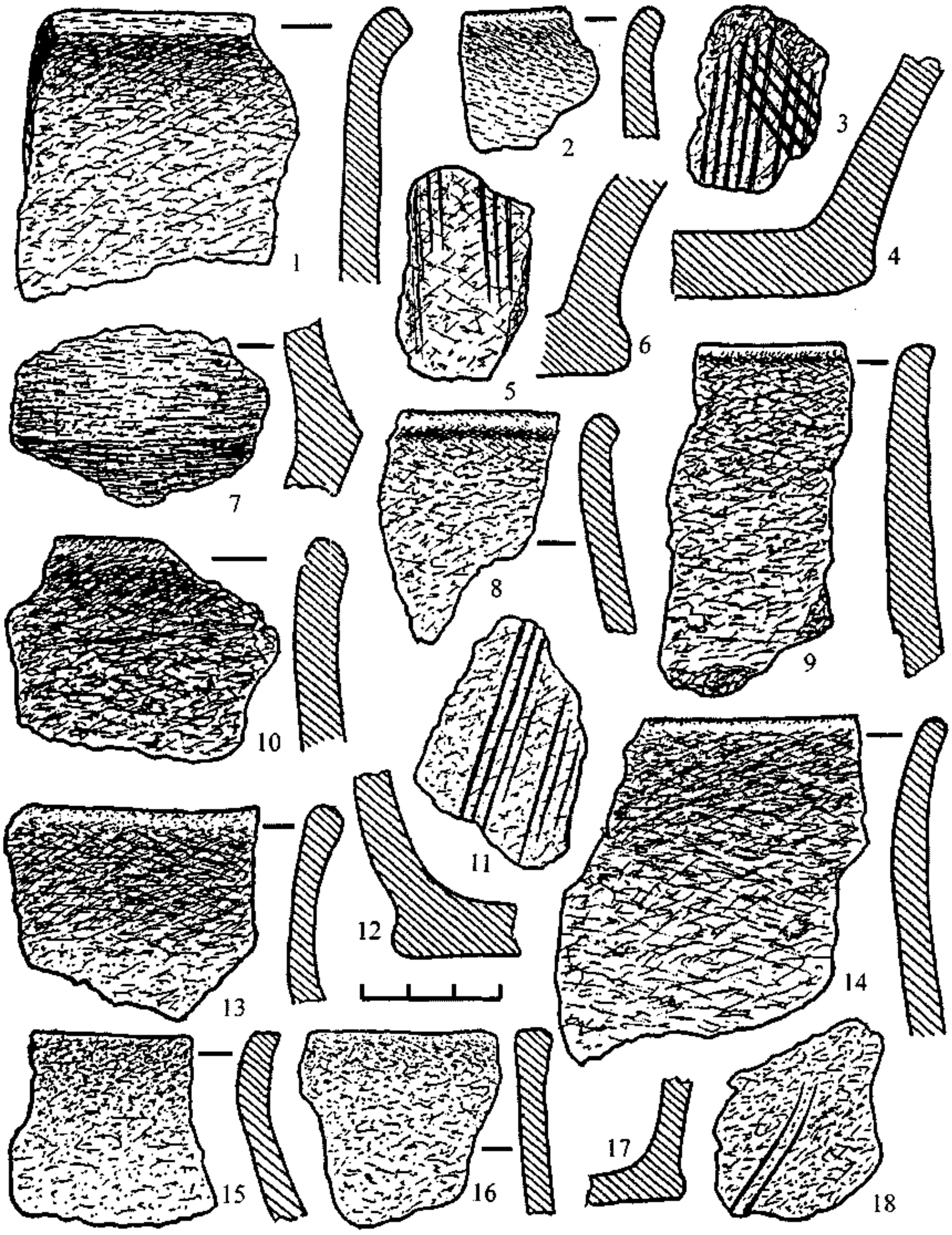

Таблица 44. Керамика из селищ на р. Каспля. 1-6 - фрагменты грубых лепных сосудов из селища в селе Каспля. 7 - фрагмент лощеного ребристого сосуда и 8-18 - фрагменты груболепных сосудов из селища у дер. Алфимово. *3,5,* 11, 18 - фрагменты керамики, орнаментированные нарезками и «расчесами».

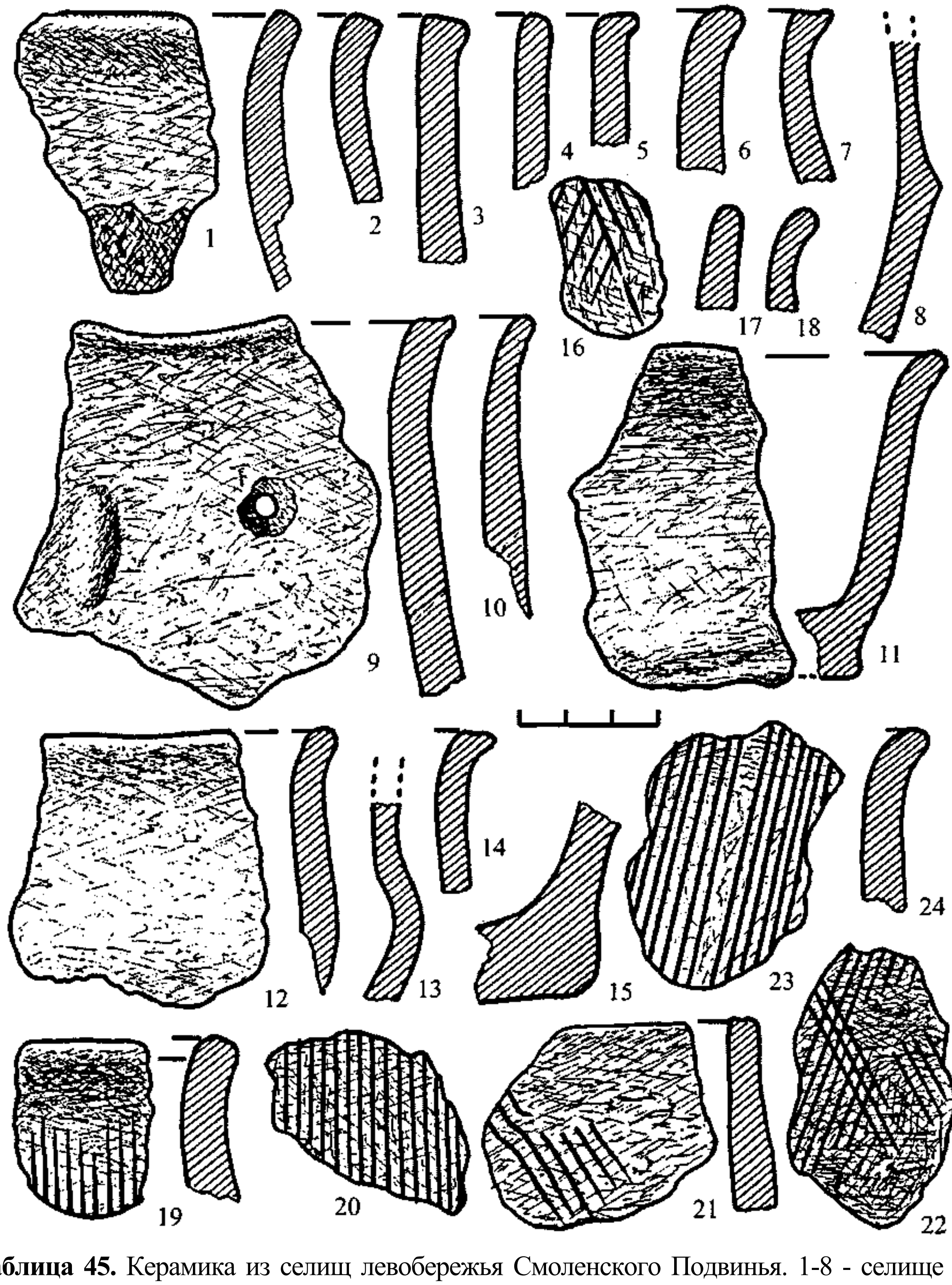

Таблица 45. Керамика из селищ левобережья Смоленского Подвинья. 1-8 - селище у дер. Ерилово; 9-15- селище у дер. Ковали; 18-19- селище у дер. Никасицы; 20-22 - селище в пос. Пржевальское.

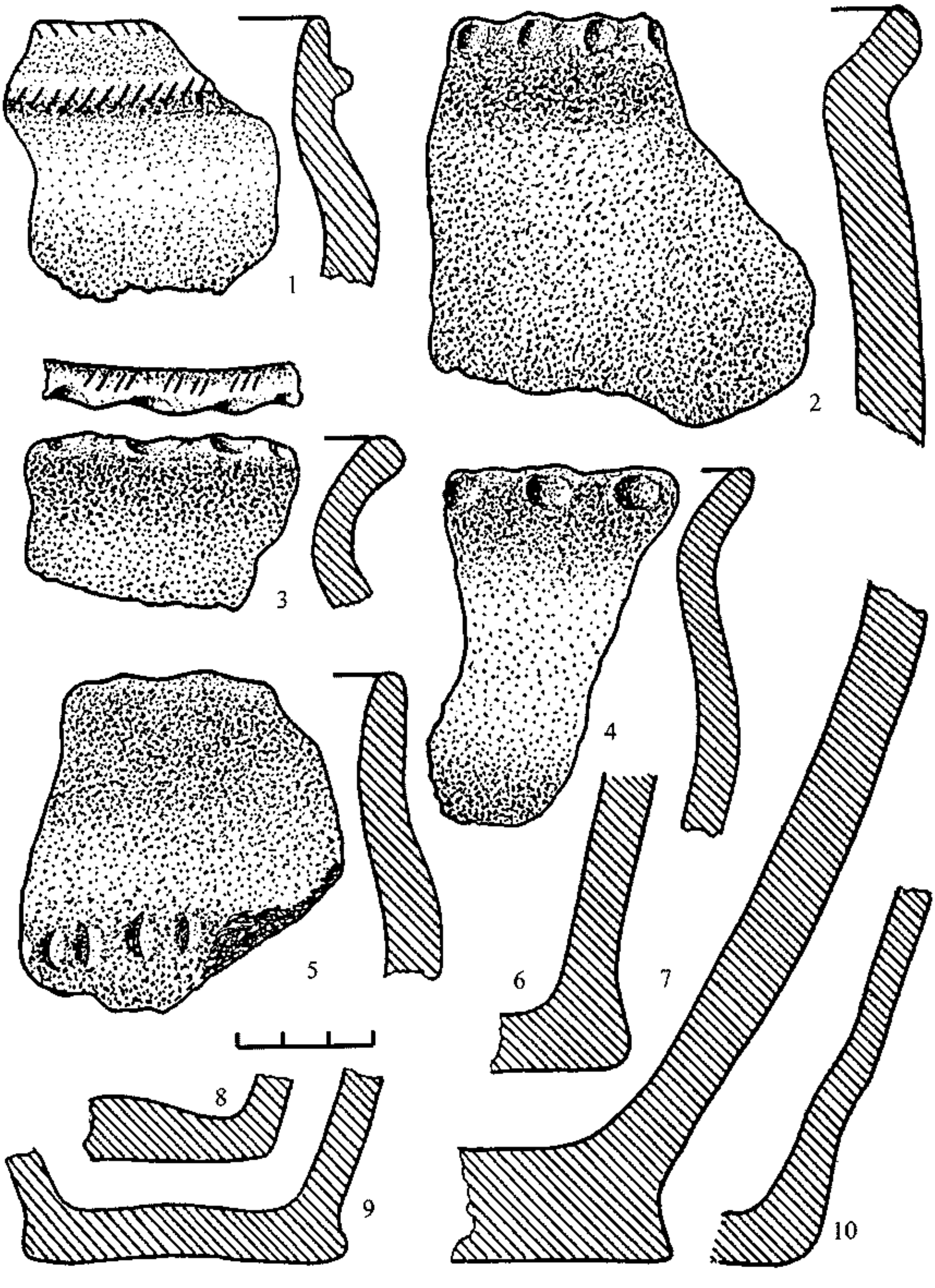

Таблица 46. Керамика из селища у с. Заозерье. Фрагменты грубых лепных орнаментированных сосудов и профили днищ.

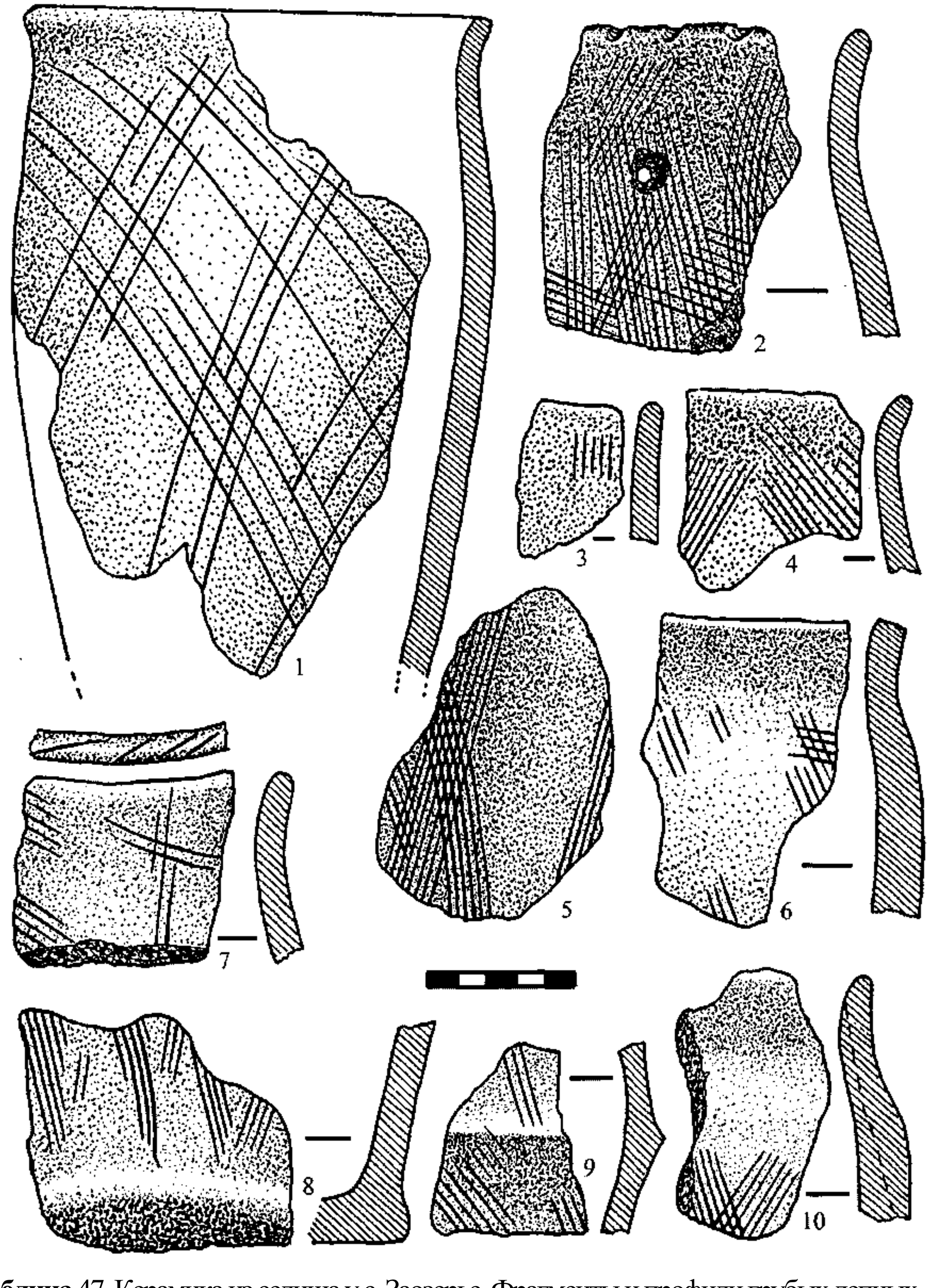

Таблица 47. Керамика из селища у с. Заозерье. Фрагменты и профили грубых лепных сосудов, орнаментированных «расчесами».

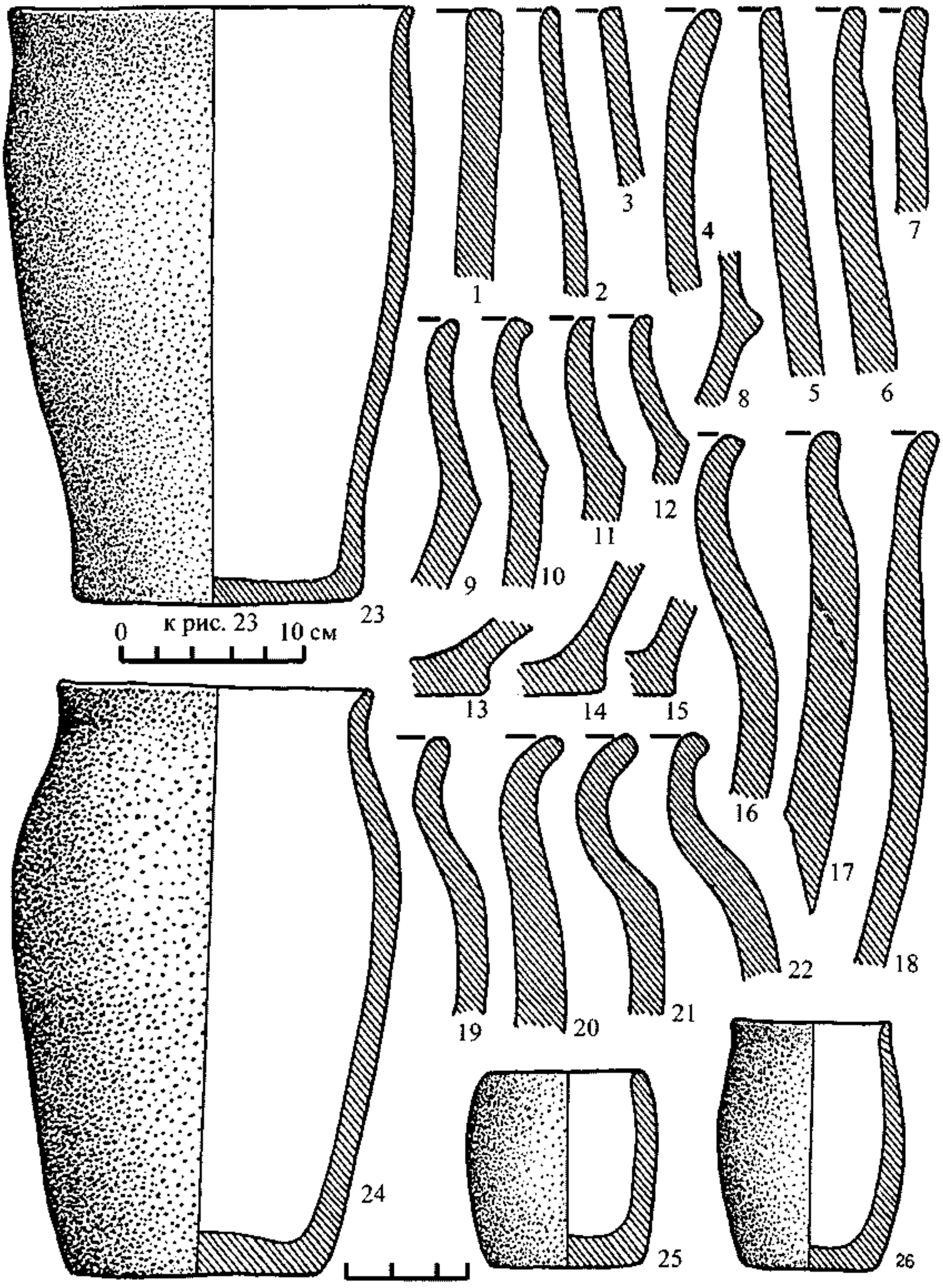

Таблица 48. Керамика из селища у с. Заозерье. 1-7, 16-22 - профили венчиков и днищ грубых лепных сосудов; 8-15 - профили венчиков и днищ лощеной посуды; 23-26 - груболепные сосуды.

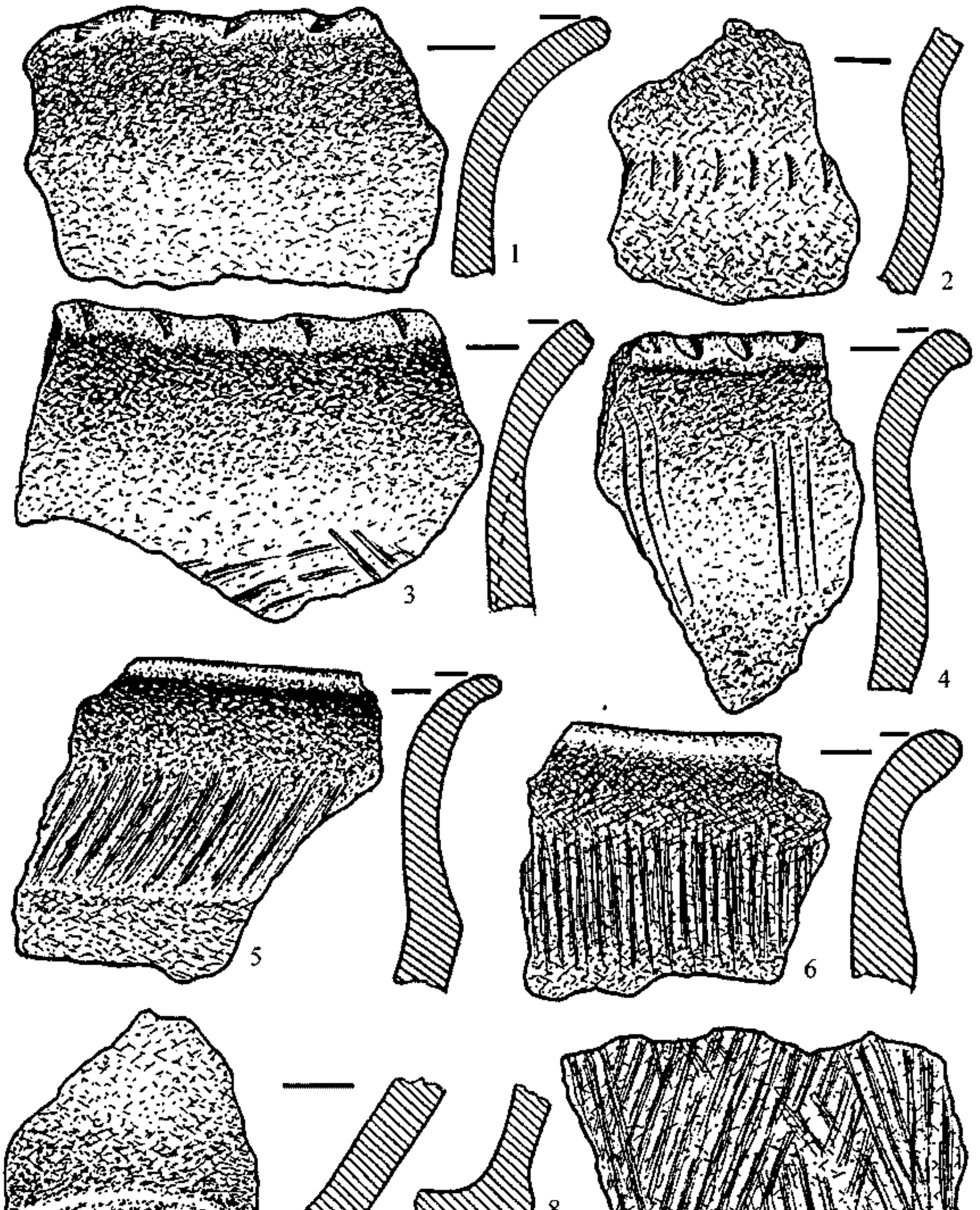

Таблица 49. Керамика из городища Церковище (раскопки В.В. Седова). Фрагменты груболепных профилированных сосудов, орнаментированных защипами, штриховкой и «расчесами».

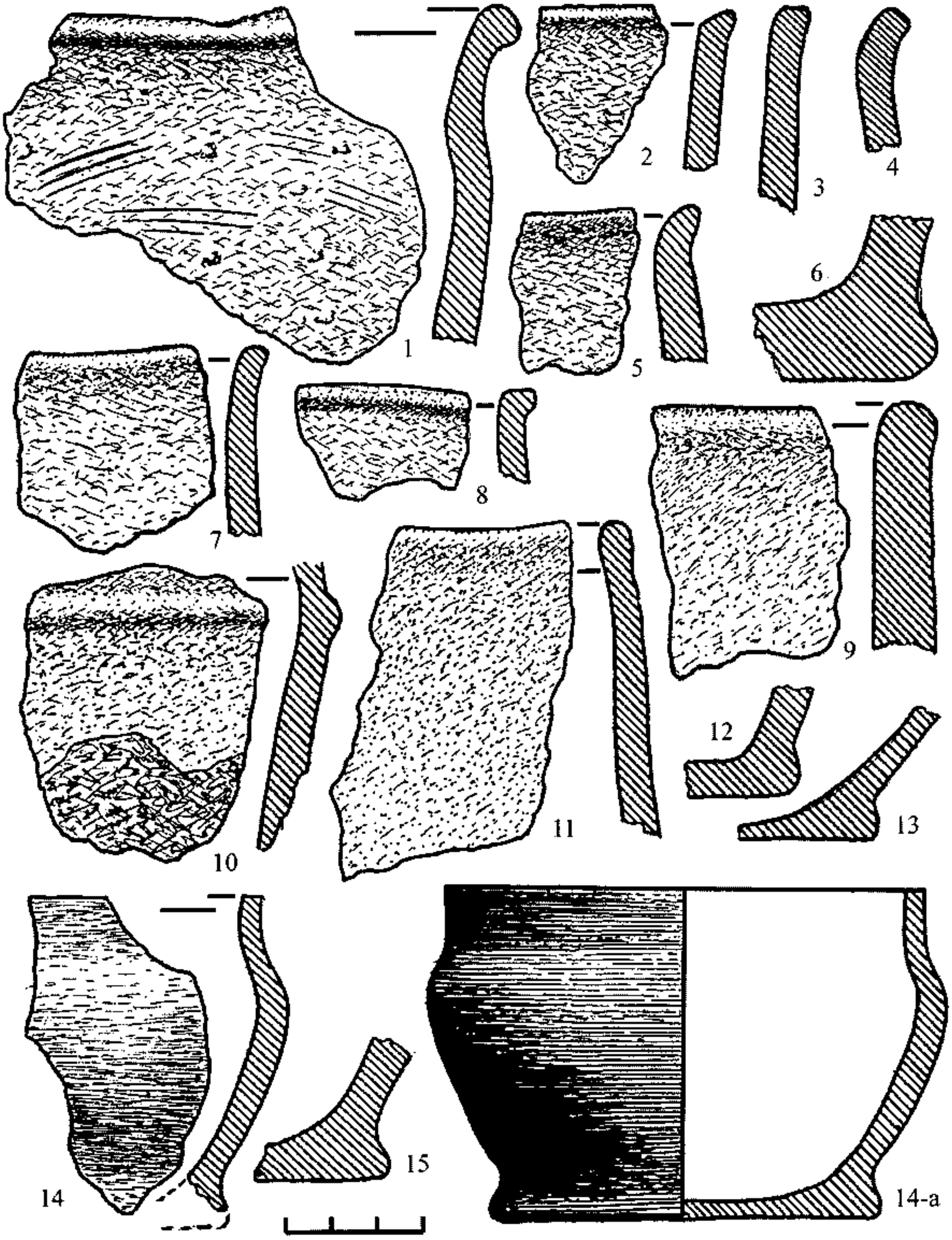

Таблица 50. Керамика из городища Церковище (раскопки В.В.Седова). 1 -11 - фрагменты грубых лепных сосудов, профили их венчиков и днищ; 12-14 - фрагмент и профили лощеной посуды; 14-а - реконструкция лощеной миски.

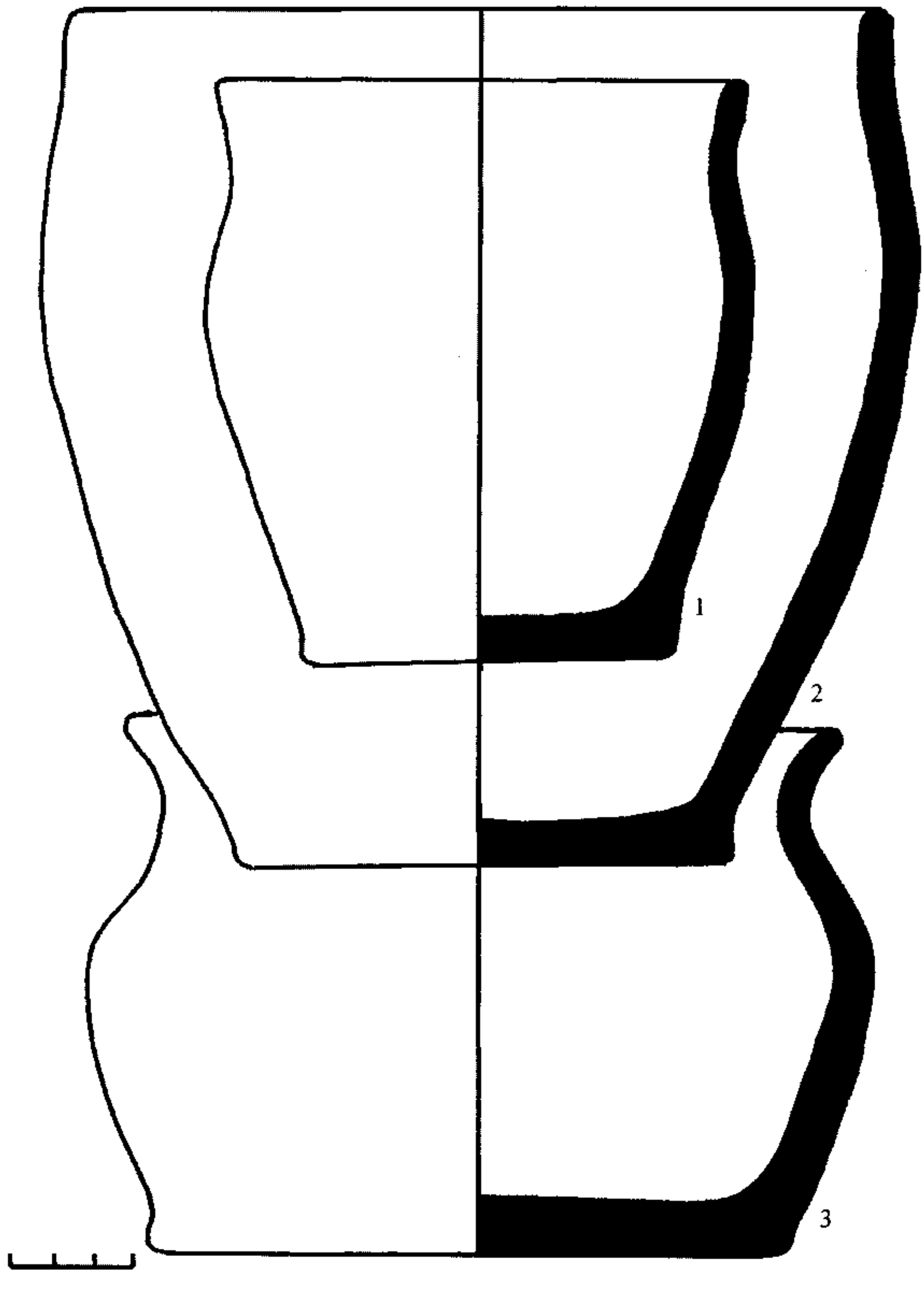

Таблица 51. Городище-убежище Тушемля. Основные формы лепных глиняных сосудов.

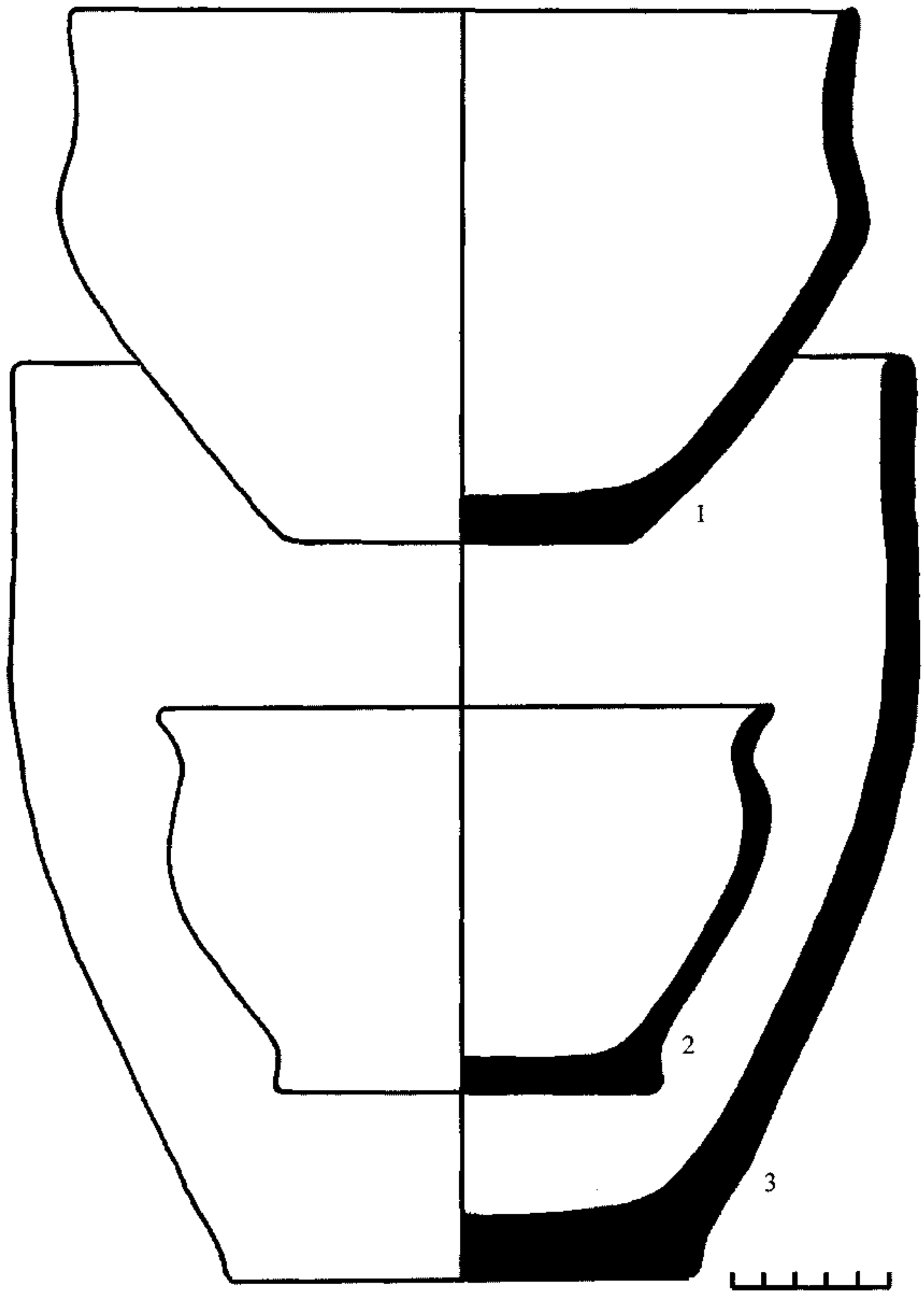

Таблица 52. Городище-убежище Тушемля. Основные формы лепных глиняных сосудов.

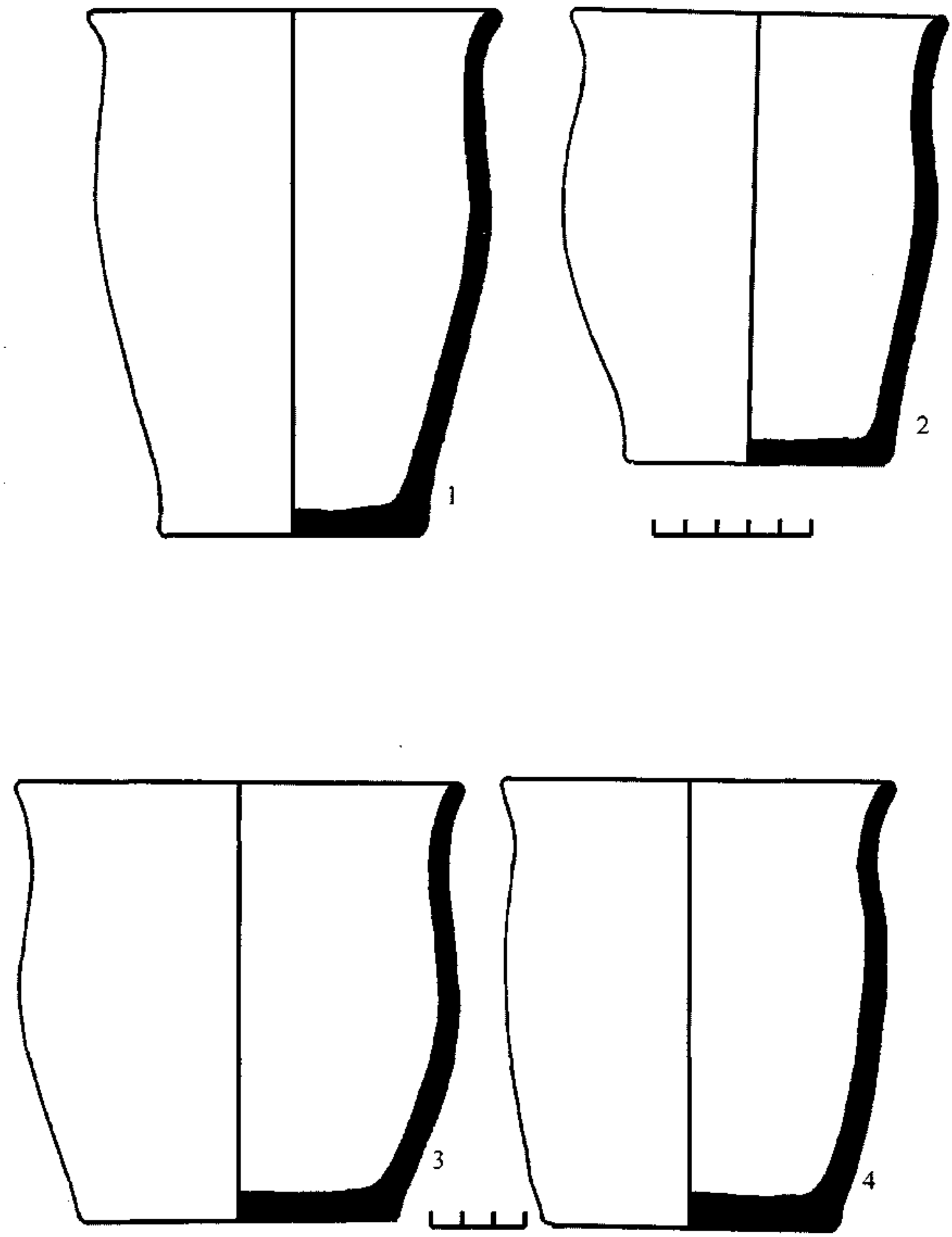

Таблица 53. Городище-убежище Тушемля. Варианты одной формы лепных глиняных сосудов (СОМ 13016/892, 530, 532, 524).

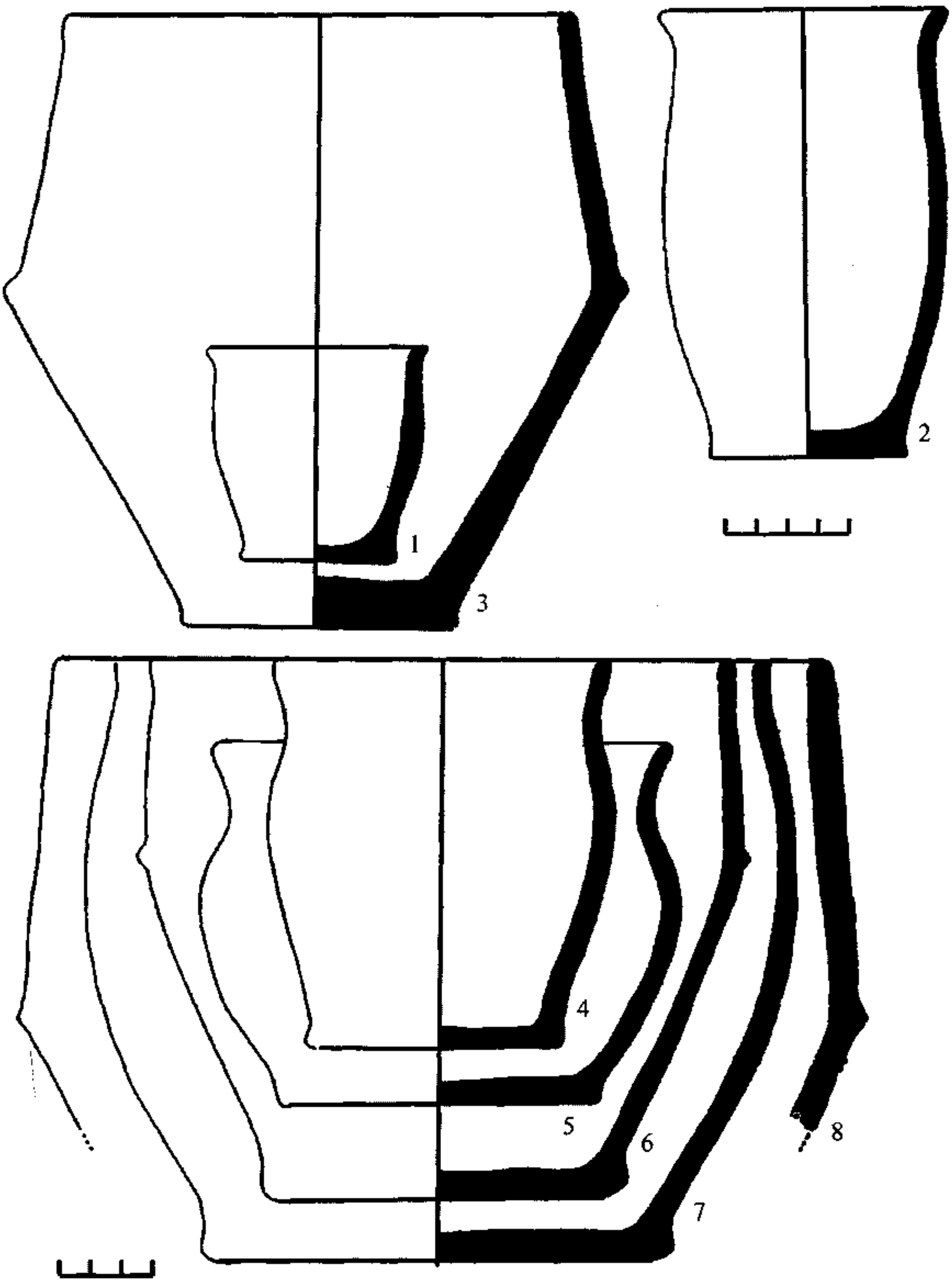

Таблица 54. Городище-убежище Демидовка. Основные формы лепных глиняных сосудов.

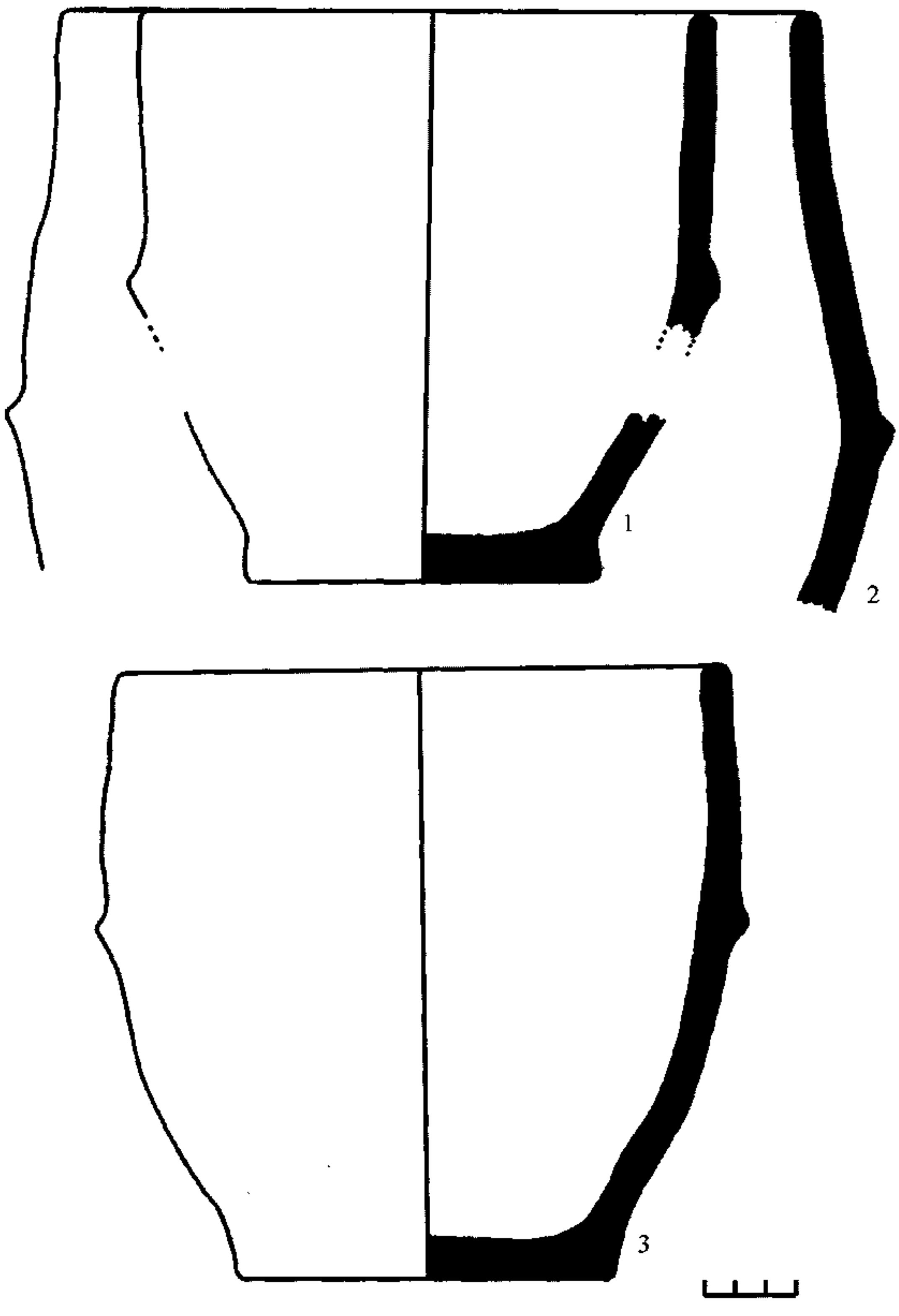

Таблица 55. Городище-убежище Демидовка. Варианты одной формы лепных сосудов.

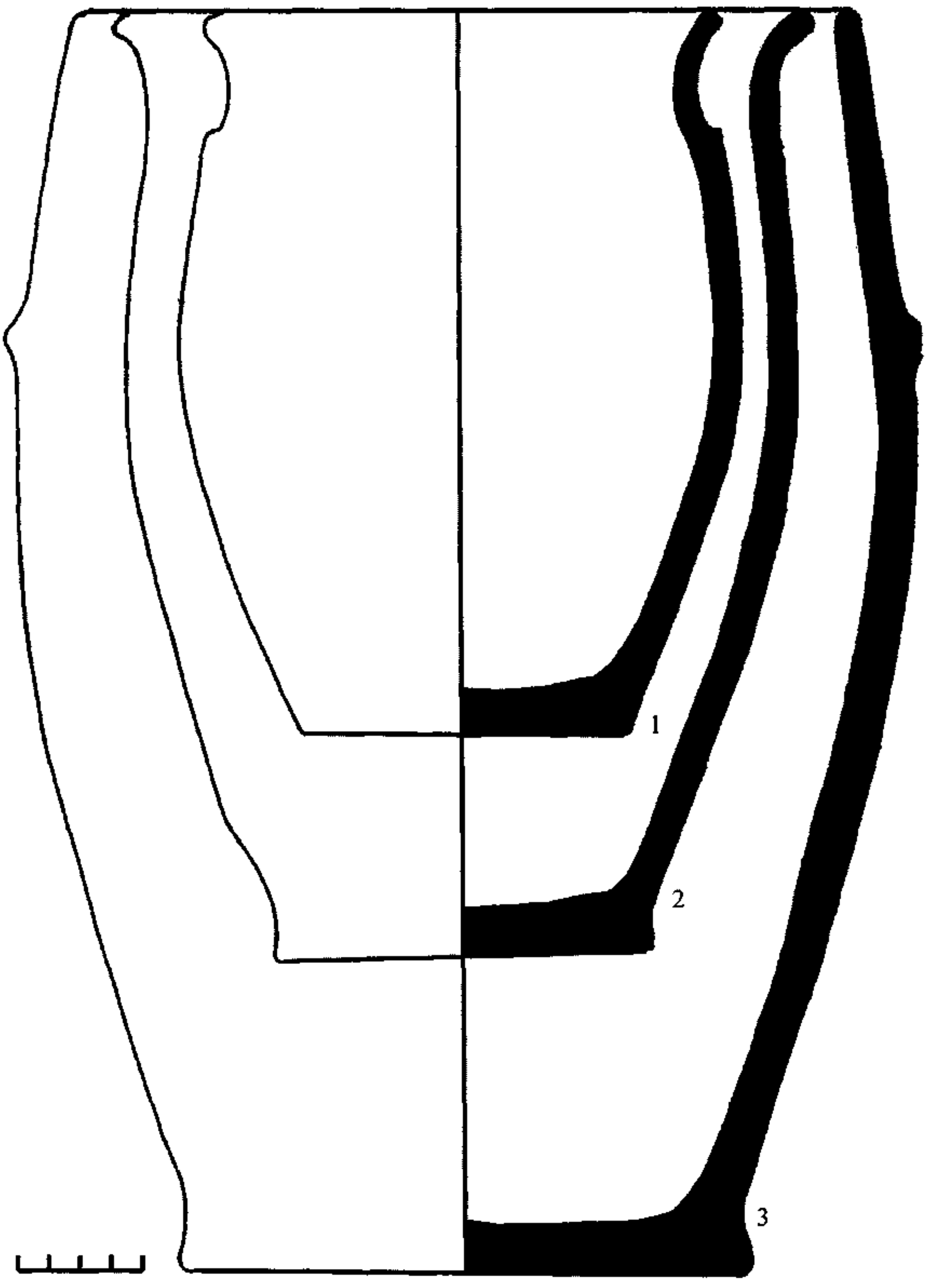

Таблица 56. Городище-убежище Близнаки. Основные формы лепных глиняных сосудов.

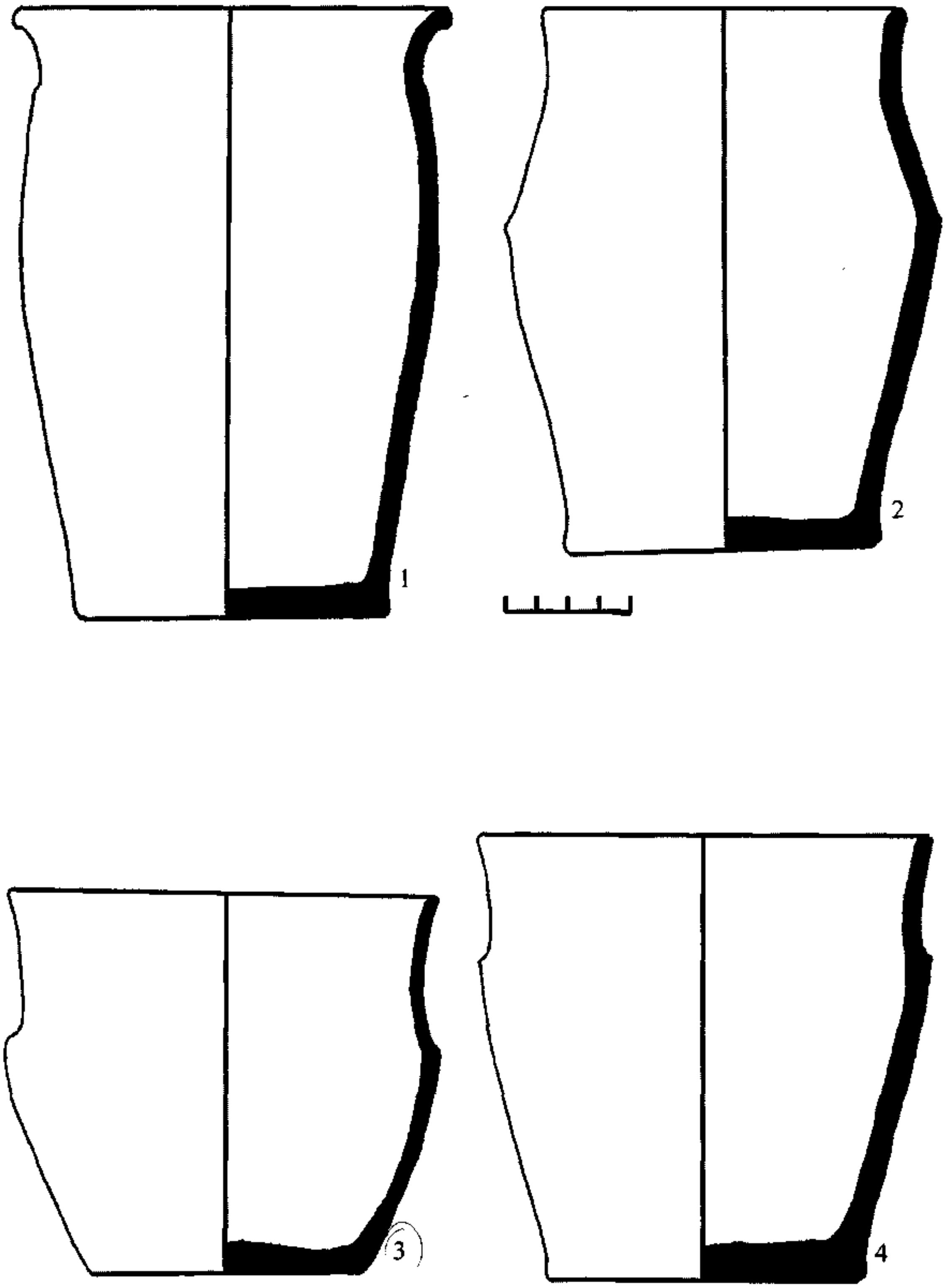

Таблица 57. Городище-убежище Близнаки. Основные формы лепных глиняных сосудов.

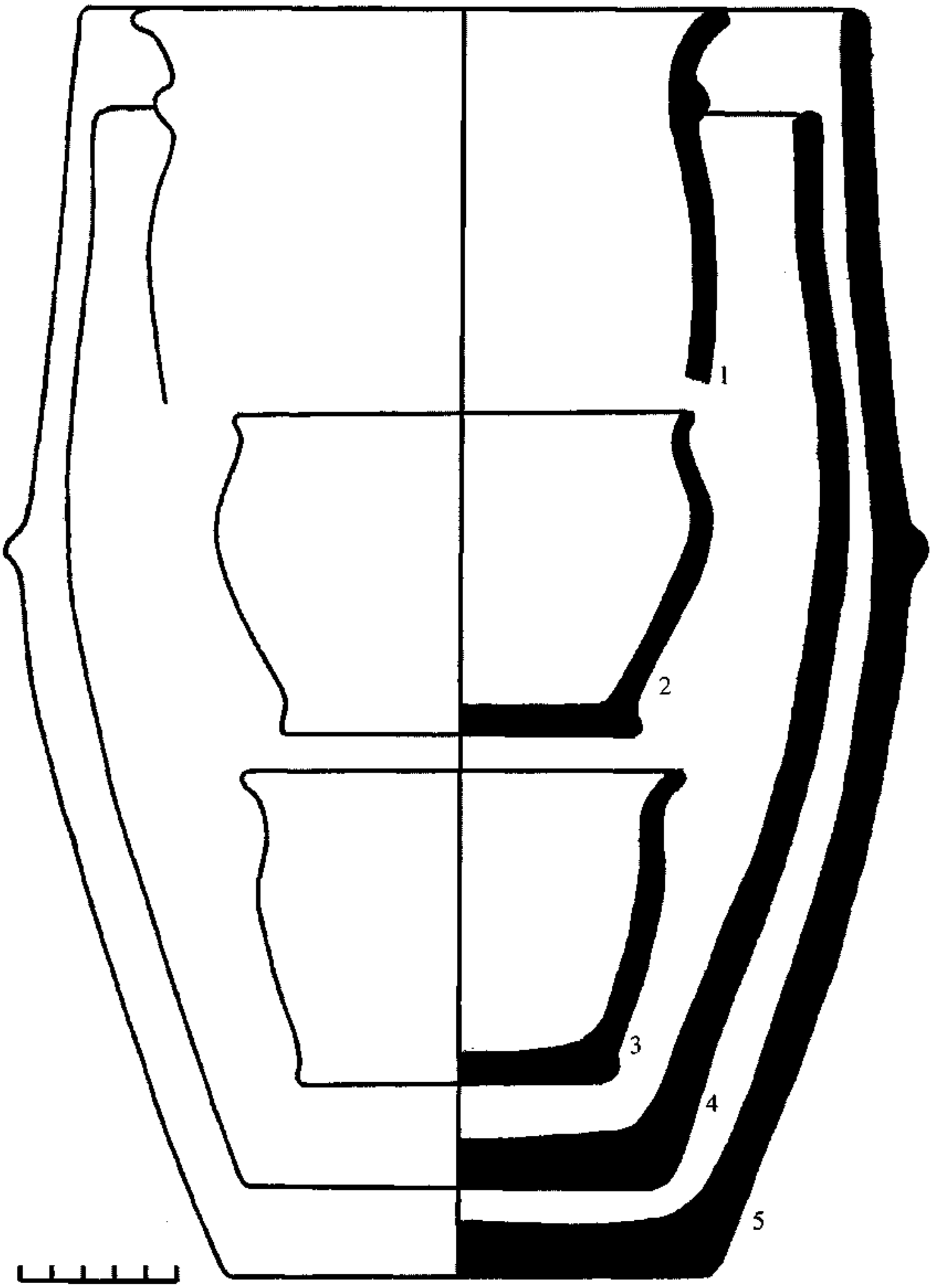

Таблица 58. Некоторые формы глиняных сосудов из городищ-убежищ Верхнего Посожья, 1-3 - Никодимово, 4 - Прудки, 5 - Лахтеево.

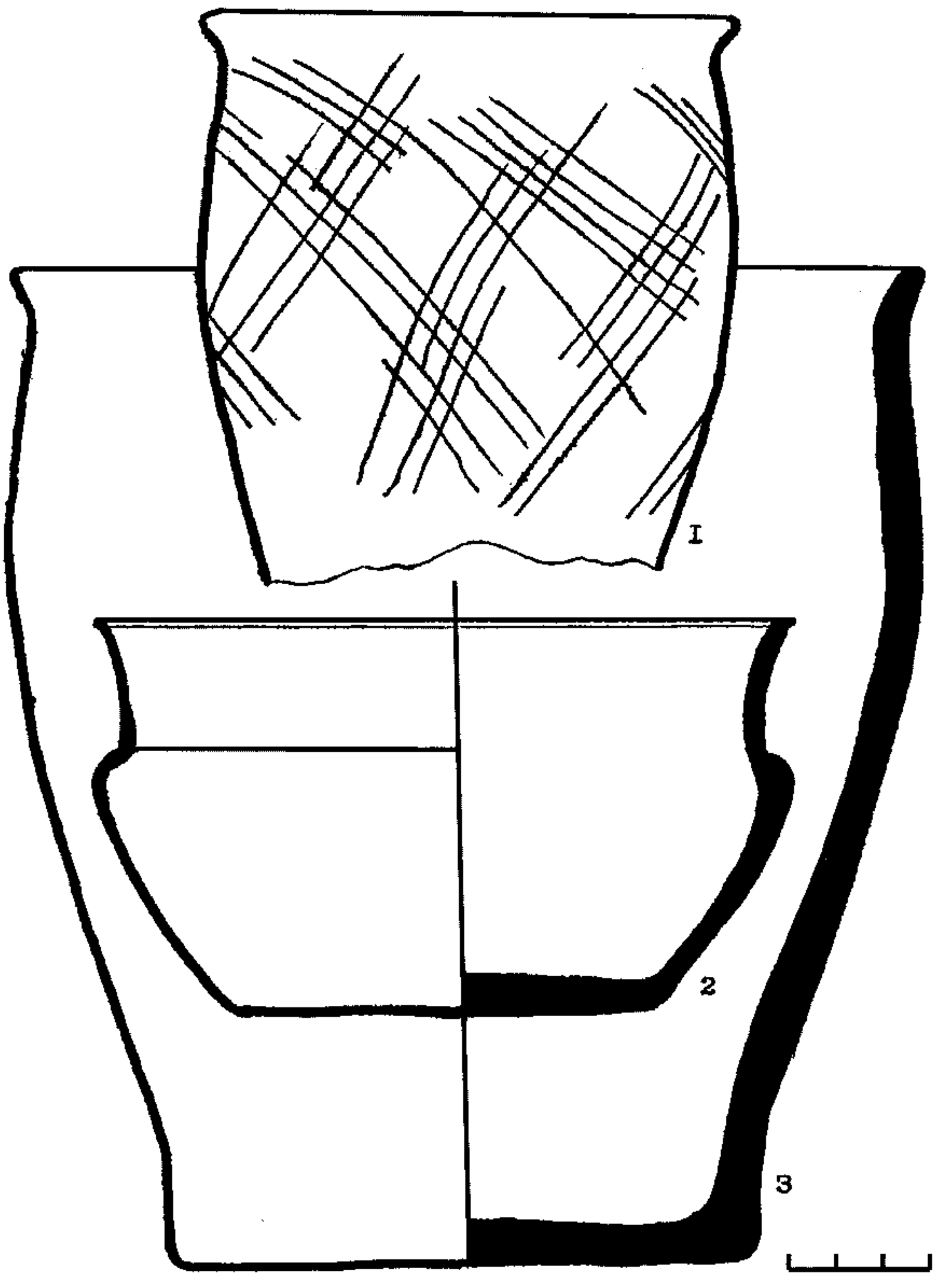

Таблица 59. Селище IV-VII вв. н.э. у д. Заозерье. Некоторые формы лепных глиняных сосудов.

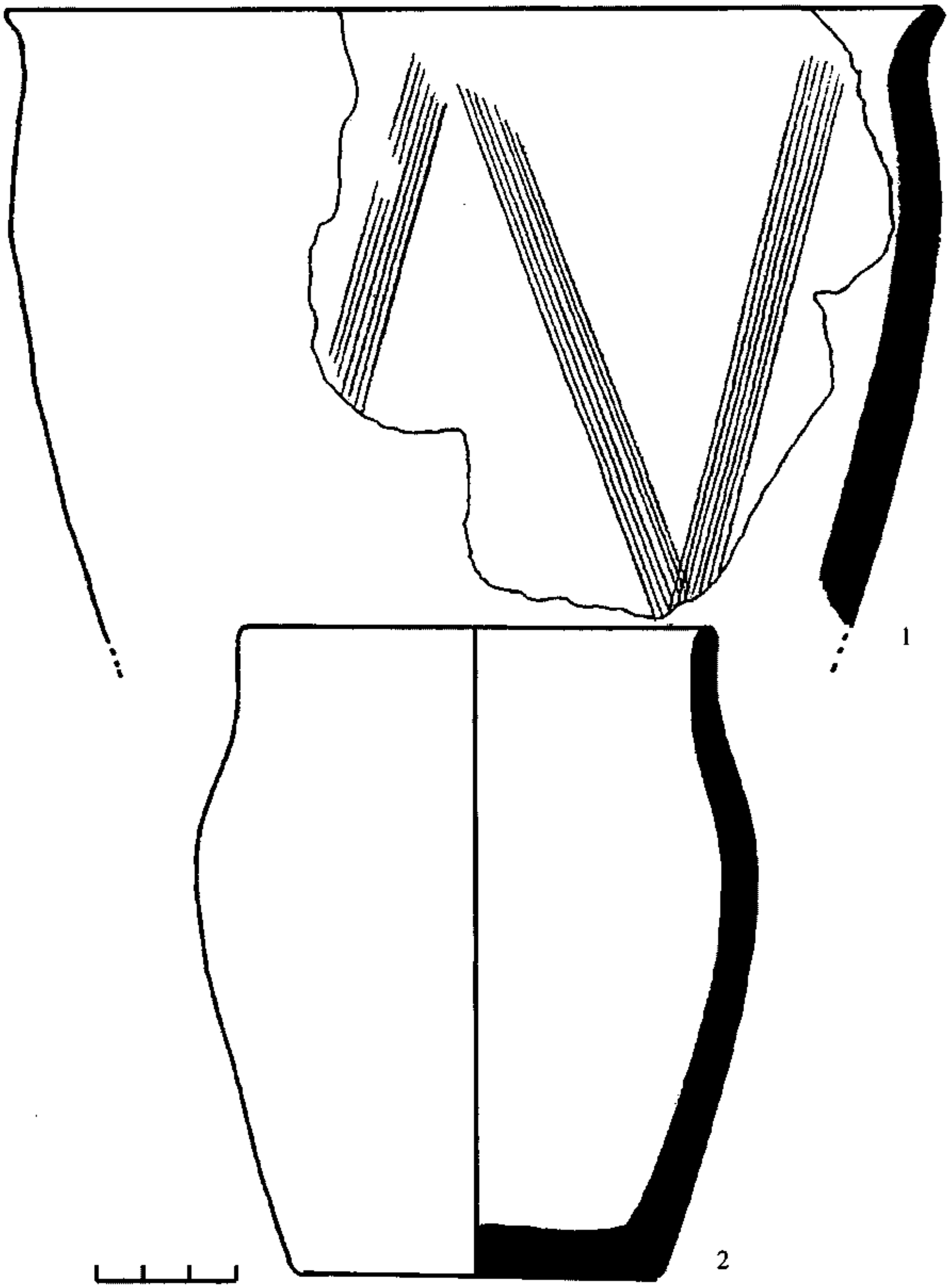

Таблица 60. Селище у д. Заозерье. Основные формы лепных глиняных сосудов.

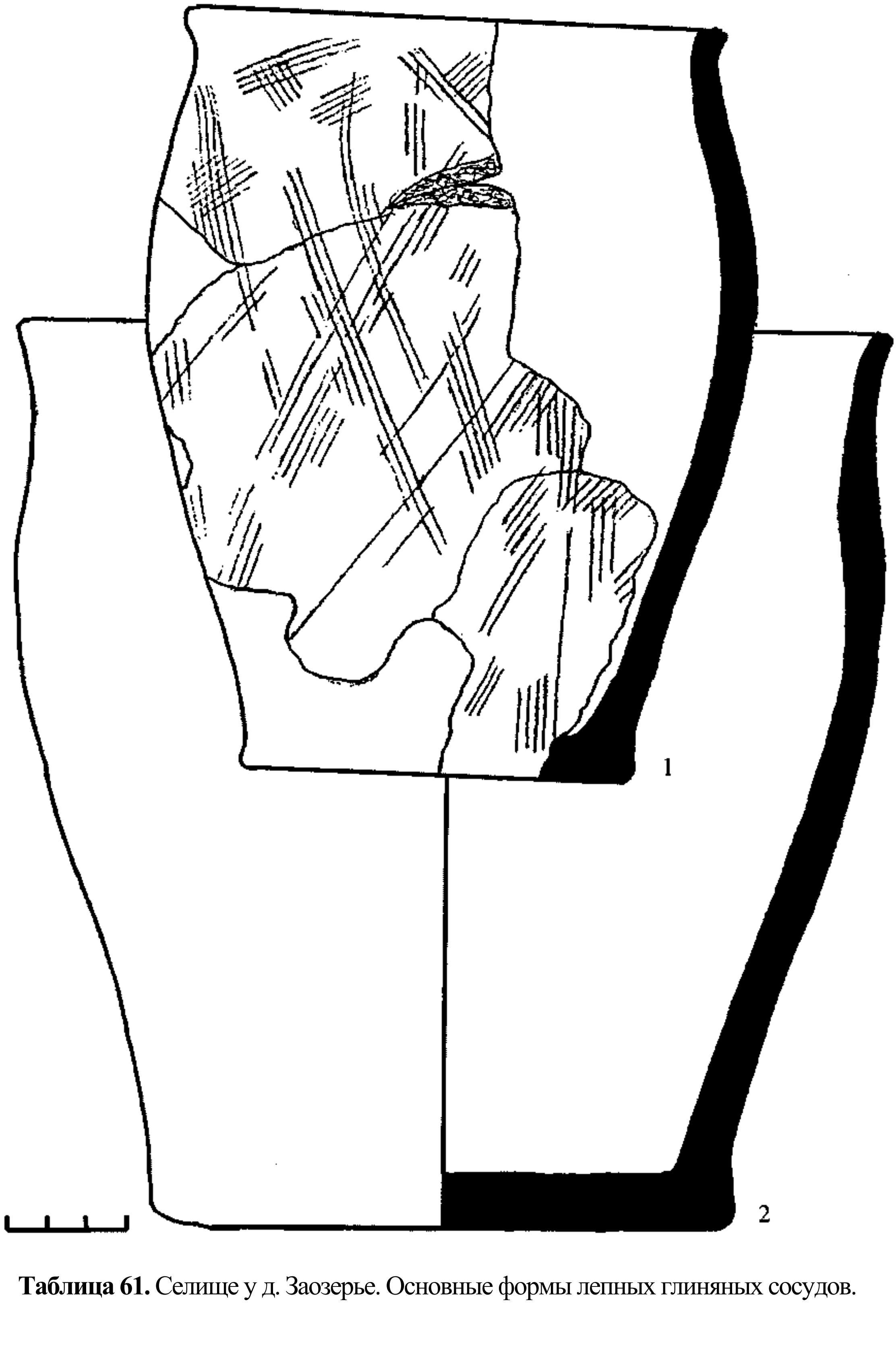

Таблица 61. Селище у д. Заозерье. Основные формы лепных глиняных сосудов.

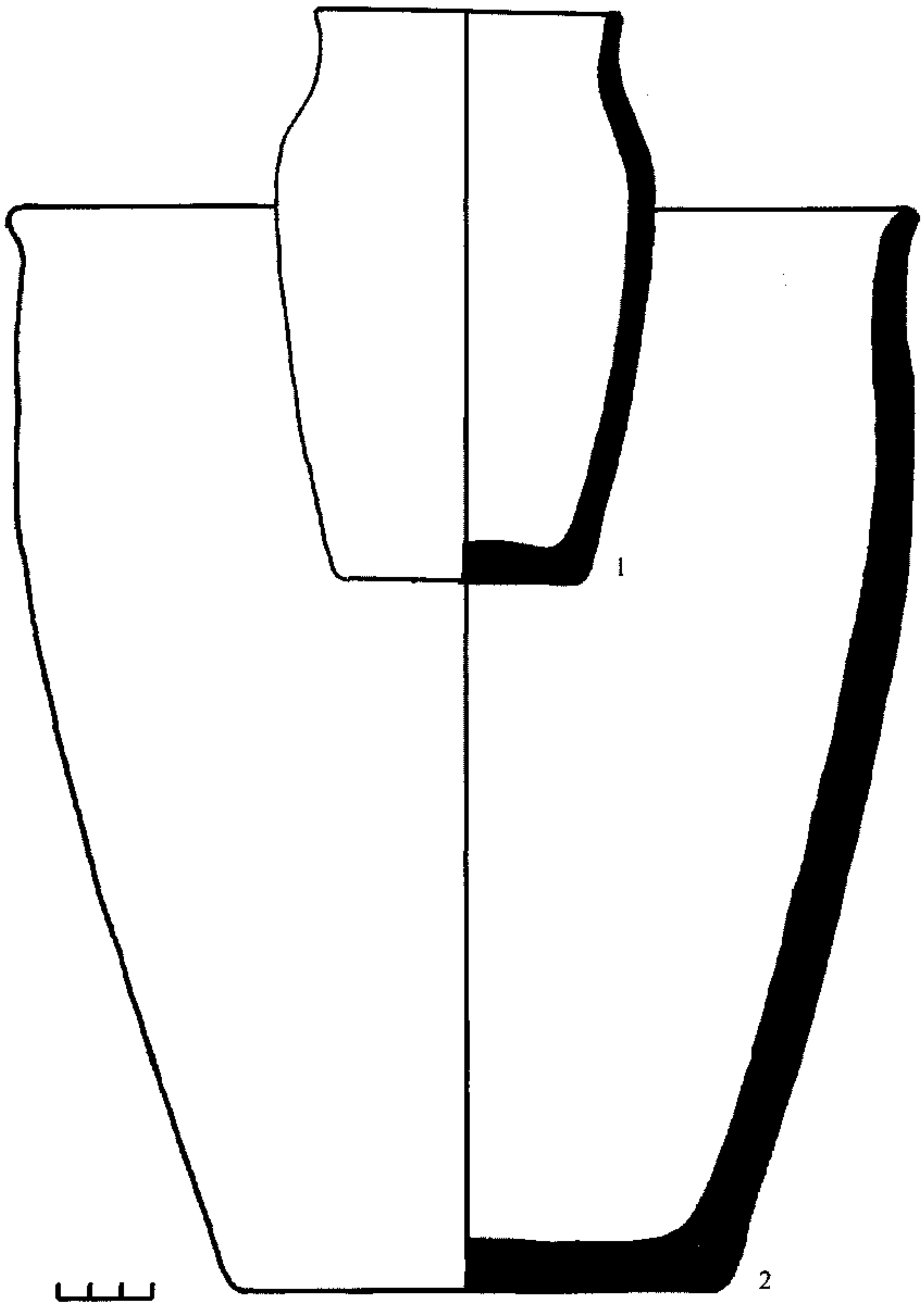

Таблица 62. Селище у д. Заозерье. Основные формы лепных глиняных сосудов.

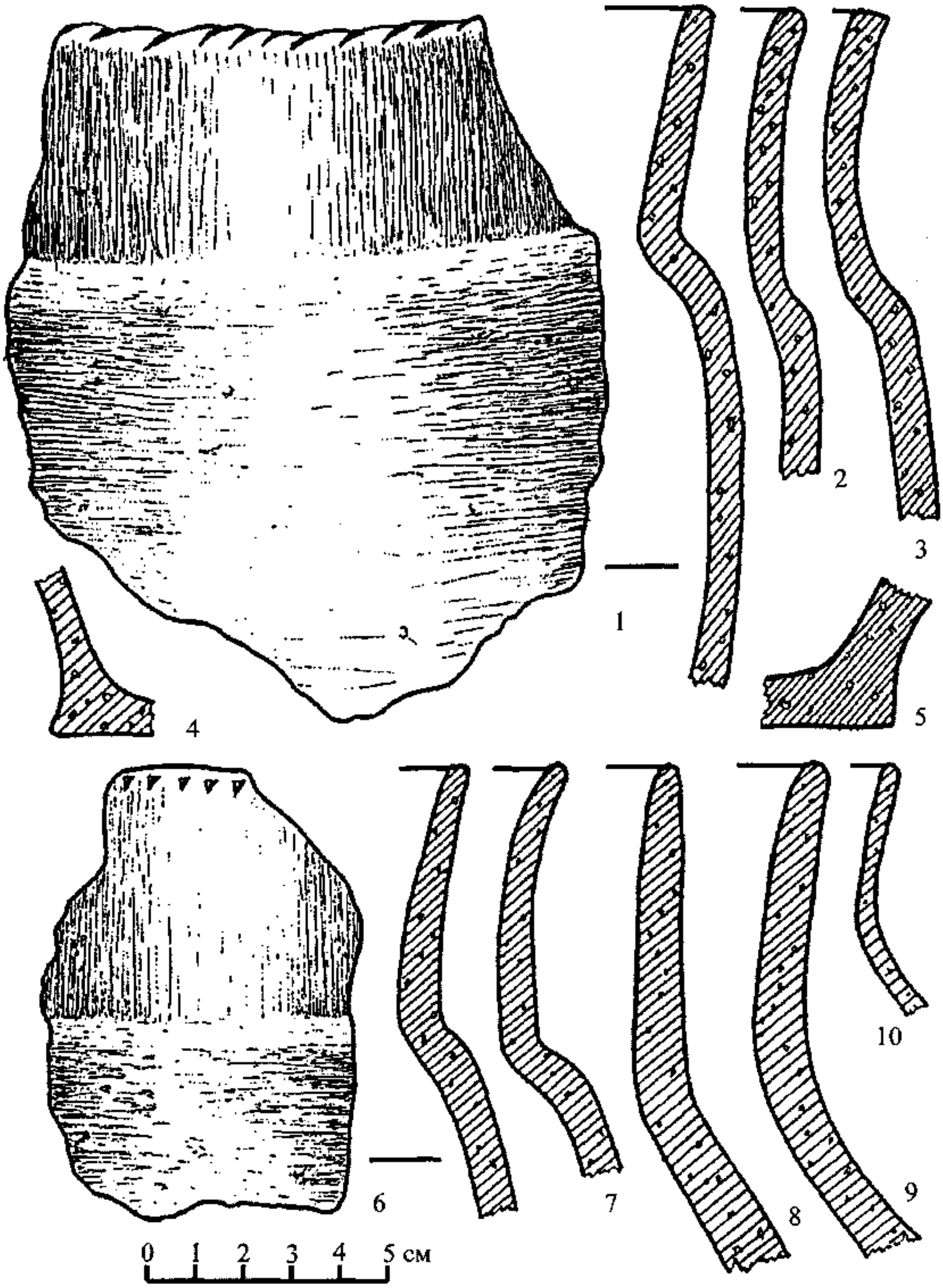

Таблица 63. Грубая керамика мощинской культуры из городища у дер. Федотково. - фрагмент, украшенный по краю нарезками; 2, 3, 7-10 - профили венчиков; 4, 5 - профили днищ; 6 - фрагмент, украшенный по краю ямочками.

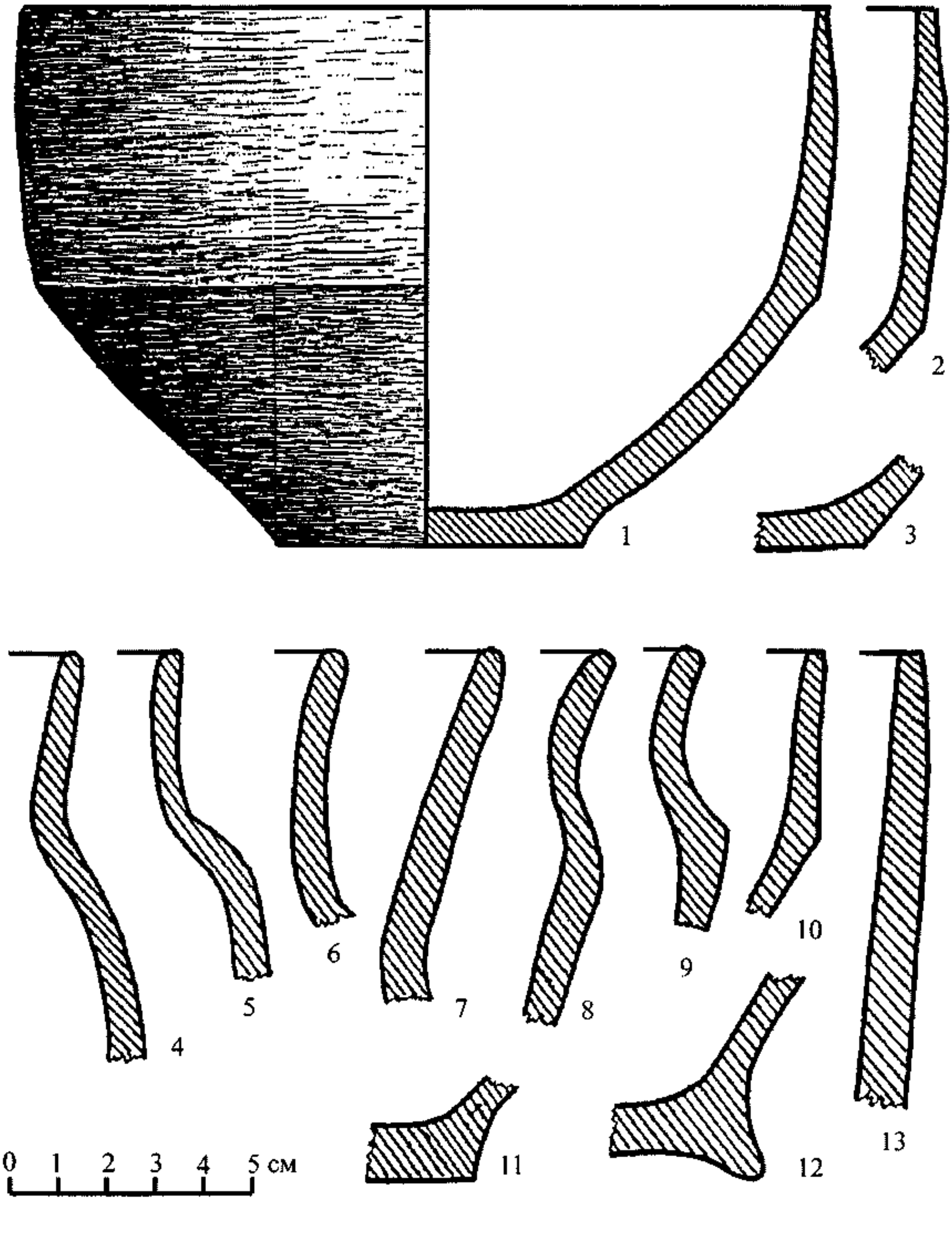

Таблица 64. Лощеная керамика мощинской культуры из городища у дер. Федотково. 1 -реконструкция внешнего вида миски; 2,4-10, 13 - профили венчиков; 3,11,12 - профили днищ.

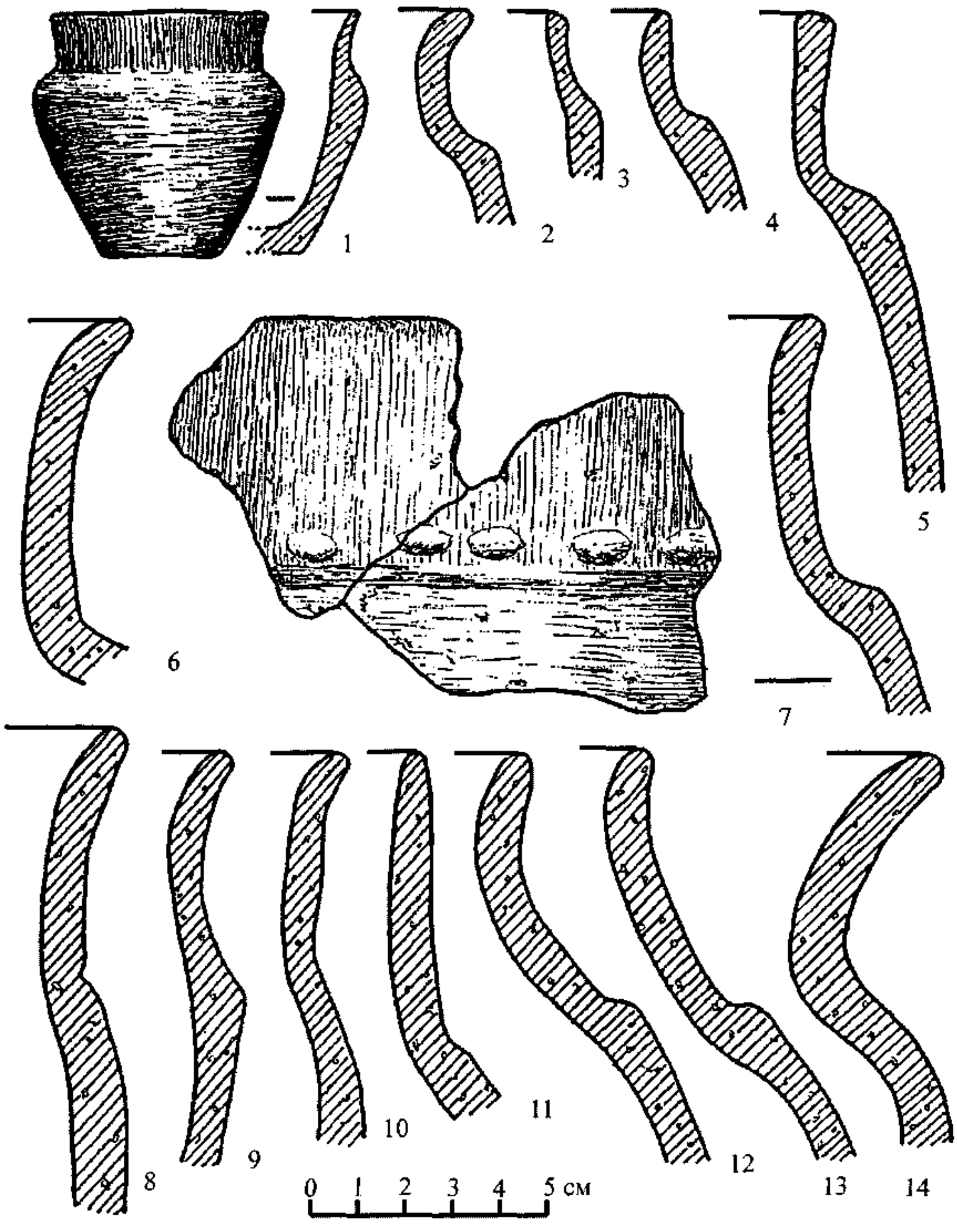

Таблица 65. Грубая керамика мощинской культуры из городища у дер. Наквасина. 1 - миниатюрный сосуд; 2-14 - профили венчиков; 7 - край сосуда с орнаментальными вдавливаниями, сделанными пальцами.

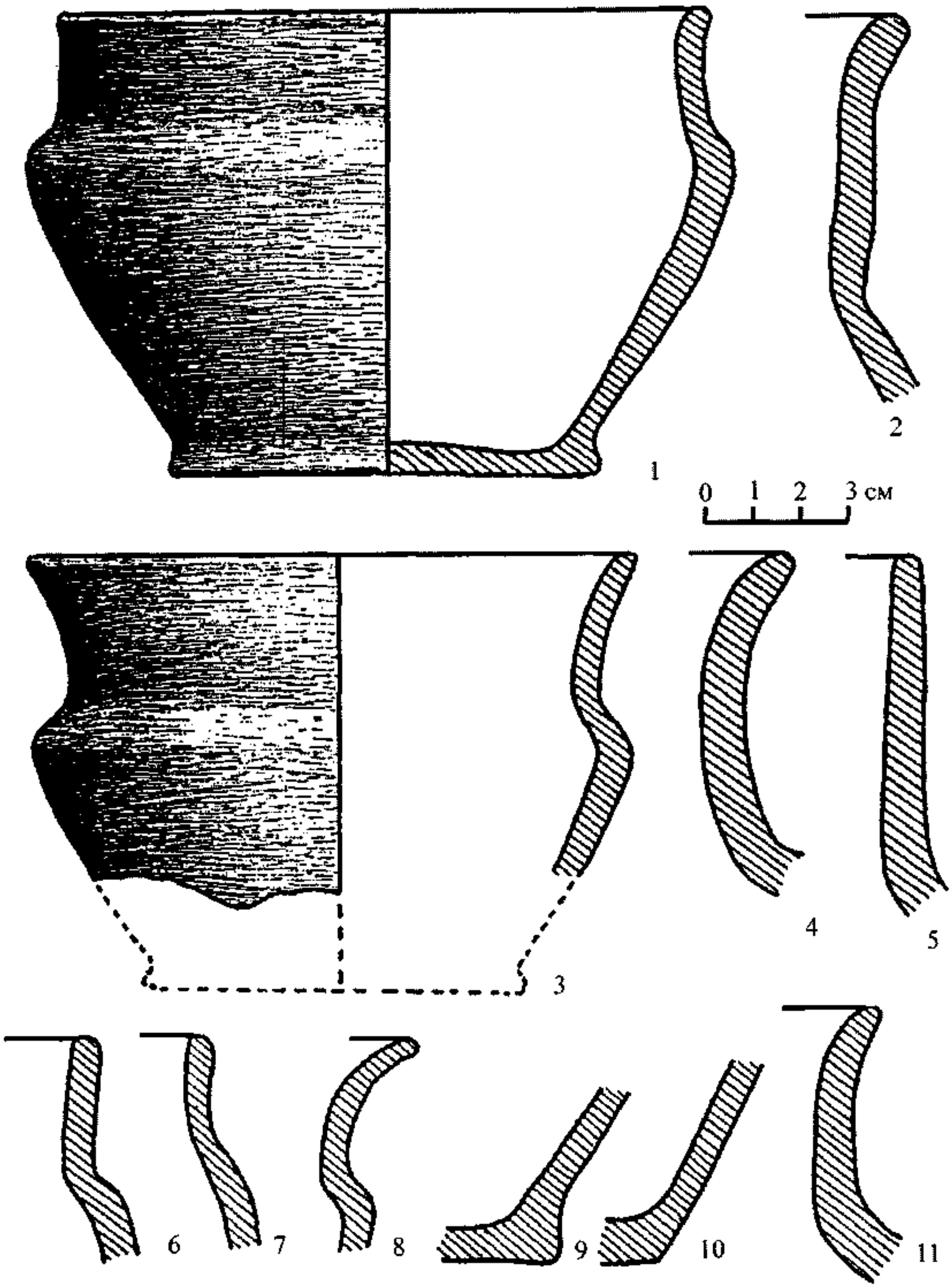

Таблица 66. Лощеная керамика мощинской культуры из городища у дер. Наквасина. 1,3- реконструкция внешнего вида мисок; 2,4-8, 11 - профили венчиков; 9,10- профили днищ.

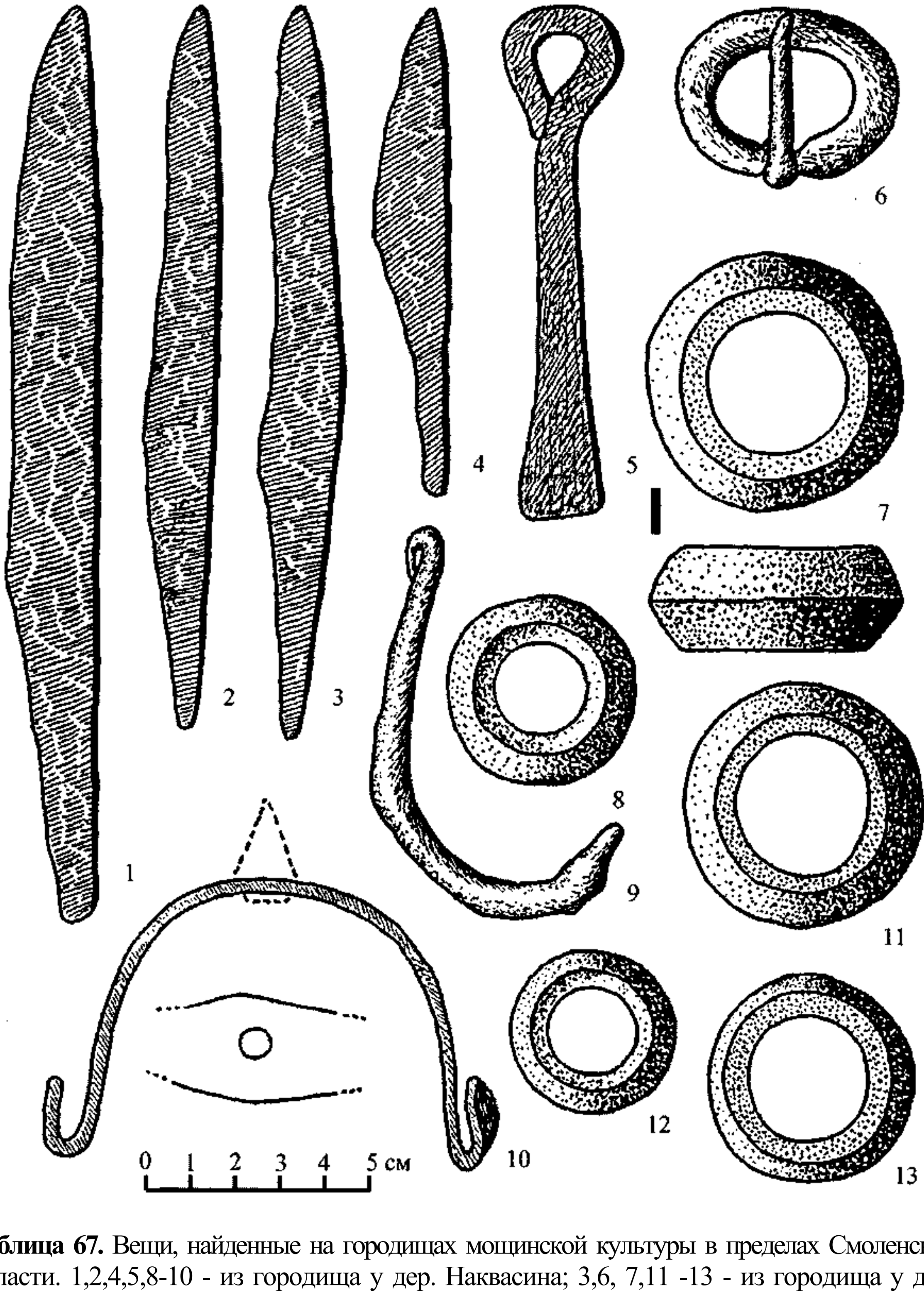
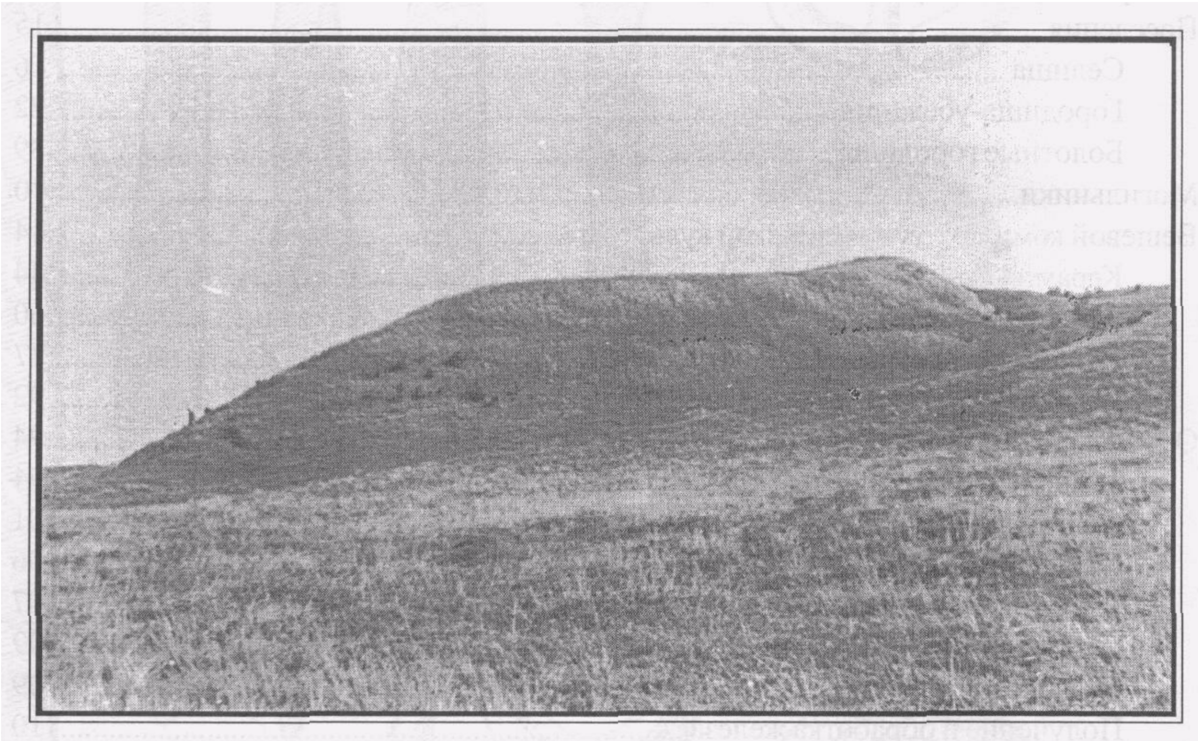

Таблица 67. Вещи, найденные на городищах мощинской культуры в пределах Смоленской области. 1,2,4,5,8-10 - из городища у дер. Наквасина; 3,6, 7,11 -13 - из городища у дер. Федотково.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..............,,.,,...,,,,,,,,,,,,.,.,,,.......,,,......,,.,,.,,,,.,,.,,.,,.....................................,,5
История изучения тушемлинской культуры.. 10
Поселения... 15
Селища.. 16
Городища-убежища...22
Болотные городища...39
Могильники..40
Вещевой комплекс тущемлинской культуры 44
Керамика 44
Изделия из железа...60
Изделия из цветных металлов и стекла...77
Изделия из кости и других материалов..92
Основные занятия населения...94
Земледелие...94
Скотоводство...101
Охота..106
Рыболовство..107
Собирательство и бортничество..109
Домашние ремесла...,,109
Получение и обработка железа.. 110
Обработка цветных металлов..112
Керамическое производство.. 114
Обработка кости...118
Прядение и ткачество.. И 9
Обработка дерева.. 120
Обработка и использование камня... 121
Общественные отношения.. 122
Датировка тушемлинской культуры... 129
Племена тушемлинской культуры и их соседи.. 143
Формирование тушемлинской культуры... 162
Этническая принадлежность племен тушемлинской культуры.. 171
Заключение.. 192
Литература... 195
Иллюстрации...209
Таблицы вещей..227
Содержание...295

Городище Тушемля. Вид с юга, 1954 год.